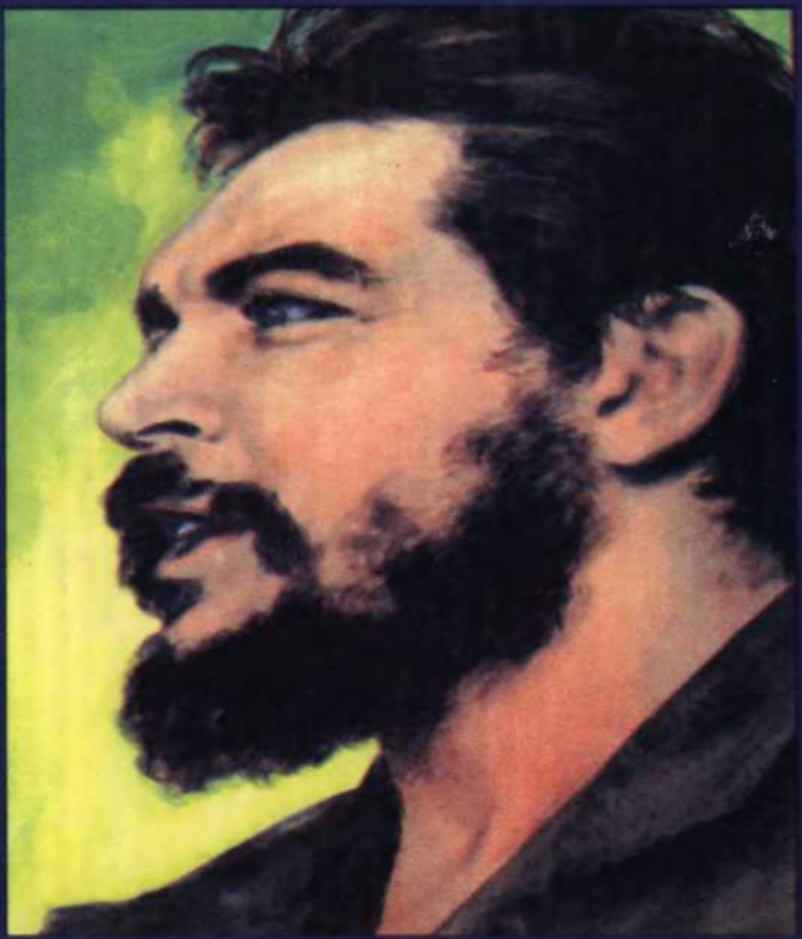
След в Истории

ЧЕ ГЕВАРА



ЖАН КОРМЬЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Один из самых активных участников Кубинской революции Эрнесто Гевара, «неистовый де ла Серна (Фусер)», предстает перед нами, оживший под пером писателя, журналиста, яркого представителя авангарда во французской литературе. Судьба и загадочная, до сих пор во многом неясная в подробностях смерть Че волнует тех, кто, казалось бы, недавно вместе с кубинцами переживал перипетии Движения 26 июля. Новые документы, новые воспоминания, новый взгляд… «Парнишка Че» все еще с нами.

-
- ЧАСТЬ I
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
- ЧАСТЬ II
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
- ЧАСТЬ III
  - СОСТАВ КОЛОННЫ
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XVIII
- ЧАСТЬ IV
  - Глава XIX
  - Глава XX
  - Глава XXI
- ЧАСТЬ V
  - Глава XXII
  - Глава XXIII
  - Глава XXIV

- Глава XXV
- ЧАСТЬ VI
  - Глава XXVI
- ЧАСТЬ VII
  - Глава XXVII
  - Глава XXVIII
- Глава XXIX
- История книги
-
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34

- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

○ 79
○ 80
○ 81
○ 82
○ 83
○ 84
○ 85
○ 86
○ 87
○ 88

Моей матери Энграсе Ейерагибель и нашей общей Матери-Земле.

Живя в реальном мире, стремись к невероятному.

Че Гевара

Avec la collaboration de Hilda Guevara Gadea
Alberto Granado Jimenez

Жак Кормье, а также Ильда Гевара Гадеа
Альберто Гранадо Хименес

ЧАСТЬ I
В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

Глава I
АСТМАТИЧЕСКОЕ ДИТЯ

Аргентина времен президентства Ипполито Иригойена, 14 июня 1928 года: Эрнесто Гевара, будущему Че, на роду было написано не сидеть на одном месте. Селия де ла Серна со своим мужем спускается вниз по реке Паране к Буэнос-Айресу, где предполагает разрешиться от бремени, но первые схватки настигают ее в Росарио де ла Фе. Быстрее с корабля, такси едва успевает довезти супружескую пару с пристани до ближайших домов, как здесь и рождается младенец, нареченный по имени отца — Эрнесто.

У него яркая наследственность: дед — золотоискатель в Калифорнии, с ирландской кровью с отцовской стороны и баскской — с материнской, предположительно это некая Альбертина Угальде, умершая в возрасте 20 лет от желтой лихорадки в 1871 году. Согласитесь, какая взрывчатая баскско-ирландская смесь течет в жилах этого молодого человека из хорошей семьи.

Гевара не задерживаются в Росарио. Как только ребенок достаточно окреп, они опять отправляются в путь по реке, к Атлантике. Короткая остановка в Буэнос-Ай-ресе, где они встретились когда были студентами, а затем снова в путь — назад, до речного порта Карагуатай, там Эрнестито знакомится с жизнью. Гражданский инженер, Эрнесто Гевара Линч арендует поместье в Альто-Парана на границе с Парагваем, районе, где леса все еще остаются девственными и полными тайн. Вместе с

плантацией парагвайского чая он содержит верфь для легких судов. В огромном прекрасном лесном окружении, в тени гигантской ели рядом с деревянным домом, который построил сам отец, Эрнестито делает свои первые шаги. 31 декабря 1929 года семья увеличивается, девочку назвали Селией, как и ее мать.

Майским утром 1930 года — Селия как раз готовилась праздновать два года Тете, детское прозвище Эрнесто, — она ведет его искупаться в реке. Выйдя из воды, малыш дрожит. Господствующие в этом районе Южной Америки резкие перепады температуры стали для него роковыми. Уже вечером начинается сильный кашель. Врач ставит диагноз — пневмония в сочетании с гиперемией, которую младенец подхватил в Росарио. Это было начало несчастья, которое ляжет тяжким бременем на семью Гевара, а впоследствии отметит все будущее Эрнесто.

Заболевание ребенка очень быстро вынудит семью к поискам подходящего климата. Из-за того, что влажная атмосфера Альто-Параны губительна, родители решают вернуться в Буэнос-Айрес. Они снимают квартиру на пятом этаже в здании по улице Бустаманте, на углу улицы Пенья. Увы, приступы астмы не прекращаются. Новый переезд, на этот раз поездом, в более сухой климат предгорьев Анд. С прибытием в Кордову ребенок, кажется, задышал полной грудью, и семья Гевара поселяется недалеко в поселке Аргуелло. Но через несколько дней выясняется, что прекрасный воздух больше питает его астму, нежели здоровье… Снова отъезд, новое место — Аргентина, которая только что, 26 сентября 1930 года, перенесла государственный переворот генерала Урибуру.

На Альта-Грасия, в Сьерра-Чика, где семья остановилась в гостинице *Ла-Грута,* задыхающийся малыш получает наконец небольшое облегчение. Его родители снимают дом в Карлос Пелегрини, поселке, прилепившемся к горному склону. Поселок, основанный иезуитами, Альта-Грасия представляет собой, по существу, перенаселенную индейскую резервацию. Новый уличный приятель Эрнестито привел его как-то туда, и тот с изумлением обнаружил, что его друг живет с родителями и пятью братьями и сестрами в одной комнате с единственной кроватью на всех, а одеялами зимой им служат тряпки и газеты. Возмущение ребенка, который, возвратясь домой, говорит об этом своему отцу. Это первая «политическая» дискуссия между ними.

Эрнесто-отец объясняет — да, нищета существует, и нужно бороться против нее, но авторитарный режим, подавляющий страну, не оставляет индейцам никакой возможности взбунтоваться. Любое выступление приведет к жестоким репрессиям, тюрьме. Все, что он может сам для них сделать, это

постараться, чтобы рабочим, которые под его руководством строят площадку для гольфа при роскошном отеле *Сьерра,* немного больше платили. Это мало, но одновременно и много по сравнению с тем, что делается в других местах.

В 1936 году около торта с восемью свечами много говорят о войне в Испании. Малыш со своими друзьями играет в «республиканцев и франкистов», как раньше играли в «полицейских и воров». Это время, когда он начинает читать наизусть поэмы чилийца Пабло Неруды — задолго до поступления в среднюю школу Мануэль-Бельграно.

В 1937 году Эрнесто-отец основывает Комитет поддержки Испанской республики. Что же касается Эрнестито, то он превращает семейный дом в «народный», как вскоре стали говорить в квартале, или еще так — «живи, кто хочет». Голодных ребят, которых мальчик каждый день приводит поесть или поспать, сыновей шахтеров, рабочих или служащих отеля, принимают с распростертыми объятиями. К счастью, дом большой и платят недорого, так как у него в квартале репутация дома с привидениями. Привидения есть или нет, но семья Гевара живет в нем спокойно и дверь никогда не закрывает.

Так растет «парнишка Че», посвящая себя своим индейским друзьям, школе, куда он ходит между приступами астмы, и вынужденному отдыху, во время которого он поглощает книги по совету матери, женщины образованной, большой любительницы чтения, особенно французской литературы, или те, которые он берет в библиотеке своего отца. Очень скоро он будет перескакивать без разбора от Софокла к «Робинзону Крузо» и от Фрейда, который его увлечет, к «Трем мушкетерам».

В 1939 году, в то время как по ту сторону океана начинается страшная война, Эрнесто на личном опыте познает несправедливость. Вместе с братом Роберто — семья теперь насчитывает четверо детей: Эрнесто, Селия, Роберто, родившийся 18 мая 1932 года, и Анна Мария, родившаяся 28 февраля 1934-го, — он просит разрешение у отца принять участие в сборе винограда на гасиенде сеньора Фулана, чтобы заработать несколько песо. В феврале школа закрыта на летние каникулы, и мать уже дала согласие, вопрос, согласится ли Эрнесто-отец. «Я всегда думал, что лучший способ воспитания детей — предоставить им возможность почувствовать себя взрослыми», — напишет он позже в книге «Мой сын Че». Но оба юных сборщика винограда возвращаются через четыре дня, Эрнесто — с приступом астмы.

— Это кусок дерьма, — обрушился он по поводу сеньора Фулана. — Когда я понял, что начинается приступ, я ему сказал,

что не в состоянии продолжать работу и попросил заплатить нам то, что он должен, ведь нам нужно было возвращаться. Он дал только половину. Да кто ему позволил так вести себя! Пойдем набьем ему морду…

В начале 1943 года семья снова переезжает, чтобы поселиться в Кордове. Отец нашел работу в архитектурном бюро, Селия, старшая из дочерей, идет в лицей для девочек, а Эрнестито — в училище Деан Фунес, где учатся дети из народа. В доме № 288 на улице Чили 18 мая родится младший брат Хуан Мартин. Вскоре, как и раньше, откроет двери «народный дом»; подростки из соседнего квартала, который недавно пострадал от землетрясения, — «босота», как их прозвал отец, — будут искать здесь убежища, а иногда и пристанища. Эрнесто часами слушает поэта Кордову Итурбуру, известного своими откровенно левыми идеями и женатого на тетке мальчика по матери, который читает ему свои поэмы и рассказывает о политическом положении в Аргентине.

Несмотря на астму, мальчик усиленно развивается физически. Он играет в теннис, с братом Роберто — в гольф, с восторгом открывает для себя шахматы. Это время, когда он связан узами дружбы с тремя братьями Гранадо: Томасом, товарищем по училищу, Грегорио и Альберто, шестью годами старше Эрнесто, который произвел на него большое впечатление тем, что был арестован за участие в студенческой демонстрации. Братья играли в странную игру, пришедшую из Англии, называемую регби. Однажды Эрнесто, заявившись к ним на Рио Примеро, просит Альберто, полукрайнего и капитана команды Платенсе, приобщить его к этому виду спорта. Альберто внимательно рассматривает тщедушного мальчугана со впалыми щеками:

— Ты хочешь играть в регби? Мой бедный малыш, ты развалишься после первой же плакировки…

Умоляющий взгляд, которым ответил подросток, вынуждает Гранадо предложить тому испытание. Он дает парню футболку и, поместив палку на спинки двух стульев, предлагает пронырнуть под ней, сопровождая в свою очередь действо тычками.

— Два раза, пять, десять раз преодолел он препятствие. Столько, что я должен был его успокаивать и заставить остановиться, — вспоминает сегодня Альберто Гранадо, более чем через полвека, потягивая маленькими глотками ром Патикрусадо на террасе виллы Ма-римар в респектабельном квартале Гаваны. С того времени Альберто стал крупным биологом, последовал за своим другом на Кубу. Он тоже боролся, по-своему, против голода, участвуя в выведении новой

разновидности коричневой коровы, небольших размеров, но дающей высокие надои молока. Альберто как сейчас помнит юные годы Эрнесто Гевара, до того как тот стал *Че.*

Эрнесто прошел проверку, теперь он может надевать бутсы. В команде его зовут *Фусер,* сокращенное от Furibondo de la Serna (неистовый де ла Серна). А если он и не очень быстр, то у него прекрасный бросок, что вскоре заставляет всех относиться с уважением к крайнему нападающему. Более увертливого Альберто нежно зовут *Миаль* (Mi Alberto). Иногда из-за приступов астмы Эрнесто вынужден покидать площадку. Кто-то из товарищей или членов семьи всегда готов с ингалятором броситься на помощь страдающему. Однажды родители не выдержат и заставят его покинуть СИК (Клуб Сан-Исидро) в Буэнос-Айресе — один из самых прославленных клубов, среди основателей которого был когда-то его отец. Но Эрнесто тайком выпишет членский билет в *Аталшю,* клуб второй зоны, где продолжит заниматься в полную силу без ведома родителей.

Регби — спорт самоотверженных, твердых и смелых, где в почете девиз мушкетеров «Один за всех и все за одного», что прекрасно подходило его своенравному характеру и стремлению к постоянному соперничеству. Альберто вспоминает о другой забаве своего друга в то время:

— Он становился на руки на парапете моста через реку и сохранял равновесие на двадцатиметровой высоте. Альберто выкладывает на стол десятки фотографий и вырезок из газет прошлых лет. Парнишка в майке регбиста среди членов своей команды. Эрнесто один, такой хрупкий, передвигающийся по узкой трубе, соединяющей два края оврага, над стремниной с сорокаметровой пропастью под ногами. Снова регби, соперники, но всегда на фотографии — явный риск. Позднее он скажет по этому поводу отцу: регби помогло ему перенести самые трудные моменты, самые тяжелые бои на Сьерра-Маэстре.

Только после игры его устремления не совпадают с интересами команды. В кабачке Мендосы «огненной жидкости», сотрясающей голову, он предпочитает бомбилью[1] с мате, питье из определенного вида остролиста, произрастающего в Южной Америке. Всю жизнь он не будет склонен к алкоголю.

1946 год: к власти приходит Хуан Перон. Эрнесто восемнадцать лет, и, сдав экзамен на бакалавра в училище Деан Фунес, он подумывает о дальнейшей учебе на инженера, одновременно ищет какую-нибудь работу, чтобы заработать немного денег. Его отец добивается для него н Томаса Гранадо должности лаборантов в провинциальном управлении Виалидад Кордовеза, предприятия по строительству мостов и дорог. Друзья

недолго продержатся там, узнав о банкротстве. В начале 1947 года Эрнесто принимает решение, которое удивляет его близких: он записывается на медицинский факультет в Буэнос-Айресе. Может, из-за астмы? Или после того, как увидел смерть бабушки от рака горла? Но прежде всего потому, что, став врачом, он обеспечит свое будущее.

Приехав в Буэнос-Айрес, новоиспеченный студент увеличивает нагрузку: регби, футбол, плавание, кроме первой университетской олимпиады он участвует в шахматном чемпионате, соревнованиях по прыжкам с шестом, что не мешает ему по окончании семестра успешно сдать три экзамена. С несколькими единомышленниками, один из которых Уго Кондолео, он создает регбистский журнал *Такле* (бросок).

— Однажды вечером, — вспоминает Кондолео, и сегодня все еще спортивный журналист по регби, живущий в Буэнос-Айресе, — мы готовим номер журнала, вдруг в квартиру врываются полицейские. Они думали, что мы сочиняли прокоммунистические листовки!

Эрнесто подписывает свои статьи псевдонимом Чан-чо, «Маленький поросенок», или Чанг-Чо. Юмор, отсутствие всякой надменности останутся основными чертами его характера на всю жизнь.

В 1948 году семья присоединяется к нему в столице, и клан Гевара размещается на улице Араоз, 2180. Блестящий студент Эрнесто скоро становится ассистентом доктора Сальвадора Писани, всемирно известного аллерголога, и с головой уходит в лабораторные занятия. Но тут предоставляется случай познать и практическую сторону. Альберто, который тоже занимается медициной и уже получил диплом, предлагает ему на каникулах приехать в лепрозорий Сан-Франциско де Чанар, где он работает, — в горы, севернее Кордовы.

С пылом своих двадцати лет Эрнесто тотчас же заводит мотоцикл и отправляется к другу за 85 километров от столицы. Он берет с собой лишь смену белья, да «Открытие Индии» Неру, вызвавшее восторг и преклонение перед Ганди, о котором он узнал.

В пути у него много разных встреч. Один раз лопнула шина — на краю поля спал бродяга, подрабатывающий на уборке хлопка. Пока Эрнесто чинит шину, тот просыпается и начинается разговор. Раньше бедняга был парикмахером и, чтобы это доказать, тут же предлагает постричь. Эрнесто соглашается. А почему нет? «Парикмахер» извлекает из кармана ржавые ножницы и приступает к работе. Но когда он демонстрирует результат в осколке зеркала, который достает из другого кармана, горе-

клиент нервно сглатывает. Не остается ничего другого, как просить «специалиста» окончательно уничтожить проплешины, украсившие его голову.

Миаль Гранадо вспоминает о прибытии своего друга Фусера в лепрозорий:

— Когда он примчался на мотоцикле, слившись с рулем, похожим на бычьи рога, в мотоциклетном шлеме и закрывающих все лицо огромных темных очках, обмотанный шиной, торчащей как охотничий рог, я не понял, кто это. Неизвестный стащил свою амуницию, и я завопил: «Пелао!»

Эль Пелао — Лысый, теперь это стало прозвищем

Эрнесто. Альберто же из-за роста был именован Эль Петисо, Крошка.

В Сан-Франциско де Чанар Эрнесто многое узнает, наблюдая за работой друга. В то же время ему с трудом удается держаться на расстоянии, предписанном для врача, лечащего прокаженного. Альберто рассказывает:

— Он увлекся одной хорошенькой пациенткой, спина которой была поражена проказой, и мы часто спорили из-за нее. Она тоже влюбилась в Эрнесто и попросила у меня разрешения выйти из отделения, чтобы присоединиться к чествованию нашего гостя, которое я устроил в помещении аптеки. Я отказал, и это не понравилось Эрнесто. Чтобы убедить его в истинном положении вещей, я применил способ с горячей водой. Известно, что прокаженные теряют чувствительность. Девушка ничего и не почувствовала, что подтверждало ее болезнь, но взбешенный Пелао обвинил меня в жестокости. До сих пор слышу: «Как ты изменился, ты стал бесчувственным…» Было ужасно стыдно, что-то угнетало, хотя ошибки в моих действиях не было.

В конце каникул — весьма активных — Эрнесто возвращается в Буэнос-Айрес дорогами, заросшими кустарником. Все свободное время он использует, узнавая повседневную жизнь «коренных аргентинцев», гаучос, пьющих можжевеловую водку, танцующих по вечерам со своими подружками в отблеске костров. Это первое путешествие рождает в нем желание совершить другие, более длительные и дальние.

А пока он ныряет в шумную жизнь столицы. Это время расцвета Аргентины, сельскохозяйственные продукты усиленно экспортируются в Соединенные Штаты и Европу. Супружеская пара Хуан и Ева Перон на вершине своей славы. Буэнос-Айрес — самый европейский из латиноамериканских городов: кабаре не пустеют, все танцуют танго, детище тулузца Карлоса Гарделя, звучит музыка Карибов — мамба, привезенная с Кубы. Для портеньо — жителей столицы, во всяком случае, для зажиточного

населения пришло время Утопии, где реальность находится в гармонии с фантазией.

Разумеется, Эрнесто тоже участвует во всеобщем брожении, однако он не пытается изобразить дитя буржуазии, хотя вполне мог бы. У него друзья из другой среды, из иных кварталов. Он сошелся накоротке с двумя бездомными, которые приспособили под жилье заброшенный барак в открытом поле на окраине Буэнос-Айреса. Оставив своих университетских друзей спорить в барах, он прыгает на велосипед и мчится к тем, кого называет «пастырями», поджаривая вместе с ними сосиски, он слушает рассказы о жизни. Отказывается от карманных денег, которые родители предлагают ему, так как хочет зарабатывать сам. Библиотекарь, работник на бензоколонке, продавец обуви, санитар на судне торгового флота, который увезет его на юг до Патагонии и Огненной Земли, на север до Кюрасао и Тринидада, Антильских островов. Он продолжает заниматься спортом с невероятным азартом, всеми возможными видами, стремясь испытать себя, — фехтованием, боксом, игрой в мяч… Позже на Кубе бурбудос будут сильно удивлены, увидев его баттерфляй в реке на Сьерра-Маэстре.

Более чем когда-либо он читает, ночью, когда астма мешает заснуть, он проглатывает все, что попадется под руку. То же будет и в Сьерра-Маэстре, в то время как других партизан свалит сон. Астма — часть судьбы Че Гевары, ей он обязан безграничной активностью, невероятно растянутым во времени рабочим днем, и даже близостью смерти, когда рухнул на поле в момент игры. Судьба дала ему отсрочку — не самую большую, болезнь, возможно, сыграла свою роль, — но настолько яркую, что каждый миг он проживал будто в последний раз.

В конце 1951 года снова блестяще сданы экзамены. Требовательный профессор Писани считает его одним из своих самых многообещающих студентов. Но другие мысли полностью занимают Эрнесто, а вместе с ним и Альберто, — идея путешествия, большого путешествия. После поездки в Сан-Франциско де Чанар они много об этом говорили, взвешивали все «за» и «против». Альберто вспоминает:

— Сначала мы думали о Европе, колыбели цивилизации, продуктом которой мы, аргентинцы, являемся. Греция, Италия, Франция, страна Революции, на языке которой говорил Эрнесто. А также Испания, в некотором смысле наша прародина. Или еще Египет страна фараонов и пирамид? Мы долго не могли решить. Но где-то в глубине души Эрнесто больше привлекал наш континент. Отправиться на поиск наших латиноамериканских корней, открыть доколумбовские цивилизации, взобраться на

Мачу-Пикчу, попытаться проникнуть в его тайны, понять, как жили инки… Европа, Египет, весь остальной мир оставим на потом.

Глава II
ВЕРХОМ НА ПОДЕРОСЕ II

Друзья наметили путь следования, извилистый маршрут в форме собачьей головы, повернутой к Атлантике, который приведет их в Чили. Они отправятся из Кордовы, центра Аргентины, где живет семейство Гранадо, в Росарио, где родился Эрнесто, затем Буэнос-Айрес, побережье, Мар-дель-Плата, Мирамар, Некочеа и Байя-Бланка, откуда они повернут вглубь, — к хребту Анд.

У них мощное средство передвижения: Подероса II («сильный»), старинный Нортон 500 см³, купленный Альберто по случаю, после того как Подероса I, мотоцикл их отроческих лет, приказал долго жить. 29 декабря 1951 года они грузят на него одежду, тент, спальные мешки, запас дорожных карт, фотоаппарат — все упаковано в джутовые сумки, а на самом верху водружена жаровня, чтобы жарить то, что попадется на пути.

— Мотоцикл выглядел как чудовищное доисторическое животное, — вспоминает Альберто.

Друзья надевают кожаные куртки, летные очки и отъезжают. За рулем Альберто. Решив пофасонить перед родней, он резко берет с места, и мотоцикл, взревев на полную мощь, едва не сталкивается с трамваем. Наконец они исчезают в облаке пыли на незамощенной дороге, к буйной радости чикилос, детей улицы, под удивленными взглядами редких прохожих.

Через два дня в Буэнос-Айресе у Гевары напряженная программа. Путешественникам приходится выдержать шквал любви и советов от братьев, сестер, тетки, кузины, и особенно отца с матерью. Эрнесто пытается изображать главного, Альберто смиренно пережидает ураган.

— А вы, Альберто, — не выдерживает под конец Селия Гевара, — поскольку втянули Эрнесто в это безумие, позаботьтесь, по крайней мере, о двух вещах: чтобы он вернулся сдать экзамен на врача и никогда не забывал о своем лекарстве…

Они пока отнюдь не свободны. Нужно еще повспоминать, повздыхать и даже всплакнуть. Извлекаются альбомы с фотографиями, их выкладывают на стол перед Альберто: Эрнесто, от земли не видно, прислонился к ноге своей сестры…

— Как вы думаете, сколько ему здесь лет? — допытывается Анна Мария. — Три года? Да нет же, семь…

Фотографии следуют одна за другой: Эрнесто в футболке

около своего отца. Эрнесто — тринадцать лет, прилизанные волосы, волосок к волоску, зачесанные назад. Снимок в *Эль Графике* от 5 мая 1950 года, на нем он, подняв вверх палец, расхваливает качество моторов Микрон. Альберто вежливо кивает головой, мило улыбается. Так продолжается до тех пор, пока Селия вдруг не закрывает альбом и, мрачно глядя перед собой, восклицает:

— Теперь отправляйтесь, если вы и вправду хотите уехать…

Отец без слез прижимает сына к груди. Затем он ищет что-то в ящике письменного стола и дает это в руки сыну: свой револьвер, спрячь подальше на всякий случай. Наконец все обнимаются в последний раз и оба мотоциклиста отправляются в путь с триумфальным треском.

4 января 1952 года — разгар южного лета, погода постоянно хорошая. Они проезжают мимо парка Палермо, где обычно собираются продавцы собак, Эрнесто понравился один щенок, помесь чего-то с чем-то, которого он покупает, чтобы подарить своей тогдашней подружке Чичине Феррейра, наследнице очень богатого кордовца. Он дает щенку имя Камбек («вернусь»), намекая таким образом Чичине на встречу в Мирамаре.

На этом шикарном курорте, который позднее станет раем для прожигателей жизни, путешественники остаются неделю. Если Чичина и была покорена честностью и блестящим умом Эрнестино, то у барона Феррейры была другая партия для дочери, нежели этот желторотый мальчишка из левых. Годом раньше на обеде в поместье Феррейры Малагуэньо, куда был приглашен Эрнесто, он откровенно высказался об Уинстоне Черчилле, которого нашел очень консервативным, что привело барона в бешенство.

— Я присутствовал на этом обеде, — рассказывает Хосе Гонсалес Агуиляр, один из друзей Эрнесто того времени. — Отец Чичины считал его коммунистом, что было неверно. Но если выбирать между США и СССР, несомненно, он принял бы сторону последнего…

Атмосфера в Мирамаре наэлектризована, но весьма поучительна для друзей. Соприкосновение с отпрысками светского общества только укрепляет их политическое сознание. Однажды во время чая Эрнесто заводит разговор о «равенстве», о том, что его раздражает. Он указывает на четырех краснокожих из числа слуг и наносит удар:

— Вам не стыдно использовать их для уборки? Они ведь такие же люди, как вы, и тоже любят купаться в океане, и жариться на солнце?

Недоуменные улыбки, раздраженные взгляды, но он не дает

им сбить себя с толку и быстро разбивает в пух и прах идеи социализации медицины, выдвинутые лейбористами в Англии. Альберто говорит о настоящей обвинительной речи, которую его друг произносит перед изрядно потрясенной аудиторией:

— Не должно быть платной медицины! По сравнению с городскими сельские врачи находятся в таком униженном и забитом положении, что им не остается ничего, кроме как вести счета…

Позже троица: Эрнесто — Чичина — Альберто отчаянно спорят на пляже, перескакивая с одного на другое. Они откровенны друг с другом. Альберто заявляет:

— Здесь люди, которых я не чувствую своими, они из другого общества… и, если честно, горжусь, что я из народа… Как-то странно они рассуждают. И совершенно уверены, что все им обязаны. Просто по наследству, они — пуп земли и имеют все права, а то, что делается вокруг, их не заботит. Они не знают, как убить время. Счастье, что ни ты, Чичина, ни сестра Эрнесто Анна Мария не имеете ничего общего с этими дураками…

— Мы, по крайней мере, заставляем работать свои мозги, — добавляет Эрнесто. — Играем в шахматы, работаем в лаборатории или разговариваем о книгах. Мы хотим занять наши головы, они же думают, как наполнить карманы, и потом соображают, как их опустошить..

Классовая борьба только начинается, — сопровождаемая пирожными и шампанским, — а уже нужно уезжать. Направление — Аргентинская Швейцария, озеро Науэль Уапи и лыжная база Барилоче, через Некочеа и Байя-Бланка на берегу Атлантического океана. В этих двух местах растет дерево герника, символ басков, и Эрнесто ощущает, как вскипает его баскская кровь, унаследованная от матери.

16 января доблестная Подероса II уже преодолела 1800 километров пути и проявила первые признаки усталости. В Байя-Бланка механик устраняет чихание мотора. 21-е — тяжелый день для «нортона»: ураган в дюнах, увязание в песке, проблемы с карбюратором, повреждение маслопровода и даже прокол… Но все ничто по сравнению с тем приступом, который скрутил Эрнесто. Астма, о ней он старательно забыл с начала путешествия, возвращается и обрушивается без предупреждения. Во время остановки он потягивает мате из своей бомбильи, внезапно его сотрясает дрожь, накатывает тошнота и начинается рвота.

Доктор Гранадо предписывает ему жесткую диету, пристраивает позади себя на мотоцикл и мчится к ближайшему городу Чоле-Чоель. Они проведут здесь три дня, с 24 по 26

января, отражая атаку мало известным лекарством — пенициллином. Директор местной больницы лично занимается молодым коллегой и помещает двух друзей на собственной вилле.

Выздоровев, любя жизнь еще больше, как всегда после приступа, Эрнесто берет Подеросу II за рога. Курс в глубь страны: горы близко, дорога все хуже и хуже. Проезжая через поселки Челфоро и Кенкен, водитель кричит приятелю:

— Ты увидел имена касиков? Это все, что осталось от прошлого, с тех пор как «завоеватели земель» направили из Буэнос-Айреса, Парижа и Лондона армию громил «обживать пустыню» и убивать индейцев.

В Чиполетти — итальянском поселке, какие есть по всей Аргентине, — искатели приключений проводят ночь в комиссариате на соломенном тюфяке, лучшей постели, которую они смогли найти в поселке. В соседней камере двое задержанных шумно кутят, запивая жареную курицу красным вином. Пустые желудки Фу сера и

Миаля заставляют испытывать нехорошее чувство зависти. Конечно, два спекулянта, находясь под арестом, смогли расположить к себе представителей закона, подкупив их вином. Чтобы не урчало в животе, путешественники, сидя на соломенном тюфяке, разворачивают политическую дискуссию. И спустя сорок лет Альберто достаточно закрыть глаза, как вспоминается этот спор.

Эрнесто: «На самом деле, все очень логично, ведь штрафы, налагаемые на этих воров, как называют коммерсантов, поступают попросту из касс, где они находились, в портфели проходимцев, занимающих официальные посты. А отсюда к креольской олигархии или в крупные международные банки. Они постоянно используют народ для увеличения своего богатства. И кладут в свой карман то, что должно дать людям возможность узнать не только алкогольный угар и тотализатор…»

Альберто: «Нет, ты понимаешь, что всем вдалбливает в голову «пресвятая троица»: школа, церковь и средства массовой информации — радио, телевидение, газеты… Кто платит — тот заказывает музыку. Народ вообще лишен права голоса».

Эрнесто трясет головой… затем вдруг, как будущий Че, с присущими ему лиризмом и способностью масштабно мыслить выкладывает истину:

— Малыш, на деле все происходит так: орел или решка всегда две стороны одной монеты. С одной стороны, чудесная природа, с другой, — бедность тех, кто надрывается, обрабатывая землю. А великодушие и благородство неимущих только

подчеркивают корысть и ничтожество богатых.

В соседней камере шумно храпят пьяницы. Фусер и Миаль замолкают, размышляя о Латинской Америке, красоте Анд, бедности индейцев и богатых портеньо Мирамара… «Орел или решка», — повторяет Альберто, прежде чем тоже погрузиться в сон.

На следующий день они уже весело катят по огненным землям индейских пампасов.

Сумерки опускаются здесь раньше из-за окружающих гор, и Нортон в темноте влетает в канаву, сбрасывая пассажиров как лошадь на родео. Итог: сломана рама. Ничего не остается, как ждать рассвета, забравшись в спальные мешки. На следующее утро Подероса II, «подлечившись» с помощью проволоки, снова отправляется в путь, но уже со скоростью улитки. Реку Коллон Кура пересекают на пароме, зацепленным тросом, чтобы не снесло течением.

Ощутив под ногами твердую почву, путешественники медленно продвигаются вперед и обнаруживают приближение вечера скорее, чем тень какой-либо харчевни на горизонте. Зато слева вырисовываются контуры внушительной гасиенды, принадлежащей явно богатому землевладельцу. Два друга съезжают с дороги и сворачивают к строениям, сомневаясь в гостеприимности хозяина. Это некая странная личность, пруссак, по имени фон Пут Камер. Как выяснится, бывший нацист, из тех, кто по окончании войны спрятался в самых удаленных местах Южной Америки. Он весьма учтиво принимает своих гостей, предоставляет им комнату и на следующее утро показывает свое поместье.

— Фантастическое место, — вспоминает Альберто. — Он воссоздал у себя уголок Шварцвальда с соснами, оленями, типично немецкими домиками.

Друзья соглашаются порыбачить с соотечественниками фон Пут Камера, которые живут по соседству, и они проводят день, ловя форель в компании нескольких вояк, гальванизирующих прошлое. Это напоминает Эрнесто, как сразу после войны его отец, участник «Action Argentina», антинацистского движения, пытался убедить своих сограждан в Кордове в опасности, которую представляют собой немцы, недавно поселившиеся в районе. По его мнению, они являлись как бы плацдармом для последующего массового переселения. Ранее в «Майн Кампф» Гитлер писал о распространении влияния на слаборазвитые страны Южной Америки. И однажды на Лысом холме Эрнесто увидел группу немцев, выходивших из дома, над которым реял флаг со свастикой[2]. 6 февраля Подероса II, отремонтированная местным

механиком, преодолевает первые снежные вершины. Проехав озера Карруэ Чико и Карруэ Гранде, застывшие у подножья головокружительных вершин, Фусер не отказывается от желания взобраться на одну из этих «крыш мира», чтобы увидеть ослепительный блеск вечных снегов. Тенью за ним следует Миаль. Четыре часа подъема в кожаных комбинезонах, камни, срывающиеся из-под ног, так что невозможно удержаться, и наконец величественные владения кондоров. Затем утомительное возвращение к загону для лам. Их, лязгающих зубами от холода, встречает лесник, предлагает горячий бульон, и они засыпают как убитые на фоне белых Анд.

Восторгам нет конца. Озеро Науэль Уапи (Большое Зеркало). Однажды вечером, когда они разбивают палатку под цветущей миртой, на берегу озера вроде бы ниоткуда появляется незнакомец и явно интересуется мотоциклом. Глотая слова, он пытается сбить с толку друзей, что якобы опасный чилийский бандит пересек границу и бродит в районе озера, ища, чем поживиться… Фусер спокойно откладывает в сторону бомбилью с мате, достает из кармана отцовский Смитт-и-Вессон, с которым никогда не расстается, невозмутимо убивает утку в озере и вновь берет свою бомбилью. Потрясенный бродяга исчезает в мгновение ока.

14 февраля у Пуэрто-Фриас они пересекают границу Аргентины и Чили. Через двадцать километров появляется первая чилийская деревушка, Пелла, расположенная на берегу озера Эсмеральда, цвета драгоценного камня, имя которого оно носит. Местность живо напоминает Альберто орла и решку его друга: решка — красота обрамления и гостеприимство жителей, орел — эксплуатация местности компанией, которая владеет отелем, машинами, судами, бороздящими озеро, короче, всем местечком. Никто не проходит здесь, не оставив песо в кассе компании, за исключением двух перевозчиков, которые спят в открытом на все четыре стороны гараже, соорудив гамаки из тряпок и веревок.

Застывшие потоки лавы затрудняют для Подеросы проезд по склону вулкана Осорно. В городе, носящем то же название, друзья из любопытства наносят визит в администрацию клиники — именуемой семейным пансионатом, — и начинается политический спор. Миаль и Фусер развивают свои теории о будущем демократии, рабочих, которые спасут страну… Хозяин прерывает их:

— Только один человек способен спасти страну: генерал Ибаньес дель Кампо. И единственный режим для Чили — диктатура. Все остальное — чепуха.

17 февраля Нортон теряет элемент цепи и застревает на

обочине. Путешественники останавливают разбитую телегу. На нее затаскивают мотоцикл, а сами усаживаются рядом с возницей. По пути Фусер разглагольствует об аграрной реформе, что земля должна принадлежать там, кто ее обрабатывает, а не тому, кто зачастую даже не знает, где она находится… Когда он заканчивает, крестьянин качает головой:

— Мне много не надо. Все, чего я хочу, так это, чтоб мне заплатили за работу. И генерал Ибаньес дель Кам-по это пообещал.

Подероса путешествует теперь на грузовике — за крестьянином эстафету принимает студент-ветеринар с прогрессивными идеями, и «братья по борьбе за свободу» приобретают еще одного знакомого. О Вальдивии у них остается обманчивое впечатление. В Темуко, прочитав *L'Ausfral,* они мечтают об острове Пасхи (чилийский аванпост в Тихом океане). Прекрасные мечты, но и только.

Агония несчастного Нортона продолжается. Эрнесто удалось отремонтировать цепь, но стоит им сесть в седло, как снова заваливаются из-за чеки и оси колеса. Это конец — картер расколот, двигаться дальше нельзя. Мало того, уже на Байя-Бланка полетел задний тормоз, нужен приличный ремонт, который потребует денег. Два дня механик выворачивает наизнанку Подеросу, а друзья веселятся на местном празднике. Танго, водка, пьяные пеоны… драка: пока Фусер, танцуя, прижимает к себе жену одного пеона, Миаль вовремя обезоруживает мужа, приближающегося с бутылкой в руке. Пора уезжать.

Под железнодорожным мостом снова соскакивает трансмиссия. Они толкают мотоцикл до поселка с прелестным названием «Кулипули», очень напевным. Здесь кузнец делает сложную деталь, но Нортон снова отказывается трогаться с места. Друзья приуныли. Снова грузовиком до Малеко, потом до чилийского Лос-Анжелеса. По пути голодные индейцы в пончо и шляпах с обтрепанными полями трясутся на лошадях, таких же голодных. В Лос-Анжелесе две немного дичащиеся девчушки провожают путешественников в казарму пожарных, где капитан проявляет гостеприимство. Они даже участвуют в тушении пожара. Под колокольный звон им выдают каски и куртки, они прыгают на ходу на мотопомпу. Прибывают на место, увы, слишком поздно: жильцы, к счастью, живы, но от дома из ели и бамбука почти ничего не осталось. Миаль хватает багор и самоотверженно бросается на последние языки пламени, Фусер принимается расчищать завалы, как вдруг — душераздирающее «мяу» под еще дымящимися обломками крыши. Несмотря на

крики пожарников, Эрнесто бросается вперед и тут же возвращается, держа комочек черной шерсти, под восторженные аплодисменты присутствующих. Спасенный им кот станет амулетом пожарных.

Более чем через два месяца они прибывают в Сантьяго. 2 марта 1952 года решают наконец расстаться с Подеросой II, устав перевозить ее в кузове грузовика. В ожидании лучших времен они заводят ее в амбар одного соотечественника, достойного доверия, забирают сумки с вещами и накрывают палаткой — от сырости и пыли, чувствуя, что покрывают ее саваном. Скрепя сердце снова отправляются в дорогу.

Они продолжают свое путешествие автостопом. В Вальпараисо им приходится распроститься с мечтой о Рапа Нуи, острове Пасхи: туда только один пароход в полгода и тот только что ушел. В этом городе Фусер знакомится со старухой-астматичкой, которую они встретили в *Джоконде,* местном бистро, где им готовили мате.

«Бедняга едва видела, — так он описывает этот эпизод. — Ее конура вся пропиталась острым запахом пота и давно немытых ног. Она задыхается и плюс к тому хроническая сердечная недостаточность. В ее случае медицина бессильна, но все равно так хочется что-нибудь сделать. Прекратить несчастья, обрушивающиеся на эту бедную старуху, которая будет лезть из кожи, чтобы удержать в себе жизнь и, заработав крохи, свести концы с концами.

В бедных семьях, таких, как эта, человек, потерявший способность зарабатывать на жизнь, оказывается окруженным едва прикрытой враждебностью. С этого момента он перестает быть отцом, матерью, братом, чтобы стать помехой в борьбе за выживание. Здоровые ненавидят вас из-за вашей болезни, как будто вы нарочно издеваетесь над теми, кто должен за вами ухаживать.

В эти отчаянные моменты те, кто не надеется дожить до завтрашнего дня, с пронзительной ясностью осознают ужас своего положения, в котором, по существу, находятся пролетарии всего мира. В умирающих глазах покорность, смирение, жадная и безнадежная мольба о помощи, которая проваливается в пустоту, так же, как и его тело скоро исчезнет в таинственной бесконечности, которая нас окружает. Я не могу знать, до каких пор будет сохраняться положение вещей, основанное на абсурдном понятии социальной касты, но уже сейчас необходимо, чтобы власть имущие проводили бы меньше времени в восхвалении идеальности своего правления, а больше думали о том, чтобы собрать достаточно средств на дела, полезные для

общества.

Не в моих силах сделать для больной что-либо существенное, разве что указать ей приблизительный режим питания, прописать диуретик и антиастматическое лекарство. Я дал ей несколько таблеток драмамина, которые у меня оставались. Когда я уходил, меня сопровождали трогательные слова благодарности старой женщины и полная безучастность других членов семьи».

Путешественникам удается, усыпив бдительность портовой полиции, забраться на корабль «Сан-Антонио» и отбыть в северном направлении. После Атлантического океана и блестящей жизни Мирамара они начинают свое путешествие по Тихому океану, спрятавшись в туалете судна и по очереди крича «занято», каждый раз когда кто-нибудь поворачивает ручку.

— К счастью, на корабле были другие туалеты, — добавляет Альберто.

Через два часа чересчур тесное помещение и вонь заставили зайцев явить себя миру. К счастью, капитан — добрый малый. После отеческого наставления он поручает Фусеру вымыть туалеты, потому что, кажется, эти места ему особо нравятся, а Миалю — почистить лук. Отныне друзьям ничто не мешает в свободное время любоваться кашалотами и летающими рыбами. Путешественники высаживаются в Антофагасте, откуда рассчитывают добраться до рудников Чукикамата около боливийского Салар Чалвири.

С поднятым пальцем они продвигаются без осложнений. Машин достаточно много и всегда найдется та, которая отвезет их по назначению. Дорога вьется змейкой между холмами, пустыми, серыми, чуть дальше — рыжими. Ни стебелька травы. Нет даже кактусов. Остановка в Бакуедано, одной-единственной улице, тянущейся в пустыне, с обеих сторон длинная череда оцинкованных бараков, холмы селитры по всему горизонту. Эти бараки в большинстве своем закусочные, куда служащие железной дороги приходят «подкрепляться». В поисках пристанища на ночь Фусер и Миаль знакомятся с парочкой в потрепанной одежде. Парень был задержан по подозрению, что он коммунист, заключен в тюрьму на три месяца. Теперь он готов землю есть, чтобы получить работу, а это невозможно с ярлыком, который приклеили.

При свете луны Эрнесто готовит мате около барака, а парочка трясется от ночного холода. Нужно слышать, как парень рассказывает о своих товарищах, убитых в Гуачипато или утопленных в океане, потому что они были коммунистами. Все время, пока он говорит, спутница смотрит на него с любовью и благоговением. Эрнесто чувствует теплую нежность к этим

ребятам, не получившим образования, но обладающим большим сердцем, философски относящимся к несчастьям и гонениям. После мате все четверо пробуют заснуть, несмотря на холод.

Следующий день двое друзей встречают уже на пустынном плато Калама. Насколько хватает глаз, вокруг нет ничего, кроме бесконечных миражей да редких машин, грохочущих время от времени из-за неровной дороги. На закате солнца все вдруг как-то заколебалось, волшебно и грандиозно. Фусер и Миаль добираются до края плато, где их ожидает настоящая фантасмагория. Внизу — колоссальный карьер, похожий на Великий Каньон в Колорадо, но вырытый людьми, фараонский размах по размеру и по количеству несчастных, которые тут работают. Десятки километров крутизны до многих сотен метров в высоту с массой букашек — индейцев, копающихся в земле, красной как кровь. Зрелище, сводящее с ума.

Огромные, устрашающие рудники Чукикамата — это последний солнечный храм выходцев из великого доколумбовского времени и одновременно ад, куда отправили новых конкистадоров.

Глава III
ЧУКИКАМАТА: ОТКРОВЕНИЕ

Именно в Чукикамате в период с 13 по 16 марта 1952 года Эрнесто Гевара де ла Серна начинает становиться Че. В нужное время, в нужном месте — судьбоносная закономерность, спусковой крючок.

При входе в рудник предупреждение: посторонним вход воспрещен. Однако, что удивительно, Фусера и Миаля не обыскивают, не допрашивают. Весьма предупредительный комиссар разрешает им даже познакомиться с секциями карьера на полицейской машине в компании приветливого и словоохотливого лейтенанта. Эрнесто удивлен подобному приему в месте, которое довольно сильно пахнет долларами. Нужно сказать, что они представились как врачи. Вечером полицейские предлагают разделить с ними обед. Приезжие поглощают еду с таким аппетитом, как если бы они ничего не ели со вчерашнего дня. Затем в комнате отдыха, уставшие, они падают на хорошую походную кровать.

14-го подъем на рассвете, чтобы нанести визит мистеру Мак Кебою, администратору рудника. После долгого ожидания в приемной их представляют этому, по мнению Эрнесто, настоящему американцу: «Ростом, весом, жвачкой и четкими мыслями». На плохом испанском Мак Кебой объясняет, что они здесь незаконно, затем все же соглашается предоставить им сопровождающего, и экскурсия начинается.

Сначала о самом руднике под открытым небом. Он образован уступами пятидесятиметровой ширины на протяжении многих километров. Бурят отверстия, закладывают туда динамит и взрывают склон горы. Отвалившиеся куски грузят в вагонетки, которые электрический локомотив везет до первой дробильной мельницы. Затем руда поступает во вторую, потом в третью дробильную мельницу, ее все более измельчают. Пыль обрабатывают серной кислотой в огромных резервуарах. После чего раствор сульфатов направляется в помещение с электрическими чанами, в которых отделяется медь и восстанавливается кислота. Друзья, увлеченные медицинскими исследованиями, захвачены тем, что они видят. Электролитическая медь затем плавится в огромных печах при температуре 200°. Растопленный металл разливается в широкие литейные формы, куда засыпается костная мука из сожженных животных. Чаны охлаждаются с помощью холодильной установки.

Затвердевший металл извлекается оттуда посредством электрических подъемников. Отделочная машина обрабатывает его, и бруски красного золота медленно движутся, не задерживаясь, один к одному — красивое зрелище. Все происходит точно как в фильме Чаплина «Новые времена».

Больше, чем машины, Эрнесто интересуют люди. Разговаривая с рабочими, он обнаруживает, что каждый знает только то, что происходит в его секции и то частично. Многие работающие здесь уже более десяти лет не знают, что делают рядом. Такое положение поощряется компанией Браден, которая может легко эксплуатировать рабочих, держа их на низком культурном и политическом уровне. Отважные профсоюзные деятели должны без конца воевать, объясняет один из них, чтобы избежать надувательства.

Когда они уходят, сопровождающий, которого приставили к нашим героям, цинично уточняет:

— Когда намечается митинг, я и другие сотрудники администрации приглашаем как можно больше рабочих в бордель. Таким образом не достигается кворума, необходимого, чтобы требования, высказанные на собрании, вошли в силу. — Он спокойно продолжает: — Надо сказать, что с требованиями они хватили через край и не отдают себе отчета, что один-единственный день забастовки — это миллион долларов, потерянный для компании!

— И что же, например, они требуют?

— О, до 100 песо повышения!

Сто песо соответствует одному доллару.

На следующий день — посещение нового, еще не действующего завода, предназначенного для переработки сернистых соединений меди, оставшихся нетронутыми по выходе из цикла переработки. Учитывают дополнительную выработку порядка 30 %. Монументальные печи в процессе постройки и труба 96 метров высотой, самая высокая в Южной Америке. Увидев ее, Фусер не может удержаться от желания оказаться там. Сначала на подъемнике до 60 метров, затем по маленькой железной лестнице выше. Альберто едва успевает за ним, и на самом верху, на этом своеобразном минарете, он слушает торжественную речь своего друга-муэдзина, уносящуюся в облака. Альберто помнит ее:

— Эта местность принадлежит народу арауко, который надрывается на работе, чтобы наполнить карманы североамериканцам. Благодаря надувательству, которого не замечают индейцы, их красная земля превращается в зеленые бумажки. Естественно, янки и их присные построили для себя

школу — это здание внизу. Альберто, преподаватели специально приезжают, чтобы обучать их детей. А еще площадку для гольфа, и дома у них не сборные.

Фусер раздумывает, рассматривая бараки, где ютятся рабочие семьи:

— Тем не менее эта система могла бы решить проблему жилья. Не только здесь, в Чукикамате, но везде в Чили, а может, и во всей Латинской Америке. Надо только, чтобы план был хорошо продуман и правильно выполнен. Красивые дома, по-настоящему отделанные. Здесь все как попало, минимум расходов на рабочих — жилье с минимумом удобств. Слепили вместе, даже не проведут канализации.

Окинув взглядом огромную, еще девственную территорию, которая начнет разрабатываться лет через десять, тот, кто будет ставить подпись «Че», когда станет президентом кубинского национального банка, считает:

— Предполагая, что миллионы долларов будут выходить отсюда, когда уже сегодня перерабатывают девяносто тысяч тонн руды каждый день, понимаешь, что эксплуатация человека человеком не кончится быстро.

Окампо в своем труде о чилийской меди писал, что производительность доходила до того, что первоначальные инвестиции были возвращены за сорок рабочих дней. Читая об этом, Эрнесто решил, что это чересчур, и не хотел верить. Сейчас он понял, что это правда. Совсем другим спускается на землю. Кто он — наивный идеалист, будущий врач, полный благородных идей? Теперь Эрнесто знает наверняка, он будет все силы направлять на помощь бедным и беззащитным. Ему еще не хватает щелчка, искры, но всему свое время. Оно уже идет, без сомнения.

Спустившись, они проходят мимо обширного кладбища с лесом крестов.

— Сколько их? — спрашивает Эрнесто у сопровождающего.

— Не знаю, наверное, тысяч десять, — рассеянно отвечает тот.

Фусер смотрит на него:

— Наверное?

— Мы точно не считаем…

— И вдовы, сироты, им что-то дают?

В ответ пожимают плечами. Эрнесто смотрит на друга, и Альберто видит, как у него в глазах сильнее разгорается огонь ненависти к мучителям и кровопийцам, соединенный с любовью к обездоленным. Гремучая смесь, способная ковать будущих борцов, убежденных революционеров.

Чукикамата — на местном наречии «красная гора» — навсегда впечатается огненными буквами в сознание Че Гевары.

16 марта друзья покидают рудник и продолжают свой поход к Токомилья. Снова пустыня. В письме к своим Фусер сравнивает себя с Дон-Кихотом на Росинанте, атакующим звездный флаг. Грузовик, перевозящий бревна, доставляет путешественников к перуанской границе. Всю дорогу шофер поет куэка местного фольклора. Они проводят ночь в порту Икики, в глубине ангара, который делят с семейством крыс. На следующий день — отправление в Арику, порт на границе с Перу. У обочины дороги они видят стелу в память о конкистадорах Альмагро и Вальдивии. На дорогах, крутых, узких, опаленные солнцем Фусер и Миаль думают о кастильских солдатах, закованных в латы и доспехи, которые пробирались пешим ходом на юг Чили…

Они предупредили о своем прибытии, и в Арике их уже ждут в лаборатории местной больницы. Доктор Гранадо показывает реакцию Циля — Нильсена, которая позволяет легко обнаружить бациллу лепры. 23 марта они входят в Перу через пограничный пост Чакаллута, с другой стороны реки Ллута. Эрнесто вспоминает стихи, где речь идет о богатстве земли и горных реках.

— Неруда? — спрашивает Альберто.

— Нет, Марти!

Хосе Марти — поэт и отец Кубинской революции XIX века.

Забрав письма, которые их ждали в консульстве, они разгуливают по предместью, потрясенные жизненным укладом кечуа и аймара. Кривые улочки, участки земли, разделенные только деревьями или низкими заборчиками. Сочные, теплые цвета в одежде женщин, юбки и пончо, черные шляпы с загнутыми полями вдохновляют Эрнесто на поэму об инках. Один добрый человек предоставляет нм джип и своего шофера, чтобы отвезти их на дорогу, ведущую на север. На шоссе после ливня настоящая река, с водоворотами и бурунами, способная увлечь за собой машину. В Тарата («перекресток» на аймара) на высоте почти трех тысяч метров улицы залиты солнцем и в то же время вдали прекрасно виден снежный торнадо. Джип возвращается обратно, путешественники продолжают свой путь к озеру Титикака в небольшом, битком набитом автобусе. Впереди ковер зеленого мха, корм для лам и вигоней. Еще выше, в Илаве, на отметке пяти тысяч метров среди сугробов вдруг возникает странное нагромождение камней с крестом наверху. Индеец, путешествующий с женой и детьми, до сих пор сохранявший молчание, произносит: «Апачета!» Каждый прохожий кладет сюда камень, объясняет один пассажир Фусеру и Миалю, таким

образом курган мало-помалу становится пирамидой. Легенда гласит, что бедняк оставляет здесь с камнем усталость, заботы и страдания, от которых его освобождает

Пачамама, Мать-Земля, чтобы тот вернулся на свою дорогу жизни свободным и спокойным.

— А крест? — спрашивает Эрнесто.

Мужчина улыбается:

— Святой отец ставит его сюда, чтобы обмануть индейцев. Апачета и крест — он смешивает религии. Вроде бы показывает, что верит в силу Апачеты, а потом убеждает свою паству принять католичество. Так он думает заполучить больше прихожан! А на самом деле индейцы продолжают верить в Пачамаму и Вяракочу, богов инков.

Как сторонника ортодоксальной церкви, подобная профанация буквально потрясает Эрнесто, который испытывает ко лжи болезненное отвращение. Известно, что инки представляли необычайно развитый народ и в течение пяти веков было сделано все, чтобы выхолостить их уверенность, разрушить память об их былом величии и сбросить их детей в бездну зависимости от колы и алкоголя.

Эрнесто и Альберто возвращаются в автобус — ночь опустилась на них, как мачете, — и, сонные, они катят в кромешной тьме. Полная тишина. Как наяву предстают перед ними униженные, покорившиеся, отравленные наркотиками и пьянством несчастные индейцы, испытавшие на себе молох цивилизации, принесенной теми, на кого так похожи два светлокожих аргентинца!

Рассветное солнце слепит глаза: чудесный вид простирается до бесконечности. 26-го к вечеру автобус добирается до Пуно и озера Титикака. Друзья спрыгивают на землю, торопясь не пропустить закат солнца на озере, огромном, молчащем, безмятежном. Четыре тысячи метров над уровнем моря! Путешествие продолжается на север, в другом автобусе. Правда, им становится не по себе, когда они попадают внутрь, там уже расположилось целое племя индейцев с двадцатью мешками картошки, пятью бочонками и множеством домашних животных. Но шофер, не церемонясь, покрикивает на них, и те немного подвигаются. Один молодой индеец даже кладет им на колени парочку кур — подарок хорошим людям, — и наконец отъехали.

Во время остановки в Хулиаке шумный и задиристый младший офицер размахивает бутылкой водки и предлагает нашим друзьям хлебнуть из нее. Чтобы показать свои способности, он вытаскивает револьвер и стреляет, делая дырки в потолке. Но когда прибежавшая на шум хозяйка обнаруживает

дыру и начинает вопить, герой внезапно перестает куражиться и невнятно бормочет, что выстрел произошел случайно. Она зовет жандарма, следуют объяснения, и чтобы быстрее отправиться дальше, наши путешественники помогают головотяпе выпутаться из скандального положения.

Чем дальше на север продвигается автобус, тем больше в него садится пассажиров европейского типа. Когда на открытую площадку обрушивается потоп, «белым господам» предлагают пересесть в кабину, чтобы укрыться. Фусер и Миаль сначала категорически отказываются — ведь под дождем мокнут женщины и дети. Но все же вынуждены согласиться, на них так странно смотрят, не понимая отказа. Появляется солнце, и они возвращаются в кузов. Дальше едут с песнями.

На следующей остановке два друга не прочь поесть, но карманы пусты. Тогда они придумывают розыгрыш, который здорово помогает, когда животы подводит от голода, а у них нет ни песо. Они говорят на аргентинском наречии, привлекая внимание коренных жителей, и всегда в харчевне находится кто-нибудь, кто с ними раскланивается.

— Здравствуйте, — отвечает на это Альберто. — Какой прекрасный день, не правда ли? Именно сегодня день рождения моего друга.

— Примите поздравления! — слышится в углу.

— Мы бы с удовольствием выпили с вами, но не можем предложить ничего, кроме стакана воды. Нет денег, — беспечно поясняет Миаль. — Такова жизнь.

— Тогда ставлю я! — отвечает всякий раз добрый малый. — Что будете?

— Очень жаль, — Эрнесто грустно улыбается, — но я не могу пить на пустой желудок. Язва, понимаете ли.

В двух случаях из трех доброму человеку ничего не остается, как предложить каждому поесть.

31 марта они прибывают в Куско. Инки называли этот город, расположенный в центре владений кечуа и аймара, «пуп земли». Сперва путешественники отправляются в местный музей, чтобы пополнить знания, прежде чем лезть на Мачу-Пикчу. Здесь знакомятся с юной студенткой-метиской, которая станет сопровождать их все время, пока они в городе. В зале антропологии они обнаруживают, что у инков была в ходу трепанация черепа. Это, замечает Эрнесто, такой же уровень цивилизации, как в Египте. Их привлекает коллекция миниатюрных хранителей домашнего очага из сплава золота, серебра, олова и меди. Фигурки представляют эротико-юмористические сценки, тонкость и выдумка которых много

говорят о художественном таланте их создателей. Перед глазами золотые головы лам, изумрудные лица вождей. Потрясенный искусством древних цивилизаций, Эрнесто замечает несомненное сходство между вазами с ручками в виде птиц или пум и некоторых ассирийских статуэток. Позднее он заинтересуется предположениями, утверждавшими существование определенного миграционного влияния.

Друзья идут в церковь, вооружившись альбомами для рисования. Они потрясены коллекцией подношений, собранных там. Согласно надписи сама дароносица из чистого золота весит 80 килограммов, а украшена она почти 2 200 драгоценными камнями. Это особенно раздражает молодую метиску:

— Золото здесь лежит без пользы, а во многих школах нет учебников…

Мария-Магдалена приводит путешественников к доктору Эрмосе, с которым Альберто познакомился два года назад в Аргентине, на конгрессе, посвященном сифилису. Эрмоса сначала никак не может признать коллегу в залатанных брюках и грязной рубашке. От Миаля требуется назвать по имени врачей на фотографии, сделанной во время того конгресса, и Эрмоса рассыпается в извинениях. Позднее, после нескольких порций джина, слушая пластинку Атауальпа Йупанки[3], они становятся лучшими друзьями в мире.

Эрмоса предоставляет в распоряжение путешественников лендровер, с помощью которого они добираются до крепости Оллантайтамбо. Горы, обступающие Долину инков, полностью возделаны, они такие высокие, что при взгляде снизу земледельцы и быки похожи на тлю. Воздух теплый и прозрачный, в тени вишен и эвкалиптов вдоль тропинок растут яркие цветы. Ослы с длинной шерстью пасутся на склонах гор, чьи вершины исчезают в облаках.

Наконец они прибывают в Оллантайтамбо, воздвигнутую на головокружительной высоте из многотонных гранитных блоков, как бы висящих в небе. Легенда утверждает, что инки облегчили обработку камня благодаря траве, сок которой так действовал на камень, что делал его мягким и податливым как глина. Там есть такие слова: «Птица делает гнездо в скалах, потому что тоже знает траву, и она приносит ее в клюве, чтобы проделать в скале дыру и там поселиться». Сооружение задумано и рассчитано так, чтобы его можно было использовать для выращивания маиса в мирное время, а в случае нападения превращать в неприступную крепость.

С энтузиазмом обследовав дуги, редуты и мельчайшие уголки, Миаль и Фусер возвращаются в Куско. Прогуливаясь по

Йукай, центральному месту развлечений и занятий спортом инков, Эрнесто достает из мешка свои записки, которые он сделал, когда работал санитаром на корабле, и дает почитать Альберто:

«С удивительным постоянством, точно метеориты, залетающие из космического пространства, необъяснимые вещи сотрясают человека, уводя в сторону от привычного. Как можем мы жить в месте, где постоянно ходим по острию ножа, даже не предполагая, что причина скрыта в выделении радиоактивных веществ (…). Во время одного из долгих скитаний по пустынным и жарким морям меня охватила такая тоска и так долго она продолжалась, что сегодня, когда этот кошмар позади, я улыбаюсь с надеждой и дышу полной грудью. Сидя за столиком в дешевом кафе, застыв, как муравей в меду, я анализирую причины и следствия и делаю вывод, что любой человек или любое произнесенное слово может внезапно бросить нас в ужасную бездну или вознести на недоступную высоту».

Некоторое время спустя они заводят разговор с крестьянином, который рассказывает свою грустную историю:

— Когда я женился, десять лет назад, то построил маленький домик на пустоши. Выкорчевывал деревья, жег пни, собирал камни, готовил землю к пахоте. На это ушло три года, и никто не появлялся. Когда поспел урожай, меня выгнали оттуда с помощью полиции. С женой и двумя сыновьями мы расположились немного выше. Через четыре года урожай уже был хорош, и снова владелец выбрал момент натравить на нас полицию, которая выселила нас. Я всегда оставался ни с чем.

Фусер и Миаль смотрели друг на друга, кипя от несправедливости, жертвой которой был этот человек, сердце сжималось от его наивной доверчивости и беспомощности. «Я… делаю вывод, что любой человек или любое произнесенное слово может внезапно вознести на недоступную высоту».

Глава IV
МАЧУ-ПИКЧУ

3 апреля 1952 года — великий день, долгожданный, о котором столько мечтали, день подъема на Мачу-Пикчу.

Сначала подъем-серпантин на местном поезде, который движется как фуникулер: часть пути локомотив толкает вагоны, другую часть он их тащит. Железная дорога проходит по берегу реки Поматалес, притоку Вилкашота. По мере того как идет подъем, растительность становится все более тропической и буйной.

В свои путевые книжки два друга вписывают названия пройденных поселков: Пукуйра, Иракучака, Уакондо. Эрнесто добросовестно делает наброски пейзажей или сцен повседневной жизни, благодаря заочным урокам рисования, полученным, когда ему было четырнадцать лет. На каждой остановке — только Виракоча знает, сколько их, — чолак (метисы) и индейцы протягивают подносы с едой: острый суп, козий сыр, горячие початки кукурузы, пышки из маниоки с красным перцем. Снова показываются деревья, помпельмус, анона черимойя, вся гамма папоротников, бегоний. Поток быстрится, становится все более бурным. Наконец поезд останавливается около щита *Мачу-Пикчу*. Фусер со своей тенью, которую зовут Миаль, выпрыгивает из вагона и вместо классической восьмикилометровой туристской тропы решает пойти кратчайшим путем погонщиков мулов.

Здания белого гранита расположены в каких-то 600 метрах над рекой, которая громко шумит в узком ущелье крутых гор. В сумерках низкие облака покрывают вершины серым саваном. Здесь творчество человека достойно соперничает с природой: сначала перед глазами появляется Уайна-Пикчу (молодая гора), затем Ее Сказочное Величество Мачу-Пикчу (старая гора), именем которой назван город.

Город кажется вертикальным, как если бы строители построили его в горизонтальной плоскости, а потом перевернули на 90°. Фусер и Миаль, пораженные такой красотой, задерживаются в сторожевой башне, куда добираются по южной стороне. Ниже город правителей с храмом, который возвышается над восточной долиной. Вплотную пригнанные гранитные блоки нигде не нарушают целостности. Чем выше поднимаются стены, тем меньше размер блоков, которые их составляют, что придает храму красоту и мощь. Он сделан полукругом. Во внутренней части одного из окон узкие отверстия около трех сантиметров в

диаметре, куда вставляли золотые диски, символизирующие солнце.

О Мачу-Пикчу Че позднее напишет: «По мнению Бангема, археолога[4], который нашел руины, это не просто укрытие от завоевателей, это родовое место доминирующей расы кечуа и ее святилище. Позднее во времена испанского завоевания оно стало прибежищем для побежденных воинов (…). Венец города, как обычно в такого рода строениях, — храм Солнца со знаменитым Интиватаной, высеченным в скале, которая служит ему пьедесталом. Длинная гряда тщательно отполированных камней указывает на стратегическую ценность. Выходящие на реку три окна трапециевидной формы, типовые для сооружений кечуа, их Бангем, по-моему, слишком притянуто, считает теми, через которые братья Айар, божества инков, сбежали, чтобы показать избранной расе путь к земле обетованной».

Этим вечером — одним из самых прекрасных в его жизни, как напишет он позже, — Эрнесто не может заснуть, читая письма Симона Боливара, венесуэльского освободителя, который дал свое имя Боливии. Его воображение распаляется.

4 апреля на рассвете они с Миалем начинают восхождение на Уайна-Пикчу. Какими бы крутыми ни были последние четыре сотни метров, возвышающиеся над крепостью Вилькампа, это не препятствие для двух спортсменов. Фотография на вершине, записка на клочке бумаги, помещенном в бутылку, которой суждено ждать здесь их возвращения когда-нибудь в будущем. Фусер кладет ее в землю, как бы бросая в океан текущего времени. Это прошлое, которое он открывает здесь, прошлое камней и людей, это также его собственное будущее. Он читает из Неруды:

> Дивный город, весь из каменных лестниц,
> Последний приют чистых душ,
> Лишенных покрова земного.
> Ты — Мать, своей грудью
> Вскормившая небо и землю,
> Облекшая в камень детей их,
> Чье время прошло
> На заре человечества.
> Отважных бессмертием ты наделила.

Чуть позже, после зала для жертвоприношений, неправильно называемого башней, им приходит в голову мысль вскипятить мате на камне, где приносились в жертву девственницы. Лежа на плите смерти, Миаль улетает в мечтания:

— Я женюсь на Марии-Магдалене де Куско, и так как она потомок Манко Капака II, то стану Манко Капак III. Я создам свою партию, верну народу право голоса, и произойдет революция *Тупак Амару,* настоящая индо-американская революция.

Фусер качает головой:

— Революция без выстрелов? Ты сумасшедший, малыш.

Возвращение в Куско затягивается. Поезд больше стоит, нежели движется. Многие пассажиры выходят, чтобы нарвать цветов нукчу для праздника полнолуния, который очень интересует наших путешественников. Они используют время, чтобы написать письма своим. Малыш размышляет о словах Фусера на жертвенных камнях. Ему вспоминается фраза, произнесенная почти десять лет назад:

— Когда в конце 1943 года в Кордове студенты второго семестра организовали демонстрацию протеста и сотни их были брошены в тюрьму, я в том числе, Эрнесто нашел меня в центральном комиссариате, где нас держали без суда и следствия. Когда я попытался объяснить ему смысл содеянного, Эрнесто, которому было только четырнадцать лет, возразил мне: «Выходить на улицу, чтобы меня избили? Без оружия мне там делать нечего».

Позднее он снова повторит: «На удар нужно отвечать ударом!» Путешествие в Латинскую Америку для Эрнесто — настоящее откровение. После Мачу-Пикчу и Чукикаматы он находится в стадии «революционного развития».

От Куско друзья-путешественники направляются в глубь страны. После Абанкай они поднимаются прямо на север, к Лиме, через перуанский тропический лес. На грузовике, пешком, верхом на муле. Уанкарама, Андауайас, Айакучо, Лурикоча, Оксапампа… названия, от которых хочется схватить гитару и запеть. Искатели приключений становятся врачами, делая детям прививки БЦЖ, оказывая помощь раненым рабочим, туберкулезным больным. 13 апреля в четыре часа утра Альберто вынужден сделать инъекцию кальция Эрнесто, сраженного приступом астмы, чтобы вызвать выброс адреналина.

В город вице-королей они прибывают 1 мая, в день праздника труда, и буквально падают на скамейку, испытывая огромное облегчение: их ноги сбиты в кровь от столь долгого путешествия. Выглядят друзья пугающе — мятая одежда, исцарапанные, бороды, как у дикарей. Вечером за столом у доктора Песке они вновь в человеческом облике. Блестящее общество, разговор о последних научных открытиях, международной политике, спорте, литературе. Эрнесто производит впечатление страстной убежденностью и юношеским пылом.

Хозяин дома — известный человек, с богатым жизненным опытом. Когда к власти пришел генерал Одриа, Песке вел кафедру тропической медицины в университете. Прогрессивные мысли стоили ему перевода в Уамбо, бедный туземный поселок в восьми километрах от Лимы, на высоте трех тысяч метров над уровнем моря. Его коллеги, попавшие в подобный переплет, как правило, становились завсегдатаями местных харчевен, притонов и борделей. Профессор Песке занялся исследованиями, имея в руках такие простые инструменты, как весы, термометр и сфигмоманометр — для измерения артериального давления. Он использовал свое пребывание на горном плато, написав блестящую монографию о физиологии местных жителей. Он первым диагностировал экзантематозный тиф и классифицировал три типа флеботом; по его имени назван ланцет, используемый в медицине для надреза и кровопускания.

Обнаружив в районе, где он находился, лепрогенный очаг, открыл небольшой лепрозорий. Результаты его исследований были опубликованы в международных научных журналах. Затерянный в горах, он без задержки получал огромную почту, которая заваливала бедного почтальона. Частью благодаря этой известности, а также потому, что военное давление уменьшилось, ему была возвращена кафедра.

Вечером, прежде чем проститься с гостями, профессор Песке дает каждому по экземпляру своей книги «Пространство безмолвия». То, как он ее им дает, священнодействуя, отражает огромную гордость. Увы, прочитав, друзья вынуждены признать: по сравнению с живыми увлекательными рассказами ее автора о своих опытах книжица сильно проигрывает. Он хотел заинтересовать, и ему этого не удалось. Вместо незатейливого естественного изложения он использует напыщенный безжизненный стиль. Все же Миаль умоляет Фусера, чтобы тот не развивал эту тему.

Но на следующий вечер во время прощального обеда Песке сам спрашивает, как они нашли книгу. Эрнесто утыкается носом в тарелку, Альберто начинает молоть что-то вроде: «Очень мило, описания высоких плато… Это так правдиво…. И жизнь индейцев, труд крестьян, как все мрачно… Вам это очень удалось…»

К несчастью, профессору недостаточно:

— А вы, Гевара, что думаете?

У Эрнесто патологическое отвращение ко лжи, даже во спасение. Он предпринимает страшные усилия, чтобы не смотреть на хозяина, делает круглые глаза, опять накладывает большую тарелку перуанского потэ[5], чтобы оттянуть время. Альберто спешит на помощь:

— А еще, доктор, мне понравилось, где вы описываете разлив Урубамбы. Это так живо, так волнующе…

Мадам Песке тоже в восторге от писательского таланта ее мужа, и разговор переходит на другую тему. Но в момент прощания, когда они обнимаются, по южно-американски похлопывая друг друга, профессор снова обращается к Эрнесто:

— Ну-с, Гевара, вы не уйдете, не сказав вашего мнения о моей книге…

Фусер делает глубокий вдох, поднимает указательный палец и, не переводя дыхания, выкладывает все недостатки произведения. Миаль видит, как его жертва постепенно никнет, согласно кивая головой. Вместо вывода Эрнесто рубит:

— Невероятно, как вы, левый, и написали декадентскую книжонку, которая не оставляет индейцам и метисам вообще никакой надежды.

Сконфуженный, раздавленный Песке только повторяет:

— Вы правы, Гевара, вы правы…

В тяжелой атмосфере попрощавшись с хозяевами, друзья молча возвращаются к себе в другой конец города. На мосту, переходя Римак, Миаль взрывается:

— Воистину нужно быть настоящим хамом и подлецом, так унизить профессора, как ты это сделал. Он принял нас, накормил, предоставил джип, и только потому, что у него есть один-единственный недостаток считать себя писателем, ты ему об этом кричишь во все горло! Браво и спасибо!

Эрнесто, ужасно подавленный:

— Но ты же хорошо видел, что я ничего не хотел говорить на прощанье, сделал все, чтобы не отвечать…

Он глубоко переживает, что ранил кого он уважает. Но ложь заставила бы переживать еще больше.

Из Лимы, где друзья провели более трех недель, они выносят два впечатления — доктор Песке и Сераида Болюарте. Красивая, предупредительная, она прекрасно исполняет роль доброй феи с заметной нежностью к более молодому искателю приключений. Пока ее мать готовит восхитительную еду, все трое слушают пластинки Карлоса Гарделя. Перед отъездом Сераида дает им маленький примус. Они будут думать о ней каждый раз, зажигая его в дальнейшем путешествии.

17 мая — прощай, Лима, и вперед к Амазонке! Но прежде чем добраться до самой полноводной реки, нужно поднять большой палец и положиться на милость случая и любезных водителей. 18-го они проходят через Керро де Паско, самый важный рудный центр Перу: золото, медь, железо, олово, естественно, в руках янки, — подчеркивает Фусер. После Тинго-Мария они

преодолевают Спящую Красавицу, так местные жители назвали горную цепь, которая издалека похожа на лежащую женщину. Говорят, что водители грузовиков испытывают боль внизу живота от желания, когда видят ее.

Несколько дней льет проливной дождь и колеса застревают в грязи так, что нужно надевать цепи. Недалеко от бразильской границы, как только начинают появляться первые плантации кофе, путешественники спрыгивают на обочину. Вскоре вдали показался огромный караван из шестидесяти машин, направляющийся на восток, чтобы ремонтировать размытые дождем дороги. Джип — голова чудовищной анаконды, подбрасывает Фусера и Миаля до Пукальпы, где грузится *Сене-па,* на ней они начнут спускаться по Укайяли, которая позднее станет Амазонкой.

Ловя рыбу удочкой, Эрнесто вытаскивает крокодилёнка и тотчас возвращает его назад. Он пишет своим родителям: «Дорогие предки, если в течение месяца вы не получите от меня известий, это значит, что я проглочен крокодилами или съеден индейцами-хиварос. Они высушивают головы своих пленных и продают их американским туристам. Вы сможете приехать полюбоваться мной в сувенирной лавке у грингос». Они проходят через Икитос, город, который во время войны переживал свой звездный час, когда требовался каучук. Затем Белем — не путать с большим Белемом в устье Амазонки. После очередного приступа астмы у Эрнесто, эффективно купированного в центре борьбы с желтой лихорадкой, путешествие продолжается на борту *Сиене* в компании с индейцами, их женщинами, детьми и отощавшими собаками. Шестнадцать человек плюс горный табак для обмена, это чересчур для четырех плывущих досок!

Обогнув Сан-Матео, судно, каких много на Амазонке, подходит к лепрозорию Сан-Пабло, неподалеку от притока Альтакаруари.

Глава V
САН-ПАБЛО, СВЕТ ПРОКАЖЕННЫХ

В воскресенье 8 июня в три часа безлунной ночи и под потоками воды *Сиене* высаживает двух аргентинских пассажиров в Сан-Пабло. Темно-серая пелена висит над местностью и размывает контуры. Доктор Брессиани сразу предстает перед ними, чтобы проводить их в свое бунгало на сваях.

Внезапно между облаками появляется луна и освещает окрестности. Из тьмы выступают три различных фрагмента: маленький полуостров, выступающий в Амазонку, где их высадил *Сиене,* здесь живет более двух сотен человек: сиделки, монахи, кюре, врачи и, конечно, индейцы, коренные жители. Немного далее, на берегу реки, свайный городок, который служит гардеробом для врачей и, в некотором роде, профилактический тамбур, чтобы надеть резиновые перчатки и маску при входе и помыться при выходе, после *неизлечимых* лепрозных. Наконец приблизительно в километре собственно лепрозорий. Он насчитывает тысячу больных, более или менее пораженных, и расположен в этом громадном болоте, формируемом окрестностями реки-моря, постоянно во власти паводка.

После нескольких часов сна маленькая моторная лодка везет Миаля и Фусера на этап № 1 — «тамбур профилактики». Как только они переоделись, шум мотора сопровождает их к прокаженным, объявленным по большей части неизлечимыми. Первое впечатление простое: считаешь, что находишься в каком-нибудь поселке Амазонки. Та же группа деревянных хижин на сваях и в подтверждение, что «здесь как везде», каноэ и лодки, груженные кореньями, рапайей, свежей или сушеной рыбой.

Совсем скоро перед ними возникают лица прокаженных. Это не крокодил, которого наказали, а лепра. Укороченные болезнью пальцы рук или ног, вместо носа — рана, разъеденный рот. Все эти люди живут семьями, родители не соглашаются расстаться со своим потомством. Больные прибывают из излучин рек Укайали и Яравi, где эндемическая лепра является частью повседневной жизни. Время и привычка делают свое, люди смиряются. А это противоречит борьбе с болезнью и стремлению ее победить. Пораженные лепрой индейцы, находящие диким то, что у них хотят отобрать детей, представляют организованное сообщество. Некоторые продают разнообразные предметы обихода, которые им удалось выменять на изделия их промысла: рыболовные крючки или удочки. Другие обрабатывают землю или обзаводятся

мелким бизнесом. Самые упорные и проворные могут оплатить моторную лодку. Что касается прокаженных, считаемых заразными, то они живут отдельно, в запретной зоне, куда, разумеется, зашли аргентинские врачи. Беглый осмотр наиболее пораженных убеждает доктора Гранадо и его «ассистента» Эрнесто, что эта лепра, какой бы тяжелой она ни была, не заразна. Чтобы это доказать, они прикасаются к самым больным, снимают с них бинты, которые делают их похожими на мумии. В последующие дни организовывают футбольные матчи между пациентами и персоналом госпиталя. Фусер и Миаль играют только в команде прокаженных.

Спустя некоторое время Эрнесто сам оперирует пациента с больным локтем. Операция проста и состоит в разрезании бугорка, который стесняет сгибание руки. Как только к пациенту возвращается полная подвижность, вес доктора Гевары среди индейцев стремительно поднимается. Его искренность создает ему ауру, какой не имеет ни один другой врач, даже подвижный Альберто. Прокаженные становятся его братьями. Он помогает им больше словом, нежели лечением. Он ест вместе с ними и вообще держится на равных, что очень нравится.

Много лет спустя журналист Энди Дресслер посетит госпиталь Сан-Пабло, где встретит Сильвио Лозано. Сильвио подтвердит, что Эрнесто спас ему жизнь. Сегодня хозяин бара «Че» рассказывает:

— В 1952 году я был одним из многочисленных прокаженных, приговоренных к скорой смерти. Немногие из моих товарищей выжили. В наше время есть всякие лекарства против лепры, а в то время не было ничего. Однажды поздно ночью — я никогда не забуду — в Сан-Пабло вошел незнакомый врач, молодой человек, которому не было еще и двадцати пяти лет. Худощавый, симпатичный. Производит впечатление очень своенравного, но не сильного физически. Говорили, что он аргентинец.

У меня были только кожа да кости. Лепра поразила левую руку и медленно поедала меня. А тут еще температура и опухоль. Стреляющая боль периодически пронизывала тело, как если бы капли кипящей жидкости падали мне на кожу. Врачи станции вынесли приговор…

Однажды утром, когда от боли у меня уже текли слезы, я попросил, чтобы мне хоть как-то помогли. Новый врач сидел прямо на земле, как йог. Помню, что он читал книгу, по-английски. Я так ослаб, что у меня не было сил протянуть ему руку. Он взял ее, долго ощупывал и вдруг резко, что меня удивило, поднялся и выскочил из комнаты. Через несколько мгновений вернулся и сказал: «У вас задет нерв, нужно

оперировать». Несмотря на успокаивающую прохладную руку на моем лбу, я испугался. «Если ничего не делать, вы умрете», — настаивал он. Когда мне воткнули две иглы в рану, я заорал как безумный и все искал взглядом молодого врача, потом потерял сознание.

Он спас меня. Это положило начало новой эры в лепрозории, хирургические инструменты не успевали ржаветь. Через много лет, будучи министром экономики на Кубе, он написал мне и спрашивал о моем здоровье.

Однако два странника судьбы не могут бесконечно оставаться в Сан-Пабло. Прокаженные с болью в сердце наконец отпускают их. Они решают сделать для путешественников плот.

14 июня — двадцать четвертая годовщина Эрнесто. Девушки колонии, прокаженные и здоровые, целуют его по двадцать четыре раза каждая. В звуках импровизированного бала находят название для плота: «Мамбо-Танго». Мамбо — ритм, который в то время произвел настоящий фурор, а танго — танец, такой дорогой сердцу аргентинца. Судну дает название почтенный и милый доктор Брессиани, неплохо играющий на саксофоне. Этим вечером Эрнесто поет единственное танго, слова которого он знает наизусть, ради прекрасных глаз санитарки, чахнущей от любви к нему.

19-го больные организуют прощальный праздник для двух иностранцев, которые скрасили их жизнь. На пристани под мелким и теплым дождем их ждут семьи прокаженных, считавшиеся до появления аргентинцев заразными, соратники по футбольной команде. Увидев Фусера и Миаля, они кричат «ура», переходящее в пение, ему вторит музыка белой колонии. В течение многих часов инструменты одних сменяются голосами других. Уже поздно ночью, на прощанье, больные неумело выражают друзьям восхищение и желают звездного будущего на «Мамбо-Танго».

Когда очередной оратор закончил говорить, Фусер и Миаль чуть не плачут. Младший подталкивает старшего. Альберто бессвязно бормочет, прежде чем находит нужные слава, способные выразить их чувства и радость от встречи с такими прекрасными людьми. Музыка возобновляется с новой силой, очередной больной, «учитель», берет слово, взрывы аплодисментов, грянула прощальная песня. Она вызывает спазмы в горле путешественников, когда они удаляются на своем плоту, который должен устрашать злых духов, что встретились бы на реке. Так это представляли себе индейцы.

«Мамбо-Танго» скоро исчезает из виду. Ребята долго молчат. Миаль держит руль, а Фусер хочет написать при свете фонаря

своей матери. Как будто она одна заслуживала немедленно узнать о прощании с прокаженными Сан-Пабло.

«Чтобы проститься с нами, больные объединились в хор. У аккордеониста не было пальцев на правой руке, он заменил их палочками, прикрепленными к кулаку. Певец был слеп, и почти все обезображены сильной формой лепры, которая присуща этому региону. Все в свете фонарей и плошек. Сцена из фильма ужасов, которая все же останется одним из самых прекрасных воспоминаний в моей жизни. Альберто произнес пышную речь, такую впечатляющую, что она ввела слушателей в транс. Он заявил о себе как о достойном преемнике Перона!»

В сентябре 1993 года Альберто Гранадо попросит двух художников, проезжавших через Гавану, Фредерика Брандона и Мишеля Бридена, воссоздать эту замечательную сцену, остающуюся самой сильной во всей его жизни, какой она появляется в письме Эрнесто матери. Такой она навечно запечатлена на бумаге, которую Миаль хранит у себя.

На «Мамбо-Танго» изобилие продуктов: ананасы, сухое мясо и рыба, горшкн масла, колбаса, нут, уложенные горой. Сверху надпись: с одной стороны — «Мамбо», с другой — «Танго». К тому же у них на борту примус Сераиды, фонарь, керосин, противомоскитная сетка и две живые курицы. Наши бывалые плотогоны упиваются как школьники — чтобы управлять таким примитивным средством в огромном пространстве, нужно крепко держать кормовое весло, служащее рулем. Так же прежде всего нужно держать в памяти советы, которые им дали старые индейцы: остерегаться плотов из больших стволов, соединенных лианами, которые спускаются по Амазонке, часто совсем без сопровождения. Если одно из этих чудищ случайно заденет среднее бревно, конец путешествию.

Три дня спокойного плавания под крики обезьян, попугаев и урчание в животах у крокодилов привадят их к Летисии, речному порту на границе трех государств (Перу, Колумбия, Бразилия). Они причаливают в каноэ, так как были вынуждены оставить «Мамбо-Танго» на острове, бразильской территории, куда отнесло их течением, и плыть на лодке, лучше приспособленной. Летисия — гарнизонный город. Действуя как хорошие хамелеоны, экс-полукрайние представляются футбольными тренерами! Эрнесто объяснит своим в очередном письме:

«От бедственного положения (у них не было больше денег. — *Прим. авт.)* нас спасло то, что мы были ангажированы как тренеры футбольной команды в ожидании военного самолета, который должен был доставить нас в Боготу через две недели. Вначале мы думали только тренировать их на поле, боясь

оказаться в смешном положении, если вступим в игру сами. Но они были так плохи, что мы решились надеть бутсы. В результате наша команда, считавшаяся самой слабой, прибыла на соревнование в прекрасной форме, чтобы дойти до финала, где была побита только с пенальти. Альберто великолепен — стратег команды со своей манерой вести мяч как Педернера (Марадона того времени. — *Прим. авт.)* и предельно точными пасами. А я забил гол, который запечатлен в анналах Летисии».

На куске земли, отвоеванном у амазонского леса, Фусер и Миаль очень серьезно относятся к контракту с коачами, их вознаграждает приличная премия. Но они не останавливаются на этом. После тренировок они применяют групповую психологию, стремясь объяснить игрокам, что команда действует хуже, если один из ее членов идет не в ногу. Они преподают своим колумбийским футболистам знаменитый афоризм: «Один за всех, и все за одного».

Выбрав время, они побаловали себя поездкой на каноэ до Табатинга в Бразилии, а 2 июля взлетают на военном гидросамолете, угрожающе раскачивающемся, курс — Богота. Полет начинается в семь часов утра, среди мешков с почтой и груды униформы, и продолжается три часа. В Трес-Эскинас двухмоторный самолет совершает посадку, чтобы починить плоскость. По прибытии в Мадрид[6] грузовик колумбийских армейских частей подвозит путешественников к казарме, где они оставляют свои вещи, прежде чем пойти в аргентинское посольство — получить почту и ночлег в университетском городке.

Богота им не нравится. Миаль находит ее «мрачной», почти похоронной. С адским шумом движения, выхлопными газами и дымом от заводов в небе. «Ну и грязища! Правда, не нужно забывать, что мы прибыли с чистого воздуха, напоенного запахом деревьев и цветов. Века отделяют Амазонию от Боготы — века технологического прогресса, что позволяет латиноамериканским капиталистам эксплуатировать внутренние районы страны. Это также века отступлений, во время которых была забыта связь с природой». Эрнесто согласен с мнением своего старшего друга по всем пунктам, из-за астмы он особенно остро чувствует загрязнение.

Двум аргентинцам дышится в Боготе хуже еще и потому, что у них гнетущее ощущение от жизни в побежденном городе. Правительство Лореано Гомеса установило здесь настоящий террор. Студенческое собрание раскрывает перед путешественниками политическую панораму в стране, где страх репрессий отваживает от оппозиционных поползновений. Два

друга уже столкнулись с полицией: однажды они потерялись в лабиринтах улиц, похожие на плохо одетых бродяг. Фусер достает из своей дорожной сумки нож для разрезания бумаги в форме кривого кинжала и острием чертит на земле маршрут возвращения. И тотчас же сбир в униформе, прихода которого они не заметили, пробует отобрать у них инструмент. Резкая реакция Эрнесто, который хватает его ружье. Инцидент заканчивается в полиции — без эксцессов, тем не менее это возмущает их друзей-студентов, когда те узнают о случившемся.

В конце довольно неинтересной недели, исключая посещение музеев и велопробег, хирурги потеряли всякую надежду воспользоваться на месте своим искусством или встретить коллег. Выдворенные родным аргентинским консулом в эту неспокойную страну, они решают отправиться в Венесуэлу. Отъезд 11 июля в пять часов утра в омнибусе. Фусера прихватывают два приступа астмы: первый в Малаге, второй в Кукуте, на колумбийско-венесуэльской границе, где они вынуждены покинуть шумное кабаре с музыкой, бандитами и проститутками и поспешить сделать укол адреналина. Кукута — странная международная платформа, где встречаются люди со всех уголков земли, занимающиеся чем угодно.

В Сан-Кристобале, первом поселке на длинной дороге, ведущей в Каракас, Фусер и Миаль пьют за взятие Бастилии. 14 июля Фусер, который оправился от своей болезни, чувствует себя прекрасно. Где пешком, где автостопом наши землепроходцы следуют через Мериду 16-го и через Баркисемето 17-го, чтобы наконец 18-го достичь Атлантического океана и Каракаса. Здесь их ждет денежный перевод от семьи Гевара, который позволяет им попировать. В посольстве их встречают как чумных собак. «Навозом потянуло», — слышат они, что, разумеется, правда, но тетя их аргентинского друга Маргарита Кальвенто для них готова была разорваться на части.

Для двух путешествующих собратьев приближается час расставания. Проведя вместе почти семь месяцев, они начинают задумываться о будущем. Альберто будет искать место в лаборатории в Каракасе, Эрнесто вернется в Буэнос-Айрес закончить медицинское образование. Один из его дядей, агент американского торговца лошадьми, находится как раз в венесуэльской столице и должен возвращаться в Аргентину, сопроводив четвероногий груз в Майами, с ним Фусер вернется домой, сделав крюк через Флориду.

Однажды вечером за столом у доброй тетушки Маргариты аргентинский журналист, работающий для североамериканского агентства ЮПИ, начинает излагать «великую» теорию о более

низком уровне латиноамериканцев по сравнению с англосаксами, что вызывает раздражение у его соотечественников. Из уважения к хозяйке Эрнесто все же удерживается от каких-либо комментариев. До момента, когда он слышит:

— Жаль, что аргентинцы побили в 1806 году англичан, а то оба американских континента говорили бы по-английски и все шло как в Соединенных Штатах!

Хлесткая реплика Фусера:

— Что касается меня, я предпочту быть безграмотным индейцем, нежели североамериканским миллионером! — И продолжая: — Или у нас было бы как в Индии, где местные страдают от истощения и на 90 % безграмотны, через два века после колонизации англичанами…

26 июля 1952 года, ясным утром, Эрнесто Гевара готовится покинуть аэропорт Маикетиа в самолете, полном лошадей. Двое путешественников сокращают прощание, каждый сдерживает обуревающие его эмоции, хитрит, чтобы не расстраивать другого.

— Сдавай свои экзамены и возвращайся ко мне, мы пойдем в Мексику, — Миаль борется со спазмами в горле.

Поднимаясь в самолет, Фусер прячет лицо, чтобы его не увидел друг.

Глава VI
У ГРИНГО

Поломка мотора задерживает Фусера в Майами. И вот он один-одинешенек на североамериканской земле на неопределенное время с одним-единственным долларом в кармане. Проводив дядю и его лошадей по назначению, он спрашивает себя, как убить время. Начинает с того, что находит место мойщика посуды в ресторане, благодаря чему обеспечивает прожиточный минимум. А поскольку это дает ему свободное время, он шатается по улицам и наблюдает, «как здесь идут дела».

Первое, что его поражает, — это могущество доллара. Все вертится вокруг долларовой бумажки (dollar bills), и в шутку всех американцев Эрнесто называет Биллами. Он прогуливается по маленькому городу, который насчитывает три сотни тысяч душ в то время (два миллиона сегодня), ест хот-доги и обнаруживает, как сильна здесь сегрегация. Потомки рабов не всегда имеют те же права, что и их «белые братья». В кинотеатрах вестерны противопоставляют «хороших» ковбоев и «плохих» индейцев. Эрнесто не отождествляет Соединенные Штаты с этим манихейством, не испытывает ненависти к «сеньорам Биллам», видит в них маленьких детей без реального политического сознания, имеющих культ доллара.

Если у него и нет ненависти к американскому народу, зато он ненавидит его политических лидеров и промышленных магнатов, которые давят на латиноамериканские страны, мешая им развиваться по своему усмотрению.

Через месяц, 31 августа, «дуглас» в состоянии, наконец, взлететь. Эрнесто засыпает среди ящиков с фруктами, которые заменили лошадей. После остановки в Каракасе — прибытие в Буэнос-Айрес. Радость семьи, пришедшей встречать его в огромное здание аэропорта, безгранична. По возвращении в квартиру на улице Анераль в квартале Палермо его сначала отправляют в ванную помыться и надеть чистую одежду, затем садятся за стол. Тут все его любимые блюда: пирожки с мясом, поджаренная говядина с вином Мендоса и венчает все пиршество мате в серебряной бомбилье, привезенной из Кордовы, с выгравированным на ней его именем. Открыв рот, все слушают рассказ о его путешествии, смягченный, однако, в наиболее убивающих деталях. В глазах присутствующих гордость и одновременно тревога, неуловимое беспокойство. «Он больше не

тот. В лице какая-то жесткость, что-то сильно изменилось в нем», — шепчет Анне Марии хорошенькая Матильда, по прозвищу Минутча, невеста его брата Роберто.

Решено как можно быстрее сдать пятнадцать экзаменов, которые ему остаются, чтобы получить диплом врача. Итак, нужно полностью погрузиться в работу. Для этого он выбирает дом своей любимой тетушки Беатрис, где никто его не потревожит, и предполагает закончить к маю 1953 года, что явно нереально. В ноябре он сдает три экзамена — урологию, офтальмологию и кожно-венерические болезни. В конце 1952 года еще десять, среди которых судебная медицина, гигиена, ортопедия, туберкулез, инфекционные болезни. Немного позже четырнадцатый, и наконец, 11 апреля 1953 года последний дипломный экзамен своего марафона: неврологию. Его мать счастлива, он удовлетворен. Профессор Писани потирает руки, уверенный, что нашел в Эрнесто ассистента, того, кто однажды заменит его. На Писани большое впечатление произвел рассказ о прокаженных Амазонки.

Теперь Эрнесто может немного вздохнуть, снова увидеть своих друзей, побывать на матче по регби — и все это с мыслями о Миале, который прикован к микроскопу в лаборатории Каракаса.

ЧАСТЬ II
ИЛЬДА ГАДЕА И ФИДЕЛЬ КАСТРО

Глава VII
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОСВОБОДИТЕЛЬ АМЕРИКИ!

За два дня до празднования своего двадцатипятилетия Эрнесто Гевара де ла Серна получает диплом врача, подписанный доктором Карло А. Банкарали.

Человек слова, он выполнил обещание, данное матери до отъезда с Гранадо, и готовится исполнить другое, которое соединит его с другом: приехать к нему в Каракас и отправиться вместе в путь.

В своем втором путешествии в Латинскую Америку Эрнесто не один, его сопровождает Карлос Феррер, по прозвищу Калика, близкий семье Гевара. 7 июля 1953 года во второй половине дня после обеда молодые люди прыгают в поезд Якуиба Поситос, который только что вошел в вокзал *Эль Ретиро Феррокарилъ Женераль-Бельграно.* Селия Гевара де ла Серна берет себя в руки, чтобы сохранить достоинство и не заплакать. На этот раз она и не пробовала изменить решение сына. К тому же она знает, что впредь он сам способен лечить себя своими собственными средствами, для аллерголога астма не является большим секретом.

Как только поезд отходит, ее вдруг охватывает дурное предчувствие. Слушая сердце, она бежит по перрону вдоль поезда, ускоряющего движение. Улыбающаяся физиономия Эрнесто показывается в окне. Серым и холодным вечером аргентинской зимы Селия слышит, как ее сын бросает в ветер истории эти слова:

— Вперед, завоеватель Америки!

В Ла-Пасе, настоящем гнезде кондоров, Эрнесто снимает с Каликой лачугу на улице Янакучо. Они проводят здесь самое прекрасное время, слушая шум кафе на авеню 16 июля, где пьют горячий шоколад с молоком. Так как он бывает на террасе шикарного *Сюкр-Палас-Отеля,* можно оценить контраст между богатыми клиентами и бедным народом на улицах: чолас и индейцы, несущие своих детей на спине, старые беззубые индейцы, жующие колу, молодые, пытающиеся привлечь внимание иностранцев, чтобы продать им что-нибудь. Прислонившись к позолоченной стене самого шикарного отеля, Эрнесто рассматривает андинский народ, одетый в лохмотья, который никогда не улыбается.

Глядя на униженных людей, не сразу догадаешься, что Боливия в самом разгаре переворота. Под сенью знамен восстания рождается новый класс. Народная борьба дала возможность восстановить реформистское правительство Пас Эстенсоро, на которое Эрнесто смотрел с надеждой. Разочаровываться он будет по мере того, как начнут развиваться события. Любители тропических фруктов, аргентинцы регулярно посещают бурлящий и колоритный рынок Гамачо, где продают даже зародышей животных в стеклянных банках. Во время путешествия с Альберто Гранадо старший из рода Гевара научился набивать себе живот, едва представится случай. Так, он попировал у одного аргентинского беженца, плантатора по имени Нуже, выращивающего сахарный тростник. Что-то от верблюда перед переходом через пустыню есть у нашего парня, способного пообедать у Лукулла, а потом переносить длительные периоды полного воздержания.

По возвращении от Нуже пули взрывают землю вокруг автомобиля, который везет их в Ла-Пас. Три гвардейца Революции, индейцы в лохмотьях, с дымящимися ружьями в руках, требуют ответа, кто они.

— Мирные люди, — кричит Эрнесто.

Через несколько километров после Обрахеса внимание аргентинцев привлекают бросающаяся в глаза вывеска и звуки оркестра кабаре «Золотой петух». Скрываясь от индейцев, которые мерзнут, охраняя улицы, сливки национального революционного движения потихоньку просачиваются сюда. На самом деле революция использована меньшинством в ущерб народу, ослепленному свободой, а равно и опьяненному.

В этот день 26 июля на острове Куба студенческий лидер по имени Фидель Кастро Рус атаковал казарму Монкада на востоке страны в Сантьяго.

Желая иметь более точное представление о штабе боливийских революционеров, Эрнесто и Калика испрашивают приема у министра сельского хозяйства.

У входа в министерство молча ждет нескончаемая очередь индейцев, обожженных ветрами высоких плато, в сандалиях и заношенных штанах. Они надеются получить землю, которую им обещал новый аграрный закон. Взгромоздившись на ящик над этой бесстрастной толпой, министерский чиновник нажимает пульверизатор с ДДТ. Один за другим крестьяне покрываются облаком пудры.

В письме матери, которое он подписывает *Чанча,* сквозит явный пессимизм: «Если в Боливии царит такой чудовищный климат свободы, то я сомневаюсь в будущем этой революции. Люди, стоящие у власти, дают индейцам ДДТ, чтобы временно освободить их от вшей, которые тех осаждают, но они не решают таким образом основную проблему пролиферации насекомых».

Оскорбленный таким отношением к себе подобным, Эрнесто с двойным чувством слушает речь министра. Его убеждение: если революция не приведет индейцев к выходу из духовной изоляции, если она не в состоянии глубоко понять их, вернуть им человеческое достоинство, эта революция потерпит поражение.

Шахматист Эрнесто еще не принял позиции в политических шахматах, но все больше и больше теряет уважение к теоретикам. В нем клокочет возмущение, он готов сразиться с теми, кто нарушает свои обещания. Когда ему понадобятся два места в машине, идущей в Перу, кассир спросит:

— Конечно, первым классом?

— Первым классом?

— Первым классом значит рядом с шофером…

— Ничего подобного! Мы едем сзади, как все.

Вот таким образом он продолжает открывать Nuestra Mayuscula America[7], как он называет Америку.

Неторопливо наслаждается великолепием озера Титикака. Плывя в лодке, открывает красоту храма солнца, построенного на одном из островов озера-моря. Он возвращается в Мачу-Пикчу на этот раз с книгами, которые позволяют ему вникнуть во все, что вокруг. Позднее он напишет произведение под названием *Мачу-Пикчу: загадка камней Америки.*

По воспоминаниям его будущей жены Ильды, в Ла-Пасе он встречает Рикардо Рохо, студенческого руководителя, друга политизированных подростков, но принявшего менее радикальную линию, нежели Эрнесто. Рохо заронил ему в голову идею отправиться в Гватемалу, что и толкнет его изменить маршрут. Вместо того чтобы продолжать двигаться на Каракас, он

поднимется в Центральную Америку. В Гватемале начинается революция, и ни за что на свете он этого не пропустит — тем более, что североамериканцы ее уже приговорили.

Он пересекает Боливию, снова Перу, затем Эквадор, где садится на судно в порту Гуайакил до Манагуа — в Никарагуа через Панаму. Он путешествует автостопом. Уже не с Карлосом Феррером, который остался в Гуай-акиле, а с другим аргентинцем, Эдуардо Гарсией, диковатой личностью, прозванным Эль Гуало. В лохмотьях, ноги в крови, Эрнесто Гевара приближается к своей судьбе.

Сан-Хосе (Коста-Рика) — место скопления латиноамериканских беженцев в течение первого года правления Хосе Фигуереса. Здесь в кафетерии *Сона Палас* Эрнесто встречает кубинских беженцев. Там же ему случается беседовать с доктором Ромуло Бетанкуром и Хуаном Бошем, будущими президентами Венесуэлы и Доминиканской Республики, и он обнаруживает в себе талант к политической работе. В начале декабря он сводит знакомство с двумя участниками нападения на Монкаду — Каликсто Гарсией, который станет командующим повстанческой армии, и Северино Росселем, тоже будущим персонажем революции. Они вынуждены были бежать, потерпев поражение в атаке, когда схватили их вожака Фиделя Кастро.

Задетый до глубины души рассказом этих людей о Кастро, он пишет своей тете Беатрис: «Тетя, тетя, тетя, во время моего путешествия по владениям Соединенного дохода (так он характеризует североамериканскую систему. — *Прим. авт.),* я смог убедиться, сколь страшна их власть. Я поклялся не останавливаться, пока не увижу уничтоженными этих капиталистических осьминогов. Отправляюсь в Гватемалу, где буду учиться на настоящего революционера». Мимоходом он замечает: «В придачу к случайной медицинской практике я пишу статьи для журналов, что приносит мне немного денег. Читаю лекции о доколумбовских цивилизациях…» Заканчивает с пафосом: «Крепко тебя обнимаю, целую, люблю. Твой племянник, с железным здоровьем, пустым животом и светлой верой в социалистическое будущее».

В декабре 1953 года он уже в Гватемале, откуда пишет своей матери:

«*Дорогая старушка!*

Наконец здесь, я чувствую, что-то готовится… но все по порядку. Покинув Сан-Хосе, мы с Гарсиа ехали автостопом, пока позволяла дорога. Затем пешком одолели пятьдесят километров, отделявших нас от никарагуанской границы. Покалечил пятку. Грузовик, на котором мы ехали, опрокинулся в реку, и я поранил

ногу. Познакомился с братьями Беберагги-Альенде, о которых папа должен был слышать, так как среди антиперонистов они считаются самыми решительными. В их компании продолжили путешествие — у них появилась прекрасная идея взять нас с собой. Должен сказать, что мы приняли их за гринго — с большим плакатом Бостонского университета. Так дотащились до Манагуа, где в аргентинском консульстве меня ждала вредная телеграмма старика, который решил с чего-то проявить совершенно лишнюю заботу (он ему предлагал деньги. — Прим. авт.). Ему нужно понять, пусть я буду сдыхать с голоду, но не попрошу у вас ни песо. Пропивайте за мое здоровье монеты, которые вы мне предлагаете в ваших телеграммах, это будет полезнее…»

В другом стиле, нежели приключения на Подеросе II, но поездка на автомобиле братьев Беберагги оказывается тоже впечатляющей. Когда Эрнесто и корпулентный *Гуало* Гарсия влезают в огромную американскую машину, она уже наполнена всякой всячиной: фонари, шины, еда всех видов и три кота. Для того чтобы существовать, пришлось постепенно продать все, кроме котов… которых никто не хотел покупать!

В Сиудад-Гватемале у Эрнесто срывается шанс занять место санитара в местном лепрозории. Плата двести пятьдесят кенталес и свободное послеобеденное время. Ничего хорошего, но его не оставляет надежда. «В любом случае все образуется, так как здесь не хватает врачей, — пишет он. — И если не найду ничего лучше, уеду из города поближе познакомиться с древними цивилизациями. В этой столице, не большей, чем Байя-Бланка, и такой же тихой, как она, чудный климат равенства и объединения со всеми находящимися там иностранцами».

Вскоре Эрнесто встретит ту, которая станет его первой женой, перуанку Ильду Гадеа Акоста, родившуюся в Лиме 21 марта 1925 года. За удлиненные глаза, следствие андинского происхождения, друзья звали ее «китаянкой». Студентка факультета экономических наук вступила в ряды Апристской молодежи[8]. Блестящий оратор, она была самым молодым членом национального исполнительного комитета и являлась членом руководящего бюро.

3 октября 1948 года в Перу произошел государственный переворот генерала Мануэля Аполинарио Одрио. Ильда не собирается жить в стране, управляемой военным диктатором, и прежде чем имигрировать в Гватемалу, она укрывается в посольстве этой страны в Лиме.

В Сиудад-Гватемале она находит прежде всего духовную пищу, а что касается всего остального, то делит сухой хлеб с другими перуанскими беженцами.

Эта малютка обладает жизненной силой и уверенностью в будущем, которые электризуют ее близких. От нее исходит такая сила — Эрнесто покорен. Более того, она невероятно элегантна, что еще больше подчеркивает нелепую одежду ее поклонника. Решено, он хочет именно ее. Она займет важное место в его жизни, но если парня сразу же захватывают пылкость и ясность ее речей, с самой первой встречи 2 декабря 1953 года, то она по отношению к нему более осмотрительна: да, он слишком красив, чтобы быть умным, и довольно самонадеян. И все же ему удается покорить сердце Эгерии (нимфы) левых латиноамериканцев Сиудад-Гватемалы.

Эрнесто и Ильда видятся часто. Для изучения друг друга любой повод хорош. Они обмениваются книгами, оба предпочитают великих русских писателей: Толстого, Достоевского, Горького… Эрнесто погружается в «Мемуары революционера» Кропоткина, которые она ему дала. Их споры касаются больших проблем: «Куда идет мир? Где выход для человечества? Когда будет конец капитализму?» А также — происхождение собственности, государства, «Капитал» Маркса… Эрнесто рассказывает ей, как мальчишкой проглатывал все произведения, которые попадались ему под руку. Он вспоминает, как читал Сальгари, Жюля Верна и Стивенсона. Ильда помогает ему повысить свое политическое образование, предлагая «Новый Китай» Мао. Позже, основательно пропитавшись им, он говорит ей:

— Я заметил, что китайская жизнь близка латиноамериканской. У коренных жителей такие же трудности, как у нас. Одна только планетарная политика сможет их разрешить.

Возбужденный «Новым Китаем», Эрнесто уже готов вести Ильду на Великую стену. Китайский колосс зачаровывает его. После своих соотечественников Ильда сводит его с кубинцами. Эрнесто вспомнил о своей встрече с Каликсто Гарсией и Северино Росселей в Сан-Хосе Коста-Рики.

31 декабря 1953 года на 6-й Авеню, в доме Мирны Торрес, дочери никарагуанского беженца, на встрече нового года, он представлен Марио Дальмо, Армандо Арен-сибиа и Антонио Дарио Лопесу. Знакомится он и с Нико Лопесом, Эль Флако[9]. Атаковавший казарму Байямо 26 июля 1953 года, день Монкады в Сантьяго, тот хранит непоколебимую веру в победу кубинских революционеров. Эрнесто просит его рассказать все, что знает о Кастро, который все более вырисовывается в его глазах как личность на международной сцене. Он встречается с семейством Роа, отцом и сыном, оба носят имя Рауль, и их матерью, Адой

Кури, кардиологом. Отец руководит журналом *Человечество,* выпускаемым группой политических эмигрантов, он мог бы стать первым президентом Республики в послереволюционное время. Сын, экс-секретарь *Человечества,* сегодня посол Кубы в Париже.

В Мексике все имена аргентинцев начинались с *Эль Че.* Он не стал исключением: Эль Че Гевара. Когда Нико Лопес, семья Роа и другие кубинцы начали общаться с ними, он уже откликался на это имя. Для простоты он остается Че. *Че* происходит от междометия, которое на аргентинском наречии начинает или заканчивает фразу. На самом деле Эрнесто отличался от своих латиноамериканских друзей, употребляя «че» в конце каждой фразы. Это слово приклеилось к нему. Корни этого междометия находятся в итальянском языке: «Que cosa c'e? — «Что такое?». Массовая эмиграция через Альпы в Аргентину сделало их c'e — *«че».*

Однажды на вечеринке у Мирны Торрес Эрнесто приглашает Ильду на танго. Он шаркает ногами, как конькобежец. Эта особая манера танцевать, не отрывая ног, умиляет и забавляет его партнершу.

Небольшая группа из пятнадцати человек, большей частью кубинцы, продолжает вечеринку на природе. Из еды у них колбаса, картошка. Время от времени они садятся на лошадей. Упражнение, в котором Эрнесто нет равных, удобнее выполнять на жеребце, нежели на танцевальной площадке. Галоп напоминает ему детство в Альта-Грасиа, когда он скакал с гаучо.

Став другом Ильды, красавчик-аргентинец взял себе в голову стать ее мужем. Весьма своеобразно сообщает ей об этом, наслаждаясь природой:

— Ты здорова, от здоровых родителей, значит ничто не препятствует тому, чтобы я получил твою руку…

Если он не получает тотчас символическую руку, но его и не отталкивают посреди цветущего поля:

— Дай мне время подумать, проверить, что говоришь серьезно.

Пока что Ильда покорена его политической убежденностью.

Однажды Эрнесто, подстрекаемый Гуало, стучит в ее дверь, прося финансовой помощи: они на улице! Ильда со своей стипендией Института народного хозяйства, часть которой она каждый месяц отправляет родителям, тем более не при деньгах. Пустяки! Она достает из шкатулки золотые медаль и кольцо, в ломбарде за них дадут некоторую сумму. Ильда, помогая Эрнесто, удостаивается редкого доверия, если вспомнить, как он отказал в этом своему отцу!

Оба аргентинца начинают распродавать все, что попадется

под руку: религиозные изображения, статуэтку Христа, деревянные фигурки святых, чтобы собрать деньги для выкупа залога. Операция проведена в рекордный срок. Честь обязывает! В течение этого времени Эрнесто работает бесплатно в госпитале конституционного правительства. Он много читает и активно встречается с кубинцами, которые подробно рассказывают ему о том, что происходит на острове. Так формирует он свои революционные взгляды, мечтает о борьбе. Чукикамата был откровением, Монкада становится наваждением. Они были там, он — нет…

В Гватемале, на земле майя, единственных мезоамериканцев, знавших бетон, в этой маленькой стране, где стучит сердце Центральной Америки, к югу от Мексики, к северу от Сальвадора и Гондураса, там, где народы оказались между Северной Америкой, глашатаем мира, основанного на долларе, и Южной Америкой, которая идет наощупь в унылой и мучительной темноте, именно здесь, между Карибами и Тихим океаном, он продолжает превращаться в Че Гевару.

— Поскольку человек человеку волк, он будет бороться на стороне угнетенных и слабых, — подтверждает сегодня Альберто Гранадо.

Романтик? Вероятно. Наверное. Из тех романтиков — с сознанием, сердцем и совестью — человек с тремя «С».

Сомнений нет, в Сиудад-Гватемале Эрнесто выбрал свой лагерь. Он на стороне индейцев. Всех — потомков инков, ацтеков, майя и краснокожих Севера. Он с теми, кого считает настоящими американцами.

В феврале 1954 года над маленьким анархистским государством президента Жакобо Арбенса сгущаются тучи. Смесь культур бурлит, разогревает умы, будоражит дух там, на севере, со стороны Каса-Бланки. Распространяются тревожные вести, что страна скоро будет оккупирована. Эрнесто этот факт приводит в сильное возбуждение. Он знает членов правительства. Не появился ли он в Сиудад-Гватемале, имея рекомендательное письмо к Хуану Анхелю Нуньесу Агуиляру, одному из близких соратников президента? Он готов, если нужно, взяться за оружие. 21 февраля, когда психоз страха начинает охватывать город, Эрнесто звонит Ильде и приглашает ее на митинг по поводу годовщины никарагуанского борца Аугусто Сесара Сандино. Он ошеломляет свою «нареченную», появившись в великолепном сером костюме, подаренном Гуало незадолго до отъезда того в Аргентину. Но через два дня его сотрясает ужасный приступ астмы…

— Меня к постели приковала астма…

Прибыв на 5-ю улицу в старенький и бедный пансион, где обитает Эрнесто, один после отъезда Гуало, Ильда впадает в шок. Вид человека, которого она любит, невозможно описать. Лежит в кресле около двери, бледный как мертвец. При каждом вдохе грудная клетка издает легкий свист. Но Ильда быстро убеждается в силе его характера.

— Найди чистый шприц и ампулу в тумбочке, а еще вату и спирт, — спокойно произносит он.

Ильда все выполняет. И видит, как он сам делает себе укол, привычка с десятилетнего возраста. Она замечает, пока идет к креслу, что ампула — с адреналином. Отказываясь от чьей-либо помощи, Эрнесто медленно поднимается с кресла. Сила его характера и внутренняя дисциплина производят впечатление на Ильду, которая разговаривает теперь с хозяйкой, принесшей больному поесть — рис и яблоко. Та поясняет:

— Ничего, кроме этого, ведь все случилось после вечеринки по поводу отъезда их друга, перебрали, вот и приступ.

Ильда не может удержаться:

— Как жаль, что такой сильный человек, который столько может сделать для общества, и так ослаблен. На его месте я бы пустила себе пулю в лоб. Никогда не смогла бы выдержать такие мучения.

Есть версия, несмотря на опровержение его дочери Ильдиты, что именно так все и произойдет. С той лишь разницей, что в боливийском местечке Чако пулю пустит другой. Был ли у Че убийца, как считал Насер? Можно долго спорить по этому поводу. Скажем, что Эрнесто прожил на земле сверх того, как ему удалось не задохнуться от астмы. Трудно представить его заканчивающим свои дни в домашних тапочках, у огня. Он боролся до предела, когда понял, что уже нельзя победить…

Еще три вечера Ильда будет приходить в пансион Ториель навещать больного. Редкие моменты близости, в течение которых ей открывается вся глубина Эрнесто, особенно его склонность к поэзии. Она приносит ему поэмы перуанца Сесара Валлехо и других, опубликованные в местной прессе. Одна из них, «Твое имя», особенно понравилась Эрнесто. Он учит ее наизусть и читает Ильде. То, что он знает творчество Неруды, еще более их сближает. Он называет ей своих любимых поэтов, пишущих на испанском языке, — Федерико Гарсиа Лорка, Мигель Эрнандес, Габриэлла Мистраль и аргентинцев — Хосе Эрнандес, автор поэмы «Мартин Фьерро», которую он знает наизусть, а также Хорхе Луис Боргес, Леопольдо Марешаль, Альфонсина Сторни, и уругвайцев — Хуана де Ибарбуру и Сара де Ибаньес. На английском языке больше всего им обоим нравится Редьяр

Киплинг. Эрнесто рассказывает Ильде о своих симпатиях во французской литературе: Вольтер, Руссо, Рембо, Бодлер, Апполинер. Он дает своей подруге «Кожу» Курсио Малапарте, а также сочинения Хорхе Икаса, эквадорского писателя, которого он узнал в Гуайакиле.

Эрнесто снова на ногах, Ильда представляет ему американца Гарольда Уайта, о котором она мало что знает, но считает его настоящим революционером. Уайт читал лекции о марксизме в университете Юта. Оба с удовольствием общаются на странной смеси испанского и английского. Они переворачивают кипу литературы: Фрейд, Павлов, Энгельс, чей «Анти-Дюринг» их волнует.

— Мы были согласны с развитием мысли, — говорит Ильда. — Мы придерживались материалистической концепции, социалистической концепции, которая рассматривает индивидуума как элемент общества. Так же мы были согласны отказаться от значения индивидуума, чтобы способствовать социальному развитию всех. Потому что в конечном итоге это отразилось бы и на индивидууме, который тоже был бы в выигрыше.

Зато их мнения о Сартре, и особенно о Фрейде, отличаются: Эрнесто считает, что сексуальность является основой жизни, Ильда находит этот взгляд упрощенным. Однажды вечером они идут в театр, где дают «Добродетельную шлюху» Жана Поля Сартра. Расистские и экзистенциалистские проблемы, поднятые в пьесе, дадут пищу для словесной схватки на долгие часы.

В другой раз Ильда приглашает одного из своих знакомых, Герберта Цейссига, немца с Востока. Этот молодой коммунист, кажется, в состоянии снабдить Эрнесто визой в Мексику. Идея как можно быстрее дать тягу принадлежит Ильде. Она боится за его безопасность: в случае смены правительства он рискует быть схваченным из-за симпатии к Арбенсу. Правда, сначала ему необходимо узаконить вид на жительство. Каково же его удивление, когда Цейссиг со всей откровенностью предлагает:

— Ты записываешься в партию и получаешь вид на жительство!

Это именно то, чего нельзя говорить Эрнесто Гевара. Он терпеть не может, когда его вынуждают. Если он захочет записаться в партию, он сделает это сам, по собственной воле. Нет, он не против коммунистических идеалов: просто этот метод, направленный на увеличение количества членов, его раздражает.

С этого момента он вне закона из-за отказа от предложения коммуниста, чья тактика пополнения рядов очень похожа на тактику кюре, который поставил крест на святом холме андинов.

То, что документы не в порядке, не слишком волнует: в следующую субботу появляется Нико Лопес со своей бандой и берет его с собой провести день в одном из двенадцати поселков, названных именами апостолов, которые им покровительствуют. Однако Лопеса раздирает любопытство.

— Че, а зачем тебе спальный мешок, если мы возвращается вечером?

Эрнесто хочет определиться. В ситуации в Гватемале, в своем собственном положении, в своем будущем с Ильдой. Итак, он заснет на берегу озера. В голове у него, конечно, Ильда, но когда он вернется:

— Президент Арбенс должен был опереться на вооруженный народ и уйти бороться в горы. Неважно, сколько это продлится.

В середине июня 1954 года он добивается приема у двух политических деятелей, наиболее уважаемых в стране: Марко Антонио Вилламара и Альфонсо Бауер Пайса. Первый рассказывает ему, что он с большой группой рабочих ходил в арсенал за оружием. Военные пообещали открыть огонь. Что касается президента, кажется, он принял уже решение: отставка. Отсюда отношение солдат.

26 июня знаменует официальное отречение Арбенса. Среди латиноамериканцев паника. Их посольства взяты штурмом. Силы под командованием полковника Кастильо Армаса, управляемые ЦРУ, оккупируют Гватемалу. Тетя Беатрис получит письмо: «Янки окончательно сняли маски «добреньких», надетые на них Рузвельтом, и играют в грязные закулисные игры. Если придется бороться подручными средствами против авиации и современных армий, мы будем драться. Сознание у народа ясное, и Гватемала — подходящее место для вооруженной борьбы. Я уже записался как врач на срочную службу и определен в «молодежные бригады» получить инструкции и отправиться куда пошлют (…) Североамериканская военная миссия встретилась с президентом Арбенсом и угрожала ему бомбардировкой страны до полного ее разрушения, если он не уедет. К сему добавляется объявление войны Гондурасом и Никарагуа, союзниками Соединенных Штатов. Узнав эти новости, гватемальские военные заставили Арбенса отречься. Я намереваюсь отправиться в Мексику. Что бы ни случилось, я буду участвовать в вооруженном восстании…»

Цвет заявлен: красный как коммунизм, красный как кровь, которая прольется, чтобы обеспечить победу Кубинской революции.

Под бомбами, для устрашения падающими на Сиудад-Гватемалу, чтобы принудить президента Арбенса к отставке, врач-бродяга становится Че. Он шагает по улицам и испытывает

странное ликование. В ночи, исполосованной, как зебра, вспышками огня, его как будто несет неведомая сила. Он тверд в своем решении.

Вот что Эрнесто пишет в письме, которое мать получит в конце июня 1954 года: «Несколько дней назад (15 июня) самолет-пират, прилетевший, без сомнения, из Гондураса, пытался взорвать столицу. На следующий день и несколько последующих наемниками была предпринята попытка бомбардировки военных баз, а два дня назад убили двухлетнего мальчика. Вот возможность сплотить народ и армию…»

Глава VIII
МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Вечером 26 июня 1954 года в хаосе растерзанного города, в стране, где скоро изменятся власть и отношения, Эрнесто Гевара снова предлагает Ильде стать его женой. На этот раз в серном воздухе Сиудад-Гватемалы раздается «да». Правда, в нем слышится легкое «но», которое зависит от опасности, неясной и тем более ужасной, чтобы слишком настаивать на свадьбе.

На деле их судьбу решат те непредсказуемые случайности, которые сопровождают жизнь борца. Ильда предполагает отправиться в Аргентину, она сможет там рассчитывать на родителей Эрнесто, прежде чем вернуться в Перу, где политическое положение ее совершенно не устраивает. Прежде всего как можно скорее ей необходимо сменить место жительства. Именно тем вечером, когда она собирается отнести свои вещи к верной подруге, ее арестовывает полицейский в гражданском, который ждал у двери.

Рассыпанные фотографии, письма, перевернутые ящики… комната обыскана сверху донизу. Полицейские отвозят ее в женскую тюрьму. Эрнесто вообще-то должен был помочь ей переехать, но сегодня как раз святой день, когда он пишет домой, и, что называется, счастливо отделывается.

Ильда находится за решеткой вместе с нарушителями гражданского права, которых она научит читать и писать, прежде чем начнет голодовку. Наконец две перуанки — Никанор Мухика Альварес Кальдерон и Хуан Фигероа — передают ей новость, которую она ждет: Че спасен. Эрнесто нашел убежище в посольстве своей страны. Он хочет выйти, чтобы спасти Ильду. Соотечественники отговаривают его, ведь он вне закона.

Посольство Перу глухо и немо. Ильда остается в тюрьме, получая каждый день чашку супа. До того момента, как она по телефону просит нового президента, с которым познакомилась раньше, принять ее. Политическая беженка, кем она является, хочет вернуться в свою страну. Пусть ей позволят покинуть Гватемалу! Дерзость Ильды срабатывает быстрее, чем она думала. Директор тюрьмы понимает, что, наверное, не удастся долго прятать в тени эту перуанку, которая, не колеблясь, стучит в дверь президента…

Он ее освобождает, она устремляется в аргентинское посольство. Автомобиль, полный полицейских, охраняет вход. Невозможно преодолеть заграждение. Взбешенная, она

возвращается на следующий день, отдохнув и поев у подруги. Наконец ей удается связаться с Эрнесто, передав ему две записки. Вот одна из них: «Меня не хотят пропустить в посольство, боясь, что я передам тебе распоряжения. Не знаю, откуда. Думаю, они боятся, как бы я не попросила политического убежища».

Несмотря на то, что Ильда больше этого уже не хотела, ее пригласили в президентский дворец. Она предстает там в наряде, изумительно оттеняющем ее красоту. Обыскав при входе, девушку затем приводят к преемнику Арбенса. Она едва узнает в человеке с нездоровым лицом и большим животом, защищенным бронежилетом, того жизнерадостного человека, с которым она когда-то болтала на вечеринке. У Кастильо Армаса по бокам два служащих, которые присутствуют при разговоре. Когда она требует гарантий для других беженцев, ей отвечают:

— Каждый случай будет рассмотрен индивидуально. Что касается вас, то если есть какие-нибудь проблему, вы можете рассчитывать на меня.

Она не верит ни единому слову. Со своей стороны, Эрнесто отказывается сесть на самолет, срочно присланный генералом Пероном, чтобы забрать земляков. В то же время он пишет рекомендательное письмо для гватемальцев, которые отправляются в иммиграцию в Аргентину: «Когда я босой топал пыльными дорогами Гватемалы, один из них подарил мне добрую пару ботинок, в которых я рассчитываю мерить дорогу в других местах. Взамен я ему сказал просто «спасибо». Вот случай выполнить мой долг признательности по отношению к нему».

В первые дни сентября 1954 года, через два года после окончания его приключений с Гранадо, Эрнесто скрывается на берегу озера Атитлан в поселке, где его никто не знает. Он использует эту передышку, чтобы расширить свои познания о майя. Еще он пишет внушительную статью под названием «Я видел падение Арбенса», в которой выплескивает гнев и ненависть к завоевателям. Первым читателем будет Ильда. Именно она провожает его на вокзал, откуда отправляется поезд в Мексику. Он достал документы через кубинских друзей. Девушка поднимается в вагон… и не выходит из него до первой остановки в Вилла-Каналес. Он жмет ей руку, декламируя поэму Валехо, «их поэму», и заключает:

— Встретимся в Мехико. Я жду тебя.

Без паспорта, как можно даже подумать об этом? На перроне, оставшись одна, Ильда спрашивает себя, не последний ли это поцелуй, вкус которого она еще ощущает на губах?

Возвратившись в столицу, невеста Че прямо с вокзала направляется домой к подруге, которая ее приютила. Перед

домом замечает велосипедиста, которого уже видела на вокзале, и когда она проходит в подъезд, ее окликают два человека, один из которых никто иной, как тот же велосипедист. Они спрашивают у нее документы и, прочитав имя, объявляют арестованной и высланной… в Мексику. Полицейские ошеломлены, когда на лице у нее появляется совершенно искренняя улыбка. Ожидать отправления приходится в тюрьме, где заключенные рады снова увидеть свою «учительницу». Но с ними Ильда проводит только ночь.

Пограничный город Малакатан, где Эрнесто был раньше нее, готовит неприятную неожиданность для подруги Че: ее отвели в новую тюрьму, неописуемо отвратительную. Здесь уже сидит испанец, единственный проступок которого заключается в том, что он, будучи трактирщиком, кормил чиновников правительства Арбенса. У него конфисковали ресторан, прежде чем упрятать в эту мерзкую дыру.

Похотливо ухмыляясь, унтер-офицер предлагает Ильде принять участие в охоте на крокодилов. Она отказывается. Его помощник, довольный, что его свинообразный шеф отвергнут, лезет к ней со своими предложениями:

— Мы вдвоем сбежим в Мексику. Я помогаю тебе пройти, а ты помогаешь мне найти там работу.

Нет, нет и нет: червякам указаны их места, там они и останутся. Ильда обдумывает, как выпутаться, а толстяк, наполненный как бурдюк супом и водкой, предлагает:

— Вы оба можете убираться, но по пятьдесят кетсалес с каждого.

У испанца нет ни одного. У Ильды шестьдесят. Решившись, она предлагает:

— Сорок, по двадцать за каждого. Так или ничего.

Счастливы освободиться от «индианки, которую не заставишь целоваться» и от «испанской мокрой курицы», представители закона отпускают их. Лодочник переправит их через реку, опасную в период паводка.

В Мехико, куда она прилетела на самолете благодаря деньгам своих родителей, предупрежденных телеграммой, Ильда бросается на поиски Эрнесто. Успех! Они встречаются в отеле *Рим* около берлоги, которую он делит на улице Кватекмок с молодым гватемальцем, встреченным в поезде, Хулио Касересом Валле, по прозвищу Эль Патохо, Коренастый. Он сразу же подружился с этим мальчишкой, родители которого были верны Арбенсу во время, которое Эрнесто уже называет «прекрасной эпохой».

По утрам он добровольно работает в госпитале. Выживает благодаря своему фотоаппарату, которым делает фотографии

мам, прогуливающих свое потомство. Патохо проявляет пленки и затем разносит фотографии по домам, где получает монету. Иногда Эрнесто занимается ловлей бабочек. В последующие месяцы он будет собирать материал, чтобы написать труд «Миссия врача в Латинской Америке». Закончив свои научные занятия, он напишет отцу о том, что надеется получить стипендию на учебу в Париже!

После того как Ильда рассказала ему о тюрьме, он в четвертый раз просит выйти за него замуж. «Да», на которое он надеялся, снова только «возможно». Эрнесто меняет тему разговора:

— Не пойти ли в *Реаль Синема* посмотреть на Ромео и Джульетту?

Это советский фильм по балету Чайковского. Возвращаясь, они увлеченно говорят о Шекспире.

В ту среду октября 1954 года Эрнесто не только нашел Ильду, он также снова увидел Нико Лопеса, случайно зашедшего в его госпиталь.

Как в добрые старые времена в Сиудад-Гватемале, сколотилась банда, состоящая из Ильды, Эрнесто и кубинцев. «Курильщики сигар», как их назвал Эрнесто, одним из которых станет он в Сьерра-Маэстре, ожидают освобождения Фиделя Кастро и его брата Рауля, узников Монкады. Еще только будет создано Движение 26 июля 1953 года, в память о первой вооруженной антибатистской демонстрации.

Че и его неразлучный приятель Хулио Касерес приглашены праздновать Новый год к поэтессе Люсиль Веласкес, которая живет под одной крышей с Ильдой. Немного попраздновав, Эрнесто провожает Патохо в книжный магазин, где тот зарабатывает сторожем несколько песо, и, чтобы не оставлять его одного в эту святую ночь, он тайком составляет ему компанию.

Позднее Че сам скажет по поводу своего верного приятеля:

— Эль Патохо жил как мог, работая в журналистике, учась в университете Мехико, прекращая учиться, отступая, не всегда зная, где он находится. Чувствительный, умный и гордый паренек был интровертом. Он просил Фиделя позволить ему участвовать в его экспедиции, Фидель отказал, не желая привлекать больше иностранцев.

Сразу же после победы Революции на Кубе Патохо присоединится к Че, который предоставит ему место в своем доме, как это было в Мехико. До того дня, как он отправится, по зову долга, в Гватемалу. Он отправится помочь освободить свою страну, чтобы она стала такой, какой была во времена Арбенса. Позднее до Гаваны дойдет известие о гибели группы

гватемальских товарищей. В письме будет его поэма, похожая на песню Революции, посвященную своей Родине и женщине, которую он оставил на Кубе:

Возьми мое сердце
И спрячь его в своих ладонях,
Настанет день, взойдет солнце,
Открой ладони навстречу ему,
Оно согреет мое сердце.

В министерстве промышленности, где Патохо работал и оставил много друзей, в память о нем была названа школа статистики — *Хулио Роберто Касерес Валле.*

Все время уходит на поиски любой работы, чтобы увеличить содержимое кошелька. В начале 1955 года Че нанимают в качестве фоторепортера осветить Панамериканские игры, которые проходят в столицах американских штатов. Эти олимпийские мини-игры — замечательные состязания, где атлеты Соединенных Штатов привыкли отхватывать львиную долю. Они соревнуются все четыре года и начинают в год, предшествующий олимпийским играм. Латинское информационное агентство, кажется, удовлетворено работой своего новичка. Оно не знает, что у него есть агентство: с помощью Патохо и кубинцев он сфотографировал не только матчи, но также сеансы тренировок и повседневную жизнь спортсменов в отеле.

Бумажник полон, а Че в очередной раз напоминает о своей просьбе Ильде. И Виракоча, Боливар, Карл Маркс, Марти, Бахус — по свидетельству его соратника Миаля — возликовали: она согласна! Свадьба назначена на май, то есть через два месяца. Эрнесто будет двадцать семь лет, подходящий возраст, чтобы надеть обручальное кольцо на палец.

Будущие супруги предполагают провести медовый месяц в Китае, благодаря сыну их друга, руководителю туристического агентства, у которого есть возможность достать билеты по умеренным ценам. Но выясняется, что путешествие совпадает со свадебной церемонией, и поскольку супруги нуждаются в деньгах, то прогулка к Мао окончательно перечеркнута. Позже они побывают там оба, но не вместе. Че отправится в Пекин после Кубинской революции, он будет «голосом Кубы». Иль-да пройдет по Великой стене после нескольких конференций в Японии, касающихся атомных взрывов.

В конце концов свой медовый месяц они проводят до свадьбы в Куернавака. Ильда уже носит их дочь. Время высшего наслаждения, когда Эрнесто забывает свой едкий юмор и полон

доброжелательства. Он украшает цветами их комнату в отеле, пишет и читает поэмы. Этот Близнец приоткрывает сторону «любви и мягкосердечия», другая сторона — борца, равнодушного к опасности, еще ждет своего часа. Две грани сложной личности, которые засияют в будущей борьбе.

Тот факт, что студентом он занимался графологическими исследованиями своего почерка, подтверждает интерес, который он проявлял к развитию своего характера. Он переписывал с регулярными интервалами одни и те же фразы на языке Мольера, последние слова приговоренного к смерти француза: «Я думаю, что у меня хватит сил на то, чтобы подняться на эшафот с поднятой головой. Я не жертва, лишь немного крови, которая удобрит землю Франции. Я умираю, потому что должен умереть, чтобы народ ощутил потерю».

Врач, археолог, писатель, журналист, фотограф, поэт, шахматист, спортсмен, он станет партизаном, президентом национального банка, министром, послом. Нет сомнений, Че талантлив. Его «Я» с ясностью и упорством привело к «Мы». Он — калейдоскоп, каждая грань которого освещает и направляет другие.

Разумеется, доктор Гевара интересовался болезнями сердца и специализировался в аллергологии, чтобы иметь возможность самому лечить себя. Ведь страшнее, чем диктаторы или угнетатели всех видов, был его злейший враг, тот, которого он держал заключенным в грудную клетку и с которым без устали боролся, чтобы не стать его рабом. Каждое утро в больнице его ждет нескончаемая очередь больных. Он не довольствуется только их осмотром и лечением — разговаривает с ними, распределяя свое рабочее время на огромное количество тех, кого принимает. Он проводит в некотором роде обширную анкету о «латиноамериканце».

В письме от 27 мая он признается отцу: «Гавана привлекает меня особенно: я хотел бы наполнить мое сердце картинами, тесно связанными с некоторыми страницами у Ленина». Бесспорно, в нем созревает идея отправиться на Кубу, которая засела у него в голове с момента встречи с Нико Лопесом в Гватемале. Уже есть, правда, еще туманный, спрятанный в глубине его подсознания, проект, ожидающий новых элементов, чтобы проявиться вовне.

Через несколько дней он пишет матери: «Я покорил Попокатепетль и наконец смог заглянуть внутрь Пачамамы. Здесь, в Мехико, вокруг меня толпа мальчишек, увлеченных моими приключениями, которым страшно хочется поучиться у Сан-Карлоса»[10]. И в самом деле Эрнесто начинает подготавливать

своих к мысли, что отправится на Кубу. Уже известно, что это будет не туристическая поездка. За несколько дней до отправления письма он встретил Рауля Кастро, брата Фиделя.

— Двадцатичетырехлетний молодой человек, типичный студент, — вспоминает Ильда.

Убедившись, что отзывы соотечественников в адрес Че были оправданными, Рауль обещал Эрнесто представить его Фиделю, когда тот прибудет в Мехико.

Глава IX
ВСТРЕЧА У МАРИИ АНТОНИИ

Холодным вечером 9 июля 1955 года около 22 часов состоялась встреча Фиделя Кастро и Че Гевары. В маленькой квартирке Марии Антонии Санчес Гонсалес, прелестной кубинки со светло-карими глазами, каштановыми волосами и низким, хрипловатым голосом, бывшей замужем за мексиканцем. Здесь, на улице Емпаран, 49, около площади Республики, появляется Фидель, тридцатилетний здоровенный парень, около метра девяносто ростом, с черными блестящими и вьющимися волосами, усатый, производящий настолько сильное впечатление, что Че в свои двадцать семь лет совершенно покорен героем Монкады.

Честный и смелый взгляд Эрнесто не может не нравиться Фиделю, которому нужны такого рода бойцы проводить в жизнь его Революцию. Без долгих предисловий оба принимаются обсуждать абсолютную необходимость освобождения народов Латинской Америки от железного ошейника империализма. Фидель сообщает своему внимательному собеседнику, что на Кубе двести тысяч лачуг, четыреста тысяч семей в городах и деревнях ютятся в тесноте вредных для здоровья трущоб и 90 % детей съедают вши и клопы. В эту бессонную ночь Эрнесто покоряет братьев Кастро точностью своего анализа социальных проблем. Только с приближением рассвета Фидель открывает ему свой план снарядить яхту на Кубу. Еще в Гватемале Ильда и Эрнесто узнали, что Фидель был в Колумбии и хотел как студенческий лидер бороться вместе с народом, когда убили президента Гайетана.

Эрнесто вступает в Движение 26 июля. Отныне он Че. Наступает день, и в момент расставания традиционное объятие скрепляет их дружбу. Че чувствует себя уже кубинцем. Его снедает желание тут же отправиться освобождать остров. Фидель разбудил воображение. Тот боролся с оружием в руках, сидел в тюрьме, у него более богатый революционный опыт, нежели у Эрнесто.

— Фидель, — высказывает он своей подруге, — великий политический руководитель нового стиля, скромный, который знает, куда он хочет идти, человек необычайной стойкости.

Фидель регулярно приходит обедать к Эрнесто и Ильде. Они встречаются по ночам, опасаясь ищеек кубинского диктатора Батисты. Однажды разговор касается плана морского вторжения.

Ильда охвачена страстным желанием вмешаться не только в разговор, но и в саму экспедицию. В страшном возбуждении просит Фиделя взять ее с собой. Но она носит ребенка Че и это не подлежит обсуждению. Ильде никогда не стать единственной женщиной, участвующей во вторжении.

Разговор приобретает более четкие формы. Время отправления, путь, швартовка… Однажды ночью, после того как Фидель уже ушел, новоиспеченные революционеры болтают друг с другом:

— Что ты думаешь об этом безумном предприятии кубинцев захватить вооруженный до зубов остров? — спрашивает Эрнесто.

Ильда понимает, он хочет знать, как она смотрит на его возможное участие. Они все еще не женаты.

— Само собой, это безумие! Но нужно там быть…

— Я тоже так думаю. Только хочу знать твое мнение. Я решил стать членом экспедиции. Только сначала займусь физической подготовкой. Хочу отправиться с ними как врач.

Ни на секунду у Эрнесто не появилось и тени сомнения, когда Фидель ему это предложил, — да! При одном условии: остаться свободным бродячим революционером после победы Кубинской революции. Если победа будет… Он знает, риск огромен, а также его отъезд разлучит их с Ильдой на неопределенное время, может быть, навсегда. И, возможно, он никогда не увидит своего ребенка. Но на первом месте задача «помогать Кубинской революции». Ильда, вдохновительница, муза, его поняла.

В письме, которое адресовано сразу и матери и отцу, он пишет: «Этот Мехико, негостеприимный и суровый, не принес мне вреда, несмотря ни на что. С выходом в свет многочисленных статей, более или менее приемлемых (которые я подписываю своим овеянным славой именем), формируется серия идей и стремлений, которые существовали лишь в туманной глубине моего черепа. Я все еще лелею надежду стать физиком. Но, видимо, это только мечты, и у меня есть другие способы применения личного честолюбия».

Так как империализм свирепствует по всей Латинской Америке, Фидель Кастро надеется, в полном единодушии с Эрнесто, — кубинская борьба — часть борьбы на континенте, как это уже поняли и показали Боливар и Марти. Поэтому в 1953–1955 годы Мексику сотрясали отголоски происходящего на Кубе. Уже противостоят друг другу два течения: одно — официальное, близкое к Батисте, другое — народное, примкнувшее к оппозиции Кастро. Даже в Соединенных Штатах колеблются: на кого делать ставку? На Батисту, излишества которого превзошли все, или на

Кастро, с которым можно договориться, и не такого гурмана, как действующий диктатор? Кроме того, в июле 1955 года политическая ситуация в Аргентине, попытка военного государственного переворота, организованного морским флотом и частью населения, погружает Эрнесто в бездну раздумий. Он чувствует, что вырисовывается неизбежность падения Перона и сближение с Соединенными Штатами.

Но сейчас он концентрирует свою энергию на Кубе. Нужно быть в хорошей физической форме, для того чтобы без страха встретить битву, трудную и опасную жизнь в Сьерра-Маэстре, горах на востоке Кубы, откуда Фидель предполагал начать вторжение. Программа тренировок будущих герильеро все более интенсивная и жесткая. Они занимаются борьбой под руководством мужа Марии Антонии, и это очень пригодится для рукопашного боя. А также волейбол и баскетбол, развивающий подвижность, координацию движений, дыхание, выносливость. И трудные соревнования в гребле с многочисленными лодками фиделистов на озере Чапультепек. Эрнесто проводит свободное время, лазая по Попокатепетлю или Истаксиуатлю, высотой более пяти тысяч метров, где удовлетворяет свою страсть к горам, тренируя колени для камней Сьерра-Маэстры.

К жене он возвращается утомленный сумасшедшими днями, которые включают, помимо подготовки, работу в госпитале, научные изыскания, сочинения политического журналиста или о доколумбовском мире. Он спит пять часов в сутки. Время нескончаемых разговоров с Ильдой, когда они разрушают мир, чтобы его переделать, прекрасное время любви и романтики на двоих основательно уменьшилось. Все меньше его жизнь принадлежит ему. Все больше он отдает ее Революции.

8 августа Фидель Кастро Рус пишет Манифест № 1 народу Кубы от имени Движения 26 июля. Там он рассуждает об аграрной реформе, возвращается к своим первым публикациям, появившимся под заголовком «История меня оправдает!». Он, как щитом, прикрывается именем Хосе Марти, но все же воздерживается от прямой критики Соединенных Штатов, которые хочет использовать. Начиная с Манифеста № 1, он не прекратит бомбардировать Кубу приказами и посланиями, несмотря на протесты студенческой Директории, высказанные из осторожности.

18 августа в полдень в поселке Тепосотлан Эрнесто и Ильда наконец женятся. Че хотел, чтобы Фидель стал его свидетелем, но по соображениям безопасности тот отказался. На самой церемонии все же присутствуют Рауль Кастро и Хесус Монтане, еще одно громкое имя Революции.

Свадьба происходит в Мехико. К гостям присоединяется Фидель, который прибывает вовремя, чтобы отведать душистого жаркого, приготовленного Эрнесто, и выпить мескаля из той самой бутылки, в которой вымачивают гусениц.

Фидель обещает провести следующий вечер у печи и приготовить спагетти с дарами моря, блюдо, от которого сам без ума. Он его приготовил 26 июля по случаю второй годовщины атаки Монкады. Манифестация происходит в этот день в парке Чапультепек, у подножия памятника Хосе Марти. Однако собрание скромное, так как кубинцы стремятся не привлекать внимания мексиканской полиции, ни тем более шпиков Батисты. Над столом поднимается дымок от спагетти, а Фидель, вспоминая о Монкаде, решает обнародовать свою пламенную речь «История меня оправдает!».

На следующий день 19 августа, чтобы достать денег на оружие, Фидель едет в Соединенные Штаты к кубинцам, которые пересекли Мексиканский залив. Он будет направлять свою корреспонденцию к Гевара, улица Неаполя, 40, на имя синьорины Ильды. В его планы входит мобилизовать кубинцев, которые по экономическим причинам или из-за неприязни к Батисте укрылись на севере. 30 октября 1955 года в отеле Палм-Гарден в Нью-Йорке собираются три группы оппозиции, действующей в Соединенных Штатах, восемьсот человек, перед которыми бывший адвокат бросает свое историческое:

— В 1956 году свобода или смерть!

В Майами кубинский экс-президент Прио окажется одним из самых щедрых, ведь Батиста их общий враг.

Конец 1955 года отмечен падением Перона в Аргентине. Че констатирует, что история Арбенса повторяется. Он пишет матери: «Падение Перона меня очень волнует. Не из-за него, а из-за того, что он представлял в глазах всей Америки. С ним Аргентина играла для нас, являющихся врагами севера, роль паладина наших мыслей. Коммунистическая партия исчезнет со временем. Нужно будет подумать о настоящей борьбе».

В ноябре этого же года, когда у Ильда заметно округляется живот, семейство Гевара решает воспользоваться хорошей погодой. В Юкатане, на Папалоапан и Паленке у майя они рассматривают храмы, пирамиды, стелы. Но влажный климат Паленки оказывается вредным для Эрнесто. Астма просыпается и портит им жизнь. Как обычно, он лечит себя сам.

В порту Вера-Крус, проголодавшись, они находят харчевню и оседают там. Любуются великолепием храмов, когда из-за соседнего столика, где шумят моряки, поднимается капитан. Он приближается к Геваре с кружкой пива и неожиданно произносит:

— Я пью за тебя и английскую королеву!

На что непрошеный любитель выпить получает ответ, такой же быстрый, как и остроумный:

— Все за меня, ни глотка за королеву!

Озадаченный, потрясенный моряк возвращается на свое место и все время повторяет:

— Я пью за королеву!

Че с гримасой ярости хватает моряка за воротник, приподнимает и возвращает на место под ошеломленные взгляды его товарищей:

— Я повторяю: все за меня, ни глотка за королеву!

Создается впечатление, что Че хочет познакомиться с морскими прелестями довольно основательно, потому что эта половина медового месяца заканчивается в Мокамбо, на корабле, где циклон чуть не вызвал у Ильды преждевременные роды. После приступа астмы, восхождения к храмам и циклона молодая жена возвращается в Мехико со вздохом облегчения.

Эрнесто пишет тете Беатрис: «Скоро я жду маленького Владимира Эрнесто. Конечно, жду его я, а моя жена будет его рожать. Эти последние дни так дождило, что мой плащ промок почти насквозь».

Ближе к концу года Эрнесто больше времени проводит с Фиделем и кубинцами. Подготовка усиливается, Эрнесто решает сбросить вес. Он хочет быть тонким как кинжал, чтобы участвовать в битвах. Хотя он едет врачом, но в нем глубоко укоренилось стремление драться. Он жертвует куском мяса, которое имел обыкновение съедать по утрам на завтрак, довольствуясь только сэндвичем в больнице, да кое-чем вечером. Скоро он напоминает хорошо тренированного десантника. В начале января Че пишет матери: «Продолжаю бегать по горам. Ребенок появится в последнюю неделю февраля. В конце марта я приму решение моей жизни». Эрнесто подготавливает ее к объявлению о вступлении в отряд революционного командира Фиделя Кастро Рус.

В начале февраля начинаются тренировки в стрельбе на полигоне Лос-Гамитос, пригород Мехико. Тут Эрнесто, привыкший в детстве стрелять из револьвера в Альта-Грасиа, демонстрирует точность и уверенность. Подготовка усиливается в такой степени, что Фидель находит недостаточным стенд в тире Лос-Гамитоса. Он отправляет своего друга, испанского генерала Альберто Байо, бывшего борца против Франко, помощника будущего героя Сиро Редондо, найти более просторное помещение, настоящее тренировочное поле. Только в 40 километрах от столицы ему улыбнулась удача в лице бывшего

борца, который выступал против янки во времена Панчо Вильи. Немного обмана, — тот стремится продать ранчо, которым владеет неподалеку от города Чалко, — заставляя его думать, что они представляют богатого сальвадорского землевладельца, и предлагают ему привезти сюда человек пятьдесят рабочих, чтобы предварительно отремонтировать владение, — рабочих, которые есть именно они, будущие герильеро. Так Фидель получил возможность платить чисто символическую арендную плату: восемь долларов в месяц.

Здесь Че получает свою первую должность — начальник медслужбы. В дневнике он запишет: «Видя, как дела принимают организованный оборот, я впервые понял, что у нас есть возможность удачи. То, в чем я до сих пор слишком сомневался, когда был взят на службу командиром повстанцев, с которыми я поддерживаю дружеские отношения, было основано на приключенческих романах и нашем общем убеждении, что дело стоит того, чтобы умереть на чужом берегу за чистейший идеал».

У генерала Байо люди валятся с ног после марш-бросков днем и ночью. Че играет в шахматы с этим старым воякой, который написал «Шторм в Карибском море», одну из его любимых книг. Эрнесто сам сочиняет «эпические» поэмы. Вот одна из них:

В путь!
Ведет вас пылающее светило
Тайными и затерянными тропами
Освободить зеленого крокодила, любимого тобой.

В путь!
Победители унижающих нас с сознанием,
Полным звездами, которые зовут «Марти».
Наша клятва: Победа или смерть!
Когда раздастся первый залп огня и проснутся,
Удивившись, партизаны,
Мы станем бороться на твоей стороне,
Мы будем там.

Когда твой голос раздастся на все четыре ветра —
Земля, справедливость, хлеб, свобода,
Мы будем там.
И когда подойдет к концу путешествие,
Спасительная война против тирана,
На твоей стороне, даже в последнем бою,
Мы будем там.

В день, когда зверь станет лизать бок, раненый
Смертельной стрелой национализации,
На твоей стороне, гордые сердцем,
Мы будем там.

Не думай, что насекомые, украшенные именным оружием,
Смогут ослабить нашу твердость.
Мы хотим от них ружья, пули и гору,
Больше ничего.

И если железо захочет окончить наш путь,
Мы возьмем саван кубинских слез,
Чтобы покрыть кости герильеро,
Унесенных ветром американской истории.

Глава X
ИЛЬДИТА

Это не мальчик.

Владимир Эрнесто уступил место Ильде Беатрис, которую родители станут называть Ильдитой. Она появится на свет 15 февраля 1956 года в английском санатории Сиудад-Мехико, под знаком Водолея, на неделю раньше срока. Отец называет ее самым нежным лепестком любви и сочиняет шутливую поэму в ее часть:

«Несешь ты в себе крепкие жилы и даны они Аргентиной, Анды тебе подарили стать и осанку, достойные самых прекрасных. Чудная смуглая кожа твоя — знак наследия предков в Перу, в танце закружишься — с истинной грацией Мексики».

И разговора не может быть, чтобы отправить ребенка в переполненную комнату на улице Неаполя. Гевары спешат снять маленькую квартирку на первом этаже, выходящую на улицу. Когда обе Ильды возвращаются в семейное гнездо после короткого пребывания в клинике, приехавший Фидель встречает их такими словами:

— Эта девочка будет расти на Кубе.

И Эрнесто пишет матери: «Моя коммунистическая душа поет: наша толстощекая малютка — точная копия Мао Цзэдуна!»

Во вторую неделю мая Эрнесто отправляется в лагерь Чалко. Дело важное, надо больше узнать об условиях погрузки. Через два дня после его отъезда задержан Фидель Кастро Рус с четырьмя другими кубинцами. Просрочено разрешение на жительство. Арест, широко обсуждаемый в прессе, является результатом совместных усилий мексиканской полиции, североамериканской ФБР и шпиков Батисты. Умело сотканная паутина.

Фидель не имел постоянного места жительства, как и не будет иметь после революции в Гаване. Он был задержан прямо на улице 20 июня 1956 года. Полиция прикрылась Рамиро Вальдесом и Универсо Санчесом, которых она только что схватила, как живым щитом. Следовательно, дело обошлось без перестрелки. К этому аресту добавляется арест пятнадцати других мятежников. Все отведены на улицу Мигель-Шульц, в тюрьму Министерства внутренних дел. Рауль Кастро ускользнул от них.

Оказалось, что мексиканское правительство после некоторых колебаний согласилось на требование Батисты уничтожить подпольную сеть Движения 26 июля. Так как Гавана настаивает

на выдаче заключенных, речь идет об очень быстрых действиях. Письмо Прио из Майами адресовано президенту Мексики Руису Кортинесу. Со своей стороны бывшие коллеги Фиделя, адвокаты, оказывают давление на того же Кортинеса при посредничестве бывшего президента Ласаро Карденаса, последнего из настоящих революционеров, чтобы были выпущены эти защитники свободы.

Узнав о заключении Кастро в тюрьму, Ильда не теряет ни минуты: она относит все компрометирующие записи к своей подруге донье Лауре, где они будут в безопасности. И правильно делает. На следующий день два полицейских в штатском появляются в доме Гевара:

— Вы Ильда Гадеа?

— Нет, я Ильда Гадеа Гевара.

— Вы получаете корреспонденцию?

— Да, конечно, от моей семьи из Перу.

— Вас спрашивают не об этом. Не получаете ли вы телеграмм из других стран?

— Нет.

— Следуйте за нами. Мы хотим убедиться, что вы не знаете ничего о телеграмме, которая вас компрометирует.

— У меня девочка четырех месяцев, я кормлю грудью, и мне нельзя оставлять ее одну.

— Хорошо! Оставайтесь, но не выходите из дому, мы вам сообщим.

Как только они ушли, Ильда отправляется к своему парикмахеру. Не для того, чтобы стричься, а проверить, не следят ли за ней. Через час она в баре, где обычно проводят время кубинцы. Здесь встречает Креспо, одного из будущих членов экспедиции.

Во второй половине дня оба полицейских возвращаются и на этот раз не колеблются. Они забирают и мать и дочь в Управление департаментом федеральной полиции. Тут ей показывают телеграмму с Кубы, содержавшую довольно туманный смысл: *Кто-то приедет с визитом к Алехандро.* Ильда не знает военного имени Фиделя. Она не обманывает, утверждая, что это послание адресовано не ей. Сыпятся вопросы:

— Кто с вами живет в квартире 40, по улице Неаполя?

— Мой муж, доктор Эрнесто Гевара.

— Где он?

— В Вера-Крус[11].

— Где в Вера-Крус?

— В отеле. Вы можете поискать.

— Ездили ли вы вместе в Вера-Крус?

— Да, на экскурсию.

— И что он там делает?

— Исследования по аллергии. Это его специальность. Проверьте в центральной больнице.

Смена комнаты, допрос продолжается в темноте.

— Принимаете ли вы американцев из Центральной Америки?

— Нет, только перуанцев.

— Ориентированы ли вы политически?

— Да, я апристка, движение Апра в Перу. Но к чему эти вопросы? Я требую адвоката!

Полицейские заканчивают тем, что выпускают ее с ребенком, требуя подписать декларацию. Она считает себя свободной. Но это не так: два полицейских, которые ее сопровождают, все те же, устраиваются на софе в столовой. По очереди они дежурят у окна.

— Когда ваш муж должен вернуться?

— В конце недели.

Ильда надеется, что Креспо сможет действовать. Ей не спится, не дает страх, как бы не появился Эрнесто.

В семь часов полицейские объявляют ей:

— Все, уходим. Да, да, возьмите малютку…

Третий допрос начинается с психологической обработки:

— Вы знаете, мы прекрасно можем держать вас годы…

Затем очень быстро переходят к вопросам, которые по-настоящему интересуют полицейских:

— Имел ли доктор Гевара отношения с русскими со времени, когда он был в Гватемале?

— Никогда не слышала об этом.

Они хотят знать, откуда приходят деньги, которые позволяют супругам жить и ездить по стране.

— У меня хорошая зарплата в Международной организации здравоохранения, и муж зарабатывает на жизнь в больнице.

В тюрьму департамента федеральное полиции облава собрала многих людей: кроме Фиделя и его людей, среди которых Рамиро Вальдес и Универсо Санчес, тут и Мария Антония, две Ильды и Патохо. Узнав об Ильде с малюткой, Фидель использует все влияние, которым располагает, чтобы их нормально кормили. Он настаивает перед начальством тюрьмы, чтобы «перуанская дама, которая замужем за аргентинским врачом», была освобождена. Фидель тогда пишет о встрече с Эрнесто: «Он из тех людей, которые немедленно вызывают симпатию благодаря простоте, характеру, спокойствию, а также индивидуальности и оригинальности».

В это время Че тренируется на ранчо Санта-Роса. Как бешеный. Он завоевал расположение и дружбу всех драчливостью, волей и выносливостью. 24 июня 1956 года, через

десять дней после его двадцативосьмилетия, полиция ночью окружает ранчо, о существовании и деятельности которого она недавно узнала. Дело пахнет порохом, но Фидель, привезенный из тюрьмы, чтобы предотвратить бойню, вовремя вмешивается:

— Мы будем драться на Кубе, не здесь, — кричит он.

Потом требует от своих людей, которых около тридцати, среди них Че, сдаться без пролития крови. Все заключены в тюрьму, секретные документы захвачены. Настает очередь Эрнесто пройти допрос. В темноте.

— Ты знаешь, что твои жена и дочь здесь, у нас. Если ты не заговоришь, пытать будем их.

Че невозмутим. Он дает короткие, лаконичные ответы.

— Встречали ли вы людей из Советского Союза?

— Нет.

— Никогда?

— Никогда.

Эрнесто заинтригован личностью в тени, которая время от времени шепчет что-то по-английски полицейским, задающим ему вопросы. «Это агент ФБР или ЦРУ, — думает он. — Несомненно, что эти люди особенно заинтересованы узнать, существует ли коммунистическое влияние на деятельность кубинцев…» После допроса, который ни к чему не привел, Эрнесто получает свидание с гватемальцем Альфонсо Бауэром Паисом, который хочет освободить его с помощью Улиса Пти-Мюра, друга его отца. Тот настаивает на обращении к адвокату. Ильда знает, что ее муж откажется от такого вмешательства. В свою очередь Фидель желает, чтобы Эрнесто сам выпутывался: он аргентинец, и то, что замышляется, прямо его не касается. Но Че упорствует:

— Я связан судьбой с кубинцами и останусь с ними.

Как раз сейчас Эрнесто узнает, что Кастро имеет важные политические связи в Мехико. Чтобы Движение 26 июля выжило, Фидель поддерживает контакт с левыми партиями — от МРОТ[12], резиденция которой раньше находилась в Мехико, до марксистских групп.

Из тюрьмы, где он начал голодовку, Че пишет матери: «Я не Христос и не филантроп. Я полная противоположность Христу, а филантропия, мне кажется, ничто по сравнению с вещами, в которые я верю. Я буду бороться всем доступным мне оружием, вместо того чтобы позволить распять себя на кресте или на чем угодно другом».

ЧАСТЬ III
82 С ГРАНМЫ

СОСТАВ КОЛОННЫ

Штаб

Верховный комендант Фидель Кастро Рус

Начальник штаба Капитан Хуан Мануэль Маркес и капитан Фаустино Перес

Начальник-интендант Пабло Диас

Адъютанты Феликс Эльмуса и Армандо Юо

Начальник медслужбы Лейтенант Эрнесто Гевара

Делопроизводители штаба Капитан Антонио Лопес, лейтенант Хесус Рейс, лейтенант Кандидо Гонсалес

Другие члены: Онелио Пино, Роберто Роке, Хесус Монтане, Марио Идальго, Сесар Гомес, Роландо Мойя

Колонна подразделяется на 3 отряда по 22 человека в каждом, во главе их стоят:

Первый отряд — Капитан Хосе Смит Сомас

Центральный отряд — Капитан Хуан Альмейда Боске

Отряд тыла — Капитан Рауль Кастро Рус

Каждый отряд состоит из трех отделений, во главе которых стоит лейтенант.

Командиры отделений

Первого отряда — Горацио Родригес, Хосе Понсе Диас, Хосе Рамон Мартинес

Второго отряда — Фернандо Санчес Амайя, Артуро Шомон, Норберто Колладо

Третьего отряда Джино Донне, Хулио Диас, Рене Бедия

Бойцы отрядов

Эваристо Монтес де Ока

Эстебан Сотолонго

Андрес Люхан

Хосе Фуэнтес

Пабло Уртадо

Эмилио Арбентоса

Луис Креспо

Рафаэль Чао

Эрнесто Фернандес

Армандо Местре

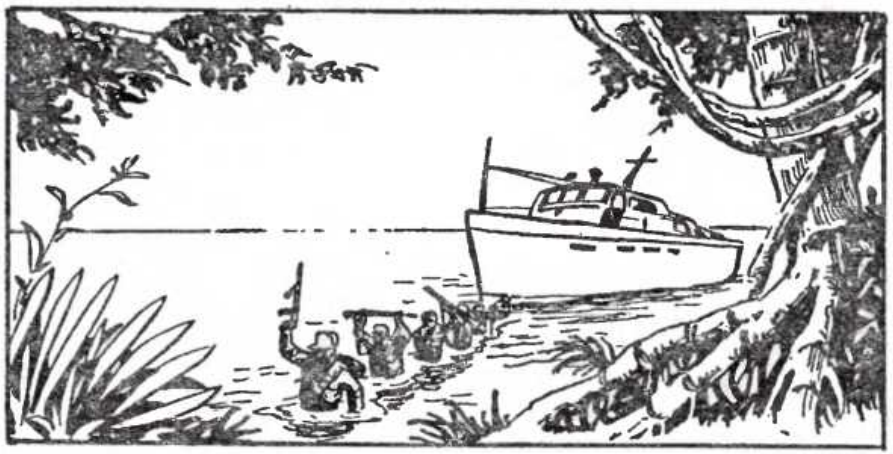
Мигель Кабаньяс

Эдуардо Рейес

Мигель Саавадра

Педро Сотто
Арсенио Гарсиа
Исраэль Кабрера
Умберто Ламоте
Сантьяго Ирсель
Энрике Куэлес
Марио Чанес
Мануэль Эчевариа
Франсиско Гонсалес
Марио Фуэнтес
Ноэлио Капоте
Рауль Суарес
Габриэль Гиль
Луис Арко
Гильен Селайа
Каликсто Гарсиа
Каликсто Моралес
Рейнальдо Бенитес
Рене Родригес
Карлос Бермудес
Антонио Дарио Лопес
Оскар Родригес
Камило Сиенфуэгос
Гильберто Гарсиа
Рене Рейне
Хайне Коста
Норберто Годой
Энрике Камара
Рауль Диас
Армандо Родригес
Хесус Гомес
Франсиско Чикола
Универсо Санчес
Эфигенио Амейхейрас
Рамиро Вальдес
Давид Ройо
Арнальдо Перес
Сиро Редондо
Роландо Сантана
Рамон Мехия

Глава XI
ВРАЧ НА БОРТУ



При отсутствии серьезных пунктов обвинения и благодаря вмешательству тех, кто его поддерживает, 24 июля 1956 года Фидель Кастро освобождается и добивается восстановления своих прав. Эрнесто Гевара остается за решеткой, как и Каликсто Гарсия, вид на жительство которого тоже просрочен.

Прежде чем покинуть тюрьму, Фидель разговаривает с Че, который уговаривает Фиделя отправляться на Кубу без него.

— Че, мы тебя подождем. Я сам займусь твоим освобождением, как только смогу, — не соглашается Фидель, который проводит свой первый вечер на свободе в доме семьи Гевара с доктором Фаустино Пересом (он станет одним из уцелевших в экспедиции).

Уже целый месяц Эрнесто под стражей. Он, убивая время, пишет письма, которые тайно переправляет своим. В ответ на послание отца он открывает родителям свою идею и глубинные причины присоединения к кубинскому делу:

«Некоторое время тому назад молодой кубинский лидер предложил войти в движение вооруженного освобождения его страны, и, конечно, я согласился. Мое будущее связано с кубинской революцией. С ней я одержу победу или умру. Если в ближайшее время не выйду из этой тюрьмы, то здесь и останусь. Ильда вернется в Перу, где новое правительство дает политическим амнистию. По разным причинам я сокращу мою корреспонденцию. К тому же мексиканская полиция имеет милую привычку перлюстрировать почту, так что пишите только о простых вещах… Рассматривайте эти строчки как прощание,

отдающее пафосом, но очень искреннее. В жизни я все время искал свою правду, делая ложные шаги, и там, в дороге, и с девочкой, которая меня продолжает, я заложил крутой вираж. С этого момента не принимайте мою смерть как обман. У Хикмета: «Я принесу к могиле только грусть нескончаемой песни». Всех вас целую».

Ильда и дочь имеют право на два посещения в неделю. Ильдита садится на плечи к отцу, и они делают круг по внутреннему двору. Баскетбольный щит позволяет ему поддерживать форму. Мысли о жене и ребенке не мешают думать о грядущем отъезде. Он уже представляет, как плывет к Кубе…

Наконец Фидель находит некоторую возможность: он достает для Че и Каликсто право убежища в Сальвадоре. При помощи кругленькой суммы он купил расположение потерявшего совесть чиновника. После Альберто Байо должен отвезти их в Гватемалу, где они временно затеряются. На самом же деле, выйдя из тюрьмы через неделю после Фиделя, Эрнесто тайно остается в Мексике. До отъезда 1 августа он успевает отпраздновать полгода Ильды.

Через две недели появляется человек по имени Аль-дама. Он передает Ильде адрес отеля *Куатль*, где ее ждет сеньор Гонсалес. Имя — Эрнесто… При первой же возможности она спешит туда с дочкой, затем они много раз будут наведываться на этот знаменитый курорт Акапулько, где странная смесь североамериканцев, с полными карманами долларов, и мексиканцев, которые полностью их лишены. Здесь, в гостиничном номере, Эрнесто расстанется со своими Ильдитами. Не забыв прочитать «маленькому Мао» последнюю поэму в прозе:

«Я исходил дороги Америки. У народов майя в Гватемале искал Революцию. Там встретил подругу, которая повела меня по жизни. Мы хотели защитить эту маленькую страну от янки. Теперь и для меня пришел час борьбы, уже в другой маленькой стране, кусочке нашего континента, мы изгоним оттуда рабский труд и нищету. Как хочется построить лучший мир, в котором будешь жить ты».

Для Ильды, жены, у которой на глазах слезы счастья и печали, он добавляет:

— Чего тут плакать. Прежде нужно думать о деле. Возможно, я умру. Но ведь важна только Революция.

Ильда с дочерью вернется в Перу и там создаст комитет поддержки Движения 26 июля. Так же, как это сделает в Аргентине, а затем в Уругвае Эрнесто Гевара-отец. На Кубу она приедет в январе 1959 года, сразу же после Революции, и обнаружит, что Че живет с другой. Невыразимо тяжело ей. Но

Революция и счастье их ребенка на первом плане. Они разведутся 22 мая 1959 года, оставшись друзьями. Ильда выйдет замуж за кубинского художника Мигеля Нун Чакона и умрет 11 февраля 1974 года от рака.

Широкая сеть мексиканской полиции расшатала Движение 26 июля. По-видимому, Батиста знает, что руководитель повстанцев Фидель Кастро Рус готовит нападение. С кубинской стороны готовы предотвратить любую попытку приближения к берегам. Поспешно оставленное ранчо Санта-Роса, конфискация оружейного запаса.

Больше нет времени для приготовлений, только действие. Фидель приобрел яхту, не первой молодости, но от которой в конце концов потребуется только одно усилие. Имя ей — *Гранма* (бабушка). Она куплена у североамериканца Роберта В. Эриксона, который впридачу к яхте расстается и с маленьким поместьем на берегу реки Тукспан, где произойдет погрузка. Это деревянная яхта, построенная в 1943 году. Она имеет размеры 13,25 м в длину и 4,79 м в ширину и движется при помощи двух дизельных моторов типа 6М4 с шестью цилиндрами. Четыре резервуара содержат восемь литров топлива. Расход 20 литров в час. «На ней можно перевозить до двадцати пяти человек», — утверждает хозяин, Чучу Рейес, единственный из фиделистов, который имеет некоторые познания в морской механике, ему поручено переоборудовать *Гранму*, чтобы она приняла около восьмидесяти человек — в три раза больше предусмотренной нагрузки.

Повстанцы до поры до времени рассредоточены по всей Мексике. Тридцать восемь человек осели на северо-востоке страны около поселка Абасоло. 21 ноября в связи с исчезновением двоих отъезд ускорен, боятся доноса. В Мехико найден предатель, он осужден и казнен Движением.

Автобусами, машинами, кораблем из Мехико, Вера-Крус, Халапа или Виктории добираются сподвижники Кастро до пункта погрузки. Всего их восемьдесят пять, на три человека больше по отношению к экстремальной возможности судна. Фидель решает — загружать менее тяжелых. При весе семьдесят килограммов и росте метр шестьдесят три Эрнесто может не опасаться. Ранним дождливым вечером члены экспедиции начинают загружать *Гранму*. По порядку — оружие, топливо, провизия и вода. Фидель, в черном плаще, наконец приказывает подняться на борт. Люди набиты как селедки. Среди них двадцать спасшихся после атаки Мон-кады и четверо некубинцы: итальянец Джино Доне, мексиканец Гильен, доминиканский пилот Рамон Мехия и аргентинец Эрнесто Гевара. Последний в качестве врача, но в звании лейтенанта.

В час тридцать минут утра 25 ноября 1956 года белая *Гранма* запускает моторы. Восемьдесят два бойца выглядят внушительно. Они в одежде цвета зеленых оливков, которая скоро станет известной на весь мир. Огни погашены, яхта спускается по реке к устью. Как корабль-призрак проскальзывает она мимо здания портовой администрации. Темная ночь и дождь ее союзники. Скоро пассажиры будут «свободными или убитыми», по словам Фиделя, воспроизведенным кубинской правительственной прессой.

На острове Куба Движение 26 июля организовало пристани для высадки во многих пунктах на юго-запад-ном побережье: Мансанильо, Кампечуела, Медиа-Луна, Никера и Пилон.

Нанятыми для этого крестьянами были установлены приемные устройства. Молодой руководитель Движения 26 июля поручил организацию встречи Селии Санчес Мандулей, ответственному лицу в Движении. Армия Батисты, со своей стороны, не бездействует: она передает береговой охране список прогулочных яхт для наблюдения. Среди названных *Магдалена, Коринфия* и *Гранма.* Самолеты С-47 и В-25 сменяют друг друга в полетах вдоль побережья: любая подозрительная швартовка должна быть замечена. Бдительность на западной части усилена отправкой в эту зону пехотных частей. 24 ноября, в то время как члены экспедиции перегруппируются в Тукспане, генерал Педро Родригес Авила отправляет артиллерийскую роту из военного ведомства Кабанья в Гаване в район острова, который впредь находится под усиленной охраной.

В тумане, который окутывает *Гранму*, Эрнесто вдруг хлопает себя по лбу: он забыл свои противоаллергические средства. Ингалятор и вентолин остались на причале в ящиках, которые посчитали не особенно важными. Он знает, что без лекарств его ждут мучительные моменты.

Лучи маяка мексиканского военно-морского флота рассеиваются. Судно достигает своей скорости плавания. Когда они входят в Мексиканский залив, ветры мешают хорошему ходу *Гранмы.* Они продвигаются на 7,2 узла, вместо предусмотренных 10. Не окажутся ли они завтра таким образом только на уровне маяка Триангулер, островка, расположенного около острова Юкатан? Крайне неспокойное море качает лодку, приводя сознание и желудок пассажиров в состояние, сходное с опьянением. Утром 29 ноября две мексиканские рыбацкие барки пересекаются с яхтой. Уже изготовлены противотанковые ружья, но рыбаки не проявляют интереса к этому судну, которое, должно быть, принадлежит какому-нибудь богатому американцу. 82 пассажира настороженно следят за их путем.

Гранма идет дальше в Карибское море, через канал Юкатана, неподалеку от кубинских берегов, расположенных к северу. Через пять дней плавания запас продовольствия сильно израсходован.

Тысяча апельсинов, сорок восемь банок сгущенки, шесть окороков, два ящика яиц, сто плиток шоколада и десять фунтов хлеба — почти ничего не осталось. Одежду, испачканную блевотиной, вызванной морской болезнью, стирают в соленой воде. В сером безмолвии гитара пробует поднять дух людей, играя знаменитую *Гуантанамеру*, но ощущение опасности не проходит. Вскоре приступ астмы сотрясает Эрнесто, и он не может снять его в тесном пространстве. К счастью, он не единственный врач на судне. Как только боль уходит, Че начинает ободрять голодных спутников.

Пройдены острова Большой Кайман и Малый Кайман. *Гранма* берет курс на Кубу. Время показаться берегу: нет питьевой воды, ни одного яйца, ни грамма пищи… а маяк Майо-Крус все не появляется. Заторопившись, впередсмотрящий Роберто Роке поскользнулся и упал в воду. Его чудесное выуживание занимает несколько минут, и кубинский берег, наконец, вырисовывается вдалеке.

На рассвете 2 декабря *Гранма* садится на мель в лагуне Белик на пляже Лас-Колорадас, недалеко от места, известного под названием Гуаканайабо, но намного южнее Никеро, там, где союзники их не ждут. Сверх того, яхта сильно увязла в тине, они вынуждены оставить тяжелое вооружение. Наступающий день фиделисты встречают с оружием в зубах и узлами на головах в мангровнике (лес из переплетенных ветвей), где им с огромным трудом удается держаться на ногах. Это настоящий ад из москитов, гниющих лиан и острых листьев. Когда, наконец, земля становится твердой, оказывается, что восемь человек не откликаются на зов, заплутав в месиве.

Заказанные книги куплены. Издательство «Разглашение». Эта телеграмма Кастро, отправленная Артуро Дюку де Эстраде для Франка Пайса в Сантьяго прямо перед отплытием, должна была предупредить, *что Гранма* причалит через пять дней. На самом деле, из-за непогоды, излишка груза и отсутствия опыта у экипажа кошмар продолжался семь дней и шесть часов. Устав ждать и не желая привлекать внимание, бойцы Движения отошли на свои базы и никто не ждал фиделистов, особенно в том гнилом углу, где они имели несчастье причалить.

«Это была не выгрузка, — скажет Эрнесто, — это было кораблекрушение».

Регулярная армия не теряет зря время. *Гранма* обнаружена рыбаком, который поспешил уведомить власти. Уже готовят

пулеметы. К счастью, герильеро далеко, но от этого они не стали менее заметны. По острову начинает распространяться слух, что высадилось более двухсот человек под руководством Фиделя Кастро.

Первые встречи с крестьянами проходят хорошо. Один из них, Перес Росабаль, приводит фиделистов в свою хижину и дает им поесть. Их семьдесят четыре — Хуан Мануэль Маркес и еще семь сподвижников все еще не найдены. Пока они поглощают пищу, слышат взрывы, идущие от кораблей береговой охраны и самолетов, которые стреляют над мангровником Лас-Колорадас. Колонна тотчас же трогается с места по направлению к Сьерра-Маэстре, в тыл. К полуночи она достигает Эль Ранчон. Крестьянин оказался замечательным проводником: он покидает своих новых товарищей, указав им, какой дорогой идти.

Глава XII
АЛЕГРИА-ДЕЛЬ-ПИО, ВЫБОР

Хотя штаб-квартира Франка Пайса уже предупреждена крестьянином, бойцы все еще идут сами по себе. Ночь с 3 на 4 декабря они проводят на вершине холма Троча. О сне не может быть и речи.

Продвигаясь вслепую, фиделисты не очень доверяют некоему Тато Вега, проводнику. Когда Вега исчезает, никто не сомневается, что он отправился с доносом к врагу. Во вторник, 4-го, начинающие барбудос, с только-только проклюнувшимися бородами, продвигаются на восток до Агуа-Фина, где какой-то торговец предлагает им ящик колбасы. Горы Сьерра-Маэстра на горизонте, Фидель предпочитает двигаться по ночам. Они пересекают границу хозяйства Пилон и подкрепляются кусочками сахарного тростника во владениях самого богатого землевладельца Кубы Хулио Лобо.

5 декабря на рассвете уставшая колонна останавливается около камышовых зарослей Алегриа-дель-Пио, на территории муниципалитета Никеро, что на отроге горного хребта Кабо-Крус. Люди отдыхают в ложном спокойствии, ведь крестьянин Тато Вега явно расскажет солдатам Батисты о их появлении. Проводник Лауреано Ноа-Янг, также принятый в армию, успешно его заменяет. Фиделисты не обращают особого внимания на надоедливые полеты небольших самолетов. Они преспокойно уплетают маисовые галеты, когда их внимание привлекает звук заряжаемого ружья. Нападение!

В 16 часов 15 минут пулеметы капитана Хуана Морено Браво, командира 3-й роты 1-го артиллерийского батальона береговой охраны, начинают изрыгать пули. Рассыпавшись как зайцы, повстанцы укрываются в зарослях сахарного тростника. Эрнесто получает двойное крещение — огнем и кровью. Он записывает в своем дневнике:

«Маленькие самолеты кружили над нашими головами. Некоторые из нас отошли нарезать тростника. Что касается меня, то я беседовал с Хесусом Монтане, сидя у дерева, когда обрушился ураган пуль. Мое ружье не из лучших. Я и хотел, чтобы оно было таким: после приступа астмы во время плавания, я чувствовал себя физически ослабленным и поэтому подумал, что хорошее оружие должно быть у людей, полностью владеющих своими силами.

Фидель напрасно пытается перегруппироваться в

тростниковых зарослях. Рядом со мной во все лопатки удирает соратник, бросивший два ящика: один с патронами, другой с медикаментами. Вопя, я указываю ему на них. Он отвечает, что сейчас не время ими заниматься. Невозможно унести все вместе, передо мной выбор: медикаменты или боеприпасы? Кто я? Врач или революционер? Я выбираю ящик с боеприпасами. Очередь заставляет меня остановиться. Я чувствую сильный удар в грудь и жжение в боку. Около меня товарищ Арбентоса, из носа и рта идет кровь. Он кричит мне что-то вроде: «Меня убили…» В этот момент я подумал о способе красиво умереть. Вспомнил рассказ Джека Лондона. События происходят на Аляске, где герой, чувствуя, что замерзает, решает закончить свою жизнь достойно, прислонившись к дереву… Вдруг слышится голос: «Мы пропали, нужно сдаваться». И Ка-мило Сиенфуэгос превосходно отвечает: «Здесь никто не сдается, дорогой!» Слова, которые огнем запечатлелись в памяти Че. Сиенфуэгос останется для него навсегда «сеньор Авангард».

Капитан Хуан Альмейда Боске тащит раненого из этого жуткого места, подбадривая его голосом и жестами. Паника, о ней никто не расскажет лучше, чем сам Гевара:

«Военные продолжают стрелять по нам, спрятавшимся за тощими стеблями сахарного тростника, как будто за деревьями. Раненые зовут на помощь, страшная какофония. Другие, в ужасе потеряв разум, прикладывали палец к губам, моля о тишине среди треска картечи. Затем страшная догадка: «Они подожгли тростник!»

За вожаком Альмейдой ползут семеро, один из которых Гевара, скорее мертвый, чем живой. Кровь хлещет, он всеми силами старается не потерять сознания. Экипаж *Гранмы* разнесен вдребезги. Ущерб огромен. Революция дорого платит за право ступить на землю, которую нужно освободить. Три человека убиты в начале атаки. Уцелевшие представляют собой четырнадцать маленьких групп. Шесть из них стараются не встретиться с врагом.

Итог ужасающий: двадцать один фиделист взят в плен, многие уничтожены в последующие за атакой дни. Заместитель Фиделя Хуан Мануэль Маркес схвачен и казнен. Хесус Монтане арестован, заключен в тюрьму в Гаване, так же, как и двадцать его соратников. Другие растворяются в гражданской жизни, некоторые из них позднее вернутся на службу Революции.

Утром, когда уцелевшие блуждали под открытым небом, Че понимает, что рана его менее опасна, чем он думал. Его друг Нико Лопес менее удачлив. Он оказался жертвой предательства крестьянина Маноло Капитана, который его и еще трех барбудос

отвел в барак. Выходя оттуда, они попадают под огонь. Смит и Кабанас падают раненые, Ройо ныряет за дорогу, Нико Лопес — он первым в группе назвал Эрнесто Че — попробует вернуться в бойо (хижина без окон из ветвей тростника и соломы), но попадает в плен, и его казнят через несколько часов. Эти первые несколько недель на кубинской земле фиделисты, представленные народу как лютые звери без стыда и совести, будут с готовностью выдаваться крестьянами. Но время уже работает на них…

Позднее в Аргентине семья Гевара получит конверт, отправленный из Мансанильо на Кубе и содержащий листок, подписанный *Teme,* первое прозвище Эрнесто. Несколько слов: «Дорогие предки, все к лучшему. Я потерял две, остается еще пять». Он намекает на поверие, что у кошки семь жизней. Хороший способ дать им понять, что столкнулся с наихудшим.

Молва о разгроме прокатилась по горам и долинам провинции Байамо, расположенной в каких-то восьмистах километрах от Гаваны — там, где Сьерра-Маэстра станет скоро сценой великого театра Революции.

Сьерра-Маэстра — горный массив, протяженностью сто тридцать километров и около пятидесяти в ширину. Он делится на две части: на западе Сьерра-Туркино и на востоке Сьерра-Гран-Педра. Около двух тысяч метров высотой, с вершиной, скрывшейся в облаках. Пик Тур-кино возвышается над грандиозным и тревожащим пейзажем. Внизу угадывается бездонная пропасть, владение акул. Крабы и черепахи населяют заболоченные места. Ослиные тропы вьются по утрамбованной земле, усеянной «собачьими клыками», название, данное камням, которые здорово калечат ноги. На склонах пальмовые, кокосовые, кактусовые и манговые леса. Козы, немного свиней, совсем мало коров.

Цивилизация здесь — только смутное обещание. Ни школы, ни медпункта в этом районе, театре исторических военных действий между кубинскими патриотами и испанской армией. В феврале 1874 года в Сан-Лоренцо Карлос Мануэль де Сеспедес бросил фразу, ставшую знаменитой: «Нас только двенадцать, но этого достаточно, чтобы сделать Кубу свободной», руководитель восстания, который объявил «десятилетнюю войну», Сеспедес считается у кубинцев отцом нации, а Сьерра-Маэстра — колыбелью Революции.

23 декабря 1956 года, вечером, Фидель Кастро пройдет здесь исторической тропой. Рядом с ним будет не одиннадцать человек, а девятнадцать — все, кого удалось собрать. Двадцать пиротехников духом готовы зажечь огонь в сознании крестьян.

Против них — современная армия в сорок тысяч солдат.

В тот момент никто не знает, где находится Фидель. Разделенный со своим шефом и другом, Че Гевара в Сьерра-Маэстре пишет трудный путь своей судьбы в компании с Хуаном Альмейдой, Рамиро Вальдесом, Рафаэлем Чао, Рейнальдо Бенитесом, Камило Сиенфуэгосом, Франсиско Гонсалесом и Пабло Уртадо.

Пища — ежедневная проблема. В течение недели маленькому отряду почти нечего есть. Эрнесто с удивлением видит, как Камило Сиенфуэгос поглощает сырых крабов на маленьком пляже, где они купаются вечером 7 декабря, снимая боль в ногах, порезанных камнями, такими острыми, что прорезают ботинки и вонзаются в ноги. Шутник Камило с тонким и хитрым умом, который напоминает его дорогого Альберто Гранадо, без сомнения, становится его лучшим компаньоном в Сьерра-Маэстре.

Однажды с двумя товарищами отправившись на поиски пищи, они сталкиваются со странной личностью, еще более бородатой, чем они, — проповедником Аргелио Росабалем, адвентистом 7-го дня. Сборщик сахарного тростника в течение недели и пастор по воскресеньям, этот худой пятидесятилетний человек, сошедший с картин Эль Греко, слышал, как верующие после мессы говорили о резне в Алегриадель-Пио. Он выступает адвокатом новых конкистадоров, советуя прихожанам помогать этим людям, о которых он думает, что «есть хорошие среди них», или по меньшей мере, если они боятся их принимать, предупредить его об их приходе. Узнав, что маленькая группа ищет убежища, он берет четверых в свою хижину, а остальных помещает у своих соратников-адвентистов. Таким образом, Че оказывается одним из приглашенных этого высушенного потомка кастильцев. Когда последний начинает молитву о душе, им ничего не остается, как присоединиться к нему. Возможно, это единственный случай в жизни Че, когда он преклонил колени.

Все чаще слышит он имя *Селия,* третья Селия, которая после матери и сестры будет играть значительную роль в его жизни. Селия Санчес, о ней ему говорит Альмейда. Дочь врача, она живет в Мансанильо, на берегу залива, около места, где они оставили *Грамму*. Интересующаяся политикой, эта молодая незамужняя брюнетка встретила руководителей ортодоксальной партии в Гаване после переворота Батисты в 1952 году. Затем установила связь с Движением 26 июля и продолжает дело Франка Пайса, действуя на востоке. Скоро она становится одной из значимых личностей Революции, затем правой рукой Фиделя, у которого станет руководить кабинетом, секретарем совета министров и

секретарем Государственного совета. В Сьерре она имеет обыкновение носить в ухе белую бабочку — знак Революции. На манер гонцов прошлого века, которые использовали эту «белую бабочку», чтобы перевозить маленькие кодированные послания, приколотые к чашечке цветка и предназначенные воинам Карлоса Мануэля де Сеспедеса.

Быстро распространяется новость: Фидель Кастро мертв. Скоро весь мир в этом убежден настолько, что в середине декабря высокое командование армии выводит солидную часть своих соединений из сектора Сьер-ра-Маэстры, которое считает очищенным окончательно. В Буэнос-Айресе Селия Гевара и его близкие подавлены. Но на Кубе мать Фиделя и Рауля отказывается верить:

— Пустите меня в горы Никеро. Если они и правда, мертвы, как вы об этом говорите, я заберу то, что от них осталось.

Время идет, появляются сомнения. Не сомневается Селия Санчес. Душа Движения, она отправляет своих людей в горы. Благодаря одному из них, гуахиро Альфредо Гонсалесу, две группировки, руководимые соответственно Кастро и Гевара, соединяются в местечке Альто-Рехино.

Позади радости встречи, все успокаиваются. Барбудос переодеваются в принесенную им одежду и намечают новую стратегию герильи. Она состоит в том, чтобы опереться на крестьян и воевать в горах, там, откуда их никто не сможет вытеснить, в безопасности от налетов авиации. День ото дня Движение увеличивает численный состав, большей частью за счет крестьян. И тут не без сюрприза — пришедшие из Мансанильо приносят оружие, редкое явление в то время, в основном, охотничьи ружья…

В складке горы, в Силантро, в центре Маэстры барбудос встречают первый кубинский Новый год. По случаю праздника достаточно нескольких стаканов рома: не время пировать. Они располагаются на берегу реки Магдалены в пятидесяти километрах от места, где потерпела крушение *Гранма.* Вечером Эрнесто читает Гете и вообще держит при себе марксистские произведения, которые ему доставили из Мансанильо на спине осла.

Командиры Фидель, Рауль, Альмейда и приглашенный высказать свое мнение Эрнесто принимают решение атаковать соседнюю казарму в Ла-Плата, в устье реки того же названия на южном побережье провинции Ориенте. Конечно же, не через крепость! Но акция прельщает: не для поднятия ли духа маленькой группы, насчитывающей теперь сорок человек?!

Кубинская армия не бездействует. Сначала поверили, что все

повстанцы мертвы. Но остается загадка: их тела не были найдены. Генералу Диасу Тамайо, командиру первого полка сельской гвардии, было поручено их найти, но вернулся он не солоно хлебавши. Уже ясно, что не все были уничтожены, и радио спешит сообщить новость. Военные вновь готовы атаковать, авиация увеличилась на шесть бомбардировщиков, взятых у Соединенных Штатов, способных перевозить каждый две тонны бомб. Они только усилили рвение барбудос.

— Чтобы нас рассмотреть в Сьерре, им нужны хорошие бинокли, — иронизирует Камило Сиенфуэгос.

Через месяц после трагедии в Алегриа-дель-Пио барбудос наносят ответный удар, атакуя казарму военно-морских сил в Ла-Плата. 14 января повстанцы преодолевают крутой участок, отделяющий их лагерь от берега моря, и занимают позицию. Перед атакой на военный пост список вооружения сводится к девяти ружьям с оптическим прицелом, пяти самозарядным ружьям военного образца, двум пулеметам Томпсона, двум ручным пулеметам и одному ружью шестнадцатого калибра — всего девятнадцать единиц.

На закате семнадцатилетнний крестьянин Дариэль Аларкон Рамирес в ужасе наблюдает за вооруженными людьми, вторгшимися на его клочок земли. Дариэль живет в местечке под названием Лос-Кабесос де Ла Плата, на берегу реки Ла-Плата, впадающей в море около порта под тем же названием, где находится казарма[13]. Его отчим, Галлего, умер четыре года назад, и юноша сам занимается маленькой фермой. У него есть все: откормленные свиньи, много птицы, растет в изобилии маниока. Когда гости просят пожертвовать для них свинью, он не осмеливается отказать, полагая, что имеет дело со специальным взводом армии, и опасается, что они разорят его.

— Огромного борова, около ста килограммов, они сварили в чане, — вспоминает Дариэль. — Я ничего не понимал, говорил себе, что эти люди, хотя и в военной форме, должны были ими все же быть, потому что, казалось, невозможно, чтобы люди с оружием не принадлежали армии.

Один из них спрашивает, бывал ли он у врача, и Дариэль отвечает, что нет. Тогда человек смотрит ему в глаза и делает вывод, что у него хорошее здоровье.

— Это был Че…

15-го фиделисты уже видят солдатские бараки прямо на другом берегу реки. Эрнесто внимательно следит за передвижениями полуобнаженных людей, пилящих и перетаскивающих дрова. Мишени, по которым он будет стрелять, убивая своего первого врага. Уничтожая одного человека, в

надежде позволить многим другим жить свободно. Он готов к этому со времени контрреволюции в Гватемале.

Барка, наполненная солдатами, везет смену. Два кавалериста взяты в плен. Их показания о внутренней жизни маленькой военной базы оказываются драгоценными. Они подтверждают, что повстанцам противостоит не более двадцати человек… Они извещают также о скором появлении управляющего, местного богача сеньора Лавити, Чико Осарио.

Вскоре прибывает огромный Чико Осарио, такой пьяный, что еле сидит на осле. Фиделист Универсо Санчес останавливает его:

— Пароль!

Ответ на пароль узнали у одного из кавалеристов.

С надменным и презрительным видом вперед выходит Фидель и представляется пьяному пустомеле как полковник лояльной армии, прибывший произвести расследование о причинах, по которым еще не все повстанцы ликвидированы. Он имеет в виду «этих собак, прибывших из Мексики». Чико-пьяница утверждает, что виноваты солдаты, которые нажираются как скоты, вместо того, чтобы стараться схватить «этих сыновей потаскухи». Икая, он вещает:

— Посмотрите на меня! Я своими руками убил двоих из этих бездельников-крестьян, и у меня не было никаких неприятностей. Спасибо, мой генерал Батиста!

Он продолжает хвастаться, что не раз колотил дремучих крестьян, а охранники не способны даже на это. Фидель подначивает его:

— Что бы ты сделал, если бы встретил Фиделя Кастро?

В ответ красноречивый жест, показывающий, как бы он его разрывал. Развлекая таким образом своего собеседника и его товарищей, головотяп не отдает отчета, что подписывает себе смертный приговор.

— Посмотри на эти ботинки! — заканчивает с ним разговор Фидель. — Они прибыли из Мексики. Как раз такие, которые носят эти сволочи с яхты…

Нужно избегать любого шума около казармы, и судьба Чико будет решена позднее. В ожидании он связан как огромный тюк. Приказ — не транжирить боеприпасы.

Сформированы четыре группы. Группа Камило окружит барак с крышей из листьев пальмы, который расположен рядом с основным зданием. Группы Фиделя, Че и Каликсто атакуют в центре. Рауль и его люди, поддержанные группой Альмейды, направят свое наступление на левый фланг.

17 января, два часа сорок минут. Когда подошли на расстояние пятидесяти метров, Фидель начинает военные

действия автоматной очередью точно в момент, когда пуля отправляет Чико-пьянчужку в другой мир, где он сможет пить с Бахусом в свое удовольствие.

Атака наталкивается на жесткое сопротивление. С ручным пулеметом, сержант отвечает очередью каждый раз, как ему приказывают сдаваться. Можно использовать старую бразильскую гранату. В то время как Креспо и Че бросают ее, Рауль приводит в действие динамитный патрон, который оказывается лишь намоченной петардой. Ударные группы наступления Че и Креспо бьют открыто, чтобы поджечь ангар, где хранятся маис и кокосовые орехи. Пожар так пугает солдат, что они бросаются наутек. Сержант отступает. Победа!

Добыча — о! Сколько возможно после беспорядочного бегства из Алегриа-дель-Пио: восемь ружей, пулемет Томпсона н тысяча патронов. Еще горючее, ножи, патронташи, одежда и провизия. Потери охраны: два человека убиты, пятеро ранены и трое пленных. Ни единой царапины у нападавших. И даже новый рекрут: один из пленных переходит к повстанцам.

— Наше отношение к пленным противоположно отношению врага, — говорит Че. — Они приканчивают наших раненых и бросают своих. Со временем это отличие станет фактором нашего успеха.

Для него герилья может быть только чистой. Не убивают из удовольствия. Уважение к противнику проявляется также и после победы. Аргентинец начинает втолковывать свои понятия собратьям по оружию. Он объясняет им, что, с другой стороны, среди солдат, которые сражаются за Батисту, по существу, не все плохие.

Когда барбудос снова проходят через «имение» Дариэля, он уже узнал из устного радио «там-там Сьерры», что казарма Ла-Плата была взята захватчиками, высадившимися на пляже Лас-Колорадас.

— И надо же, как они свели счеты с этой сволочью, Чико Осарио. На этот раз не только с удовольствием, но и с гордостью, я ощипывал своих кур и помогал им варить рис и черную фасоль. Я выбрал свой лагерь.

25 марта молодой человек вступит в герилью, поскольку его байо сожгут солдаты Санчеса Москеры, которым донес, как это позже выяснится, Ефимио Герра.

— Крестьяне показали мне, где найти тех, кого сторонники Батисты называли бандитами. В Альто-Наранзаль, в десятке километров от моей фермочки, есть шахта, около которой Фидель расположил свою штаб-квартиру.

Че задавал мне вопросы о жизни крестьян. Правда, он

говорил мало, много читал и сочинял.

Дариэль Аларкон Рамирес примет участие во взятии острова за станковым пулеметом полка под командованием Камило. Он окажется в числе кубинцев, которые отправятся вместе с Че в Конго в 1965 году. Наконец, под именем *Бениньо* он примет участие в боливийской кампании, станет одним из шести выживших. Сейчас живет в Гаване с женой и сыном.

Глава XIII
ВРАЧ — НАШ ПАРЕНЬ!

Влажные джунгли во власти сильных дождей между маем и октябрем, с инеем зимой, глубокими ущельями, где скрываются барбудос, вызывают приступы астмы у Че. И все же он наслаждается красотой района, интересуется историей местных народностей. Он открывает, что во время прохождения Христофора Колумба вдоль кубинских берегов в 1492 году здесь жили три большие индейские ветви: гуанахуатабейес, тайное и сибонейес. Сибонейес, наиболее известные, огромные троглодиты, которые выходили из своих пещер охотиться и ловить рыбу. Гуанахуатабейес менее известны, их следы почти исчезли. Тайное, с более высокой культурой, были стройны, прекрасно сложены для бега. Они били карибов, жестоких индейцев с соседних островов, и жили в этой западной части острова, где воплотится Революция. Че также узнает о перегоне черных, который усилился после отмены рабства индейцев в 1548 году. Он интересуется африканской культурой, в частности культурой конголезцев, йорубас, или лукумис, карабалис и арарас.

Но сейчас на первом месте война. Оставив пленных на свободе, повстанческая колонна 17 января, на рассвете, выходит в направлении Пальма-Моча, в глубь Сьерра-Маэстры. Дух оливкового отряда восстанавливается. Им это необходимо, так как «собачьи клыки» доводят до отчаяния, расшатывая веру. Армия Батисты активно действует со своей стороны — в регион направляются новые отряды с заданием окружить и уничтожить повстанцев.

Фиделисты решают перебазироваться в другую местность из района их единственного боя. Они хотят завоевать доверие гуахиров, которые живут в Сьерра-Маэстре. Если удастся привлечь их в Революцию, это будет важным шагом к победе. Тут отличается Че, чуждый расчета, полный простоты и духовного богатства. Врач, он лечит детей, чем вызывает симпатию. В бараке из самана, где проживает семья из семи человек, герильеро берет на руки маленькую девочку, поднимает ее к потолку под ошеломленные взгляды близких. Еще никогда не видели врачей в Сьерра-Маэстре. Знают, что они существуют, живут в городах и пойти к ним стоит дорого. Этот, со своей улыбкой и странным акцентом, не требует ничего…

Эрнесто старается быть доступным для простых людей.

Путешествия сделали его похожим на гуахиро. Че не делает политических заявлений, он просто находит путь к сердцам людей. Без сомнения, он лучший посол Движения 26 июля. Радио джунглей уже сообщает — среди повстанцев есть доктор с белой кожей, которого зовут Че…

Если здесь, в западной части Кубы, крестьяне все более ощущают причастность к герилье, то в Гаване нет настоящего беспокойства. Сьерра-Маэстра так далеко, восемьсот километров! Однако атака казармы Ла-Плата приводит армию в замешательство. Ее обсуждают среди военных. Если молчат благонамеренные газеты Гаваны *Эль Мундо* и *Эль Пайс,* то Батиста не может избежать пресс-конференции для иностранных журналистов. Нужно же как-то объяснить аренду или покупку бомбардировщиков у Соединенных Штатов. Это еще не конец его тяготам.

Испытав удачу на берегу в Ла-Плата, Фидель и его командиры решают атаковать другой лагерь, вход в преисподнюю. Теперь Че окончательно входит в состав командиров. История с ящиками медикаментов и боеприпасов произвела такое впечатление на Альмейду, что он рассказал об этом Фиделю. Реакция Кастро:

— Врач — наш парень, это настоящий боец!

Фидель решает ковать железо, пока оно горячо, чтобы не потерять эффекта первой атаки. Их всех считали мертвыми, но они живы и герилья подтвердит это. Семь групп готовится штурмовать систему бойо, в которых расположен гарнизон, на берегу ручья, впадающего в реку Пальма-Моча. Фидель и Че обследуют местность. По возвращении в базовый лагерь Че чуть не попадает в переплет: «После взятия Ла-Платы я сохранил как трофей круглую каску капрала, которую носил не без гордости. Беда случилась, когда мы приближались к нашему лагерю. Часовые заметили тень от каски и движущиеся фигуры. К счастью, товарищ, который увидел меня первым, чистил свое оружие. Камило же мог стрелять — и в момент, когда он нажал на курок, каково было ему узнать меня, так вырядившегося! Первая пуля просвистела у моего уха, к счастью, ручной пулемет решил в этот миг заглохнуть…» Друзья бросаются в объятия друг другу- Отправляя каску в пропасть, Че высказывается за каскетку с козырьком.

Перед сном он записывает в дневнике: «Этот случай показывает степень нашего напряжения. Мы ждем боя как избавления. Есть моменты, когда даже самые сильные нервы не могут помешать трястись коленкам. По правде говоря, у нас нет больше патологического стремления к бою. Мы это делаем,

потому что необходимо».

Утром 22 января, те, кого скоро назовут барбудос, слышат одиночные выстрелы со стороны Пальма-Мочи. День начинается без завтрака: не может быть и речи о разжигании огня, когда солдаты совсем рядом. С гуа-хиро Креспо Че находит птичье гнездо, но яйца оставят на потом. После обеда семь групп на месте. Бинокль обнаруживает солдата, который вышел из бойо, чтобы отдохнуть возле дерева: выстрел Фиделя заставляет его заснуть навсегда. Двое других солдат падают под непрерывным огнем повстанцев. Че ранит одного, у которого он видел только ноги, затем вторая пуля попадает в грудь человека, который падает вперед, всадив в землю штык своего ружья. Че близко увидит своего первого убитого. Он поймет, что пуля попала в сердце и он не мучился. «Уже появились первые признаки окоченелости», — отмечает он в дневнике.

Бой закончен — «и всеми овладела большая жестокость» — это отход, каждый сам за себя. Дезорганизация, которая не нравится методичному Эрнесто и о которой он вспоминает во время будущих боев. Неприятель потерял четырех человек. Среди скудных военных трофеев ружье *гаранд* начальника поста, которое переходит к Че. Повстанцы возвращаются, стремясь обогнуть гору, возвышающуюся над ручьем в преисподнюю. Прекрасное предложение: колонна армии идет по дороге вдоль склона, по которому они прибыли. Все те же двадцать человек со стороны фиделистов и сотня — с другой, прямое столкновение было бы нежелательным. Из уст крестьянина барбудос узнают, что командир батальона, обязанный их уничтожить, не кто иной, как Санчес Москера. Страшная личность, сжигающая свои жертвы, облив их горючим, но храбрость и упорство которого на уровне его жестокости.

В данную минуту моральный дух повстанцев приподнят. После поражения в Алегриа-дель-Пио и взятия казармы они только что оставили колонну неприятеля без авангарда. Че все больше принимает участие в разговорах, касающихся применяемой тактики ведения боя, способа отступления. Впредь его признают настоящим командиром герильи. В дополнение к тому, что в нем рождается рассудительный стратег, хладнокровный воин, он также способен лечить больных и при случае оперировать их.

Со времени страшного удара, испытанного в Алег-риа-дель-Пио, частью из-за предательства одного крестьянина, фиделисты остерегаются всего. В то же время, когда 29-го утром проводник Ефимио Герра просит разрешения покинуть лагерь, чтобы навестить больную мать, Фидель разрешает и даже дает ему

несколько монет на дорогу. 30-го, когда первые проснувшиеся пьют кофе после холодной ночи, начинается налет военной авиации, без сомнения, предупрежденной кем-то, ведь обнаружить их на этой вершине Лас-Каракас может только ясновидящий. Определив свою цель, бомбардировщики выписывают полукруг в небе и, набрав высоту, возвращаются, чтобы сбросить свои смертельные снаряды. Еще спавшие, барбудос едва успевают впрыгнуть в брюки и спрятаться под скалами. К счастью, повстанцы имели привычку разжигать огонь в двухстах метрах от самого лагеря, что предохраняет их от нового удара.

Как только бомбардировщики удаляются, барбудос возвращаются назад и жуткое зрелище потрясает их. Все изрешечено, вплоть до печки для варки кофе и бананов, которая совершенно стерта в порошок. Удивительно, что нет ни одной человеческой жертвы. Колонна фиде-листов вновь идет по горным дорогам. Ранним утром они обнаруживают горящую ферму, перед дверью — тело крестьянина, который отказался идти с армией.

Преступление коменданта Кастиласа, который, как и Москера, разбойничает и сеет ужас в местности.

Следующий день, 1 февраля, полон ликования: тридцать человек, отправленных из Мансанильо Франком Паи-сом и Селией Санчес, прибывают в лагерь. Доставляют одежду, на которой с любовью вышито «М-26-7»[14] на рукаве, груди и берете, а также провизию, ром и книги для Че. А еще медикаменты и хирургический материал. Праздничная ночь с гитарой, песнями, ромом: жизнь отпускников, беззаботная, но короткая. Не может быть и речи о спокойствии в этой опасной зоне Лас-Каракаса, где они уже подверглись бомбардировке. Принято решение вернуться назад, туда, где крестьяне симпатизируют движению и откуда они смогут поддерживать контакт с Мансанильо и Селией Санчес. Также они будут знать обо всем, что происходит в стране.

Долгие часы бездействия между двумя боями. На бивуаках, варя кофе, который Че всегда пьет без сахара, пытаются организовать какое-то подобие жизни. Эрнесто принимается обучать безграмотных. Его первый ученик Хулио Сенон — гуахиро двадцати пяти лет. Он учит его буквам. Пример Хулио Сенона заразителен. Светлыми ночами, часто даже среди дня, с трубкой или сигарой, когда она у него есть, с мате в бомби-лье Че превращается в школьного учителя. Он обучает Рауля Кастро французскому. После этих сеансов погружается в книги, которые у него всегда с собой, о доколумбовских цивилизациях или политико-интеллектуальное завещание Хосе Марти. Он последний тушит свечу и таким образом становится самым

большим транжирой воска в группе. Светильников мало, и полумрак обычное явление в лагере.

Тот, кто выказывает столько отваги в бою, столько гражданского чувства, столько человечности, становится, однако, самым слабым, как только его атакует астма. Это не мешает ему, когда москиты наиболее агрессивны, выкурить больше, чем обычно: он выкуривает часть сигары, вымачивает другую часть в воде и наносит желтую воду на открытые части своего тела. Старый рецепт, известный аборигенам, который они с Гра-надо откопали в Амазонии.

Ефимио возвращается раньше, чем обещал. Никто и не заикается о связи воздушной атаки с его уходом, — то, что он вернулся, доказывает его верность. Возможно, огонь костра предал их.

На самом деле задержанный солдатами Санчеса Москеры, Ефимио спасает свою жизнь предательством, выдавая расположение повстанцев. Потом ему сказали:

— Если ты продырявишь шкуру Фиделю Кастро, у тебя будет ферма, десять тысяч песо и чин в армии.

В Гаване у Батисты уже начался зуд в определенном месте. Тот, кого ему не удалось уничтожить после Монкады, жив, кроме того, начинает наносить ощутимый вред его армии. Диктатору остается обещать награду тому, кто сможет схватить Фиделя или убить.

С этим ядом в голове Ефимио вернулся в лагерь барбудос. Его принимают так, как он не ожидает, а поскольку у него еще и зуб на зуб не попадает, то ли от страха, то ли от холода, Фидель предлагает ему место под своим одеялом. Не представляя, что ночной гость вооружен Р-45. Взыграла ли совесть или он оказался слишком трусливым, но предатель не решается действовать. На следующий день он снова покидает лагерь, утверждая, что идет на поиски пищи. Сам же отправляется к неприятелю сообщить новые сведения.

Во время трепа на привале Камило обычно более разговорчив, но в этот вечер очередь Фаустиньо Санчеса, его речь привлекает внимание:

— Когда мы высадились здесь, никто и не думал, в какую переделку попадем, нас так мало… в горах. Мы представляли себе, что движение-уже стало мощным, все бастуют, а мы как бы символ, как ведущие в этой борьбе. На самом деле даже страшно, такой маленький отряд… вроде бы противостоит целой армии тирана и должен победить во что бы то ни стало…

Фидель соглашается: не все происходит так, как предполагается. Лишний повод усилить давление.

В половине второго, только сели обедать, невесть откуда взявшийся крестьянин спешит их предупредить, что враг совсем близко. Без долгих разговоров, барбудос испаряются в лесу. И вовремя. Очередь бьет по бивуаку, тяжелая и резкая. Притаившись в гроте, под защитой скал и деревьев, фиделисты смотрят со стороны на то, чего они избежали. Че мечет гром и молнии — в свой адрес. Он оставил там рюкзак, полный медикаментов, консервов, книг, и одеяло. Атака стоила жизни Сенону, гуахиро, который уже никогда не воспользуется только что обретенным умением писать.

На этот раз звезда Ефимио подводит, больше никто не верит в стечение обстоятельств. К девятнадцати часам десять человек, среди которых Че и Альмейда, перегруппируются на склонах горы Эспиноса и решаются на марш-бросок до Ломона.

— Это место, о котором знает Ефимио, не надо, — предостерегает Камило.

Но в то же время необходимо соединиться с долиной, там их ждут те, кто тоже входит в Движение 26 июля. Сантьяго, где проходила атака Монкады, самое начало революции, расположен на берегу океана. Командиры герильи встречаются с представителями долины в Лос-Чорос, в пятидесяти километрах, на расстоянии птичьего полета, от Мансанильо, в усадьбе крестьянина Эпифанио Диаса, защищенном месте в складках гор. К четырем часам утра Фидель и его люди проскальзывают туда. Мария Морено, жена Эпифанио, хлопочет у очага. В лунном свете повстанцы вдруг обнаруживают рядом с Франком Паисом и Армандо Хортом Селию Санчес, жгучую брюнетку со сверкающими глазами. Она испытывает одновременно смущение и гордость от встречи со знаменитыми барбудос, о которых все говорят в Ориенте. Здесь также Вильма Эспин, будущая подруга Рауля Кастро, и Хайде Сантамария — будущий президент Американского союза.

Франк Пайс и Хайде пытаются убедить Фиделя Кастро — плохо они его знают! — покинуть Кубу и подождать более благоприятных дней в соседней стране, откуда он мог бы руководить Движением в полной безопасности. Его жизнь — самое дорогое, что у них есть. Несколько часов сна — развеселившийся Фидель, указывая на долину, выкрикивает, сметая все возражения:

— Посмотрите на этих солдат, что стреляют оттуда, снизу, не осмеливаясь подняться сюда! Дайте нам ружья и патроны, и я обещаю, что через два месяца мы будем в разгаре борьбы. Честное слово, лишь с двадцатью вооруженными людьми мы победим в войне против Батисты!

Селия пожирает глазами человека, который будет другом до самой ее смерти от рака через двадцать три года. Фидель и его люди производят сильное впечатление на представителя долины простотой, энтузиазмом и решимостью. В данном случае Горы превзошли Долину. Франк Пайс, Армандо Хортом и, конечно же, Селия возвращаются убежденные, что Фидель именно тот военный командир, способный атаковать Батисту. Что впредь ему необходимо помогать людьми, оружием и обеспечить тылы крестьянам. Большой рубеж преодолен.

Лос-Чорос является также местом и другой встречи, которая начнет своего рода мини-революцию. Селия организовала встречу Фиделя с американским журналистом Гербертом Л. Мэтью из *Тайм*, одного из наиболее уважаемых в Соединенных Штатах издания. Фидель понимает интерес, который представляет это интервью для Движения, оно, без сомнения, будет распространено по всему миру и возвратится бумерангом к Батисте. Он немного блефует, заставляя журналиста думать, что командует большим числом людей, чем на самом деле. В орлиное гнездо Ла-Плата, откуда он проводит операции и куда привел Мэтью, прибегает запыхавшийся посыльный и докладывает по подготовленному заранее сценарию:

— Команданте, прибыл связной колонны № 2.

— Пусть подождет, — отвечает команданте с поистине королевскими интонациями.

Эта история очень забавляет Че. Тем не менее Мэтью готовит всемирную «бомбу». В заключение своей статьи он пишет: «По тому, какой оборот принимает дело, генералу Батисте будет трудно покончить с восстанием Кастро. Единственная надежда диктатора в том, что полк его армии разгромит молодого командира повстанцев и его штаб-квартиру и уничтожит их. Но сомнительно, что это произойдет…». В Гаване статья, в то время переданная средствами массовой информации полностью, без цензуры, произвела эффект бомбы, как Кастро и предполагал.

Мэтью уехал, возобновляются переговоры в долине с представителями Национальной Директории. Среди сподвижников Батисты уже начались разногласия. Пусть Долина помогает Горе, это лейтмотив речи Фиделя. С помощью нимф Революции — Селии, Вильмы и Хайде — люди долины должны будут вторить фиделистам, потому что, как отмечает Че в своих записных книжках: «Невероятно, чтобы восстания по всему острову вспыхнули одновременно».

В момент, когда два потока стремительно сливаются в один, вновь появляется на сцене Ефимио. На этот раз предателя задерживают сходу. Альмейда и Камило обыскивают его. При нем

Р-45, три гранаты и пропуск из Кастиласа. Чувствуя, что пропал, он валится в ноги Фиделю и просит у него не прощения, зная, что это бесполезно, — но чтобы тот убил его собственноручно. В тот же миг вспышка взрывает темноту, гремит выстрел… Ефимио падает. Один находчивый барбудос не дал своему командиру испачкать руки. Врач Мануэль Фарардо пытается поставить крест на могиле, но Че против — это святотатство. Ножом вырезает знак на дереве, под которым зарыт Ефимио-предатель…

Фиделисты вновь возобновляют свой бесконечный марш. Вечером, прежде чем погрузиться в чтение, Че обходит лагерь, поддерживая уставших, где словом, где ласково похлопывая по спине совсем юного парнишку, недавно вступившего в отряд. Конечно же, он часто думает о своих двух Ильдах. Малышке 15 февраля исполнился год. Начала ли она говорить, ходить? Ночью в Сьерра-Маэстре, глядя на звезды, он сочиняет поэмы, посвященные ей.

Глава XIV
ПРИЗЫВ К НАРОДУ КУБЫ

Медленно продвигаясь в джунглях с помощью мачете, преследуемый армией, отряд вновь готов к действию. Его благополучно догоняют Жиль, Сотолонго и Рауль Диас, уцелевшие после расправы при Алегриа-дель-Пио. Они прибывают как нельзя кстати, в момент, когда время от времени кое-кто, пришедший из долины, покидает их, не способный вести войну на высоте, переносить трудности преследуемых. Подкрепление ожидается в первой неделе марта.

В своем блокноте Че записывает: «Приступ астмы!» Когда у него есть лекарство, он подавляет болезнь сразу, как только чувствует первые признаки. К несчастью, со времени воздушного налета у него их нет. Правда, Селия обещала передать. Незадолго до этого Эрнесто сразила малярия. Он выздоравливает благодаря хинину, астма же превращает его легкие в пылающий горн. Снова он должен призывать внутренние резервы, чтобы не выйти из строя. 27 февраля колонна делает остановку, это позволяет ему немного прийти в себя. К вечеру 28-го Универсо Санчес, юркий как пума, спускается с дерева, откуда рассматривал окрестности. Он обнаружил авангард неприятельской колонны.

— Не знаю, сколько их. В первой группе по меньшей мере сто. Они идут сюда по дороге на Лас-Вегас.

Предстоит перебраться на другую сторону вершины, прежде чем солдаты перекроют проход. Именно сейчас измученный приступом Че прокаливает иглу, чтобы сделать себе укол, — и вдруг падает без сознания. Пригвожденный к земле, еле живой — символическая картина для тех, кто видит в нем партизанского Христа. В грудной клетке неистовствует дракон. Он не только не может идти, у него нет сил приподняться. Стонет, широко раскрыв глаза. Один из его соратников по *Гранме,* Луис Креспо, наклоняется над ним, трясет и бубнит в ухо:

— Че, шевелись, они приближаются, идем, вставай!

Ничего! Блуждающий взгляд, Че совсем отключился. Гуахиро меняет тон:

— Ну, дерьмовый аргентинец, ты наконец поднимешь свою задницу? Я заставлю тебя идти!

Даже это — на самом деле, обычный язык барбудос — не срабатывает. Гуахиро, не видя ничего лучше, взваливает Че на спину. Под первыми же выстрелами Креспо вынужден плюхнуться на землю и ползти с драгоценной ношей, которую, правда, теперь

он тянет за руки. Бойо, полуразвалившаяся хижина, служит убежищем. Гуахиро укладывает Эрнесто на живот, в позицию для стрельбы, на случай если вдруг появится патруль. Ночь приходит как великая спасительница. Понемногу приступ стихает, Че оживает и осознает, что Луис спас его. Колонна барбудос далеко, солдаты Батисты еще дальше, как надеются они. Через несколько часов, восстановив силы, Че показывает спасителю, что ему лучше. Они достают компас, смотрят на небо, снова в путь.

Когда Че почувствует себя относительно хорошо, он спросит:

— Зачем тебе было рисковать собой, чтобы спасти меня?

— Мой отец был астматиком. Еще малышом я видел, как он мучался, для меня это было такое горе. Я думал о нем, вот и все.

Че по-своему отблагодарит его, заставляя произносить слова полностью, а не «по-гуахиро», наполовину. Позже в Камагуэй Луис Креспо расскажет писателю и архивисту Кубинской революции Мариано Родригесу Эррере, большому другу Ильды Гевара в Движении 26 июля: «Он потратил много сил, чтобы выйти из болота после высадки, а дорога, по которой мы шли, становилась все круче, и я сказал Че: «Дай мне твой мешок, я понесу». Он ответил, что прибыл на Кубу воевать, а не жаловаться».

Пока Че терзала болезнь, радио сообщило важную новость для барбудос — статья Мэтью выстрелила так, что министру обороны пришлось заявить:

— Слишком много разговоров о действиях так называемых террористов и об интервью Фиделя Кастро. Так вот! Интервью — обман и провокация.

Фиделисты обсуждают это, радости нет конца, когда Креспо и Че догоняют их. Еще новость! Гораздо менее приятная: Франк Пайс вроде бы в тюрьме в Сантьяго. Фидель уже выпустил манифест. Призыв к народу Кубы, которой будет распространен по всему острову. А в Гаване Батиста под влиянием своего штаба упрямо не отступает: Фидель Кастро мертв!

В манифесте последний заверяет: если это необходимо, мы будем бороться в Сьерра-Маэстре хоть десять лет. Че сломлен астмой, партизаны изнурены, худы, грязны, число их уменьшилось до восемнадцати со времени *Гранмы* — Фидель блефует, как в покере, на острове подтянули животы: не важно, что сегодня пустой желудок, ведь завтра мы завоюем хлеб и свободу? Фидель пытается сыграть роль миротворца между различными партиями и тенденциями, у которых точкой соприкосновения является желание освободиться от диктатора Батисты. Возникает идея всеобщей забастовки, которая парализует страну и покажет тирану, что у него нет другого

выхода, как сложить полномочия.

Когда чего-то не хватает, главное — справедливо поделить продовольствие, и Че, как всегда, скрупулезно следит за этим. У подножия Туркино около рыбацкого поселка Окухаль партизаны готовят соль для барбудос, которая позволит им сохранить говядину, но не свинину, так как свиней съедают сразу после того как зарежут. Однажды в начале марта Эрнесто и еще пятнадцать человек спускаются в поисках драгоценных продуктов питания. По возвращении в лагерь с двадцатипятикилограммовым мешком на спине каждый Че присоединяется к своему отряду за общим столом. Повар, новичок, подает всем по два бифштекса и три куска маланги. Когда подходит очередь Че, он кладет ему в железную тарелку три бифштекса и четыре куска маланги. Лучше бы он этого не делал! Тарелка летит как бумеранг к повару: «Забери назад, черт побери! Направь свое рвение, чтобы обезоружить врага. Готовить обед для партизан — слишком много чести для тебя. Подхалим!»

И Че отправляет бЬдолагу на передний край без оружия, за то, что он оскорбил всех герильеро, желая оказать предпочтение одному из них как командиру. Преступление — оскорбить его величество народ, равноправный и братский.

Только 16 марта 1957 года прибывают волонтеры долины на встречу, преодолев миллион препятствий. Пятьдесят восемь партизан, двадцать семь ружей. Пятьдесят восемь новичков плюс восемнадцать закаленных барбудос — это семьдесят шесть человек, воля которых направлена к одной-единственной цели: освободить Кубу от тирана. По прибытии новые рекруты узнают от барбудос, что те слышали по радио, будто лидер студенческой Директории Хосе Антонио Эчеверрия, по прозвищу Тордо, убит в Гаване. Это произошло во время вооруженного столкновения около университета, когда он хотел захватить президентский дворец. Убиты сорок человек из студенческой Директории. Много других арестовано, их пытают, некоторых, говорят, расстреляли.

Конец марта, апрель и май — время переустройства повстанческого отряда, воспитания «маленьких барбудос» и воспитание из них настоящих борцов. Скоро будет выбрано и подготовлено место для лагеря, расположенного над обрывистой долиной, позволяющей выйти по дороге через хребты в Альтос-де-Конрадо, Эль Омбрито, потому что гора похожа здесь на лежащего человека. Че констатирует полное отсутствие дисциплины у новичков. Он вспоминает свою собственную неорганизованность, когда они только-только покинули *Гранму,* и молча ухмыляется. Через три месяца фиделисты изменились: они наносили удары по врагу, сами были биты, закалились и стали

«организованными». Гора понимает Долину, Долина понимает Гору. Командир вновь прибывших Хорхе Сотус не желает выполнять ничьи приказы, кроме как от Фиделя. Он критикует планы людей Сьерры, посматривая свысока на Че, видя в нем только иностранца. Камило, который пронюхал, что между этими двумя пробежала кошка, поддразнивает Эрнесто, называя его Эль Аргентино.

Фидель перераспределяет обязанности: Рауль Кастро, Хуан Альмейда и Сотус утверждены в звании капитанов. Камило Сиенфуэгос становится командиром передового отряда, а Эфигенио Амейхейрас отвечает за тыл. Че назначается ответственным за здоровье бойцов. Ему приходится думать о своем. Большая часть барбудос, старые и новые, спят в гамаках, спасаясь от земляной влаги и ползающих насекомых, но Эрнесто не выносит сетки из джута, содержащей пыльцу, на которую у него аллергия. Правда, есть несколько полотняных гамаков, но чтобы заполучить такой, нужно отоспать свое сначала в джутовом гамаке. Че не хочет быть исключением из общего правила, поэтому ничего не требует. Правда, однажды вечером из разговора с гуахиро Креспо Фидель узнает об этом и приказывает выдать врачу полотняный гамак.

Именно благодаря репортажу Мэтью, отношение к повстанцам в Америке меняется. Сначала дезертируют трое молодых солдат с американской базы Гуантанамо, расположенной в каких-то двухстах километрах на восток, морской базы, которую кубинцы называют раковой опухолью. Они дезертируют, чтобы попасть к партизанам из авантюрных соображений. Под действием климата, жарких дней и ледяных ночей, влажности, насекомых двое не выдерживают, подхватывают пожитки и возвращаются на базу. Третий продержится дольше и осуществит свою мечту — примет участие в бою в Сьерра-Маэстре. Затем прибудет группа Си-би-эс снять документальный фильм «История повстанцев в джунглях Кубы». Хайде Сантамария и Марсело Санчес, координаторы Движения 26 июля в Гаване, сопровождают группу. В течение двух месяцев Роберт Тейбер и Уиндел Хофман снимают повседневную жизнь барбудос. Документальный фильм приведет в восторг американского зрителя. Ловкий политик, Фидель всегда избегал плохо отзываться о Соединенных Штатах и снова таким образом ударил по Батисте.

Легенда о бродягах и убийцах, которую создали военные, не подтверждается. Наоборот, слухи о них начинают распространяться как фольклор. Все уже видят, что к барбудос приходят крестьяне — поговорить и предложить им помощь. И

вот уже район становится безопасным. Они даже создают линию защиты, чтобы сделать по-настоящему «свободную территорию». Прикрывается тыл, что будет мешать незаметному приближению солдат Батисты. Партизаны сливаются с природой и крестьянами, вовсю готовя будущие сражения. Они начинают осваивать местность: «Первые две недели мая представляют собой непрекращающийся марш. Как и предполагалось. В начале месяца мы не покидали хребта Сьерра-Маэстры. Все время на виду пик Туркино. Мы прошли по Санта-Анне, Пико-Верде, Эль Омбрито до горы Эль Бурро».

Эль Бурро расположена на востоке, далеко от обитаемых мест. Цель маневра — достать оружие из Сантьяго, спрятанное около Оро-де-Гиса, в зеленой зоне Бурро. Марш по всей территории с длинными проходами по опасным «собачьим клыкам». Однажды вечером, на привале никто не видит Эрнесто, беспокойство растет час от часу. Ои же просто удалился от лагеря, потянуло побродить, долго гулял под звездами, пока не заблудился. Отдохнув, утром подходит к крестьянину, работающему на поле, не зная, сочувствующий тот или нет. Когда решается сказать, кто он (научился говорить, как гуахиро), крестьянин улыбается, приглашает подкрепиться, затем указывает, как добраться до лагеря, расположение которого хорошо знает. Повел бы себя крестьянин так же несколько недель назад? Со своей верой в человека Че полагает, что да.

Считается, что в «свободной Республике», созданной в Сьерра-Маэстре, царят порядок и справедливость. Трех крестьян, обвиненных в предательстве, судит «народный трибунал» под председательством Камило. Некто Наполес, который крал и доносил, будет казнен на месте выстрелом в голову. Закон барбудос суров: нужно быть достойным, чтобы тебя уважали. И все же один пройдоха, выдавая себя за доктора Гевару, ходил по поселкам и требовал от женщин, предпочтительно молодых, раздеться, чтобы он их «послушал». Негодяя, вравшего и насиловавшего, Че приказывает казнить.

Теперь его знают как врача по всему региону. В период относительного спокойствия он пользуется оружием реже, чем стетоскопом. Каждый поселок или просто обитаемое место «радио джунглей» предупреждает о его приближении. Вот, например, Эль Омбрито. С 3 по 6 мая доктор Эрнесто Гевара оказывает помощь местному населению и вызывает симпатию у всех.

О своей работе он записывает в дневнике: «Клинические случаи этого горного района не отличаются разнообразием. Они все похожи. Прерывание беременности, дети с огромными животами, паразиты, поносы, рахит, в основном из-за отсутствия

витаминов. Это симптомы Сьерра-Маэстры». Он вспоминает совсем юную синьориту, которая очень интересовалась его работой: «Консультация для женщин, которые приходят ко мне, несмотря на религиозные убеждения, чтобы узнать, от чего они страдают. Ожидая с матерью очереди, малышка с самого утра не пропустила ничего из того, что происходило в бойо, где я работал. Она сказала: «Мама, ты знаешь, доктор им всем говорит одно и то же». Действительно, она была близка к правде. Мои познания, возможно, не исключительные, но все болячки рисовали одну и ту же клиническую картину, и я каждой говорил почти одно и то же…

Что произошло бы с пациентами, если бы врач говорил им по поводу их болезней: «Это от усталости, из-за нее вы, молодые матери, страдаете, у вас много детей (они имеют 3, 5, 7 и более), вы таскаете ведра с водой из колодца или, чаще, с дальнего ручья. Из-за постоянной тяжелой работы вы так изнурены». Врач не может лечить подобные болезни. Нужно сделать так, чтобы эти женщины, как и их мужья, улучшили свою жизнь. Чтобы единение с народом перестало быть в теории, а стало реальным, конкретным, живым, частью вашей жизни». Конечно же, он вспомнил старую астматичку из Джоконды, в Вальпараисо.

Че выписывает крестьянам рецепты. Эти рецепты были бесполезны, если бы Селия и ее люди не приносили деньги на медикаменты. В Сьерре действует цепочка солидарности.

Глава XV
НОВОЕ РУЖЬЕ ДЛЯ ЧЕ

Май 1957 года — прекрасный месяц для крестьян и барбудос. Че объясняет это по-своему:

— Мы представляем единственную силу, способную предотвратить репрессии, которые на совести у армии при встрече с гражданским населением, поэтому крестьяне становятся на нашу сторону и ищут у нас защиты. Если безжалостный капрал или бесстыжий сбир управляющего выводит из себя барбудос, гуахиро рукоплещут.

Хорошие отношения станут еще более крепкими, когда в начале мая они сложат свое оружие, чтобы помочь собрать кофе. Слух о фиделистах овеян легендой, этих людей превратили в фантастических существ, прибывших в лодке, с цветами в ушах, которые идут ночами и невидимы днем.

В горах Сьерра-Маэстры герилья и крестьяне начинают становиться единым целым. Это не взмах волшебной палочки, а необходимость: объединение людей, которые хотят изгнать диктатора, и народа, для которого свобода пока еще непонятна и непостижима. Магия Революции.

Постоянно слушая радио, фиделисты обращают внимание на одно сообщение: в Гаване приговорены соратники по *Гранме*. Только один судья выступил против этой санкции, Уррутия. Смелая позиция послужит основанием к его выдвижению на пост президента Республики после победы революции.

Если забыть о политике, то самым страшным врагом для барбудос, страшнее агента ЦРУ, выдававшего себя за журналиста (был такой, Эндрью Сент-Джордж), страшнее солдат Москеры и Касильяса, вместе взятых, является овод-макагуэра. Ужас что за насекомое, один стоит армии москитов! Маленький вампир, который упивается кровью своих жертв до предела. Он откладывает яйца в мае на дереве макагуа, отсюда и название. Его излюбленной мишенью являются, конечно, голые части тела — руки, лицо и особенно шея, названная «страсть макагуэры». Заражение, возникающее вследствие укусов, вызывает гнойные раны и дает дополнительную работу Че.

15 мая фиделисты все еще ждут сообщения об оружии, которое им обещано. На перекличке не хватает людей: один из долины исчез. О поступлении оружия известно всем: есть от чего забеспокоиться. Группа разведчиков идет по следам сбежавшего, возвращается и сообщает, что он сел на судно в Сантьяго и уплыл

в неизвестном направлении. Дать сведения врагу? Но никто не тревожит барбудос в ближайшее время, значит, попросту речь идет о дезертире, который не вынес больше тягот этой жизни или не хотел воевать. «Ежедневная борьба с отсутствием морально-политической и физической подготовки новобранцев», — запишет Че.

Из Пино-дель-Агуа 18 мая после нападения махагуэров приходит долгожданная весть:

— Оружие прибыло!

В лодке, в бидонах из-под масла. Это момент невероятного волнения для всех барбудос. Оружие здесь, на земле: три станковых пулемета, три ручных пулемета «мадзен», девять карабинов М-1, десять автоматических винтовок «джонсон» и шесть тысяч патронов. Раздача происходит в сосредоточенной тишине. Че получает из рук Фиделя один из трех ручных пулеметов как доказательство большого уважения. Он говорит себе:

— Для меня наступает новый этап в Сьерре…

Позднее признается: «Правда, ручной пулемет был старым и в не очень хорошем состоянии, но это неважно, я навсегда запомнил момент, когда получил его».

В это время в Маэстре Че привязывается к Жоэлю Иглесиасу. Тому пятнадцать лет, юный пастушонок ничего и никого не боится и завидует всем и вся. Эрнесто он напоминает Эль Патохо, оставшегося в Мехико. Храбро тащит пулеметные диски. Всегда с улыбкой, иногда что-то напевает. Че опекает его, пытается учить. Жоэль только-только приобщается к школе Эрнесто, Камило же в ней дока. Правда, он сначала делает, а потом думает.

Теперь, когда у них есть порох, он должен заговорить. Ожесточенно спорят барбудос относительно наиболее эффективного способа ударить по врагу. Однажды Че высказывает идею захватить грузовик с солдатами. Но в конце концов решают напасть на пост в Уверо.

— Фидель прав, — признает Эрнесто.

Эхо от такого удара прокатится по всей стране. Это очень важно психологически.

Уверо расположен на берегу, в двадцати километрах от Туркино. При поддержке пятидесяти человек с долины фиделисты готовятся нанести удар вне своей обычной зоны действия. Сначала они узнают численность солдат, против которых выступят, затем тип коммуникаций, используемых врагом, и, наконец, количество гражданского населения. Известия, принесенные связной Селией, заставляют ускорить операцию: Касильясом захвачены два крестьянина, это может

обнаружить позиции повстанцев. То, что они вовремя предупреждены, не убирает опасности полностью. Нет времени что-либо менять. За все надо платить. Они выиграют, если будут правильно действовать.

Среди фиделистов с едва пробившейся бородкой есть некий Кальдеро, в 1959 году он станет командующим, уроженец этого района. Он знает все, что касается лесопилки Уверо, и будет отличным разведчиком, принося в штаб ценные сведения. Ночной двадцатикилометровый марш по извилистым тропинкам, прорубленным мачете, позволит приблизиться к лесопилке, принадлежащей компании Бабуин. Продвигаются как крабы, избегая людных мест. Как только казарма окажется на расстоянии выстрела, тактика будет проста: снять солдат с постов, изрешетив пулями деревянные бараки, нанеся удар на посты 3 и 4, где больше всего неприятеля.

И снова в лунном свете барбудос готовятся к атаке. Стремясь уберечь гражданское население, Че, находящийся между Раулем и Гильберто Гарсиа, ждет со своим ручным пулеметом, когда Фидель начнет военные действия. Слева от себя он вдруг замечает красный шейный платок Камило Сиенфуэгоса:

«Со своей позиции в пятидесяти метрах от врага я заметил двух солдат, которые выходили из траншеи и заворачивали за казарму. Они скрылись в крестьянской хижине. В тот же самый миг услышал вздох и приглушенный крик. Я сказал себе, что это, должно быть, солдат. Ползком приближаюсь и обнаруживаю, что на самом деле один из наших, Леаль, раненный в голову. Осматриваю рану. Пуля прошла навылет и вышла в области темени. Уже начался паралич. Я не могу без бинта сделать ничего другого, как приложить комок бумаги, чтобы остановить кровь. Жоэль Иглесиас взвалил его на спину и побежал, согнувшись, бой продолжается».

Барбудос очищают траншею: операция закончилась менее чем за три часа. Итог все же очень тяжелый: пятнадцать фиделистов выведены из строя. Первым оказался ближайший соратник Фиделя, Хулио Диас, за ним проводник Элихио Мендоса. Глубоко верующий в судьбу и ангела-хранителя, встал во весь рост, и хотя его уговаривали пригнуться, он отказался, уверенный, что с ним ничего не может произойти. И был убит.

Четверо участников атаки присоединятся на том свете к революционерам: Молл, Нано Диас, Вега и Полисиа. Двое серьезно ранены: Леаль и Сильерос — прострелена грудная клетка, и более или менее опасные раны получили: Масео — в плечо, Эрмес Лейва — в грудь, Альмейда — в руку и левую ногу, Кике Эскалона — в правую кисть и предплечье, Маналь — в

легкие («без серьезных последствий», как отмечает Че), Пенья — в колено и, наконец, Мануэль Акуно — в правое предплечье. Потери другой стороны: четырнадцать убитых, девятнадцать раненых, четырнадцать пленных и шесть сбежавших. Кроме того, удовлетворение, что не задет никто из гражданского населения.

Че отдает должное всем сражавшимся:

— Это была рукопашная для тех, кто защищался, почти не имея прикрытия. Настоящий пир отваги.

К счастью, одна из первых же пуль разнесла телефонный аппарат, отрезав связь с Сантьяго, что не позволило вызвать авиацию.

Пленные отпущены. Слишком затруднительно тащить, а уничтожать не в их правилах. Захвачено пятьдесят единиц вооружения. Сообщение о победе быстро доходит в Гавану, до ушей президента, что весьма прискорбно для Батисты и всего острова. Общественное мнение мгновенно поворачивается в другую сторону, и шок от Уверо, где 30 % сражавшихся кровью оплатили победу барбудос, поражает умы.

После боя Че меняет свое оружие на хирургический нож. Вот он уже рядом со своим коллегой-доктором: лысоватым мужчиной лет пятидесяти, который торопится сказать, удрученно оглядывая более или менее тяжелораненых на постелях и столах, почти лишенных признаков жизни:

— Молодой человек, тебе придется взять все в свои руки! По правде говоря, мой опыт немного стоит.

Итак, Че оказывается перед необходимостью спасать и врагов, которые только что стреляли в него. Закатав рукава, хирург Эрнесто Гевара обагрит свои руки кровью, не очень заботясь, кому она принадлежит. Из тридцати раненых стонут двадцать. Двоих, наиболее серьезно раненых барбудос, которых невозможно взять с собой, доверяют бывшим пленным, отпущенным на свободу под заверения, что за ранеными будут хорошо ухаживать. Эрнесто не позволяет себе поцеловать своих братьев по оружию, боясь, чтобы батистовцы не приняли это за знак прощания. Сильерос не увидит Сантьяго, что касается Леаля, то он выживет и встретит Революцию за решетками тюрьмы на острове Сосен.

Че последним покидает местность, отыскивая среди бренных останков самое нужное из трофеев, в частности медикаменты. Колонна фиделистов уходит, так как вот-вот может начать действовать армия. Похоронив мертвых, Че и три его товарища, новоиспеченных санитара, плюс еще пять барбудос сооружают странную конструкцию, чтобы эвакуировать в гамаках без «скорой помощи и Красного Креста» семерых менее тяжелых, чем их неудачливые соратники. Отделенный от основной колонны «Хосе

Марти», Че настороже. Весь июнь он переходит от одного к другому, ухаживая, утешая, следя, чтобы раны не воспалялись. Капитан Хуан Альмейда Боске, дважды раненный, еще и по сей день носит пулю в теле. Это тот самый Альмейда, темный, коренастый и добрый, который спас Эрнесто в Алегриа-дель-Пио.

Че держится хорошо, пока не просыпается его дьявол и астма не начинает жечь грудную клетку. У него есть чем ее успокоить, но среди джунглей, с заботой о раненых, это испытание ужасно. И все же он не жалуется, преодолевает боль и продолжает идти прерывисто дыша и сбивая ноги в кровь. Случайные встречные, такие как крестьянин Панчо Тамайо, приносят драгоценное продовольствие в больницу под открытым небом. На самом деле это один из «специальных посыльных» Селии, с поручением организовать смену проводников, чтобы помочь группе Че догнать основную колонну. Выжившим дают приют и кормят крестьянин Исраэль Пардо и его жена Эмелина. Они останутся здесь на время, достаточное, чтобы восстановить силы. Фермер Давид жертвует корову, чтобы прокормить двенадцать апостолов Революции, и дар, который он приносит, кажется драгоценным: «Он так облегчил наше положение», — подтвердит Че.

Скоро проводник Синеко Торес, Жоэль Иглесиас, Алехандро Оньято, по прозвищу Кантинфлас (он похож на знаменитого мексиканского комика), а также еще Вило Акунья и Че будут отягощены только пятью ранеными. Кике Эскалона и Маналь, серьезно раненные, отправлены в долину. Колонна из десяти человек приближается к Месе, которая станет одним из высших моментов эпопеи Гевары. Плоская скала, перекрывающая узкую долину в сердце Кордильер, одна из вершин которой — Эль Омбрито. Нескончаемый спуск к реке Ла-Мула, которая течет к морю и является одним из притоков. Около тысячи шестисот метров отделяют вершину от дна колодца, зажатого в глуби гор.

Колонна встречается с крестьянином Ипполито Торрес Гуэррой. Люди не знают, каковы его намерения. Че, пристально гладя на гуахиро, подходит к нему.

— Смотрим друг другу в глаза, — вспоминает Ипполито. — В самую глубину, туда, где человек такой, какой он есть. Я сказал Че, показав кругом: «Здесь ты у себя». Это правда, я бы отдал ему свое хозяйство. Трудно объяснить, но когда узнал о его смерти в Боливии, я плакал. Единственный раз в жизни.

Че понимает, насколько этот человек самобытен, его честность абсолютна, душа чиста. Он узнает историю пионера. Ипполито, «Поло», пришел сюда на лодке один. Он поднялся по Муле как можно выше, затем прошел пешком до этого места, которое его покорило. Он приглашает Эрнесто полюбоваться им.

Прелестное маленькое хозяйство, расположенное на горе среди такой буйной растительности, что проникнуть сюда можно только с помощью мачете. Сначала Поло устроился со своим гамаком в гроте, потом встретил в окрестностях нежную и смуглую Хуану, которая стала его женой. Он выкорчевал пни и сильными, умелыми руками построил домик.

Он показывает Че на скалу, которая нависает над Мулой.

— Она плоская как стол. Я назвал ее *Меса,* — объясняет он.

Через сорок лет, в апреле 1994 года, Меса тут как тут перед нами, кусок скалы, отмеченный историей. Но от домика остался только скелет, давно уже Поло здесь не живет. Тот, босоногий, кому Че присвоил сразу звание капитана, обитает теперь с женой, детьми, внуками и множеством животных в Мансанильо. Патриарх племени, который живет воспоминаниями и создает культ Че. Он создал что-то вроде туристического агентства и каждый год водит человек пятьдесят с рюкзаками в Сьерру, по тропинкам, где проходил команданте.

— Мне хочется, чтобы нас было восемьдесят два, как тех, что были на *Грамме,* — говорит мне Поло. — Я уверен, так и будет.

Я тоже последовал по дороге храбрых с Поло, слушал, что он рассказывал мне об этих днях июля 1957 года, когда колонна повстанцев прибыла сюда. Че, постоянно озабоченный добыванием продовольствия, радуется двум клубневым сокровищам, в изобилии растущим на Месе: маланге и ньяму. Малангу разных видов — сладкую, желтую или белую, немного приплюснутую, отыскивают по длинным зеленым и густым листьям. Она растет в Сьерре почти везде, ее так много, что журналисты будут говорить о революции маланги в связи с эпопеей барбудос. Поло уточняет некоторые детали с Че.

— У тех, кто ел только ньям или малангу, были трудности с пищеварением, а мы, гевариста, ели мясо и ходили нормально.

Иньямс, или ямс, очень распространен в Африке, настоящий подземный колосс, превышающий два и даже три килограмма. Он разваривается, из него готовят суп или пюре либо режут на кусочки. Поло, как утверждает Че, не имеет себе равных по распознаванию стеблей индиго, которые указывают на присутствие ямса. Туземка Хуана готовит его с солью и чесноком. Для Эрнесто она держит в запасе томатный соус и украшает еду жареными бананами, нарезанными тонкими кружочками.

Удобное местоположение в сердце гор и укрытие, которое оно дает повстанцам, убеждает Че сделать Месу одной из баз герильи. В последующие месяцы он множество раз будет возвращаться сюда. Поло показывает грот, где Хуана прятала книги команданте, когда он покидал свое логово:

— Их было штук пятнадцать, по большей части тяжелые. Так как мы не умели читать, то не знали, о чем они, но некоторые из них были марксистские.

В адрес Месы Че добавляет в своей манере:

— Поскольку она висит вниз головой, у нее должны быть ноги.

Так пик Ла-Ботелла, хребет Ла-Бруйя (Сорсьера), холм Кас-Лечес, холм Корадо становятся четырьмя ногами Месы.

Че попытается обучать босоногого капитана читать и писать, как он это проделывает с другими товарищами, но скоро поймет, что перед ним человек особого склада. Он родился со знаниями, которым не учат по книгам. Он «знает» природу, уважает ее: по-своему покоряет Сьерру и растительный мир. Ночью, свернувшись в гамаке возле очага, он слышит странное и мощное дыхание гор, которое соединяется со звездами, до него доходят малейшие шорохи уходящего дня, он понимает их, он о них рассказывает.

Мало-помалу он будет приобретать все большее влияние среди революционеров, играть роль связного между фиделистами и геваристами. Это происходит не само по себе. Он вспоминает, как после воссоединения с основной частью отряда:

— Фидель и Че пытались поставить мне ловушку, каждый рассказал историю, потом спрашивали меня по очереди, что мне сказал другой. Я ни разу не попался и все повторял: «Он мне ничего не говорил!»

Так Поло стал живым связующим звеном между Че и Фиделем, которые с этого дня ему полностью доверяли.

Когда люди немного поправились, Че уговаривает его подняться на вершину Сьерры, следуя как тень за босыми ногами нового друга. Немного дальше приходит очередь Туто Альмейды исполнять опасную роль проводника.

26 июля Че вписывает в свой походный дневник: «Зубодер». У многих герильеро абсцессы и нестерпимая зубная боль, которые заставляют их очень страдать, и он превращается в дантиста. Его первая жертва — Исра-эль Пардо, подручные средства — клещи. Не имея анестезии, он использует то, что называют «психологическим обезболиванием»: несмолкаемый залп непечатных выражений в лицо пациенту, пока того оперируют. Следующий — Жоэль Иглесиас. Этому не помочь: «Нужна была граната, чтобы взорвать его коренной зуб. Я не смог его вырвать и оставил с ним». В благодарность Жоэль заменяет лекарства, которых теперь нет у Че, чтобы лечить астму, сушеными стеблями душистого горошка, растения в форме рожка: средство, которое крестьяне используют, когда кого-либо из них схватывает этот вызывающий страх кашель.

Колонна продолжает идти дальше. Обращенные речами Че, откровенные враги превратятся в верных союзников. В десяти переходах от Уверо присоединяются партизаны из Байамо и крестьяне, в общей сложности их уже тридцать. Здесь также два старых военных — Жильберто Каноте и Николас, приведенные проводником Аристидесом Геррой, который станет очень важным герильеро и запомнится как король продовольствия, не имеющий себе равных в добывании еды для отряда. Чудом исцеленный Альмейда снова начинает ходить, но ему еще не хватает сил, чтобы осуществлять командование, и Че продолжает командовать отрядом.

Узнав о присутствии врага в Мар-Верде, который они предполагали пройти, чтобы добраться до Невады, он решает срезать путь по крутым тропкам Туркино. Как только возобновляется быстрый темп — тревожная новость, сообщенная по радио: Рауль Кастро серьезно ранен во время боя в зоне Эстрада-Пальмы. Настроение колонны падает. Че успокаивает людей, обращая внимание, что сведения получены от врага, и им только относительно можно верить. Он прав: новость оказывается провокацией. На ночь останавливаются у испанского баска, беженца времен 1936 года, по прозвищу Бискаино, потому что он из Бискайи, одной из семи провинций, составляющих Эйскади. Он приютил людей и накормил маисовыми лепешками, фруктами и гигантским омлетом. С рассвета колонна возобновляет марш к вершинам. «Мы продвигаемся, как говорится, наугад, — пишет Че. — Моральный дух людей низок: они без оружия или почти что без, нет контакта с руководителями революции, опыта, окруженные врагом, количество которого в воображении крестьян увеличивается до того, что они видят его повсюду».

После тяжелых дней марша, уцелевшие под Уверо достигают Пальма-Мочи на западном склоне Туркино в районе Лас-Куэваса. Гуахиро принимают их с участием, заботясь о раненых, и «зубодер» снова призван поработать клещами. Затем они вновь отправляются в путь, чтобы подняться до Эль Инферно. Наконец, 15 июля крестьянин Кабрера докладывает Че о присутствии в местности неустрашимого Лало Сардинаса.

Соединение с фиделистами происходит 16-го. У Сардинаса нет иного выбора, как вступить в ряды Революции. Отныне его задание — обнаружить отряд жестокого Санчеса Москеры.

— Этот человек — зверь, — утверждает Че. — Он выходит из себя, если обнаруживает, что крестьяне — наши союзники, вешает их, а трупы сжигает.

Фидель приветствует возвращение гевaристов, он кричит Альмейде:

— Поздравляю! То, что ты сделал, — великолепно!
Капитан показывает на Че и отвечает:
— Это не я, это все он…

Глава XVI
ЗВЕЗДА КОМАНДАНТЕ

На следующий день 17 июля 1957 года во время совещания штаба Фидель присваивает звание капитана Рамиро Вальдесу, Сиро Редондо, а также Че. Последнему поручено отвечать за новое формирование. Передовой отряд доверен Лало Сардинасу, центр — Рамиро Вальдесу и тыл — Сиро Редондо. И все это разношерстная масса из семидесяти пяти барбудос, растерзанных, одетых и вооруженных кое-как. До сих пор такое состояние нравилось Че, теперь он твердо решает создать из них спаянную, дисциплинированную группу, которая будет достойно нести цвета крови и ночи Движения 26 июля. Это напомнило Эрнесто «Красное и черное» Стендаля, горячность и задор которого ему очень нравятся. Он называет свою колонну с пафосом — «Исход крестьян».

Несколькими днями позже, 21 июля, неожиданное событие. Че рассказывает:

— Мы писали соболезнование «Карлосу» (Хосе Пайс) в связи с гибелью его брата Франка[15]. Мы — то есть все офицеры повстанческой армии, кто был на это способен, так как крестьяне не слишком искусны в такого вида упражнениях. Подписывали в две колонки. Когда я во второй колонке собрался обозначить мое звание, Фидель мне — просто так — приказал: «Ставь «команданте!» Таким неформальным способом, почти между прочим, я оказался команданте второй колонны повстанческой армии, которую позднее будут называть «Номер четыре».

Сцена происходила в бойо, о котором, несмотря на свою непогрешимую память, он не сохранил воспоминания, — на самом деле в поместье крестьянина Рамона Корня. Он, иностранец, аргентинец, возведен в чин команданте даже раньше Рауля, родного брата Фиделя, даже раньше Альмейды, воюющего с Монкады. По просьбе Фиделя Селия Санчес вручает ему «звезду команданте», маленькую позолоченную звездочку, которую она вынула из своего мешка, — звезду Хосе Марти, отца Кубинской революции. Че спешит прикрепить ее к черному берету, который заменил каскетку с козырьком. Таким он будет запечатлен 6 марта 1960 года в Гаване на известном снимке Альберто Корды.

В этот день он получает еще один подарок: черные наручные часы, подаренные Фиделем. Его глубоко трогает неожиданное повышение, ведь он признан непригодным к военной службе из-за астмы. «Доза тщеславия, которую каждый носит в себе, нашла

случай вырваться наружу. Могу же я позволить чувствовать себя самым гордым на земле», — признается он по этому поводу.

Отныне независимый и свободный в своих действиях новый команданте решает осесть в Эль Омбрито, чтобы разместить свою базу. Фидель относится к этому без оптимизма. Он находит место опасным для лагеря, слишком рискованным, но все же позволяет своей правой руке взять на себя ответственность.

В соответствии с высоким званием Че также принимает на себя задачу: окружить Санчеса Москеру. К несчастью, последний только что покинул район. Все же Эрнесто надеется нанести удар 26 июля, в памятную дату атаки Монкады, четыре года тому назад. Фидель рекомендует ему проявить осторожность, но оставляет полную свободу действий. Че выдвигает амбициозный план, который состоит в том, чтобы ночью атаковать сначала казарму Эстрада-Пальмы, не нарушая традиции, затем направиться к соседним поселкам — Яру и Вегитасу и там разгромить гарнизон, а потом дойти до базового лагеря. Но герилья, и Че учится этому, не шахматная игра, где принимается в расчет только ум, где против противника двигают фигуры на свое усмотрение: нужно еще считаться и с другими. По радио он узнает, что Рауль Меркадер, который находился в окрестностях Туркино, тоже готовится произвести атаку на Эстрада-Пальму и он уже на месте. Чтобы не идти следом за «вторым Раулем Революции», Эрнесто снова вынужден изменить планы.

Он решает заняться казармой Буэйсито, в тридцати километрах южнее Байамо, гарнизонного города со стотысячным населением Здесь можно ожидать важную тыловую поддержку со стороны жителей: Движение

26 июля глубоко укоренилось в Лас-Минас-де-Буэйсито, соседнем шахтерском городе, где добывается медь, а также немного золота. Вало Сардинас поручает Армандо Оливеру, живущему в Санья-Брава, на границе с Калифорнией, найти машины. Че удовлетворен его работой: грузовик, принадлежащий Рубену Фернандесу из поместья Гуасимилья, в Калифорнии, грузовик, принадлежащий Конрадо Сантиэстебан из Калифорнии, грузовик Луиса Рибейро, управляемый Исраэлем Пардо; два автомобиля, один — Идальберто Геррро (Лас-Минас-де-Буэйсито), другой — Нино Оро из Ортиса Буэйсито плюс джип «виллис» с шахты Ольтон, предоставленный Рейнальдо Наваро из Лас-Минас-де-Буэйсито.

На пересечении улицы и пустыря казарма с толстыми желтыми стенами занята 13-м эскадроном 1-го пехотного полка «Масео». Эта казарма существует с середины XIX века, являясь промежуточным постом между городами Байамо и Мансанильо.

Защищаемая испанцами, она была атакована и взята мамбисами[16] под командованием генерала Каликсто Гарсии и Антонио Масеа. В этом приятном городке, где в мирное время сплошная «dolce vita», история встретилась с Великой Историей.

В районе, куда стремятся проникнуть барбудос, им противостоят 31 508 человек под знаменем Батисты (42 ООО человек насчитывала кубинская армия в начале герильи), размещенные вокруг сильной базы Туркино: 16 311 — в регулярной армии, 3 432 приписаны к Службе чрезвычайного положения — горемыки, набранные в спешке и очень плохо обученные, и 11 765 — из других частей, не считая военно-морской флот, полицию военизированных формирований полковника Масферрера. Нападающие — как Давид перед Батистой-Голиафом, 300 более или менее вооруженных людей.

Колонна Че развертывается веером, чтобы захватить врасплох солдат, пока они спят. Атака начинается 31 июля в 5 часов 20 минут. Но «ученики барбудос» не следуют инструкциям, и положение быстро становится довольно странным. Обнаружив тень на углу, Че рявкает:

— Кто идет?

Тот уверен, что свои, отвечает:

— Сельская гвардия!

Эрнесто успевает прицелиться, солдат ныряет в окно ближайшего домика. В темноте переворачивает стол, бьет посуду, роняет два стула и удирает через заднюю дверь в противоположную от базы сторону. Че его не преследует.

Часовой, потревоженный лаем собаки, которую разбудил шум, прислушивается и идет посмотреть, что же произошло. Одновременно Че из своего «томсона» и часовой из ружья «гаранд» стреляют друг в друга. Проскочив вперед на несколько метров, Эрнесто обнаруживает кого-то и кричит: «Руки вверх!» Видя, что тот готовится выстрелить, Че намерен выпустить в него всю обойму, но «томсон» отказывается стрелять. Как назло, маленькое ружьецо Исраэля Пардо тоже молчит.

— Не знаю, как выпутался он, но зато знаю, как я спас свою жизнь, — рассказывает Че. — Под пулями «гаранда» я бежал так быстро, как никогда не бегал. Вдруг вижу, меня перегоняет Исраэль, ныряет в закоулок, карабкается, как кошка, на стену, прыг вниз, туда же следом обрушиваюсь и я.

Скоро люди Че взрывают заднюю дверь поста гвардейцев. Дело сделано: среди гвардейцев пятеро ранены, двое из которых умрут, остальные станут пленными. Со стороны барбудос только одна потеря, Педро Ривера. У одного с долины прострелена грудь. И один тяжелораненый — Рафаэль Рамирес. Крестьянин Мануэль

Эспиноса рискует подняться на столб при въезде в поселок, чтобы перерезать телефонную линию, таким образом избавились от сигнала тревоги.

В апреле 1994 года во время путешествия, которое мы совершаем по Сьерра-Маэстре по следам Че, ведомые Поло, босоногим капитаном, мы проезжаем через Буэйсито. С нами Ильда, когда-то малышка Ильдита, дочь Че. К ней подходит старушка, аккуратно причесанная, целует ее, волнуясь, и со слезами рассказывает:

— Недалеко от поселка, за мостом, проклятый Санчес Москера сваливал трупы и сожженные останки своих жертв. Где-то около четырехсот.

В районе Буэй-Аррибы, который мы проходим, Че всегда живой.

— Он в нас, он с нами, он остается всегда нашим командиром! — говорит нам Рамон Олива Гарсия, историограф Революции в этой части острова.

Трофеи богатые: десять ружей 30-го калибра, один автомат, шесть «гарандов», девять револьверов 45-го калибра, семнадцать подсумок. Геваристы захватывают также «джип» и несколько раненых мулов, которые не смогли убежать в грохоте выстрелов.

Как только колонна проехала мост на выходе из поселка, Че останавливает «джип» и приказывает минеру Кристино Нараньо обезопасить их отход. Он только наполовину доволен поведением людей, которые слишком нервничали во время операции. Хотя это отнюдь не помешало ему добиться признания благодаря победе, одержанной в гористой местности Сьерры и на ее отрогах. Эта победа заметно подорвала моральный дух противостоящей армии и явилась толчком для антибатистских действий по всей стране. Теперь весь остров знает Эрнесто Гевару, его называют «Геройским герильеро».

После атаки он пишет Фиделю: «В десять часов мы смогли отойти, не обнаруженные авиацией…» Затем комментирует сложные обстоятельства, которые чуть не стоили жизни Франку Пайсу, и выдвигает предложение заменить его во главе Движения 26 июля. Также он уточняет, что с двадцатью пятью новыми рекрутами, десять из которых не вооружены, его колонна насчитывает сто человек. Таким образом Первая (Фиделя) и Четвертая (Че) колонны вместе составляют триста человек.

Как только достигли лагеря Эль Омбрито, основная забота Че — найти еду для своего отряда. В первые дни августа 1957 года он отправляется на муле с Рамоном Пересом к зоне Вега-Гранде, на север, на дорогу Сан-Пабло-де-Яо. Здесь он встречается с богатым членом Движения Серхио Пересом Камилло, отцом

герильеро Рамиро Переса, и быстро организует снабжение продовольствием. Так жизнь в лагере понемногу устанавливается. Че вспоминает о тренировке, которой подвергал их генерал Альберто Байо в Мексике, на ранчо Санта-Роса, и готовит для своих герильеро сложную полосу препятствий, с лазаньем по деревьям, преодолением потоков, быстрым спуском, разбивкой бивуаков под открытым небом, в ледяной мгле…

29 августа вечером крестьянин предупреждает колонну Эрнесто, что достаточно сильный отряд продвигается по хребту Маэстра, направляясь прямо к Эль Омбрито. Так как крестьянин незнакомый, его допрашивают без обиняков — удостовериться, что он не лжет. Затем, поверив, Че решает выступить навстречу врагу и устроить ему засаду. Проведена разведка: речь идет о батальоне под командованием Менелао Сосы, расположившего свои позиции на землях Хулио Санатеро, в «паре километров», как уточняет Че в своих мемуарах.

Ночью гевариста разворачивают силы. Че так прокомментирует план сражения, который они разработали: «Взвод Лало Сардинаса должен был занять склон с зарослями папоротника, откуда он ударил бы по колонне солдат, как только ее блокируют. Рамиро Вальдес со своими людьми, имея в распоряжении меньший огонь, обосновался бы на западе, чтобы создать шумовой эффект и посеять панику. Их позиция была также менее опасна, потому что гвардейцам нужно было бы преодолеть холм, прежде чем добраться до их высоты. Тропа, по которой враг должен был подниматься, находилась на стороне, где притаился Лало. Сиро Редондо атаковал бы их с фланга, а я с маленькой колонной хорошо вооруженных людей должен был дать сигнал к началу боевых действий, сделав первый выстрел. Засада, под командованием лейтенанта Рауля Меркадера из взвода Рамиро, кроме создания шоковой обстановки получила задание собирать трофеи. План прост: прибыв к месту, где дорога поворачивает под углом 90˚, чтобы обогнуть скалу, я должен пропустить десять-двенадцать человек отряда и отрезать остаток — другие должны быть расстреляны. Засада Рауля Меркадера продвинулась, собрала оружие убитых, и мы бы ушли под прикрытием огня засады с тыла под командованием лейтенанта Вило Акуньи».

Гевариста заняли позицию на доминирующих высотах местности Хулио Сапарето на кофейной плантации. У Че новое оружие — ручной пулемет «браунинг». На рассвете, в сумерках, внизу, на привале видно, как просыпаются люди. Вскоре они надевают на головы каски и ясно — впереди вражеская колонна.

Барбудос в позиции для сражения.

«Ожидание казалось нескончаемым, мой палец дрожал на гашетке «браунинга», готовый начать действовать против врага».

Наконец слышатся голоса, смех людей, которые явно не чувствуют наблюдения. Скоро на тропе показывается голова колонны: первый, второй, третий — солдаты проходят намеченную скалу, но если что и не было предусмотрено, так то, что они идут далеко друг от друга. Че понимает, в этих условиях нет времени пропустить предусмотренное количество. Когда он насчитал шестерых, раздался крик, кто-то из солдат поднял глаза, и Эрнесто больше не колеблется:

«Через мгновение я открываю огонь, и шестой солдат падает, вслед за этим начинается безудержная пальба».

Че приказывает атаковать засаде Рауля Меркадера, усиленной несколькими добровольцами, прибывшими на место. Первый шок прошел, батистский отряд овладевает положением и отвечает из базук. Из тяжелого оружия у гевaристов кроме ручного пулемета только пулемет «максим». Но «максим» никогда не действовал, и Хулио Пересу не удается запустить его. Рамиро Вальдес и Исраэль Пардо наступают на врага со своей стороны. Из засады вовсю стреляют и не достигают цели, но создают ужасный шум и сеют панику в рядах противника.

Че отдает приказ на отход обоим взводам и спешит сделать то же сам, оставляя взвод тыла прикрыть отход Лало Сардинаса. Вило Акуньа сообщает о смерти Эр-меса Лейвы, двоюродного брата Жоэля Иглесиаса. Четвертая встречает взвод под командованием Игнасио Переса, направленный Фиделем, которого Че предупредил о неизбежности столкновения с силами, без сомнения, превосходящими в количестве.

Барбудос останавливаются в километре от места сражения, подготовившись на случай, если враг их будет преследовать. Что касается гвардейцев, то они, группируясь hа маленьком пространстве, где произошла схватка, и мстя за себя, сжигают тело Эрмеса Лейвы. Со стороны Че наблюдает за действием, бессильный, но кипящий внутри. То, как все произошло, подтверждает его опасения: его отряду не хватает дисциплины, тренировки, что объясняет его относительную неэффективность: много раз, когда бойцы находились менее чем в двадцати метрах от своих целей, самые молодые среди них промахивались.

Хотя гевaристы и признают, что иногда им не хватает хладнокровия, но все же надеются, что исход боя для них благоприятен:

— Конечно, мы дали прикурить вражеской колонне, более крупной, чем наша, и она вынуждена была отступить, убив, плохое, правда, утешение, только одного из наших, они забрали

его револьвер, — заключает Рамиро Вальдес.

У Эрнесто следующее объяснение:

— То, что мы осуществили, мы сделали плохо вооруженными, более того, с мало эффективным оружием, против полной роты из ста сорока человек, оснащенных для современной войны базуками и мортирами.

Что касается Фиделя, то он считает — «суровый удар» Че и его колонна нанесли силам Батисты. На самом деле он усиливает значение события, чтобы подорвать дух врага и поднять дух своего отряда. Сам он предпринимает атаку одного лагеря, и его люди понесли многочисленные потери. По Сьерре уже гуляет история: негр Пилон в одном бойо обнаружил «кучу странных трубок с многочисленными маленькими ящичками сбоку», к которым они боялись прикасаться, ведь речь шла о базуке и ракетах к ней…

Через короткое время после случая, когда Че разбил один из батальонов, части Батисты окончательно уходят из Сьерры. Один только упорный Санчес Москера будет проникать сюда время от времени. Санчес, которого Че считает «самым смелым, самым жестоким и самым отъявленным мерзавцем из всех военных командиров Батисты».

После нового, в конце августа, соединения с фиде-листами обе колонны идут несколько дней вместе по склонам Туркино к лесопильне Пино-дель-Агуа на юго-востоке от Лас-Минас-де-Буэйсито. Фидель планирует атаковать гарнизон, который, возможно, базируется там, или, по крайней мере, показать свое присутствие в местности, прежде чем направиться в район Чивирико. Как вспоминает Че:

«Четвертая колонна должна была оставаться в запасе в ожидании батистовской армии и в случае ее появления проявить силу, чтобы поселить в сознании крестьян революционный эффект от нашего действия».

До прибытия в Пино-дель-Агуа происходят значительные события. Прежде всего дезертирство крестьян Маноло и Пупо Беатон, выходцев из этого района, и примкнувших к ним еще до событий под Иверо[1]. Второй печальный инцидент: команданте Роберто Родригес разоружен за неповиновение. Он не может этого вынести и, вырвав из рук одного барбудоса пистолет, который у него только что отобрали, стреляет в себя.

Но самое ужасное происшествие происходит 4 сентября. Капитан Сиро Редондо берет в плен в Лас-Минас-де-Буэйсито солдата Леонардо Баро. В результате его настойчивых просьб последний был скоро переведен в Четвертую колонну и, кажется, полностью освоился. Через некоторое время он приходит к Че,

говорит, что его мать больна, и просит разрешения навестить ее в Гаване. Эрнесто тронут и разрешает при одном условии, что затем он попросит убежища в каком-нибудь посольстве, где объявит, что отказывается воевать против революционного движения и изобличает режим Батисты. Баро спешит заметить, что ему не нравится обвинять режим, за который сражаются его друзья. Решено, он выполнит только первую часть нравственного договора.

До Байамо, где он должен сесть в автобус на Гавану, его сопровождают барбудос долины, у которых приказ избегать по дороге встреч с кем бы то ни было. Но скоро они забывают о предписании и пользуются случаем, чтобы в одном поселке соблазниться яванским ромом. Нализавшись, как черти, они уводят «джип» и уносятся в сторону Байамо. Произошло неизбежное: безумный экипаж остановлен правительственным отрядом и бедные черти расстреляны. Чтобы спасти свою шкуру, Баро утверждает, что он нарочно упоил этих алкоголиков для блага батистовского дела. Освобожденный, он отправляется на «джипе» к Санчесу Москера в Лас-Минас-де-Буэйсито. Там он начинает выдавать одного за другим крестьян, которые приезжают в город за покупками и, как он знает, замечены в связи с герильей.

«Многочисленные жертвы моей оплошности», — признается Че позднее.

Баро будет схвачен, и его судьба решится уже через несколько дней после победы Революции.

На следующий день после этого инцидента Четвертая колонна достигает Сан-Пабло-де-Яо, выше Буэйсито, где до сих пор функционирует передатчик Теле-Серра-на, предназначенный для крестьян. Отправив двух человек проверить, нет ли солдат на улицах, барбудос входят в поселок н принимают участие в местном празднике. Сельский бал оживляют две гитары: обычная и маленькая, называемая *тройкой,* — и, конечно же, классические маракасы. Вот прекрасный случай обменяться идеями. Небольшого роста крестьянка широко раскрытыми глазами буравит Че. Так как он не великий знаток танцев, все сводится к долгому разговору с ним под лукавыми взглядами его людей. Лидия Досе примкнет к герилье, чтобы стать одной из самых старательных связных Селии.

Это ей в Эль Омбрито Че доверит поднять красночерный стяг Движения 26 июля на высокую мачту, составленную из девяти шестов, который установит Мануэль Эскудеро. На стяге будут написаны большими буквами слова в адрес батистовской армии: «С Новым 1958 годом…»

Когда праздник в Сан-Пабло-де-Яо закончен, герильеро договариваются с местными торговцами и наполняют три грузовика различными продуктами. Теперь на своей территории они рассчитываются за покупки с помощью купонов, напечатанных тайно в Сантьяго от имени Движения 26 июля и которые Эрнесто уже подписывает «Че», точно так же, как когда станет президентом национального банка в ноябре 1959 года. Торговцы принимают их, надеясь на победу Революции, чтобы потом поменять на нормальные деньги — к тому же у них нет выбора, принимать или нет.

Покупки сделаны, колонна покидает местность. Даже в день праздника Че не шутит с дисциплиной: когда один из часовых, поставленных при въезде в город, сильно напился, он сразу же выгнал его из отряда. Как только добираются до крутых тропок Сьерра-Маэстры, бросают грузовики, и эстафету принимают старые добрые несгибаемые мулы, неся груз на спине.

Наконец Четвертая прибывает в окрестности Пино-дель-Агуа. Теперь уже Фидель будет руководить операциями. Сначала он делает так, чтобы как можно большее число крестьян знало о дороге, по которой прибывают барбудос, предполагая, что всегда найдется хоть один доносчик. Как только отряд Батисты попытается напасть на Че, он со своими людьми атакует их с тыла. Гевариста не очень уверены, сработает ли план двойного взрыва.

Когда 10 сентября они располагаются в засаде вокруг, так сказать, обязательного прохода, скатившийся со скалы часовой подает сигнал тревоги:

— Идут!

Пересеченная местность не позволяет видеть, как приближается враг, но его выдает шум машин. Предусмотренная тактика состоит в том, чтобы блокировать первый грузовик, затем на таким образом закупоренной дороге открыть огонь по всем сидящим в грузовиках, прежде чем у них будет время разбежаться. Чтобы осуществить подобный план, необходим совершенный расчет времени. Каждый ждет на своем месте боя с двух сторон узкой дороги, капитану Игнасио Пересу поручено заняться головным грузовиком. Случилось непредвиденное: внезапно ливень в мгновение ока покрывает все водой. Чтобы подбодрить своих соседей, Че объявляет:

— Эта вода хуже для них, чем для нас, это отвлечет внимание, они будут думать только о том, как бы не утонуть.

Как и предусмотрено, Игнасио Перес открывает огонь по первому грузовику, но ни в кого не попадает. Завеса дождя такая плотная, что, кажется, пули «томсона» летят вверх. Зато

встревоженные солдаты спешно спрыгивают с грузовиков и бегут в укрытие. Вот в таких особых условиях, при вспышках выстрелов, дырявящих потоп, начинается бой. Одним из первых сражен молодой поэт Хосе де ла Крус, называемый Крусито.

Барбудос оказались под огнем снайперов, которых не могут нейтрализовать. Один из герильеро, по имени Татин, ползком пробирается вдоль пустых грузовиков, вдруг кричит Че:

— Они под грузовиком. Сюда! Вот они, мерзавцы!

Че присоединяется к смельчаку, прекрасно сознавая, что этот жест может стоить ему жизни. Позже он бравирует:

«На самом деле мы не сильно рисковали. Парень с автоматом сдался, как только понял, что в любом случае погорел…»

С началом стрельбы солдаты бросили машины. Трофеи: автомат, ружье «браунинг», шесть «гарандов», один станковый пулемет с подсумком, пистолеты. Кроме того, операция позволила одному барбудос, захваченному некоторое время тому назад, Жильберто Кардеро, сбежать из грузовика, где его держали, и вернуться в колонну.

Похоронив Крусито, Четвертая преодолевает вершину Бателла, которая нависает над Месой, чтобы встретиться с частью колонны Фиделя в Эль-Санато. Тем временем появляется Рамиро Вальдес с неприятным известием. Лало Сардинас, капитан передового отряда Пеладеро, выстрелом в голову убил одного из своих людей, что вызвало бунт. Че немедленно отправляется на место, но дело оказывается таким сложным, что он прибегает к помощи Фиделя. В лагере Инферно около Ла-Плата Фидель решает проголосовать. Результат: шестьдесят четыре голоса за смерть, шестьдесят три — против. Фидель, знающий, каков убийца в бою, вновь дает ему шанс. Он берет слово, хвалит его качества и снова проводит голосование: шестьдесят — за, шестьдесят четыре — против! Человек спасен. Это вызывает дезертирство самых непримиримых противников. Что касается Лало Сардинаса, то он будет разжалован и продолжит воевать простым солдатом. Без оружия, прежде чем добудет его себе в бою.

Че потерял капитана своего передового отряда. Его заменяет Камило Сиенфуэгос, неподражаемый, превосходный Камило, его задание сократить бандитизм в районе. Недалеко от Эль Омбрито, в районе Каракаса, на восток от Туркино свирепствует Эль Чина, личность без стыда и совести. Свои действия он прикрывает флагом Движения 26 июля — от этого ярость Эрнесто. Через десять дней Четвертая очищает зону, Че об этом расскажет:

«Там, в крестьянском доме, был осужден и приговорен к

смерти Эль Чина Чанг, руководитель банды, которая убивала крестьян, притесняла их, сея ужас от имени Революции. Одновременно с Эль Чина Чангом также был приговорен к смерти крестьянин, который изнасиловал несовершеннолетнюю, выдавая себя за одного из наших».

Трое мальчишек из банды расстреляны символически. Пули летят в небо, вместо их душ, так решил Фидель, который желает дать шанс молодым. Один из них, осознав, что еще жив, бросается на шею Че, чтобы его поцеловать, «как будто перед ним был отец», — вспоминает Эрнесто. Журналист и агент ЦРУ Эндрью Сент-Джордж, свидетель этих событий, опубликует о них фоторепортаж в журнале Лук, который получил премию в США.

После боя при Пино-дель-Агуа военные трофеи были распределены между людьми как свидетельства храбрости. Один из «гарандов» возвращается к Жоэлю Иглесиасу. Че пользуется случаем, чтобы поднять моральный дух отряда и еще больше его сплотить, что является постоянной его заботой. Лейтенанту Лопесу н тем, кому менее двадцати лет, поручено поддерживать чистоту в лагере Эль Омбрито, где создается первая военная база повстанческой армии, и поддерживать революционный закон. Они поставлены во главе настоящей дисциплинарной комиссии.

Эрнесто прохаживается по лагерю с окурком сигары в зубах, таким коротким, что он обжигает ему губы, как это в обычае у барбудос, следящих, чтобы порции продовольствия, распределенные каждому, были одинаковые. Он доходит до того, что отмечает, кто уже выпил чашку кофе, чтобы быть уверенным, что тот не пойдет по второму кругу: забота о равенстве, переходящая в маниакальность.

Когда Че принимает в армию крестьянина или человека из Долины, он его спрашивает:

— Почему ты хочешь сражаться?

Если ответ его удовлетворяет, тот принят. Че не преминет напомнить ему, что Батиста не единственный диктатор в этом регионе. Он называет Переса Пинилла Хименеса из Венесуэлы, Трухильо — в Сан-Доминго и Рохаса Пинилла — в Колумбии.

Однажды в «бюро по найму» предстают трое крестьян.

— Вы умеете читать и писать? — спрашивает их Че.

Двое отвечают «да», а третий: «Я безграмотный…»

Некоторое время спустя двое предстают перед дисциплинарной комиссией, один за то, что спал во время дежурства, другой слишком сильно смазал свое ружье. Гевара решает поместить в яму на четыре дня того, кто не заботился о своем оружии, и только на три — того, кто не сопротивлялся усталости. Озадаченный крестьянин, который умеет (немного)

читать, спрашивает причину его вердикта.

— Потому что он «безграмотный»…

Снова Че дает уроки. По вечерам новобранцы приходят в бойо, приспособленное для «факультета гуманитарных знаний», где он объясняет им глубокий смысл борьбы, которую они ведут. Днем он готовит воинов, ночью формирует их дух, или наоборот.

Логово в Эль Омбрито понемногу преображается. Эрнесто оборудовал здесь госпиталь-диспансер, прибывает из Гаваны врач Серхио дель Валле, его помощник. Под землей маленький оружейный завод, где делают снарядомет, придуманный здесь же, который посылает снаряды, их тоже изготовили в домашних условиях. Тут также ремонтируется оружие, изготовляются патроны к охотничьим ружьям. В добавление к оружейной мастерской: скотобойня, печь, сапожник и кузнец, у которого мозоли на руках, так много работы задают ему мулы, теряя подковы на каменистых тропах. Че доходит до того, что нацеливается на производство фуражек, чем вызывает смех у барбудос с подачи Фиделя, когда он их увидел. Их передают из рук в руки, убеждая «модельера», что они превосходно подойдут водителям городских автобусов.

Однажды школы герильи и политических наук Эль Омбрито окажется недостаточно. Слишком маленькая, слишком удаленная, она не будет больше отвечать новым задачам. Тогда Эрнесто откроет другую, ниже, в Минае дель Фрио, тоже в Сьерра-Маэстре, где он продолжит сеять знание, чтобы пожать бурю Революции. Он не прекратит объяснять людям: борьба только надводная часть айсберга, нужно еще понимать, что делают и почему делают.

— Смерть любого из нас должна работать для счастья всех, — повторяет он.

Настаивает:

— Бандитизм, в котором участвуют герильеро, должен быть сурово наказан. Мы не заразимся им, это идея солдат Батисты.

В октябре 1957 года, который, казалось, никогда не кончится, прибыли из Гаваны два студента со свежими новостями: Батиста уязвлен, он предпринимает широкое наступление, чтобы навсегда очистить Маэстру. Че не удивляет подобная мера. Зато прибывшие его интересуют: они студенты, один — будущий инженер, другой — ветеринар. Эрнесто излагает им свои проекты, впервые говорит о маленькой гидроэлектростанции, которую хотел бы установить на находящемся рядом потоке. Он проводник в экскурсии по местности. Крестьянка Чапа Перес, которая сегодня в свои девяносто лет живет все в том же месте в память о Че, — дает им «хлеб повстанцев» — грубые галеты без дрожжей,

называемые еще «каменным пирогом», который она при них достает из печи, протягивает две сигары домашнего изготовления. Да, барбудос производят собственное курево. Эрнесто зажигает спичку, они вдыхают, кашляют: сигары Эль Омбрито довольно-таки крепки. Дальше, на оружейном заводе, им показывают бомбы, сброшенные самолетами Батисты, которые не взорвались, их рекондиционируют, чтобы использовать на земле.

— Они больше не упадут с неба, — говорят им, — но в состоянии еще отправить туда кое-кого.

Глава XVII
ДОН-КИХОТ НА РОСИНАНТЕ

В конце 1957 года Че снова шагает по тропам Маэс-тры, читая своему мулу, которого он назвал Мартином Фьерро, отрывки из поэмы Хосе Эрнандеса о жизни гаучо аргентинских пампасов. Он мурлычет свою любимую песню, старую пуэрториканскую *Эль Хибарито-Ба,* об одном крестьянине, который идет продавать свой урожай в город, чтобы купить одежду матери. Время от времени над головой пролетают райские птички, или токороро, кубинские птицы, трехцветные, как национальный флаг: белый, голубой и красный. Ее еще называют божьей птичкой, так как у нее хвост в форме креста. В Сьерре запрещено охотиться на нее. Когда она поет, то слышится: «токороро».

В своем путевом дневнике Эрнесто дает волю своим чувствам, написав рассказ, который будет опубликован в журнале «Европа» под названием «Убитый щенок».

Принимая во внимание трудные условия путешествия по Сьерра-Маэстре, это был славный денек. По Агуа Ревес, одной из наиболее труднопроходимых горных долин бассейна реки Туркино, мы осторожно шли вслед за отрядом Санчеса Москеры; этот законченный убийца оставлял после себя след смерти и пожаров по всему району. По пути своего следования отряд Санчеса Москеры неизбежно вынужден был начать подъем по одному из двух или трех проходов, туда, где должен был находиться Камило со своими людьми. Камило Сиенфуэгос с двенадцатью бойцами авангарда спешно выступил, и довольно небольшой отряд должен еще разделиться на три, чтобы остановить колонну из ста с лишним человек. Моя задача заключалась в том, чтобы напасть на Санчеса Москеру с тыла и окружить его. Такова была наша основная цель, окружить его, вот почему, проявляя нетерпение, мы издалека наблюдали, как горели подожженные вражеским отступлением хижины. Мы были далеко, но слышали крики гвардейцев. Не знаю, сколько их было. Наша колонна с трудом продвигалась по склону горы, в то время как враг продвигался в долине. Все было бы хорошо, если бы не наш новый амулет: маленький охотничий щенок нескольких недель от роду. Несмотря на то, что Феликс несколько раз пытался отогнать его в сторону нашего лагеря, где остались повара, щенок продолжал бежать за колонной.

В этой зоне Сьерра-Маэстры очень трудно передвигаться из-за отсутствия тропинок. Мы проходим через плотную стену

деревьев, где мертвые деревья наполовину покрыты свежими зарослями и проход особенно труден. Прыгаем между стволами, стараясь не потерять из виду наших нежелательных гостей. Маленькая колонна в молчании, которое требуется в подобных обстоятельствах, чтобы ни одна сломанная ветка не нарушала обычного шума гор. Неожиданно эта тишина потревожена жалобным писком щенка. Он отстал и отчаянно звал нас на помощь в трудном проходе. Кто-то пошел ему помочь, и можно было продолжать движение. Однако, когда мы отдыхали около ручья, а наблюдатель следил за движением вражеского отряда, щенок вновь истошно завопил, он не слышал больше призывов, он отчаянно лаял, боясь, как бы мы его не оставили.

Я помню свой резкий приказ:

— Феликс, эта собака не должна больше лаять. Заставь ее замолчать, возьми себе! Чтобы она не лаяла!

Феликс посмотрел на меня невидяще. Он стоял со щенком среди уставшего отряда, в центре кружка, который мы образовали. Медленно вытащил веревку из своего мешка, обмотал шею собаки и начал постепенно сдавливать. Радостные движения хвоста вдруг стали конвульсивными, затем начали понемногу уменьшаться, сокращаться, в то время как слабый стон вырывался из стиснутой веревкой глотки. Яне знаю, сколько времени все это продолжалось, но нам оно показалось нескончаемо долгим. После последнего вздрагивания щенок прекратил сопротивляться и остался там лежать на ветках.

Мы продолжили наш марш, не заговорив о случившемся. Отряд Санчеса Москеры опережал нас, и скоро мы услышали выстрелы. Мы начали быстро спускаться по склону горы, несмотря на трудности местности, в поисках кратчайшего пути к тылу; мы знали, что Камило начал действия. Мы были еще довольно далеко от последнего дома перед подъемом и продвигались с большими предосторожностями, в каждое мгновение ожидая встретить врага. Стрельба была оживленной, но длилась недолго. Все находились в состоянии напряженного ожидания. Последний дом тоже был покинут: ни единого следа вражеских солдат. Два разведчика поднялись на вершину и спустились доложить:

— Там наверху могила. Мы ее вскрыли и обнаружило тело солдата.

Они принесли документы, которые нашли в карманах его рубашки. Здесь был бой, мертвец — жертва из лагеря противника, но больше мы ничего не узнали.

Уставшие, медленно повернули назад и ночью прибыли к дому, где нас никто не ждал. Это было в районе Мар-Верде, и мы могли немного передохнуть. Быстро поджарили свинину, немного юки.

Так же быстро поужинали. Кто-то затянул песню, подыгрывая на гитаре, в домах крестьян было оставлено много чего.

Не знаю, было ли это из-за песни или ночи и расслабленности. Знаю только, что Феликс ел, сидя на земле, бросил кость… Хозяйская собака осторожно подошла и схватила ее. Феликс положил ей руку на голову, собака посмотрела на него. Феликс смотрел ей в глаза, и мы все почувствовали острое ощущение вины. Стояла давящая тишина. Что-то неуловимо вибрировало.

Нежно и с укором на нас смотрел кроткими глазами другой собаки убитый щенок.

24 ноября Че пишет Фиделю, что он поджег несколько централей[17], как если бы решил проводить политику выжженной земли. И еще, что была организована против врага засада во дворе фермы Канья Брава, но не было произведено ни одного выстрела, так как солдаты прикрылись дюжиной крестьян, словно щитом, и бежали. Как бы повинуясь шестому чувству, Эрнесто посреди ночи вдруг вскакивает со своего походного ложа. Он отправляется за сведениями, и крестьянин информирует его, что солдаты встали на постой недалеко отсюда, в бойо Рейес. Только одно имя приходит Че на ум: Санчес Москера, который способен осмелиться проникнуть в этот район Мар-Верде, значительно удаленной от какой-либо базы. Это и на самом деле он, проделавший путь до Эль Омбрито с сотней людей. Наступает рассвет, и вражеский авангард не замедлит появиться на горизонте. Гонцы спешат в Эль Омбрито за подкреплением. Камило уже накануне столкнулся с солдатами в зоне Альтос де Конрадо, и он в назначенное время появится, чтобы драться.

Засада располагается в окрестностях Невады, точнее, на кладбище. Че прячется за манговым деревом рядом с Жоэлем Иглесиасом и несколькими товарищами. Тактика состоит в том, что он убивает первого солдата, а его люди занимаются остальными. Но трое одиноких каскитос[18] появляются там, где их не ждут, выше по склону, над гевaристами, которые оборачиваются, слыша шаги. С *люгером* в руке Че не лучшим образом расположен для стрельбы в этом направлении, все же он открывает огонь, потому что так было решено заранее, и поражает свою цель. Как и было предусмотрено, атака заканчивается быстро, и ферма, где находится большая часть отряда, взята штурмом. Задетый выстрелами не менее чем из трех ружей «гаранд» Жоэль Иглесиас излечится от ран, — двух в руки, двух в ногу.

Барбудос со своими «мушкетами» противостоят хорошо вооруженным солдатам. Москера не позволяет поймать себя в

ловушку: он выскакивает через заднюю дверь и оказывается вне досягаемости. Стрельба не прекращается и днем, более или менее редкая, солдаты и повстанцы, прячась в окружающем их кустарнике, играют в смертельные прятки. Несколько батистовцев лежат на оцинкованной крыше домика, едва различимые и в благоприятной позиции для собственной стрельбы. Это будет стоить жизни Сиро Редондо, одного из соратников с первого часа, еще с *Гранмы*. Он погибает 29 ноября 1957 года, сгоняя солдат, засевших на крыше фермы. Колонна, с которой Че закончит свой переход через остров Куба, Восьмая, будет названа именем Сиро Редондо. Плохой день для гевaристов: Санчес Москера сбежал, они потеряли одного из лучших среди них, и не хватило нескольких сантиметров, чтобы пуля попала в голову Че.

2 декабря 1957 года у повстанцев с *Гранмы* спазм в горле, но они пьют. Ром переходит из рук в руки — первая годовщина высадки на пляже Лас-Колорадас — за три дня до трагедии при Алегриа-дель-Пио.

8 декабря. В акции убиты три солдата, Че ранен в пятку пулей от М-1. Он чувствует жжение, «а также ощущение, что кожа на ноге онемела». Военные действия начал Камило, стоявший над дорогой, по которой должны были пройти солдаты. Последние обращены в бегство, и Че с трудом преодолевает два километра, сначала хромая, а потом ползком, до бойо, где может спрятаться. После чего уже на лошади добирается до лагеря, где доктор Мачадо бритвенным лезвием извлекает пулю. Че соглашается несколько дней отдохнуть на Месе, где занимается созданием новой базы, так как Эль Омбрито стал объектом № 1 для Москеры и авиации, которая его поддерживает.

От самой высокой «ноги» перевернутой Месы, пика Ла-Ботелла, достигающего около 1 600 м, до дна узкого ущелья всего в десяти метрах над уровнем моря, измеряется благоразумие Че. Он больше не выставляет своих герильеро вызывать ярость у врага на крыше Сьерры, наоборот, он прячет их поглубже, как можно дальше от обстрела авиации — на этот раз по поручению Фиделя Кастро.

Новость из Майами, которая даже Фиделя приводит в ярость. Пакт о союзе кубинской оппозиции с диктатурой Батисты только что подписан с целью создания освободительной хунты. Для руководителя повстанцев с *Гранмы* эта бумажка свидетельствует об участии бюрократов и бывших союзников Батисты в его государственном перевороте 1952 года. 14 декабря в манифесте, таком же блестящем, как и ударном, Фидель объявляет, что должны быть восстановлены соединения армий Республики и доктор Мануэль Уррутия Ллео должен стать президентом.

Подпись: Фидель Кастро Рус. Кому: руководителям Революционной партии, организации аутантиков, Федерации студентов, революционному директорату и Директорату революционных рабочих.

Вот выдержки из манифеста:

«1. Мы хотим реорганизовать армейские части, потому что мы единственные, кто располагает организованной милицией по всей стране и действующей армией, одержавшей двадцать побед над противником.

2. Наши бойцы показывают образцы великодушия, лишенного всякой ненависти по отношению к солдатам противника, с уважением относятся к пленным, оказывая им медицинскую помощь, никогда не подвергают пыткам противника, даже если он располагает важными сведениями.

3. Нужно привить всем военным институтам страны чувства справедливости и великодушия, которое Движение 26 июля воспитало в своих собственных солдатах.

4. Выдержка, которую мы проявляем в этой борьбе, является лучшей гарантией того, что военным, не замешанным в преступлениях тирании, нечего бояться Революции, они не должны расплачиваться за преступления тех, кто своими поступками и преступлениями запятнал честь военного мундира».

И в заключение огненная речь руководителя герильи:

«Победа или смерть! Пусть никогда больше не будет такой трудной борьбы, какую мы вели, когда нас было всего двенадцать человек, когда у нас не было организованных и закаленных бойцов из народа по всей Сьер-ра-Маэстре, когда у нас не было такой мощной и дисциплинированной организации по всей стране, как сейчас, когда у нас не было такой огромной поддержки масс, которая так ярко проявилась в день гибели нашего незабвенного Франка Пайса. Чтобы пасть с честью, не нужна компания».

После редакции этого манифеста Фидель заявляет Че:

— Когда старые бороды от политики начинают интересоваться кем-либо, это означает, что он преуспевает… Теперь моя цель — иметь поддержку рабочих профсоюзов. Мы объявим всеобщую забастовку, подготовим саботаж в городе. Ты должен оказать мне поддержку. Нужно, чтобы ты выпустил повстанческую газету.

— И с кем?

— О, чико, если ты создал школу, если ты оказался способен организовать госпиталь в Сьерре, как можешь задавать мне такой вопрос?

Таким образом в бойо, шлепая статьи двумя пальцами на

старой пишущей машинке, с помощью древнего гектографа, нескольких литров печатной краски и бумаги, неизвестно откуда взявшейся, Че выпустил первый номер *Эль Кубано Либре,* ежемесячной газеты, в которой он впредь будет излагать свои идеи и революционную веру. Скоро экземпляры газеты уже достигают Гаваны, доводя до предела бешенство Батисты и его ищеек.

Распространение газеты и идей, которые она проводит, ускоряет создание рабочего фронта, множащего акты саботажа. Среди прочих саботаж на электростанции Гаваны, который приводит к отключению электричества, газа и телефонов на пятьдесят четыре часа.

Перед лицом этого брожения Фидель предстает как «собиратель» и «объединитель» Движения 26 июля. Он опубликовал свой манифест, чтобы подчеркнуть тот факт, что интеллигент, адвокат, политик, который имеет поддержку одновременно на острове и в других латиноамериканских странах, вплоть до Соединенных Штатов, представляют одно целое с герильей. Это главное, как об этом скажет Че:

«Мы знали, что невозможно диктовать нашу волю с высоты Сьерра-Маэстры, и должны были надеяться на то, как «друзья» будут стремиться использовать нашу военную мощь и огромное доверие, которое уже оказывал народ Фиделю, в пользу своих личных действий».

В этом контексте понятна ярость Кастро, когда он узнал о существовании пакта, подписанного в Майами группами оппозиции — включая и руководителей Движения 26 июля из Долины, — пакт, в соответствии с которым его революционные силы должны быть перегруппированы и стать простым составляющим элементом будущей лояльной армии. Впредь ему нужно развить большую скорость, спуститься с гор и завоевать остров в борьбе.

Кроме того, было приведено доказательство, что Соединенные Штаты играют на двух досках. Американское правительство заигрывает с Батистой на официальных церемониях, дает ему благоприятные условия для закупок вооружения, в то время как ЦРУ стремится исподтишка достичь глубин Движения 26 июля, которое, возможно, не знает подлинного происхождения этой манны. Как бы то ни было, в своем стремлении ускорить события Фидель стремится заручиться поддержкой Соединенных Штатов, обхаживая их и представляя себя как серьезного политического партнера.

В это время Москера прибывает в Эль Омбрито и без труда окружает лагерь, потому что Че уже переместил своих барбудос в

Месе. Разбушевавшийся Москера разоряет, сжигает, убивает ни в чем не повинных крестьян. Когда 16 декабря он покидает местность, целой остается только печь для хлеба. Уходя, Москера уносит с собой все, что имеет хоть малейшую ценность, от мебели до кофейных мешков, затем он будет продолжать творить в других местах свое омерзительное террористическое зло.

Глава XVIII
ОБУЧАТЬ, ЧТОБЫ ЛУЧШЕ БОРОТЬСЯ

В то время как политические намерения Фиделя обозначаются все более четко, революционная экзальтация Че не прекращает увеличиваться. Он полностью отдается Революции. Его первая забота: формирование ответственных командиров и солдат, сознающих свои задачи. Он так хочет этого, только по отношению к Кубе, не из-за какой-либо жажды власти — прибывший из далекой страны, он чувствует себя гражданином мира, и в этом качестве сражается и ведет в бой людей. В школе Минае дель Фрио он высказывает свое понимание герильи:

— Она не то, что о ней думают: война в меньшинстве, группками, которые противостоят сильной армии. Нет, герилья — это война всего народа против угнетателя. Герилья — вооруженный авангард, основная масса ее отряда состоит из жителей одного района или одной страны. В этом причина ее силы и того, что рано или поздно позволит ей победить любую превосходящую силу. Народ — это основа и само существо герильи.

Теперь они связаны с крестьянами и экономически. Повстанческая армия покупает у них урожай: фасоль, маис, рис, много, очень много свиней и коров. Теперь можно увидеть целые караваны мулов, карабкающихся по склонам Сьерры, навьюченных разнообразными продуктами. Снова организованы инфраструктуры. 14 января Че докладывает Фиделю:

— Для замены госпиталя, который у нас был в Эль Омбрито, я приказал построить другой в Месе, на горе, вдали от какой-либо тропы. Есть также печь, погреб и обувная фабрика, которая работает с полной отдачей.

К большому удовольствию крестьян, правительство гор понемногу подменяет правительство Гаваны. Появляется зародыш независимого правосудия, например, что касается актов собственности, с прибытием в Сьер-ру юриста Антонио Либре, посвятившего себя Движению в конце 1958 года. До сих пор правосудие барбудос было скорым: ни судьи, ни адвоката, ни кюре, ни, так сказать, тюрьмы, только одна точка зрения — предателей расстреливали так же, как и сто лет назад во время войны за независимость, или вешали на гуасиме, гигантском дереве кубинского леса. С приходом Либре порядок вещей начинает меняться; он здесь для того чтобы заставить уважать закон Сьерры.

Сьерра теперь спокойна: барбудос здесь больше не тревожат, как если бы установилось действительное перемирие. Это не мешает Санчесу Москере регулярно убеждать Гавану, что он приводит врага к большим потерям, в то время как Че пишет:

«В действительности он продолжал убивать беззащитных крестьян, заполняя свой послужной список их трупами».

Фидель, до сих пор кочевник, задерживается в свою очередь в Ла-Плата на юго-западе от Туркино, укрывшись от навязчивых налетов авиации. Это передовая позиция «свободной территории», которая носит цвета Движения 26 июля и которую он надеется быстро расширить. Для этого своему брату Раулю он доверяет колонну — «Шестую», или «Франк Пайс». С громкими номерами, такими как «Шестая», Кастро блефует; он заставляет врага думать, что располагает тысячей бойцов, в то время как не может насчитать даже трех сотен барбудос, по-настоящему готовых сражаться. Силой восьмидесяти двух человек — цифра *Гранмы* — колонна Рауля имеет задание открыть в Сьерра-Кристал новый фронт, дальше к северу от провинции Ориенте, к Олгуину. Это район, где родились братья Кастро. Бывший каменщик Хуан Альмейда и его Третья колонна, соответствующая по количеству Шестой, должны будут очистить самую западную часть Маэстры по направлению к Сантьяго. В свою очередь Камило подготовит выборы в дельте реки Кауто, назначенные на апрель. Фидель в нужный момент встанет во главе главной колонны, «Первой» — «Хосе Марти». Что же касается Че, то он остается сам себе хозяин и продолжит операции в сердце Сьерра-Маэстры.

Первой целью избирается опять Пино-дель-Агуа в пятнадцати километрах от Месы. Почему вновь? Потому что предыдущая атака заставила штаб усилить пост. Одно событие стимулирует герильеро: общественное мнение снова высоко, что позволяет думать — пресса даст широкий отклик на их первое в году наступление. Прежде чем броситься в атаку на казарму, производят подсчет наличного оружия и насчитывают его в количестве 292 единиц. Смехотворно по сравнению с силой тотального огня противника, поддерживаемого к тому же авиацией. И все же это позволяет изменить тактику боя: до сих пор, прежде чем выполнять какую-либо другую задачу, нужно было постараться захватить оружие противника. В Пино-дель-Агуа будет проверен новый тип вооружения: подводное ружье М-6, выпускающее на гарпуне маленькие бомбы белого железа, которые взрываются, едва задев цель. Это хитроумное, но не всегда эффективное секретное оружие названо «спутник». В дальнейшем взрывчатка будет выбрасываться не подводным, а

настоящим ружьем.

В начале февраля начинают приготовления к нападению и ориентировке на местности. Как в этом убеждают барбудос, Пино-дель-Агуа и в самом деле прекрасно защищена сетью траншей и стен. А также присутствие в дюжине километров, в Сан-Пабло-де-Яо Санчеса Москеры, еще в шестнадцати километрах — капитана Сьерры Оро и в двадцати пяти километрах в Уверо — морского гарнизона. Атаковать казарму в таких условиях равносильно самоубийству. Руководить операцией будет сам Фидель.

16 февраля все на своих местах: Че, Рауль, Альмейда и Камило. Атака происходит, как обычно, ночью. Проверкой неприятельского сопротивления служат шесть минометов, взятых сначала у врага. Камило во главе своего отделения входит внутрь казармы и захватывает одиннадцать единиц вооружения, среди которого два ручных пулемета. Затем сопротивление усиливается во втором корпусе здания, и новые атакующие волны фиделистов отброшены. Многие остаются на земле, среди них Анхель Гевара, тезка Эрнесто.

Бой затягивается, проходят часы. «Спутники» барбудос производят адский шум, впечатляющий, но ограниченного эффекта. На рассвете Фидель и Че слышат победные вопли из стана противника:

— О! У нас здесь автомат Сиенфуэгоса!

Кто-то напротив них поднимает ружье, на конце которого висит каска, и в самом деле похожая на каску Камило. Их охватывает тревога. Получена информация: Сиенфуэгос точно был серьезно задет, но ему повезло: пуля, войдя в брюшную полость, вышла сбоку, не повредив ни одного жизненно важного органа, и его можно отнести в укрытие. Че применит все свое искусство, чтобы вылечить и поставить друга на ноги.

В это время Рауль в засаде на пути вражеской колонны, идущей на подкрепление. Его предают два пробатистских крестьянина, предупредивших колонну о западне, которая их ждет. Таким образом брат Фиделя оказывается вне боя. Все же косвенно он нейтрализовал своих противников, так как из-за крюка, который они делают, чтобы избежать его, опоздают к бою.

В момент, когда Че готовится сам броситься врукопашную, связной протягивает ему клочок бумаги от Фиделя:

«Че!

Если судьба сражения решается с твоей стороны без помощи Гильберто Гарсии и Камило, не думаю, что необходимо твое личное участие, оно станет самоубийством, потому что есть опасность больших потерь, а цель не будет достигнута. Серьезно прошу тебя об осторожности. Сам в бой не иди — это строгий

приказ. Сейчас твоя задача — верно руководить людьми».

Эрнесто горит желанием броситься в шквал, но сам требующий дисциплину, он подчиняется приказу старшего. К тому же он прекрасно сознает, что жизнь командира более ценна для конечного исхода войны. 19 февраля он с Камило, Раулем, Альмейдой, Селией Санчес и 54 барбудос подпишет просьбу к Фиделю:

«Из любви к Родине, нашему делу и нашим идеям, во имя поколений, прошлых, сегодняшних и будущих, мы просим Вас не рисковать больше Вашей жизнью в бою…»

К исходу наступления враг потерял двадцать человек и оставил на месте тридцать три ружья и боеприпасы. Барбудос имеют все основания казаться удовлетворенными, они только что нанесли сильный удар по отряду Батисты. Пино-дель-Агуа знаменует новый рубеж в герилье. Бюллетени и коммюнике, опубликованные двумя армиями, раскрывают размах сражения.

Кубано либро уже играет важную роль в распространении революционных идей. Когда Че и Фидель возвращаются в лагерь в Месе, их ждет радостный сюрприз: они обнаруживают Эдуарда Фернандеса со всем оборудованием, необходимым, чтобы создать радиостанцию — еще один из прошлых проектов. Этот техник, пришедший в партизаны, чтобы избежать тюрьмы за симпатию к Движению 26 июля, собирался использовать мотор от автомобиля как электрогенерирующий агрегат. Таким образом голос Сьерры скоро услышат по всему острову. Ответственным за антенну будет Орландо Родригес, журналист в Гаване и революционер в душе. Он уже доказал это, создав газету *Ла Каль,* которая храбро накинулась на тирана Батисту, в то время как *Сегодня,* коммунистический орган того времени, выдерживает благоразумный нейтралитет, ожидая, какое направление примут события. К своему великому несчастью, Че обнаружит ту же пассивность в Москве и Боливийской коммунистической партии.

Первая передача состоялась 24 февраля в Альто де Конрадо, над Месой. При помощи сорокаметровой антенны повстанческое радио слышно далеко. Поставлена цель — два ежедневных выхода в эфир. По власти Батисты снова будет нанесен ощутимый удар.

В Месе жизнь вошла в русло. Поднявшиеся с равнины новобранцы восстанавливают бойо, сожженные солдатами Санчеса Москеры, и строят жилища ближе к скалам. Но им еще повезло, так как все заканчивается тем, что они или преданы или обнаружены, и лагерь становится мишенью для самолетов, правда, все же малы границы их маневра в узком ущелье. Личная берлога Че, где также живут Жоэль, его верный лейтенант, и несколько других товарищей, с треском взлетает в воздух от

взрыва бомбы. К счастью барбудос были снаружи.

Дни заполнены тренировкой. Людей обучают дисциплине, они упражняются в ведении боя с палками в качестве оружия. В «военной школе» Минас дель Фрио в соответствии со своими гуманистическими убеждениями Че делает из них хороших революционеров. Каждому новому рекруту он говорит то, что уже говорил раньше:

— Без обучения грамоте не поймешь, почему держишь ружье.

Его ученики зачарованы волей, с которой он учит их читать и писать, ведь они пришли лишь научиться «убивать гнилого солдата». Его популярность огромна по всей Сьерра-Маэстре: доктор, командующий, учитель. «Больше, чем человек, полубог», — заявляет один гуахиро, у которого он спас больного ребенка.

Дариэль Аларкон вспоминает уроки Че:

«В лагере Сьерра-Маэстры он спрашивал нас, кто умеет читать и писать. Он отбирал преподавателей и стал своего рода директором школы. Я начинал в его школе вместе с Жоэлем Иглесиасом, Кантифласом и Вила Кунья… Учились в течение дня, потому что большую часть ночи мы проводили в движении.

Кроме заботы об обучении читать и писать, Че, который ненавидел праздность, находил прекрасный способ занять нас. Часто против нашего желания, тогда как мы предпочли бы играть в карты или слушать музыку по радио. Но это было обязательным, да к тому же мы были дисциплинированными…

Я вспоминаю, как в начале апреля 1958 года в Месе я подошел к Че попросить трубочного табаку, чтобы свернуть сигарету. Нужно сказать, что я курю с восьмилетнего возраста и уже забил легкие. С этого дня Че давал мне каждый день немного табаку. До тех пор, пока не сказал: «У меня нет и не будет». — «Что это значит?» — «Это значит, что нужно попросить меня об этом письменно».

Попался! Тогда я пошел к Камило, и в обмен на банан он написал: «Че, табаку». Несу клочок бумаги Че, сидящему в гамаке и читавшему книгу, он поднимает глаза, улыбается и говорит: «Я буду давать тебе немного больше, чтобы ты спрашивал таким образом». Каждый раз, когда я шел за табаком, я давал банан Камило. Пока Че не усложнил упражнение, заставляя меня писать. Так как я уже достаточно бананов скормил Камило, то сам принялся за это. Че добивался своего. Пристрастие к табаку побудило меня научиться читать и писать».

Однажды вечером в школе Минае дель Фрио, в то время как люди собрались у огня, команданте Гевара произносит эти слова, относящиеся непосредственно к молодым новобранцам:

«Герильеро, кроме того, что он дисциплинированный солдат, также очень проворен физически и умственно. Он не должен бездумно воспринимать войну герильи. Вся жизнь проходит ночью. Благодаря своему знанию местности, герильеро идут ночью, видят в сумерках, обнаруживают позицию врага, атакуют его и уходят, очень быстро, как дикие кошки».

Затем он обращается к гуахиро:

— Крестьяне являются информаторами, санитарами, снабженцами всего необходимого, и особенно бойцами. Они настоящий военный авангард, владеющий местностью, которую знают лучше, чем кто-либо, потому что она — их.

Наконец он отвечает на основной вопрос: «Почему мы боремся?» Сначала первое основное утверждение:

— Герильеро — социальный реформатор. Он борется, чтобы изменить режим, который держит всех безоружных братьев в угнетении и нищете. Герильеро — в основном, и прежде всего, аграрный революционер.

И начинает свою речь об аграрной реформе, такой важной в его понятии:

— В этой галопирующей Революции, которая будет распространяться с запада до Эскамбрей и равнин Камагуэй и по всей Кубе, силы армии Освобождения несут знамя аграрной реформы. Борьба может быть такой же, какой было установление частной собственности. Во все времена земля была центром борьбы за лучший образ жизни. Наше Движение не придумало аграрной реформы, но оно доведет ее до конца, до того, чтобы не осталось ни одного крестьянина без земли и какой-либо плодородной земли без обработки.

Такая речь трогает до глубины души людей, привыкших гнуть спину, их улыбки, большей частью открывающие беззубый рот, убеждают его: они верят этому.

Зеленые взрослеют. Че надеется, что у многих есть офицерские задатки. Он повторяет им, что ложь — это низость, чтобы стать настоящим революционером, они никогда не должны обманывать. Че будет знать, что его задача выполнена и его отряд готов противостоять армии Батисты, в тот день, когда каждый из них поймет это, а также то, почему нужно подчиняться, что приказ дается и получается с одной и той же целью — выйти из нищеты.

Че объясняет, кто такой Батиста, чтобы знали, с каким человеком они борются. С помощью Селии Санчес он рассказывает, что кубинский диктатор — метис, который сместил в январе 1934 года правительство Грау Сан-Мартина. По требованию Рузвельта, в 1938 году он либерализовал свой режим,

а в 1940 году вынуждает избрать его президентом Республики. По окончании своего мандата, через четыре года, он уехал в Соединенные Штаты, но его амбиции так сильны, что он вновь берет власть, осуществив государственный переворот

10 марта 1952 года. «И с этого времени ведет себя как диктатор», — заключает Селия. Проведя расследование, Че узнает, что американское лобби контролирует 90 % кубинских никелевых рудников, 80 % сферы обслуживания, 50 % железных дорог, и вместе с Англией всю нефтяную промышленность и большую часть гасиенд страны.

Перед лицом такой мощи Фидель все больше ощущает необходимость рассчитывать на свои собственные силы. Он хочет установить нечто вроде правительства, которое из Сьерра-Маэстры будет руководить восстанием по всему острову. Он борется на всех фронтах: политическом и военном, призывая население голосом Повстанческого радио отказываться платить налоги, направляя «Шестую» Рауля и «Третью» Альмейды на штурм соответственно севера и востока Ориенте. Прекрасная операция: самолет С-46 из Коста-Рики, нагруженный автоматическим оружием, снарядами для мортир и автоматами 50-го калибра и около восьмидесяти тысячами пуль, пилотируемый Педро Мире, другом детства братьев Кастро и ветераном Монкады, делает блестящий подарок, приземлившись на полосе, которую барбудос проложили в центре Сьерры. В добавление к оружию самолет привозит гаванца Фаустино Переса, одного из национальных руководителей Движения 26 июля. Последний имеет уже в своем активе похищение 23 февраля этого же, 1958, года аргентинского курьера Хуана Мануэля Фанхио, совершенное в надежде, что правительство обеспокоится. Фанхио быстро возвращен, и этот киднапинг ничему не смог послужить.

Перес прибыл в Маэстру, чтобы воплотить великую идею Фиделя: всеобщую забастовку по всей стране, дату которой оставалось еще установить. Она вот-вот начнется и будет поддержана органами подпольной прессы, такой как *Да Резистансиа, Ла Революсион, Вангуардиа Обрера, Сьерра-Маэстра* и, конечно, *Эль Кубано Либро*.

8 марта грузовик высаживает сестер Риего, Исабель и Лидию, в поселке Гуиса, где их ждет проводник, чтобы отвести в Месу. Дочери зажиточного крестьянина из Сан-Луиса, около Сантьяго, они из числа молодых людей, которые в это время примыкают к Движению 26 июля. После двух дней марша уставшие сестры предстают перед Че, ждущего с некоторым любопытством двух синьорит, о которых ему сообщили. Он, не медля, спрашивает у

них, что они думают об идее забастовки.

— Он был неподражаем, — вспоминает сегодня Лидия, принимающая нас в своей квартире в Гаване, терраса которой окружена садом с растениями из Сьерры. — Видимо, он очень в это верил и думал, что народ станет действовать массово. Наш собственный энтузиазм в этом вопросе, который пришелся ему по душе, вызвал у него доверие. Скоро он уточнил, чего ждет от нас, от Исабели как санитарки и меня как учительницы. Днем я должна заниматься обучением чтению и письму детей крестьян, а вечером возобновлять занятия с безграмотными герильеро.

Я быстро поняла, что невозможно заранее подготовиться к уроку. Уровень незнания был таким высоким, не на что было опереться. Мы жили в микромире, и жители этого островка, заключенного в лоно большого острова, которым является Куба, ничего не знали о внешнем мире. Принципы Че были такими строгими, что вначале он меня пугал. Затем, когда я увидела, как он сажает на колени грязных и сопливых детей с раздутыми животами, я поняла, что он был полон нежности. Он не замедлил назвать меня «учительница чего-нибудь», дав мне понять, что я принята. Когда он мог, присутствовал на уроках и интересовался дисциплиной в школе. В лагере мы называли его «Аргентинец». Он любил гуахиро гор, которые являются самыми чистыми людьми, которых я знаю. Они поделятся всем до последнего.

В этот период мы вынуждены были часто покидать бараки и прятаться в лесу или, когда могли, в гротах, так как нас бомбила авиация. Всегда один и тот же сценарий: сначала маленький самолет облетает местность, затем появляются B-26, чтобы осыпать нас бомбами. Заслышав шум маленького самолета, мы прячемся. Они бомбили лагерь даже ночью.

Когда наступление армии Батисты усилилось, мы покинули наши места. Госпиталь, где работала Исабель, был перемещен внутрь пещеры. Этот грот называли Сор-саль — певчая птичка Сьерры.

Вслед за сестрой Лидия тоже становится санитаркой.

— Там я пережила самые трудные моменты в моей жизни. Я спасла герильеро Момито, у которого было полостное ранение. Он еще услышал пение сорсалес… Многие раненые лечились здесь и никто не умер.

Мы с Исабель, ей в то время было двадцать пять лет, а мне девятнадцать, хотели взять оружие. Но Че не разрешал нам рисковать. Когда же мы, по его мнению, настаивали слишком сильно, он повышал голос и говорил, что мы лаем сильнее, чем Омбрито, один из псов, которых у него в Сьерре была куча. Кроме них еще была кошка Сантина.

Прежде чем покинуть Месу, чтобы засесть в засаду и ждать врага, он привел нас в Ла-Плату, где Фидель расположил свой штаб. Фидель был поражен, когда увидел, как мы выходим, согнувшись под нашими огромными мешками, но не жалующиеся. Таким вот образом мы вошли в состав его отделения из одиннадцати женщин, составившего с нами тринадцать, под командованием Эдди Суньоль, у которой было не пересчитать сколько ранений. Отделение называлось Лас Марианас Грахалес[19]. Тринадцать женщин, решивших стать герильеро и больше не быть привязанными к тылу, обучению, второстепенным работам, ни даже к тому, что не было лишено благородства, — лечению мужчин.

Среди них, кроме Лидии, прозванной Венерой Сьерры за яркую красоту, Леана Роде, которая вскружит голову Камило Сиенфуэгосу, Хорхина, умеющая читать, и Пете Пуэбла, неграмотная крестьянка, но «как мужик», говорили о ней барбудос; Карменсита, которая предпочитает учебе бой, Севилья Алида из маленького соседнего городка Цилон, Ольгуита Гевара, гаванка, прекрасный стрелок, которая аккомпанирует Лидии на гитаре, когда та поет для отряда.

Закончились тренировки, Фидель решает, что руководить отделением должна одна из женщин. Для этого выбирают лучшего стрелка из ружья.

— Моя сестра Исабель из карабина М-1 попала прямо в центр мишени, поставленной на расстоянии пятидесяти метров, и стала нашим капитаном.

Исабель, доктор фармацевтических наук, с харизмой и железной волей, была создана, чтобы командовать. Командовала она и мужчинами. Ее прозвали «святым командиром», и бывшие под ее началом мужчины не ошиблись. Это было нашей небольшой местью, ведь мы так часто слышали «комплименты» типа: «Вы девушки, вам всегда будет чего-то не хватать, чтобы сражаться». На самом деле перед смертью все равны. Во время боя в августе 1958 года враг все понял, услышав, как мы окликали друг друга. В то время мы ели как быки, и, когда нужно было, как верблюды, и шли груженные, как мулы.

В лагере с удивлением вспоминали о том недалеком времени, когда нас считали трусихами. Однако всегда находился какой-нибудь шутник, чтобы положить к нам в мешок крысенка, ящерицу или змею. Теперь мы взяли реванш. Столько мужчин еще не были достойны оружия, а у нас оно было.

После сражения под Лас-Мерседес в начале августа Эдди Суньоль, научившая их обращению с оружием и искусству герильи, признается:

— У меня были сомнения, но они так продвинулись. Я горжусь ими.

Венера Сьерры при этом воспоминании улыбается. Ее сестра в 1987 году умерла от рака. Летом 1993 года Фидель пригласил восьмерых оставшихся из отделения Марианас Грахалес, которое служило ему поддержкой в лагере, провести с ним день.

— В течение семи часов каждая рассказала мешок анекдотов. Все всё выложили и очень много смеялись. Команданте был счастлив. Он тоже много смеялся.

В конечном итоге стачка произошла 9 апреля и потерпела фиаско, частью по вине Фаустино Переса, координатора операции, который считал необходимым до последнего момента держать в секрете дату. Это заставит Че написать, стремясь, как всегда, извлечь уроки из неудачи:

«У забастовки был один промах из-за ошибок организации, в основном из-за отсутствия контактов между рабочими массами и руководителями. Стабильности режима не угрожала никакая опасность. Но опыт был полезным, из него родился идеологический спор о значении Движения 26 июля и вызвал радикальные изменения в подходе у реалистов страны. Из поражения в стачке Движение вышло усиленное, и опыт научил руководителей ценной правде: Революция не принадлежит той или иной группе, она должна быть произведением всего кубинского народа, и эта цель направит всех борцов нашего Движения как в Долине, так и в Сьерре».

От этой неполноценной забастовки (участвовало менее 30 *%)* сторона Фиделя получает сильный удар, так как она вызвала последующую репрессию, стоившую жизни сотне партизан. Кастро понимает, что он будет идти вперед только с оружием в руках и никак больше. Прежде всего надо восстановить так скомпрометировавшую себя легенду о барбудос. Непрестанно Фидель по Повстанческому радио разоблачает репрессии полицейских Батисты, восхваляя действия своих, не стесняясь придумывать сражения, чтобы уравновесить ложь врага. 16 апреля он посылает взволнованный призыв к кубинскому народу и распространению Революции.

Че, со своей стороны, хотя он и без устали растрачивает себя в Месе, начинает ощущать потребность действовать по-настоящему, в бою. Москера надоедает ему, желание посчитаться с ним мучает его. С середины марта он оставил лагерь под командованием бывшего рабочего Рамиро Вальдеса и отправился на своем муле один в разведку до Эль Масио, деревушки на берегу Буэй, занимаемой вездесущим Санчесом. 18-го Фидель направляет проводника в Херингуа около Ла-Плата на его поиски,

потому что хочет встретиться с ним. В ночь с 18-го на 19-е со своим другом проходят по Сан-Хуан-Буэна-Виста, где только что бесчинствовал Москера: убитый крестьянин, рядом девять мулов со вспоротыми животами, жуткая картина, которая заставляет проводника бежать со всех ног, бросив Че.

25-го он предупреждает Фиделя, что место будет служить пристанищем для него и тех, кому он прикажет прийти сюда. «Наш лагерь расположен в нескольких километрах от Минае дель Фрио, в диком месте, каким является Ла Отилья, на покатом склоне, на землях одного латифундиста, откуда мы следим за передвижением Санчеса Москеры».

Элио Витье, потомок французского корсара, провел туда нас с Ильдой. Среди кубинских желтых и красных орхидей, хлебного дерева и огромных гуасима, в сильном запахе окружающей плантации кофе, — хижина, служащая командным пунктом, превращена в маленький музей. Фото и кресло-качалка команданте хранят память о нем. Два бывших соратника, Маналь и Альхимиро, рассказывают о своем Че. Маналь показывал дорогу повстанцам, Альхимиро искал живность в окрестностях, чтобы их накормить.

— Я видел, как Че отказывался есть, чтобы отдать свою часть более голодному, чем он. И его сигара переходила изо рта в рот как трубка мира, — вспоминает Маналь, пока его жена подает нам кофе.

Белобородый Гарсия Альхимиро Санчес прерывает:

— Здесь, в Огильи, живет единственный человек, который мог прикасаться к голове Че. Это Увальдо Чакон, он стриг всех. Че часто потягивал свою трубку, говорил медленно, спокойно, отделяя каждый слог. Ездил он на белом муле.

28-го, когда Камило со своими людьми откомандирован на север провинции, Фидель и Рамиро прибывают посмотреть на место, которое покорило Че. 31-го колонна последнего уменьшилась, когда двадцать герильеро усилили лагерь Эль Дорадо, руководимый Альсибиадесом Бермудесом и Лидией Досе.

В начале апреля Че отправляет послание Фиделю: «Хотя мой отряд и уменьшен, так как у меня осталось только сорок человек, я стремлюсь сохранить мою позицию». Его заклятый враг Санчес Москера, убедившись, что Че ослаб, говорит себе, что час благоприятный, и стремится развернуть бои. 18-го утром, сделав крюк на Месу, Че на своем белом муле возвращается в Отилью. В Эдь Масио слышит выстрелы: Санчес Москера прибыл в поместье Лос Гонсалес де Альто грабить скот, на который имели виды барбудос.

При мысли пойти врукопашную и, возможно, покончить со своим заклятым врагом Че звереет. К черту стратегические соображения. Он бросается к месту сражения. Его встречает выстрел «гаранда», легкий пулемет 30-го калибра открывает по нему огонь. Повернувшись, он обнаруживает, что его окружают, но ему уже слишком поздно поворачивать назад. Он переживает одно из самых критических мгновений своей жизни. Прячется за скалу, откуда слышит крик: «Нужно спустить барбудо, что на белом муле». К тому же, возбужденная страхом, совсем не к месту примешивается его астма. Позднее он признается: «В этот день я был несколько вялым».

Окруженному, ему нужно во что бы то ни стало выпутаться, но он оступается, роняет пистолет: «В это грустное утро у меня не было выбора, мне нужно было вернуться и подобрать оружие».

Пули свистят в ушах, согнувшись, ему удается бежать зигзагом до маленького бугра, за который он падает. Че готовится дорого продать свою жизнь, когда — первое чудо: его пистолет снова действует, и второе чудо — он замечает молодого крестьянина Эстебана Фуэнтеса Ортиса с ружьем, брошенным убежавшим повстанцем. Он подает ему знак:

— Помоги мне выбраться отсюда, я Че.

Это совсем не волнует гуахиро, который, видно, никогда о нем не слышал.

— Ты умеешь стрелять?

Тот качает головой — нет, и Че объясняет ему, как это делается. Парнишка, совсем зеленый — шестнадцать лет, намечает путь пальцем. Сделав несколько выстрелов по каскетос, они продвигаются — пока один перекатывается на несколько метров, другой стреляет, чтобы его прикрыть, и так далее. Они достигают спасительной тропы, которая позволяет им вскарабкаться на Агуайон, а затем спуститься к Сан-Мигелю, где лагерь герильеро.

После победы Революции человек, который спас в тот день Че, поселится недалеко от Гаваны и там будет разводить скот.

Между 19 и 25 мая четырнадцать батальонов, более семи рот, преданных Батисте, с минометами и танками, то есть около десяти тысяч человек, в движении поддержанные авиацией и военным флотом, рассыпаются в контрфорсе Маэстры. В дни временного покоя Фидель стремится помочь крестьянам убрать кофе, так как армия препятствует доставке поденщиков. На этот раз соревнование герильеро не может быть реализовано из-за развязывания военных действий. Кастро предлагает 300 затравленным крестьянам вложить собственные деньги, чтобы оплачивать рабочих, предполагая создание кооперативов. Но

сейчас не время.

24 мая Фидель собирает командиров герильи, чтобы распределить роли. Че вступит в действие в районе Рио Хибакоа, где расположен Минас дель Фрио. Лидер настаивает наметить основные места в зависимости от их стратегической значимости и отправить туда людей, не заботясь о численности противника, — барбудос сражаются один против тридцати пяти.

Снятые из казармы Монкадо и базы Байами танки «шерман» ищут менее крутые дороги.

«И мы в наших траншеях из стволов и земли ждали их, — расскажет Че, — мы рыли волчьи ямы, занимались дорожными и железнодорожными мостами, прятались в деревьях, готовые стрелять. Мы были в «нашей» Сьерре — лесу, скалах, полях сахарного тростника.

Сначала прилетели самолеты с напалмовыми бомбами. Затем отряд проник на нашу территорию, и если бы не то, что сумели сделать, все пропало. Мы захватили их передатчики и таким образом смогли приказывать их самолетам бомбить их собственные части!»

Нужно время, чтобы приручить Сьерру, она не покоряется первому пришедшему. И время работает на герильеро, которые отстреливают незадачливых солдат, как зайцев. Где бы ни отважились высунуться визитеры, их бьют. Красный Крест завален работой. В Гаване обязанные принимать решения чиновники отказываются слушать сообщения с мест, упорствуют, что говорит, насколько все глупо.

С первыми военными трофеями фиделисты скоро имеют в своем распоряжении более чем пятьсот единиц оружия всех видов и всех калибров, включая минометы и танки. Среди пленных, переданных Красному Кресту, некоторые принимают решение сменить лагерь. Лаферте, кадет военной школы, станет одним из самых строгих инструкторов школы в Минае дель Фрио.

Бой в Лас-Мерседес, самой передовой позиции повстанческой армии, — решающий. 25 мая лоялисты разгромлены отчасти своим же собственным оружием, взятым организаторами засад.

«Под командованием капитана Анхеля Вердесиа, который мужественно погибнет в сражении через месяц, наши мальчишки храбро сражались в течение двух дней, один против десяти или пятнадцати, борясь с минометами, танками и авиацией», — вспоминает Че, тактическое чутье которого позволяет повстанцам побеждать, теряя минимум людей, он сам из напалмового ружья поджигает танк.

Сражения при Минас дель Фрио и Хибасоа, также проведенные Эрнесто, наносят новые суровые удары по врагу. Че

прекрасно иллюстрирует слова Бергсона: «Нужно действовать как человек мысли и мыслить как человек действия». 20 июля — это начало конца для нападающих, ставших защищающимися. Теперь «горцы» контролируют действия. Повсюду, где идет бой, господство над местностью принадлежит герильеро. В Сан-Доминго даже батальон Санчеса Москеры обращен в бегство.

Беспорядочное бегство лояльной армии, которая оставит на «свободной территории» Сьерра-Маэстры около тысячи человек убитыми, ранеными и четыреста тридцать три пленными.

Позор чиновникам Гаваны, салонным стратегам, которые отправили свои соединения на бойню. Батиста в своем дворце чувствует, что его власть пошатнулась.

Че делает вывод:

«Сражения при Сан-Доминго, Мерино, Эль Хигуэ, второе сражение при Сан-Доминго, Лас-Вегасе, Хиба-соа в Лас-Мерседес следовали один за другим в течение месяца, без перерыва. До момента, когда силы тирании, не желая быть полностью ликвидированными, оказались вынуждены уйти с гор».

Фидель Кастро скажет о Че, что он был художником герильи. Че и сам использует французское слово «менуэт», квалифицируя подвижную войну, которая походила на танец вокруг врага:

— Когда движется колонна противника, она окружается с четырех кардинальных точек, это менуэт.

Широкомасштабное наступление правительственных соединений провалилось. Для солдат барбудос были фантомами, невидимыми и неуловимыми. И правда, так как вдобавок к тому, что они прекрасно знают местность, они еще обладают кодами для общения друг с другом, что делает их бесконечно более скрытыми, чем их крикливые противники. Не для собственного ли успокоения солдаты громко говорят, включают на полную мощность радио, зажигают огонь при первой же возможности? Фиделисты бормочут, шепчут из уха в ухо. Они привыкли поляну пересекать гуськом, стараясь оставлять пространство между идущими. На случай атаки предотвращается представление удобной цели и снижается возможность быть обнаруженными авиацией.

Побитый, но еще не побежденный, Батиста в своем дворце в Гаване вынашивает идею, которую не осудил бы Макиавелли. В августе 1958 года, когда фиделисты посрамили его армию, он приказывает отойти солдатам, защищающим водопровод Ятеритас, который снабжает водой североамериканскую базу Гуантанамо, и просит руководителей Соединенных Штатов направить туда свои части. Посол Смит, друг Батисты, ручается за идею и разрешает прибытие частей из своей страны.

Но Фидель не попадается на провокацию. Он забывает о водопроводе и оставляет своего гаванского противника разражаться бранью, его, который представлял уже, как американская армия давит барбудос, набравшихся наглости покуситься на звездный флаг. По этому случаю Батиста убеждается, что герильеро Фидель Кастро тоже тонкий стратег, и это не может его успокоить.

Что касается Че, то он 14 июля 1958 года преодолел рубеж тридцатилетия. Еще никогда кубинское восстание не издавало для него более приятных запахов: боевая пыль, аромат Сьерры, пыльца революционного времени, астматик Эрнесто Че Гевара вдыхает их полной грудью. И когда только может, он потягивает мате из своей бомбильи.

Как же он достает мате? Материала хватило бы на целую отдельную главу, столько странствий познала святая трава Че. С пунктом отправления в Буэнос-Айресе, где старик регулярно покупает два или три пакета по килограмму, которые он доверяет пилоту или пассажиру, например, журналисту, отправляющемуся в Лиму, Мехико или даже в Майами. Затем через случайную почтовую станцию «чай иезуитов»[20] достигает Гаваны, где Движение берет на себя его транспортировку в Сьерру. Так время от времени Че имеет удовольствие встретить почтальона или связного, который привозит ему его магическую микстуру.

ЧАСТЬ IV
БРОСОК НА ЗАПАД

Глава XIX
НАШЕСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

21 августа Че отправляется в Ла-Плату, чтобы услышать из уст Фиделя, что наступил момент всем направиться к провинции Лас-Виллас с конечной целью взять город Санта-Клара и финального броска до Гаваны. Наступление скоро начинается.

Военный приказ

Предписывает команданте Эрнесто Геваре задачу провести повстанческую колонну от Сьерра-Маэстры до провинции Лас-Виллас и действовать на указанной территории в соответствии со стратегическим планом повстанческой армии. Колонна № 8, которая предназначается для этой цели, будет носить имя Сиро Редондо, в честь героического повстанческого капитана, погибшего в бою и посмертно произведенного в звание «команданте». Колонна № 8 «Сиро Редондо» отправится из Лас-Мерседес между 24 и 30 августа.

Названный команданте Эрнесто Гевара, командующий всеми повстанческими соединениями Движения 26 июля, будет действовать в провинции Лас-Виллас, как в сельской зоне, так и городской, и ему дается свобода действия для сбора и использования необходимых фондов для ведения войны и содержания нашей армии, применения уголовного кодекса, аграрных законов повстанческой армии на территории, где действуют ее силы, координация операций, планов, диспозиций административных и военных организаций с другими революционными силами, которые действуют в этой провинции и должны быть призваны интегрировать в единый корпус Армии,

чтобы «создать костяк» и объединить военное усилие Революции, организацию боевых локальных единств и присвоение офицерских званий повстанческой Армии вплоть до звания команданте колонны. Стратегическая цель колонны № 8 — без конца одерживать победы над врагом на центральной территории Кубы и препятствовать наземным передвижениям вражеских частей с запада на восток, до их полного прекращения в ожидании других приказов, которые поступят в свое время.

Фидель Кастро Рус,
Главнокомандующий
Сьерра-Маэстра
21 августа 1958 года

Этот приказ дает Че много власти, помещая современного конкистадора в шкуру освободителя. Он объясняет:

— Батистовская армия отступила со сломанным хребтом, но она еще не совсем побеждена. Борьба должна продолжаться, вот поэтому задействована финальная стратегия. Наступление будет происходить в трех направлениях: Сантьяго де Куба (Фидель, Рауль и Альмейда в Ориенте), который будет взят в гибкое окружение. Лас-Виллас (центральная провинция), на которую должен идти я, и Пиньяр дель Рио, на другом конце острова.

Че не может увести всех людей и возьмет с собой наиболее обстрелянных, как это уже было в момент посадки на *Гранму*. Комиссия отбора, которой он руководит, строгая. Ветеранам вспоминается случай: нужно получить доступ на яхту, тут появляется некто пузатенький, сорокалетний, с тонкими ногами. Получив отказ первый раз, он возвращается к Че:

— Мое имя де ла О, я доктор. Правда, мне плохо удается лазать по деревьям, но я революционер до кончиков ногтей. Дайте мне ружье, и я вам это докажу!

Растроганный речью сеньора де ла О, Че соглашается в конце концов взять его.

Между 25 и 27 августа Восьмая перебазируется отделениями в Эль Хибаро, деревушку, стоящую на отроге Сьерра-Маэстры в муниципалитете Лас-Мерседес. Че получил от Фиделя приказ ждать здесь самолет, который доставит боеприпасы. В то время гевара выслеживают грузовичок с мундирами, обувью, гамаками и другим снаряжением плюс горючее, чтобы ехать до Санта-Клары. 28-го вечером Че отправляется на луг Кайо Эспино, используемый как ночная посадочная полоса. В 20.30 садится двухмоторный самолет, голубой «бичкрафт». Он выслежен авиацией противника, и у гевара есть лишь время вытащить

какие-то двадцать пять тысяч снарядов и кучу ружей, как уже слышны вражеские моторы, которые начинают обследовать зону, выпуская осветительные ракеты. Скоро они обнаруживают самолет на земле и открывают пулеметный огонь, Че отдает приказ — лучше его сжечь, нежели отдать в руки противника. До 6.30 утра вражеские самолеты неистовствуют над крышами Эль Хибаро. К счастью, операция по извлечению боеприпасов удалась. Зато это же не удается с грузовиком. Он увяз на дороге, невозможно вытащить, были вынуждены покинуть его под давлением батистовской авиации.

«Жаль, но лучше иметь боеприпасы, чем барахло», — комментирует Жоэль Иглесиас, автор произведения под названием «От Сьерра-Маэстры до Эскамбрей».

В пятницу 29-го общая мобилизация и всякого рода приготовления с подсчетом вооружения и снарядов, распределение одежды и продовольствия произведено быстро, так как запас небольшой. Все хотели бы отправиться в конце дня, но это невозможно из-за отсутствия горючего. 30-го утром Че все же отдает приказ свернуть лагерь во что бы то ни стало. Метеосводка предвещает приближение циклона, который идет от побережья Флориды.

На закате Восьмая пускается в путь с запрещением оставить хоть малейший след после себя, даже кожуру от фруктов. Порядок движения следующий: авангард под командованием Мануэля Эрнандеса[21], затем отделение № 2, называемое Авансада, ведомое Жоэлем Иглесиасом, не достигшим восемнадцати лет капитаном, который должен подкреплять авангард в случае необходимости. Затем отделение, ведомое Че и Рамиро Вальдесом и включающее медицинский корпус с докторами Оскаром Фернандесом Мелем и Винсентом де ла О. Далее следует отделение № 3 с капитаном Хосе Рамоном Сильвой. Важную и изнурительную роль связного между различными группами исполняет Леонардо Тамайо[22]. Он единственный способен правильно передавать словесные приказы Че.

«Без грузовиков, потому что без горючего, мы была вынуждены начать вторжение», — запишет Че.

Под грозным небом пешком, только с четырьмя лошадьми, сто сорок восемь барбудос Восьмой, прозванной армией Батисты «Мао-Мао», трогаются с места. Они располагают шестью пулеметами, одной базукой и пятьюдесятью автоматическими ружьями. Люди в основном новобранцы из Минае дель Фрио. Что касается Камило, обязанного открыть путь, то он 22-го отправился из Сальто де Провиденсия около сахарной централи

Эстрада-Пальмы с семьюдесятью одним опытным бойцом. Но чтобы бросить вызов десяти тысячам солдат даже с двумястами двадцатью, нужно быть сумасшедшим, как Эрнесто Гевара и Камило Сиенфуэгос, — отважные и пылкие сумасшедшие.

«Мы надеялись найти грузовики с другой стороны дороги Мансанилло — Байамо. Действительно, перейдя ее, мы их встретили. Они были доставлены сюда людьми Камило. Но 1 сентября мы также встретились с жестоким циклоном «Элла», который сделал непригодными все пути сообщения, кроме центральной дороги, единственной асфальтированной в этом районе, что не позволяло нам двигаться на машине. Нам оставалось ехать только лошадью или идти пешком».

Циклон — который может превращаться в союзника, скрывая людей от вражеского наблюдения, как с воздуха, так и наземного, — в этот момент очень мешает. Несмотря ни на что, пытаются использовать дороги, но машины вязнут и даже призванных на помощь тракторов недостаточно, чтобы их вытащить. Когда команданте из кабины своей машины приказывает выйти и подтолкнуть, пассажиры противятся и отказываются. Выпустив град ругательств, он заряжает свой карабин М-2 и угрожает стрелять, тогда упрямцы подчиняются.

Но «Элла» сильнее всех, с этим ничего не поделаешь, и нужно, хочешь не хочешь, оставить машины.

2 сентября Че получает послание от Камило, сообщающее ему, что тот ждет его на рисовой плантации Видаль, сегодня «Сельский сад». На землях управляющего Луиса Тромпета Восьмая съедает обед, приготовленный для нее по приказу Сиенфуэгоса, который специально вернулся на грузовике.

3-го — первое серьезное препятствие на пути гевaристов: переправа на Кауто, самой большой реке страны. Наводнение, спровоцированное «Эллой», еще больше осложняет положение. Как перейти подальше от мостов, охраняемых лояльной армией, через этого кипящего зверя, цвета шоколада с молоком, более двухсот метров шириной? С трудом добывают баржу. Группами по шесть человек, то есть двадцать пять ездок, с возвращением по двадцать минут, перевозчик благополучно переправляет освободителей. Лошади, которых невозможно было погрузить, служат платой перевозчику. Че рассматривает эту переправу через разбушевавшуюся реку как первую победу. Он отправляет Фиделю послание:

«Мало москитов и не видно самолетов. Мы без осложнений преодолели большую дорогу и Кауто. В потопе циклона «Элла», который держит солдат в своих казармах, моральный дух отряда на хорошем уровне».

8 сентября, когда «Элла» смягчается и гевариста радуются сухой одежде, приближается «Фифи». Оставаясь всегда педагогом, Че объясняет людям, что имена циклонов следуют в алфавитном порядке:

— После Э — «Элла», Ф — «Фифи».

Барбудос спрашивают себя, сколько осталось букв у неба.

Переправившись через реку Хобабо, гевариста проходят провинцию Камагуэй, промежуточную между Ориенте и Лас-Виллас. «Мы идем по изобильной земле, страдая от укусов насекомых, которые становятся невыносимыми в часы отдыха, питаясь мало и плохо, используя воду грязных рек, с переправы Хобабо прошла неделя, силы уменьшаются. Уже многие идут босыми по болоту Камагуэй», — пишет Че через несколько дней. «Элла» и «Фифи» наконец истощились. Восьмая, старательно избегая населенных мест с того момента, как покинула «свободную» провинцию Ориенте, проходит по рисовой плантации Бартес, где янки Макгир проводит экспериментальную программу. Будучи джентльменом, североамериканец, родившийся в Пуэрто-Рико, приглашает команданте выпить бренди. Че сопровождает Жоэль Иглесиас, мнением которого он дорожит. После обмена любезностями аргентинец приступает к изложению главного:

— Это точно, что ваше правительство поддерживает Батисту?

Избегая вступать в спор, господин Макгир переходит на банальности. Покинув его, Че спрашивает Жоэля:

— Скажи мне, что ты думаешь об этом субъекте?

— Он мне не нравится, — отвечает молодой капитан.

Помолчав, Че с суровым взглядом комментирует:

— Мы должны бороться против них…

И затем очень быстро:

— Я умру с улыбкой на устах на вершине холма, с ружьем в руке, борясь против подобных индивидов.

Удивительно пророческая фраза.

Восьмая реквизирует два «джипа», грузовик-цистерну, трактор, которые добавляются к шестидесяти уже собранным лошадям. Берут в плен крестьянина, чтобы он указал отряду дорогу на ферму Ла-Федераль, через которую прошел Камило, недалеко от сахарной централи Франциско. 9 сентября в 4 часа 45 минут утра голова авангарда появляется у входа в поместье, которое, оказывается, полно солдат. Гевариста Маркос Борреро, пытающийся спрятаться за огромными бидонами возле двери в стойло дойных коров, сражен пулей в голову. У капитана Эрмана задета щиколотка, один из его людей тоже ранен. Между тем прибывает Че и организует контратаку с передовым

подразделением маленького рыжего лейтенанта Роберта Родригеса Фернандеса, прозванного Селией Санчес Эль Вакерито (пастушок), потому что он носит сапоги из бычьей кожи. Он один справляется с пятью. Бригадир противника убит, и солдаты в конце концов сдаются. Прибывший на подмогу Камило определяет ситуацию Че и без труда убеждает его в необходимости убраться до прибытия подкрепления, поддержанного авиацией.

Даже если эта устроенная солдатами западня и стоила барбудос некоторых жертв, она показывает, что основное изменилось: теперь очередь лояльных играть в вольных стрелков. Какое отличие между Сьеррой и Долиной!

Двумя днями позднее в Хосинте две фиделистские колонны впервые объединятся, будет и второй раз в этой же отвратительной зоне болот провинции Камагуэй повод закусить и поднять бокал, выпить немного рома, который есть у «коммунистов».

«Посреди нигде, но среди людей, которые знали, куда они идут».

Че решает углубиться в болота, оставив Камило идти к северу, его основной задаче, состоящей в освобождении Ягахай.

«Мы должны были продвигаться с бесконечной предосторожностью, как можно лучше прячась, потому что авиация знала приблизительно нашу позицию. Таким образом через два дня мы прибыли в место, известное под названием «Лагуна Гранде», где догнали Камило, отряд которого был лучше снабжен лошадьми, чем наш. Эта зона запомнилась сверхъестественным количеством свирепствовавших комаров. Совершенно невозможно было спать без противомоскитной сетки, а ни у кого ее не было».

Когда Камило покидает Лагуну Гранде, где две колонны стояли в двухстах метрах одна от другой, и возвращается к централи Франциско, он оставляет своих лошадей Че и продолжает путь на грузовиках. Две колонны не могли идти вместе, они представляли бы очень легкую мишень для батистовских самолетов. Что касается Че, то он следует вдоль побережья, реквизируя грузовики, когда это позволяет местность, используя лошадей, когда машины не могут пройти, и пешком в болотах, когда нет другого выбора. Продвигаются днем наощупь, так как не удалось найти достойного доверия проводника. Четверо солдат, схваченных в Ла-Федераль, растворились в Восьмой и имеют точно такие же права, как и гевариста, этого хочет Че.

11 сентября крестьянин предупреждает, что колонна

грузовиков движется по дороге Камагуэй — Санта-Крус дель Сур:

— По меньшей мере пять сотен солдат… — утверждает он.

В такого рода ситуациях Че имеет привычку действовать как гуахиро, он знает, что надо разделиться примерно по двое. Но, очевидно, армия ищет Восьмую, не достигая точной ее локализации. 13-го, находясь на подворье фермы Сан-Мигель дель Хунко, Че узнает от связного, что Камило вынужден был принять бой в деревушке Лас-Куатро Компаньерос, чтобы выйти из засады:

«В семь часов утра, после того как мы прошли мост, пулеметы врага открыли огонь. Отделение нашего авангарда под командованием капитана Герры окружило дом, откуда исходят очереди, и нанесло удар. Этого оказалось достаточно, чтобы каскитос бежали, унося своих раненых», — утверждает бумага, подписанная Камило.

В воскресенье 14-го в 5 часов 45 минут утра, когда Восьмая в свою очередь приближается к Лас-Куатро Компаньерос, «джип» авангарда тормозит. Проводник понял, что он не выполнил приказа Че, который состоял в том, чтобы на километр обследовать окрестности, прежде чем подходить к домам. В свете фар вдруг появляются тени вокруг трактора: это тревога, нужно бросить «джип» и незаметно пробраться предупредить пассажиров первой группы о том, что снаружи засада, и надо выключить фары.

Вдруг голос солдата сверлит воздух:

— Стой, кто идет…

— Хорошие люди, — отвечает Мануэль Эрмандес, командир авангарда.

Слова повторены двумя солдатами, прежде чем они открывают огонь. Это будит барбудос в следующих машинах, которые не ждали такого приема. Че реагирует мгновенно: он передает авангарду приказ сдерживать вражеский огонь и запрещает остальным из отряда вступать в бой, а надо взять курс на юг и достичь возвышенности, которая видна вдалеке. С одного взгляда он производит смотр того, что нужно унести, — по преимуществу оружие, как можно больше подсумок, — и что оставить в машинах.

«Итак, с рассвета началась изнуряющая битва», — запишет он.

С большими трудностями люди берут направление к лесистому холму, указанному их командиром, где деревья — рожковое дерево, зольник, гуасима — спасут их от вражеских выстрелов. В неразберихе, вызванной первыми выстрелами, некоторые гевараисты бегут не туда. Вспоминают, что забыли

важные документы в одном из грузовиков, но Че запрещает барбудос вернуться за ними, рискуя жизнью. Зато отправляет упомянутого выше Хуана Переса Вилла принести радиопередатчик, который был ему поручен и жизненно необходим. Под градом пуль виновный с успехом выполняет задание.

Чтобы достичь спасительного холма, нужно сначала перейти ручей, затем пересечь длинную открытую саванну. Все страшно усложняется самолетами, патрулирующими окрестности, за которыми вскоре последуют два больших B-26 и два C-44, тарахтящих высоко в небе. По мере того как маленький самолет приближается, начиная стрелять из пулемета по барбудос и бросать на них гранаты, каждый в панике ищет, за чем можно спрятаться. Несчастные пленные, взятые в Ла-Федераль, оказались меж двух огней. Че целится в самолет из своего карабина M-2.

Рамиро Вальдес одним из первых добирается до холма. Он устанавливает свой пулемет на северном крае холма в двенадцати сотнях метров от фермы Куатро Компаньерос и нацеливает его на врага. Каскитос, скопившиеся на фермах Куатро Компаньерос и Форесталь, стремятся соединиться, тогда как основная цель герильерос — держать открытой брешь подступа. Бой растягивается на много часов. Хуан Эрмандес Суарес ранен при взрыве бомбы. Перенесенный в крестьянский дом, он умирает от потери крови, его не удается спасти. Он будет похоронен на площади, и Че напечатает на пишущей машинке, которую удалось вынести во время их бегства, письмо матери погибшего. Затем он подарит хозяевам дома аккордеон, с которым Хуанч никогда не расставался.

— Он всегда сам писал о смерти своих людей их близким, — вспоминает Жоэль Иглесиас.

Капитан Хосе Рамон Сильва серьезно ранен в правое плечо, тогда как Эмилио Олива Эрмандес и Рене Родригес отделались более легко.

В разгар боя под бомбами и очередями Че ложится под деревом и спит около получаса.

15-е проходит в попытках найти соратников, заблудившихся в лесу. Че использует это время, чтобы отметить, как обычно, недостатки и проанализировать их. Если он и извиняется за суровые слова, употребленные во время инцидента с застрявшими грузовиками, то это чтобы еще раз подчеркнуть необходимость дисциплины и исполнения отданных приказов. К слову, он бичует маленького хитреца, который побрился и переоделся у крестьян, сняв прежде всего красно-черную повязку с цифрами «26»

Движения, чтобы не быть узнанным на случай, если попадет в руки врага. С помощью Че они осознают звание герильеро и не предают его. Соратник Сильверио Бланко поднялся до звания лейтенанта. Он погибнет в Кабайгуан во время кампании при Лас-Виллас.

«На следующий день вид был не такой уж удручающий. Объявились многие отставшие, с десяток человек, которых считали потерянными, они следовали с колонной Камило, которую смогли догнать, чтобы отправиться бороться на северный фронт».

В то время как Че и Камило движутся по местности к западу, люди Кастро передвигаются на восток, к Сантьяго, с оружием, взятым у врага, когда последний обломал зубы о бока Сьерры. Со своей стороны, армия диктатора готовит передислокацию множества соединений в направлении Ориенте и Гаваны, чтобы перерезать дорогу наступающим с запада.

В ночь с 15 на 16 сентября 1958 года Че посылает за врачом своего отряда, чтобы помочь больному сыну пастуха. В три часа утра барбудос съедают говядину с сыром и делят кто чай, а кто — сигареты. Преодолев шесть километров пешком по топкой почве, Восьмая в шесть часов утра прячется на островке марабу, колючего растения высотой в три метра, который создает запутанные заросли марабузал, где можно передвигаться только ползком. Африканского происхождения, неуничтожаемый марабу давно уже заселил Кубу, крестьяне используют его как древесный уголь. Он как колючая проволока, и гевариста рвут на нем свою и так уже сильно изношенную одежду.

Когда Че отдыхает в своем гамаке, провисшем до самой земли, крик: «Самолет!» подбрасывает его.

Он надевает ботинки, приказывает не двигаться. Маленький самолет исчезает, и он снова может прилечь. Люди приходят к нему, чтобы спросить, можно ли им охотиться.

— Да, но без единого выстрела!

В домике, который стоит на краю марабузала, Эрнесто принимает в отряд крестьян, желающих вступить и быть проводниками. Один из них докладывает, что двести пятьдесят солдат стоят недалеко отсюда. И Восьмая уходит, передвигаясь, как краб, избегая открытых мест, преимущественно ночью. Даже если Движение 26 июля, которое их поддерживает, менее действенно здесь в Долине, если они и не получают такую же помощь от населения, как в Сьерре, все равно всегда найдется добрый человек, чтобы показать им дорогу. Правда, иногда нужно его принудить, иногда случается также, что крестьянин предает, потому что он верит официальной пропаганде. Такой, как

информационный бюллетень, переданный по радио 20 сентября между ча-ча-ча и мамбо и который гевараисты услышали в поместье Сан-Николас:

— Генерал-лейтенант Франсиско Табарнилла Дольс, военный шеф района, во время пресс-конференции, которая состоялась в военном ведомстве, объявил, что полк № 2 Агроманте захватил людей вне закона, более ста расстреляв и рассеяв остаток отряда, который во время бегства бросил оружие, экипировку, важную документацию и документы коммунистической пропаганды. Другие группы сами сдались властям. Эти воры и злодеи бежали со Сьерра-Маэстры в надежде ускользнуть от неминуемого истребления. Ими командует международный коммунистический агент, хорошо известный Че Гевара.

Эти измышления вызывают взрыв смеха у барбудос. Кто-то передразнивает диктора:

— Сеньоры герильерос, как вам известно, вы все мертвы…

Восьмая вступает в гнилую воду болот. 20-го, в субботу утром она разбивает лагерь на берегу реки Сан-Педро, на границе между муниципалитетами Санта-Крус дель Сур и Камагуэй, в местечке под названием Трумберо. Жоэля Иглесиаса чуть не унес поток, он зовет на помощь, что стоит ему насмешек Че. Колонна поворачивает на север, стараясь избежать воды и болот, но попадает на рисовую плантацию и не может переправиться через каналы. По привычке, люди питаются у пастухов, платя или не платя крестьянам, в зависимости от того, встречают они их или нет. Вскоре топи уступают место сухой земле, полной трещин, где рискуют сломать ноги на каждом шагу.

23 сентября в 15 часов 30 минут начинается воздушная бомбардировка в северо-восточном направлении.

— Это Камило, его заметили! — беспокоится Че.

Теперь перед ними открывается луг, покрытый травой, острой как бритва. Люди защищаются по возможности, но среди немногих спасшихся лошадей две не перенесут полученных многочисленных порезов. Обогнув лагуну, барбудос уже снова улыбаются. Проводник Мануэль Вальдера доставляет из колонии Тринидад продукты: рис, бананы, галеты, пряности, сигары, сигареты…

26-го идут по компасу, случайный проводник оказывается неспособным найти дорогу в топях реки Мала Фама. Реквизированы два трактора и тележка, чтобы везти повстанцев: земля для этого подходит в зоне Лос-Маринерос в нескольких километрах от сахарной централи Барагуа, которая принадлежит североамериканской компании и где стоит много армейских соединений.

1 октября, когда захватчики развернули лагерь посреди грязи в гибельном районе болот южнее Камагуэй, Че со своими офицерами анализирует ситуацию. Оки знают, что перед ними солидная линия огня и другая часть вражеского отряда приближается с тыла. Нужно срочно покинуть место. К югу, куда отправлены разведчики, только непроходимые болота, затем море. К северу — открытые территории, за которыми следит армия, кроме того, с большими дорогами, которые ей облегчат задачу в случае атаки. Возвращение приведет к потере нескольких дней. Последнее решение: преодолеть вражескую линию во что бы то ни стало. Это решение принимает Че.

В середине ночи отправлены три человека: лейтенант Рохелио Асеведо, Вильфредо Алеага, или просто Вилла, и проводник, который, по правде говоря, совершенно не знает территории. Три человека шлепают в грязи по лагуне — направление к железной дороге, соединяющей причал с централью Барагуа, точно не зная, где ждет их враг. Они продвигаются медленно из-за стволов деревьев, которые лежат на дне под водой. Проводник кашляет и вызывает тихую брань Асеведо. Однако солдаты, расположенные в ста пятидесяти метрах вдоль железной дороги, открывают огонь без предупреждения. Разведчики под очередью оседают в глубине лагуны. Думая, что имеют дело со всей колонной, батистовцы ударяют минометами.

Через полчаса разведчики видят, как прибывает вагон от Барагуа, который останавливается через каждые пятьдесят метров, чтобы забрать охрану. Разведчики убеждаются, что край лагуны практически совпадает с поворотом железнодорожного пути. Вагон останавливается последний раз там, где светится дебаркадер.

— По тому месту вернемся в болото, — заключает проводник.

Они вновь пускаются в путь до края лагуны, где простирается мангровник.

— Здесь начинается море, — предупреждает проводник.

Асеведо решает взять на запад, и через две сотни метров, особенно трудных, он ставит, наконец, ногу на твердую почву. В окрестностях никаких следов солдат, именно здесь должна пройти колонна. Троице остается только доставить Че эти сведения, сделав за собой отметки, чтобы потом найти проход. По возвращении, около пяти часов утра, их чуть не обстрелял авангард Восьмой, который не ждал их появления с этой стороны, но как только их узнают, раздаются крики радости: шум выстрелов заставил бояться худшего. Пока трое, отрапортовав, проглатывают скудный паек, оставленный им, Че объясняет свое

решение испытать проход будущей ночью.

Сначала он отправляет Роберто Кабрера, называемого Кабрерито, в Сьего де Авила, чтобы потревожить руководство Народной социалистической партии и добиться их поддержки, а также сведений о различных армейских организациях — не только фиделисты борются! — которые действуют в Эскамбрей: Че подозревает, что их разделяют серьезные разногласия. В семнадцать часов отряд в свою очередь отправляется в путь, авангард усилен базукой. Эрнесто дает своим людям последние рекомендации:

— Главное не шуметь, ни слова, ни блестящего предмета.

Когда барбудос погружаются в липкую грязь, они одновременно стараются не замочить свое оружие и подсумки. Дышат ртом, чтобы избежать, насколько возможно, тошнотворных запахов.

Заметив маленькую возвышенность справа от лагуны, Вилла предупреждает:

— Мы на их линии прицела.

Точно в этот момент раздаются выстрелы врага. Че спрашивает своего спутника, не кажется ли ему, что по плотности и направлению выстрелы похожи на огонь прошлого дня. После утвердительного ответа Восьмая идет по следу, оставленному разведчиками.

В 23 часа 2 октября, в четверг, Че наблюдает с железнодорожных путей переход его людей через лагуну. У некоторых проваливаются ноги, другие погружаются по шею, но проходят. На рассвете в пятницу, 3-го, колонна спасена. Но не по-сухому, так как район болот простирается перед ней, насколько хватает глаз. Продвижение происходит внутри огромного утеса, который хорошо укрывает барбудос от ока врага.

Семью километрами дальше, еще до восхода солнца колонна оказывается на ранчо Ла-Лагуна в нескольких километрах на юго-запад от бараков сахарной централи. Здесь они задерживают мясника, которого убеждают в том, что ничего не случится с его семьей, если он послужит проводником барбудос в течение двух дней.

— Как будто его жена не хотела, чтобы он вернулся, так как скоро услышали шум двух B-26, которые нас искали, — вспоминает Жоэль Иглесиас.

Опасность заставляет людей опять нырнуть в лагуну, наполненную комарами, и снова — режущие как бритва листья. Невозможно остановиться, разве что только на мгновение.

В воскресенье, 5 октября в четыре часа утра Че, наконец, дает своим людям передышку. Разбивают лагерь на берегу лагуны Эль

Кольменар. Но на несчастный отряд обрушивается ураганный дождь. Появление Каб-рерито, сопровождаемого проводником, направленным Диего де Авила, придает им надежду. Увы, проводник заболел и Кабрерито должен открыть движение.

Че пишет акт с пафосом:

«Отряд выбился из сил. Сломленные морально, изголодавшиеся, с ногами в крови и такими распухшими, что больше не входят в то, что осталось от обуви. Они тут, готовые упасть. Только в глубине их глаз мерцает слабый свет. Шагая рядом с ними, я почувствовал страстное желание вскрыть себе вены, чтобы дать их губам что-нибудь теплое, чего у них без еды и сна не было в течение трех прошедших дней. Когда ком, застрявший в горле, исчезает, я говорю с ними. И дух, который овевает это необыкновенное поколение кубинцев, оживляет в них все их благородство, и тела их выпрямляются, качаясь под непосильной тяжестью мешков, оружия и боеприпасов».

Условия, не очень благоприятные для здоровья Че. Доктор де ла О вспоминает:

«У него была невообразимая воля, ему удавалось подчинять даже астму. Он не мог властвовать над ней только при очень сильном приступе. Умел преодолевать страх нехватки воздуха, который появляется у всех астматиков. Он любил исследования и мог быть большим ученым, но предпочел стать солдатом. Неутомимый читатель, он открывал книгу, как только мы делали остановку, в то время, когда мы все, свалившись от усталости, закрывали глаза и засыпали».

Остается только около ста здоровых людей. Мучимые голодом, барбудос убивают корову и съедают, даже как следует не прожарив. С горшком меда в лагере появляются двое мальчишек, они отвечают, что им приказал один барбудос. Эрнесто зовет человека по имени Морено:

— Ты приговорен к смерти. При малейшем вражеском выстреле ты будешь расстрелян.

К счастью для Морено, не слышно никаких выстрелов, их не предали.

6 октября, в то время как Восьмая считает себя спасенной, небольшой циклон «Ханисе» опустошает район Камагуэй и вызывает наводнение реки Хатибонико, через которую надо переправиться, чтобы проникнуть в провинцию Лас-Виллас. Семьи, проживающие в окрестностях реки, должны спешно покидать свои дома. Еще раз Че хочет заставить своих людей увидеть положительную сторону вещей и убеждает их в том, что циклон «держит солдат в своих казармах». С наступлением вечера проводник Флорес Гуттиерес обследует окрестности, чтобы

увидеть, в каком состоянии находится Троча де Хукаро в Мороне, знаменитом месте, где в январе 1875 года отличились мамбизес генерала Максимо Гомеса, прокладывая проход с помощью мачете перед лицом испанских отрядов. В противоположность тому, чего боялся Че, место не особенно охраняется, хотя его пересекают многочисленные поезда, набитые солдатами.

9-го вечером колонна начинает движение на северо-восток, вдоль железной дороги, до остановки Дос Эрманас. С двух часов ночи проливной дождь, это не мешает гевaристам преодолеть знаменитую Трочу де Хукаро, не увидев ни тени солдата на горизонте. Флорес Гуттиерес, возвратившись из Сьего де Авила, куда его отправил Че, ведет последнего до поместья, где ждут ящики, полные различных товаров, которые он требовал, в частности медикаменты. В одном пакете Эрнесто находит документацию на район и штабные карты:

— Если бы они у нас были, когда мы вышли из Сьер-ры, то добрались до Эскамбрей и без нужды в проводниках.

Посланники команданте Виктора Бордона Мачадо, руководителя Движения в провинции Эскамбрей, капитан Оттен Месано Мелькон и два младших офицера появляются в лагере. Этот первый контакт с членами повстанческой армии, действующей вне Сьерры, радует Че. Он узнает, что Бордон Мачадо хотел предпринять путешествие в Сьерру, чтобы встретиться с Кастро и изложить ему пункты существующей конвергенции с руководством Движения 26 июля в Лас-Виллас. А точнее, с руководителем Акции саботажа, по имени Виктор Панек, команданте Диего. Но, как Че и подозревал, между различными революционными организациями нет хороших отношений. Долина II Фронта национального единства Эскамбрей дошла до того, что арестовала Бордона, помешав ему сесть на самолет до Сантьяго под ложным предлогом, что его дерзость опасна для дела. Во всяком случае день богат эмоциями для Эрнесто, который узнает о пребывании Камило и де ла Дос недалеко отсюда после множества сложностей, которые их задержали на десяток дней.

Проводник, носящий баскское имя Армандо Эчемендиа и известный под кличкой Куко, ведет Восьмую до горы Тибисиаль в поместье Ла Тереса, опустошенное ураганом «Ханисе». Там, написав Фиделю: «Авиация педантично сопровождает. Разбомбили гору, где мы только что стояли лагерем, а затем попробовали перерезать нам дорогу к реке Хатибонико», — Че долго слушает эмиссаров Бордона. Показывая на черные часы, подарок Фиделя, которые носит на запястье, он говорит:

— Я был первым, ставшим команданте в Сьерре, но, по-

моему, им должен был быть Рауль Кастро. Он был единственным, кто нормально высадился со своими людьми с *Гранмы*, и удерживал их в порядке.

Затем он наклоняется, чтобы развернуть карту района. На его вопрос: «Какое место в Эскамбрей вы посоветуете выбрать для базы?» — капитан Оттен Месано указывает зону Калантес де Мамикарагуа, и Че делает там отметку. Он посылает Орнено Родригеса до границы Лас-Виллас, чтобы уведомить руководителей различных организаций, будь то город или горы Эскамбрей: «Че хочет встретиться с ними». В частности с Виктором Бор-доном, который должен будет прийти к нему.

Все данные, получаемые от эмиссаров Запада, подтверждают его предвидение: нужно будет сгладить отношения между союзниками, прежде чем организоваться для совместной борьбы против общего врага. Жареное мясо асада напоминает ему Аргентину и заставляет ненадолго забыть свои заботы.

10 октября к пяти часам вечера соратники из Эскамбрей обследуют окрестности, чтобы обнаружить брешь в охране, объектом которой является река Хатибонико. Чтобы обмануть вражескую авиацию, Че отправляет авангард с лошадьми с целью до рассвета оставить видимые следы, и свою колонну заставить пройти по другой дороге. Все время под проливным дождем. Шесть часов утра, 11 октября. Восьмая совсем рядом с рекой.

Прослушивая телефонные разговоры врага, барбудос слышат, как капитан Урбано Матос, который направляет 34-ю роту из Лас-Виллас в Эль Хибаро, дискутирует с лейтенантом Кастеллоном, стоящим во главе сотни человек 2-го военного ведомства, расположенного в соседнем поместье Пасо Вьехо. Матос требует от своего подчиненного поместить солдат в поместье Ла Крисис, в двух километрах на юг от Пасо Вьехо. Он разрешает ему изъять корову у союзного пастуха в поместье Эль Сигуаль. Таким образом Че понимает, враг думает, что Восьмая будет пытаться пройти, рассыпавшись, вдоль реки.

Остается только найти хорошее место для прохода. Эхо пулеметного обстрела авиации подтверждает, что хитрость Че удалась. Это отвлекает наземную армию и открывает временную вилку, достаточную, чтобы преодолеть реку Хатибонико и войти в провинцию Лас-Виллас. В 22 часа 30 минут, пройдя пять километров, Восьмая натыкается на препятствие в местечке Эль Пасо де Диас, прозванном Пасо де ла Сейба, — из-за большого дерева, которое возвышается над местностью и служит наблюдательным пунктом. Опытный пловец Эдди имеет задание переправиться с помощью веревок, что облегчает переправу. Поток быстр и вода высока.

Че теряет ботинки в приключении, но все перебираются на другую сторону живыми и невредимыми.

Около четырех часов утра в воскресенье, 12 октября, колонна «Сиро Редондо» входит в Лас-Виллас через поселок Санкти Спиритус. Че пишет Фиделю:

«Если верить информации, перехваченной из телефонных разговоров армии, они не считали нас способными преодолеть двенадцать километров, чтобы достичь города Хатибонико. Естественно, мы это делали ночью, переправляясь через реку вплавь, подвергая опасности наше оружие, прошли чуть больше, чтобы достичь защитного холма. Переправа через Хатибонико — это как проход от тьмы к свету. Рамиро (Вальдес) говорит, что это похоже на выключатель, которым зажигают свет, и совершенно точно. Но со вчерашнего дня горы забрезжили на горизонте, возбуждая в нас сумасшедшее желание достичь их».

Событие достойным образом отмечено банкетом с говядиной, свининой и пятью фунтами сыра. Этот момент выбирает B-26, чтобы сбросить шесть бомб на соседнее пастбище. Враг, кажется, обнаружил, что Восьмая обманула его и прошла.

Гевара скоро найдут свою обетованную землю, гору, где они опытны в искусстве герильи. И оставят позади себя адское место — днем снимаешь с тела пиявки, а по ночам спальные мешки полны воды. После более чем сорока ужасных дней колонна «Сиро Редондо» вступает на твердую землю с лесами, в основном пальмовыми, чтобы спрятаться от наблюдения с воздуха.

Прежде чем достичь вершины Эскамбрей, у гевaристов есть еще одно, последнее препятствие, которое надо преодолеть, — река Саса, одна из самых широких в стране. 13 октября, в понедельник, это сделано без затруднений, так как армия наблюдала в основном за мостами. Они вынуждены оставить заболевшего североамериканца Германа Марка, ветерана корейской войны, он будет лечиться как гражданский, чтобы не вызвать подозрений.

Во вторник, 14 октября, смена проводников продолжается — двое новых обеспечивают эстафету в юго-западном направлении. В середине дня гул выдает приближение самолета; у гевaристов есть лишь время спрятать лошадей. На следующую ночь авангард встречает десяток людей студенческой революционной Директории 13 Марта, являющихся патрулем команданте Фауре Чомона. Они предупреждают, что пересечение дороги Санкти Спиритус — Тринидад будет опасным, так как армия пристально за ней следит. Короткая остановка позволяет оценить настоящее сотрудничество с крестьянами, предоставившими повстанцам

скот, который увеличивает их поголовье, достигшее шестидесяти голов. Че обращается к людям Чомона с решительной просьбой о медикаментах, чтобы лечить разбитые и пораженные грибком ноги. Больше одежды н обуви.

В ночь с 15-го на 16-е колонна пересекает дорогу в полном молчании в открытую между двумя патрулями. Затем бросается на штурм Эль Обиспо, высокий мыс, откуда обрушится на Санта-Клару, батистовскую крепость. Усталость все сильнее, потребность во сне становится раздражающей. Три бидона молока, предложенные геваристам крестьянином, придают им силы, необходимые для подъема.

— Природа этой горной местности нас успокоила и напомнила Ла Маэстра, — рассказывает Жоэль Иглесиас. — Это вызывает, несмотря на усталость, настоящее ликование, оно пробегает по отряду, так что некоторые принялись мурлыкать национальный гимн.

В деревушке Сиррито Че и доктор де ла О делают покупки в бойко торгующей лавочке, принимая от хозяина бутылку коньяка Домек. С группой Директории, которая показывает им дорогу, Восьмая по тропам мулов достигает горы Лос Гавильянос, по имени хищных птиц, которые ее населяют, ястребов-перепелятников. Проникнув на маленькую кофейную плантацию, приближают конец подъема — подошву Канту, где возвышаются остатки старой гидроэлектростанции Санкти Спиритуса. Место менее дикое, менее обрывистое, чем Меса, но похожее на нее. Оно тоже занимает дно затерянной долины, защищенной горной стеной. Че улыбается и одобряет.

После двенадцати километров утомительного марша, команданте предлагает:

— Купаемся!

Не заставляя себя упрашивать, барбудос погружаются в холодные воды Кайаханы и плещутся как дети. Затем воздвигается лагерь, и скоро приближаются крестьяне с окрестности, удивленные, гордые встретить команданте Че Гевару и пожать ему руку. Легенда о нем несется с одного конца острова на другой и уже достигла вершин Эскамбрей. Ближайший сосед Хосе Рафаэль Салабаррия приносит ему кофе без сахара, он знает, что Че именно так его пьет. Он спешит в знак приветствия угостить говядиной.

Настоящим пиршеством с рисом, красной фасолью, мясом, птицей отмечается переход «Сиро Редондо». Пламя, которое жарит говядину и поросят, поднимается в небо, чистое от ястребов, превращаясь в огонь радости и надежды. Праздник заканчивает битву, как в народных песнях.

Глава XX
ИГРА В ВОЙНУ С КАМИЛО

Гевариста спешат найти свои знаки в этом массиве Эскамбрей, где гуахиро похожи, как братья, на тех, из Сьерра-Маэстры: общительные и к тому же готовые сражаться. В этой зоне от Движения 26 июля ведут войну Себастьян Гисиендо Перес, называемый Пампилло, и Синдо Наранхо и, от случая к случаю, Дирекция 13 Марта, А также отряд Фронта II Эскамбрей, стоящий в поместье Санта Роса, совсем рядом, и руководимый капитаном Роберто Сори Эрнандесом.

В речи, которую Че произнесет позднее о социальных действиях повстанческой армии, он скажет:

«Мы прибыли в Лас-Виллас, и наш первый опыт в управлении, еще до создания первой школы, заключался в принятии революционного постановления, восстанавливающего аграрную реформу и предусматривающего, что тот, кто располагает маленьким наделом земли, прекращает платить налоги до того, пока Революция не решит случай за случаем. Фактически мы начинаем с аграрной реформы как острия повстанческой армии. И это не было демагогическим маневром, а просто потому, что в течение года и восьми месяцев Революции взаимное проникновение между руководителями и массами крестьян было таким большим, что в несколько приемов это заставило Революцию делать то, что в данный момент она не думала делать. Это не было нашей задумкой, это была воля крестьян».

Пока его люди восстанавливают силы, Че принимает уже Пампилло, который освещает ему проблемы, существующие между Движением 26 июля и Вторым Фронтом. Команданте предупреждает соратника, что ему придется подчиниться решению суда и убить двух борцов Второго Фронта. Он приветствует эмиссаров Директории, которые следуют до Лос Арройос, где находится командный пункт их организации.

Уже вечером Че встречается с капитаном Сори Эрнандесом.

— Сплочения не произошло. Каждый стоял на своих позициях, — вспоминает Жоэль Иглесиас.

Команданте Движения 26 июля понимает, что его присутствие раздражает. К тому же существует циркуляр, подписанный Элойем Гутиэресом Менойо и Хесусом Карверой, руководителями северо-восточной зоны Эскамбрей, который запрещает всем чужим отрядам проникать в то, что они считают

своей «свободной территорией».

Со всей харизмой и волей Че потребуются недели, чтобы выполнить миссию, которую ему доверил Фидель: объединить различных местных руководителей, всех антибатистовцев, борющихся каждый сам по себе. Так, он встречается с командующими Революционной Директории Элойем Гутиэресом Менойо, Фауре Чомоном Медиавина, а также с представителями групп Организации аутентиков и еще с Феликсом Торресом от Народной социалистической партии, на самом деле коммунистической. Он надеется заставить вскоре всех этих людей сосуществовать на его будущей базе.

В то время как он таким образом создает политические классы, в Сьерре развязываются события, которые могли стать тяжелыми. Посол Эрл Смит сообщает в Вашингтон об исчезновении двух североамериканцев.

Рупор государственного Департамента Линкольн Витте обвиняет революционеров. В действительности, эти двое, выехавшие из Соединенных Штатов, вместе с семью кубинцами, так же, как и они, служащие нефтяной компании Тексако, были взяты засадой, организованной повстанцами для лояльных солдат. Чтобы избежать раскрытия своей засады, фиделисты задержали их и поместили в безопасное место, прежде чем освободить. В конце октября в яростном споре Фидель сухо отправляет мяч Линкольну Витте, раз и навсегда обнаруживая, что для него нет секретов в политической игре. И снова Батиста, мечтавший, чтобы ситуация обострилась и американская армия освободила его от врагов, видит, что надежды превратились в дым.

21 октября вечером в Лос Арройосе, горном логове Фауре Чомона, Че подсчитывает:

«Уже пятьдесят один день, как мы покинули Эль Хибаро. Мы останавливались сорок один раз, а ели только пятнадцать раз. Остальное время приходилось довольствоваться лишь кофе и молоком, когда оно было. Маисовые лепешки, сахарный тростник, чаще фрукты составляли нашу еду».

Его барбудос быстро восстановили силы и томятся. Им нужно действие. Они получат свою порцию 26 октября, атакуя казарму поселка Гуинна де Миранда, в ущелье, у подножия маленькой Кордильеры, над которой летают ястребы. Чтобы показать своим людям, что он не потерял меткость, Че идет к казарме с базукой на плече. Он выпускает одну ракету, которая разрушает часть стены и одновременно моральный дух солдат, которые не замедлили сдаться.

Продолжая сохранять лагерь Лос Гавильянос, Восьмая

спускается немного ниже по горе, чтобы закрепиться в местечке под названием Эль Кабаллете де Каса. Затем они занимают позицию еще ниже, в Эль Педреро, недалеко от Гуиниа де Миранда. Здесь Че предпринимает попытку собрать людей из различных революционных групп, чтобы заставить их подписать пакт. Перед отправлением он позаботился предупредить всех:

— Без бандитизма здесь! С нами это смерть или по меньшей мере изгнание!

Возникает напряженность, ведь собеседники не так дисциплинированы, как его собственная колонна.

Он встретил красивую блондинку Алейду Марч, бывшего руководителя Движения 26 июля в Санта-Кларе, которая, преследуемая полицией, примкнула к сельской герилье — увлеченная революцией, политическими науками, образованием, диалектикой, а также им. Че настаивает, отговаривая рисковать жизнью рядом с ним. Однако в отношении их нельзя говорить о любви с первого взгляда: им понадобится время, чтобы открыться духовно, прежде чем решить жить вместе. Сойдясь в экзальтации революционной борьбы, Че постарается проверить, что она, так же как и он, умеет сохранять холодную голову.

«Воинствующий» Че испытывает глубокое уважение к женщинам, оставляющим след в истории Революции: Селия, Эйде, Вильма. Он пишет в дневнике: «Роль женщины в революционном процессе необычайно важна. Она способна выполнять самые тяжелые работы, идти в бой плечом к плечу с мужчинами. И я не верю, как это говорят, в конфликты на сексуальной почве в лоне отряда. В тяжелую жизнь бойцов женщина привносит качества, свойственные ее полу, и может работать наравне с мужчиной. Если она и менее сильна физически, она так же выносliва, как и мужчина. Она выполняет работу, которая, возможно, самая необходимая для победы Революции: связь между различными воюющими силами и особенно с теми, которые находятся на вражеской территории. От умения передавать послания, деньги зависит — победит или провалится Революция. Какими бы жестокими не были репрессии, женщина реже жертва репрессий, чем мужчина. В этом еще один ее плюс. Женщина действует всегда свободнее, чем мужчина, она привлекает меньше внимания и вызывает меньше страха у вражеских солдат.

К тому же талант готовить может скрасить обыденную жизнь людей в лагере. С помощью простой швейной машинки она способна творить чудеса. И ее роль может быть важной в качестве санитарки или врача, относящихся с большой нежностью к своим соратникам по оружию. Нежность! О, как она необходима в

моменты страдания, когда вы ранены или больны. Я разрешил тем, кому хочется, жить в супружестве в Сьерра-Маэстре».

Че отбрасывает пуританство в прошлое:

«Никто не постановил, что мужчина должен всю свою жизнь жить только с одной женщиной. Мужчина был бы попросту животным, навязав себе это ограничение, которое, впрочем, он регулярно нарушает — прячась или в открытую. Мы взяли себе за правило не быть экстремистами. В агитации, которую проводят повсюду, есть много от социального ханжества; истина в том, что если бы жизнь каждого была известна всем, еще нужно бы спросить, кто сможет бросить камень».

Сошедшая с Маэстры Революция, такая дорогая сердцу Эрнесто, развивается галопом. Теперь она скачет с одного конца острова до другого, от западной точки Кабо Сан Антонио до восточной — Понта дель Квемадо на расстоянии двести пятьдесят километров. С сильным моментом для фиделистов: 3 ноября Движение 26 июля сорвало президентские выборы, только 30 % избирателей, меньше 10 % в зонах под кастровским влиянием.

В Гаване Фульхенсио Батиста мечет громы и молнии. Он стремится отдать приказ авиации усилить действия; нужно срочно превратить этих нечестивцев в кашу. Более чем когда-либо герилья играет в прятки с самолетами. Но наряду с опасностью того, что им упадет на голову, они по-прежнему вынуждены вести наземные сражения.

Неустанно, со своей верой в человека, с любовью к будущему, Че объясняет Революцию.

— Теперь, когда вы поняли, присоединяйтесь к нам, и мы вместе будем прорываться к свободе, — заключает он каждый раз.

Когда он оказывается в конфронтации с мелкой буржуазией, то чувствует себя менее ловко. В частности, во время обеда у торговцев, которые жалуются на отсутствие средств, чтобы развить район.

— Нападите на банк! — подсказывает Че и вызывает холодок.

Он открывает новую военную школу — четвертую после Эль Омбрито, Месы и Минас дель Фрио — в гнезде ястребов Лос Гавильяноса, чтобы обучать новых рекрутов, прибывающих в большом количестве после подписания пакта Педреро. Действуют те же основные правила: дисциплина, пунктуальность, организованность, уважение к братьям по оружию, а также к противнику. Кредо знаменитого равенства, которое так дорого его сердцу.

По вечерам после занятий он разговаривает с крестьянами. Выслушивает, исследует, убеждает:

— Аграрная реформа приближается, и мы все с ней. Аграрная

реформа — это сама Революция.

На месте Фиделя Кастро он в Манифесте развернул бы аграрный план и его резоны. Он вспоминает Пачамаму инков, «мать-кормилицу землю, которую мы все должны уважать». От мысли, что крестьяне прекратят работать и обогащать богатых землевладельцев, у него вырастают крылья. В Гаване телефон министра сельского хозяйства звонит без остановки: латифундисты жалуются, что им отказываются платить. Режим дрожит в своем основании, но Батиста не теряет веры, никогда повстанцы не смогут преодолеть Санта-Клару.

А Революция продолжает бушевать на острове. Камило, продвигавшийся параллельно Че, вдруг возникает со своими людьми на Центральной дороге около Диего де Авилы. Центральная является основной линией острова, позволяющей проехать от Гаваны до Сантьяго, и поэтому она особенно охраняется. Привлекая внимание солдат на себя, стреляя в воздух, Камило поворачивает назад и исчезает, чтобы захватить водопровод Диего де Авилы. Он настигает армию, бросившуюся по его следам, с другой стороны Магистрали, с севера, далеко от зоны действия Че, затем тайком возвращается туда, где находится Эрнесто. В ковбойской шляпе и с неизменной банановой улыбкой. Он попадает к Че очень вовремя, чтобы воевать рядом с ним, а также с Виктором Бордоном Мачадо. Гевара и Сиенфуэгос, бок о бок, каждый за своей пальмой, отражают атаку пехоты на базу. Как только батистовская армия терпит поражение, Камило прыгает в «джип» и догоняет свою колонну, назначив встречу с Че в Санта-Кларе. По дороге на Гавану.

В городе Санкти Спиритус, где они, по приказу Фиделя, берут на себя муниципальные функции, Че испытывает видимое психологическое неудобство, издавая следующий декрет: «Продажа алкоголя и лотерейных билетов в настоящее время запрещена». Вопль негодования. Чтобы перекрыть одновременно оба крана: ром и манию, которую представляют собой лотерейные билеты, нужно самому быть трезвенником и врагом всех азартных игр, которые благоприятствуют одному за счет другого. Че вспоминает андннцев, закаленных алкоголем И игрой на деньги, и мечтает о новом человеке, образованном, нравственном, который бы был похож на него, но совершенной, прекрасной модели. Как скажет президент национального банка Режино Боти:

— Че — это бриллиант, который сам себя огранил.

Из-за реакции, вызванной его декретом, он отменяет его на следующий день.

Они еще не в муниципальном управлении, освободительная война еще не окончена.

— Нужно будет изменить систему городской борьбы, — определяет Че. — Для этого нужно подготовить районных милиционеров к саботажу, это оружие будет полезно нам в городе. Впредь постепенно мы перегородим дороги. Капитан Сильва полностью блокирует дорогу Тринидад (на морском берегу) — Санкти Спиритус. Магистраль будет повреждена в свою очередь, как только мы взорвем мост на реке Туинику. Железнодорожные пути будут перерезаны во многих местах, и Камило Сиенфуэгос займется блокировкой дорог на севере.

Как потребовал от Че Фидель, он продолжает свои действия по объединению под эгидой Движения 26 июля, добиваясь от каждой революционной группы, чтобы они отказались от какого бы то ни было сектантства. Соглашение, которое он подписал с Кубелой Секадесом, более высоким ответственным в национальном Директорате провинции Лас-Виллас, является в его глазах ключом к финальной победе. Это соглашение оговаривает в частности:

«Единство существующих воззрений в борьбе против тирании, между Движением 26 июля и Революционным директоратом, гарантия для населения Лас-Виллас, что совершенная координация будет поддерживаться в военных акциях, чтобы достичь объединенных операций двух отрядов, так же как и вместе использовать коммуникационные линии и снабжение, которые находятся под контролем той или иной организации (…).

Движение 26 июля и Революционный директорат представляют наиболее чистые идеалы молодежи, которая выдерживает большую часть тяжести Кубинской революции, которые отдают свою кровь, без которых не было бы ни Сьерра-Маэстры, ни Сьерра дель Эскамбрей, не существовало бы июля в Монкаде, тем более

13 марта в президентском дворце. Мы сознаем наши обязанности перед Родиной, и в честь революционных принципов Франка Паиса и Хосе Эчеварриа мы призываем к союзу все революционные элементы и приглашаем организации, которые имеют повстанческие силы на территории, публично присоединиться к этому призыву, координируя свои положения в пользу кубинской нации».

Большое наступление намечено на 20 сентября, колонны «Сиро Редондо» и Масео при поддержке партизан провинции Лас-Виллас предпримут фронтальную войну. Камило со своей стороны будет вести ее на севере вокруг города Ягуахай. Конец маленьким засадам, рассеянным перестрелкам.

Полковник Дель Рио Чавианио, прозванный «Мясник с Монкады» за руководство репрессиями после атаки знаменитой

казармы, приказывает сосредоточить свои части в Санта-Кларе, где, как позволяет себе думать, решится судьба войны. Повстанцы сидят на его пятках и не дают покоя авангарду. При их проходе города падают, как мухи, с заявлением о «национализации» передатчиков на коротких волнах в качестве дополнения. 4 сентября Че использует затишье, чтобы испробовать новое радио, «Радио повстанческой колонны номер восемь». Оно ему позволит разговаривать с Фиделем, сообщить, что с его стороны дела идут хорошо. Он также пользуется случаем, чтобы обменяться с Камило несколькими фразами явного блефа, предназначенного для вражеских ушей, которые, очень может быть, их слушают:

— Если тебе нужны настоящие большие и мощные танки, у меня их много, — бросает Че.

— Спасибо, у меня есть все, что нужно. Но, пожалуйста, не иди слишком быстро. Я хотел бы взять Санта-Клару раньше тебя, — отвечает Камило и добавляет: — С нашими семью тысячами ружей дело быстро будет решено.

Для решительной атаки на Санта-Клару Че очень рассчитывает на свое «отделение самоубийц», состоящее из горячих голов с чистыми сердцами. Им командует Вакерито, и насчитывало оно сначала только десяток добровольцев, среди которых Альберто Кастелланос и Уго Дель Рио Герра, живущие сегодня в Гаване, и его друг Альберто Гранадо. Эти сумасшедшие примут важное участие в будущих сражениях.

С 5 декабря повсюду «круглые каски» все больше и больше загнаны в угол. Военная инициатива принадлежит фиделистам. Население на всем острове поднимается и поддерживает барбудос. Высшие офицеры лояльной армии секретно ведут переговоры с Фиделем. В то время как он готовится захватить Сантьяго, на другом конце острова ему сообщают, что военная хунта готова сместить Батисту. Ждут только его согласия! Этого-то и опасается руководитель Движения 26 июля, отвечая категоричным: «Нет!» Конечно, такой торг не может ему подойти: этот поднимающий голову лев никогда не согласится быть помещенным в клетку. В то же время он не преминет оценить значение этого демарша: если руководители армии приняли решение предать своего президента, это значит, что они должны были почувствовать, что ветер изменился.

Говорят, что лояльные делают ставку на секретное оружие, бронепоезд. Он будет заполнен солдатами и сможет привезти их в изобилии, группами по четыре сотни. Информированный партизанами Гаваны, Че начинает об этом думать. Ему поступают новые сообщения благодаря присоединившимся к Движению 26 июля рабочим, которые принимают участие в создании железного

монстра: он имеет два локомотива, один в голове, другой в хвосте, чтобы иметь возможность передвигаться туда и обратно, Гавана — Санта-Клара, как можно быстрее. Он состоит из девятнадцати вагонов, так сказать, без дверей, с множеством амбразур, через которые будут стрелять автоматические ружья. Пулеметы установлены на крыше, оснащенной карнизами, за которыми спрячутся артиллеристы. Преданные Батисте (их остается немного) уверяют, что это абсолютное оружие, которое раздавит Революцию.

Глава XXI
САНТА-КЛАРА

В ожидании, пока бронепоезд будет готов, Восьмая занимается мостом, который перекинут через реку Сагуа ла Чика, около Фалькона. Операцией, заключающейся во взрыве этого моста с сильной металлической структурой, руководит сам Че. 15 декабря команда, которой поручена эта миссия, прячется на подступах к дороге, соединяющей Фоменто с Пласетос. После того как маленький гарнизон, охраняющий дорогу, уничтожен, Че наблюдает с окурком сигары во рту, как капитан Рамон Сильва закладывает заряд динамита. Через несколько мгновений взрыв заставляет весь Фалькон выйти на улицу, чтобы созерцать в лучезарном рассвете разрушенный мост.

В Гаване все надежды возлагаются на знаменитую крепость на рельсах. Авиация, кажется, на самом деле неспособна подавить восстание, ее задача стала еще более трудной в силу того, что народ присоединяется к повстанцам.

Ранним утром 16 декабря голос с иностранным акцентом просит служащую почты Фоменто Аиду Фернандес соединить его с лейтенантом Инте Рейнальдо Перес Валенсиа, командиром казармы. Это Че, который приказывает лейтенанту сдаться.

— Нет! — сухо отвечает лояльный чин.

Окруженный своими ста двадцатью человеками, забаррикадированный толстыми стенами казармы, Перес Валенсиа чувствует себя сильным против сорока барбудос, которые вызывающе держат себя с ним. И на этот раз Че, оставив Бордону задачу перерезать дорогу возможному подкреплению, руководит атакой. У двух противников противоположные планы: Че, имеющий лишь по сорок выстрелов на ружье, надеется, что акция разрешится поскорее, тогда как осаждаемые со своей стороны заинтересованы затянуть дело, чтобы дать время прибыть подмоге. Но Перес Валенсиа забыл о важном факторе: поворот населения в пользу наступающих. Многие десятки их выходят на улицы и присоединяются к повстанцам, одни строят баррикады, другие бросают бутылки с зажигательной смесью.

17-го на сцену выходит авиация, совершая непоправимое: восемнадцать убитых среди мирного населения. Выжидающие действуют и выбирают свой лагерь: пришел момент освободиться от Батисты.

Че трезво оценивает ситуацию:

— Своими «все сокрушающими бомбами» авиация нанесла

нам тяжелый удар, для пехоты это был момент использовать его. Если она этого не сделала, только потому, что деморализована.

Давление направляется на казарму. Отовсюду раздается треск, Тамайо вскакивает на террасу одного здания и отсюда начинает поливать внутри. Вступает «отделение самоубийц», в тридцати метрах от вражеского оружия его люди представляют прекрасные мишени. Многие барбудос убиты. Жоэль Иглесиас ранен в шею, у него разбита челюсть. Чувствуя, что пропал, он просит предупредить Че, который прибегает и приказывает оказавшемуся здесь врачу спасти его любой ценой. Моральный дух барбудос пошатнулся, нужно действовать очень быстро. Вакерито предлагает поджечь казарму, но это сделать нелегко: стены толстые и нет ни одного слабого места.

18-го с первыми лучами солнца барбудос ползком приближаются к ней и бросаются в новую атаку. На этот раз Перес Валенсиа капитулирует: он не хочет отягчать свою совесть дополнительными трупами, кроме того, отчаялся увидеть ожидаемое подкрепление. А причина в том, что вражеские стратеги решили, что атака казармы была только приманкой, имеющей целью заманить их в западню… Первый приказ, который Че отдает, как только попадает во взятую казарму, такой:

— Найдите врачей, чтобы они занялись ранеными.

Трофеи значительны: два «джипа», три грузовика, один миномет, один пулемет 30-го калибра, сто тридцать восемь ружей, легкие пулеметы и девять тысяч патронов, более восемнадцати пар ботинок, четыре пишущие машинки и будильник. И в дополнение сто сорок один пленный на весь город Фоменто.

Несмотря на тяжелое ранение, Жоэль Иглесиас, о котором Че говорит, что «он играет со смертью», выкарабкается. В 18 лет он произведен в чин капитана. Население ликует, на улицах праздник. Толпа на распределении оружия, организованного барбудос. Красивая крестьянка Собеида Родригес пришла за ружьем. Она надеется, что достойна его, так как воевала с охотничьим ружьем своего отца в рядах армии Директората. Че начинает с того, что делает ей выговор за то, что она рискует жизнью, затем, на ее ответ с апломбом: «Оружие завоевывается в бою, не так ли вы сами сказали?» — он ей протягивает «гаранд».

— Прекрасно, апельсинчик!

Для барбудос праздник будет коротким. У них хватает времени лишь поцеловать несколько девушек, выпить немного рома, что Че не очень поощряет:

— Чтобы воевать, надо быть трезвым, — напоминает он.

22-го в свою очередь падают Кабаигуан и Гуайос. Гуайос —

это город с шестнадцатью тысячами жителей, с казармой прямо на въезде. Когда они приближаются по крышам в ночи, Че падает и ранит себя: сначала порез на веке телевизионной антенной, затем, потеряв равновесие, падает на землю, серьезно повредив кисть. Боясь приступа, он отказывается от обезболивающего укола, который предлагает врач.

— Я принял таблетку аспирина с маисовой лепешкой, так пройдет.

Тотчас возвращается в бой с рукой на перевязи. В два часа утра проникает в казарму и объявляет дежурному офицеру:

— Теперь я отдаю приказы, потому что победитель.

Речь категорична — а репутация Эрнесто такова, что лейтенант молча отдает оружие. Девяносто пленных передано Красному Кресту, и еще семь пулеметов 30-го калибра, восемьдесят пять ружей, легкие пулеметы и запас патронов.

Очередь за городом Санкти Спиритус: восстать при полном участии ста пятнадцати тысяч жителей. Горстка людей — команда Че — заставляет бежать сотни солдат, которые боятся, что это авангард страшной Восьмой колонны. Паника в рядах регулярной армии. Для острастки по радио объявляют, что по городу будет произведен бомбовый удар, но впервые пилоты отказываются выполнить приказ и сбрасывают бомбы в море.

Разозленные угрозой, услышанной по радио, горожане готовы разнести все, что имеет хоть малейшее отношение к правительству и администрации. Че стремится обезвредить этот нигилистский прием, который он осуждает. Но Революция повсюду. Прошло лишь два часа после сдачи Кабаигуана, а гевариста бушуют уже в Пласетас, сто пятьдесят тысяч жителей, перекресток коммуникаций острова, лишь в тридцати шести километрах от Санта-Клары. Еще до прибытия барбудос деморализованные солдаты гарнизона уже готовы сдать оружие. Осада будет короткой: чтобы сохранить лицо, лояльный отряд просит перемирия, прежде чем сдаться. Среди атакующих находится лейтенант Перес Валенсиа из Фоменто, он теперь борется за Революцию.

При объявлении о сдаче казармы колокола церкви задают ритм бурному празднику. На улице народ кричит:

— Да здравствует свободная Куба!

Сто пятьдесят девять человек приходят сдаваться, внезапный мощный прилив, «Революция» уносит прошлое.

Для празднования Нового года ненасытные фиделисты готовят операцию-разведку на Ремедиос и Каибариен, два населенных пункта на расстоянии восьми километров. Город н рыбацкий поселок, насчитывающие боевой состав численностью

двести пятьдесят солдат. Впервые с начала наступления в провинции Лас-Виллас Че предпринимает атаку в разгар дня. С «отделением самоубийц» во главе гевариста разбивают противника в пух и прах. Едва позиция сдается, Вакерито и его люди спешат к следующей.

Все эти дни безумия, веры, самопожертвования, энергии, удвоенной перспективой победы, Че почти не спит. Он дремлет в «джипе», пьет кофе, забыв о своем мате. Ест на ходу — куски курицы, сосиски, лепешки, которые ему протягивают чужие руки. Итог почти невероятный: за десять дней фиделисты отобрали у сил Батисты двенадцать постов армии, сельскую гвардию и полицию в восьми городах и поселках, обратили в бегство полдюжины гарнизонов, взяли в плен более восьмисот человек и отбили более миллиона единиц оружия. В Гаване президент Батиста стремится спасти свое лицо, утверждая агентству *Юнайтед Пресс,* что он с этим покончит в Санта-Кларе…

Прежде чем броситься в историческое сражение за Санта-Клару, Че собирает свой штаб, чтобы точно знать, на сколько людей можно рассчитывать. И только затем скажет, как он это видит. Насчитывается триста шестьдесят четыре человека. «Отделение самоубийц» Вакери-то из шести человек вначале увеличилось в десять раз. Численный состав вражеских солдат превышает на четыре тысячи человек, считая первый экипаж бронепоезда.

Че знает, что от быстроты его действия будет зависеть исход боя, а отсюда — Революции. Чем быстрее разрешатся события, тем меньше Гавана будет иметь времени на отправку подмоги, и он сам больше сможет использовать поддержку народа. Он просит оставить его одного в небесно-голубой комнате отеля Пласетас, того же названия, что и город, и скребет макушку, прежде чем найти решение, как войти в Санта-Клару, избегая одновременно и танков и авиации. Че ставит задачу Нуньесу Хименесу, географу и шефу топографической службы повстанческой армии[23], найти необычный проход, так как не может быть и речи об использовании одной из трех основных дорог. После часов поисков с лупой Хименес обнаруживает дорогу. Она выходит из Валлиты, огибает город и заканчивается с другой стороны Санта-Клары, проходя за университетским городком, который будет служить гевари стам базой, прежде чем они смогут подойти к командному пункту в центре.

Немногим раньше полуночи 27 декабря отделение повстанческого отряда перегруппируется. В тот же самый момент силы Директората делают то же самое в Маникарагуа, в тридцати километрах к югу от Санта-Клары. Еще раз Че противопоставит

классицизму батистовской армии свою способность к адаптации, которая идет у него от герильи и о которой Фидель Кастро не устает повторять, что он художник.

Восьмая борется против частей, поддержанных бронетехникой, что не мешает обратить их в бегство. Раненые и убитые начинают заполнять госпитали и кладбища. Че расскажет:

«Я отчитал в Ремеди осе одного из наших людей, который заснул во время боя. Он мне ответил, что у него отобрали оружие, потому что выстрел произошел сам по себе. Я ответил ему с моей обычной сухостью: «Тебе остается только достать новое ружье!» Позднее в Санта-Кларе, когда я встретил раненых, один умирающий взял меня за руку и сказал: «Ты помнишь, команданте, в Ремедиосе ты отправил меня искать оружие, так мне это удалось…» Через несколько мгновений он испустил дух. Вот какой была наша повстанческая армия!»

В Гаване глас народа объявляет о приближении барбудос, о которых говорят все с большей настойчивостью, что они благородны, великодушны с пленными, что они их не мучают и никогда не приканчивают, тем более не покинувших соратника в бою.

С сигарой в зубах, в облаке дыма Че движется за рулем своего «джипа» в середине Восьмой колонны. Указывает дорогу авангарду Рохелио Асаведо, за которым следует незаметное «отделение самоубийц». 28-го в два часа утра авангард проникает на окраину Санта-Клары. Два головных «джипа» встречаются только с двумя молочными грузовиками, и колонна достигает университетского городка немногим более чем за четыре часа.

Но молочник, должно быть, предупредил лояльный отряд, и бой разгорается раньше. Все воспламеняется прежде чем забрезжит рассвет. Авиация спешит бомбардировать пригород, где были замечены барбудос. Все же решающий момент наступает: население возводит баррикады, таким образом подтверждая свою твердую волю бороться за Революцию.

Вечером 28-го Че извлекает уроки из этого первого дня. В обязательном порядке нужно избежать стычек с танками на открытом месте. Затем использовать тактическую пассивность лояльной армии, чтобы разделить ее силы и изолировать их так, чтобы потом наступать на них по отдельности. Баррикады, построенные из машин, мебели — все это хорошо, — создают столько же препятствий танкам, и столько же действенных очагов для партизан и барбудос.

29-го до рассвета тактика внедрения, проповедуемая Че, позволяет повстанцам выгодно рассредоточиться по всему городу, извлекая максимальную выгоду из сумерек. По этому поводу

команданте уточняет:

— Герильеро — это ночной боец. Ему нужно обладать всеми чувствами ночного существа…

29-е — ключевой день сражения. Наступающие не могут больше рассчитывать на эффект неожиданности, если армии Батисты удастся перегруппироваться и броситься в контратаку. Закон количества будет говорить в их пользу. Ни в коей мере Че не должен ослаблять напор.

Самолеты сменяют друг друга, не давая покоя баррикадам. Молодые, взрослые, старики бегут во все стороны. Потери тяжелые: на крышах много гражданских изрешечено пулями. Барбудос отчаянно бросают в бой последние силы; вражеские позиции сдаются одна за другой, нм не дается никакой передышки. Скоро Че может объявить по радио:

— Внимание! Здесь колонна № 8 «Сиро Редондо» повстанческой армии Движения 26 июля. Мы скоро объявим нашу программу Кубе и специально Лас-Вилласу. Штурм Санта-Клары закончится нашей победой.

Чтобы сбить с толку, штаб армии Батисты распространяет слух о смерти Эрнесто. На следующий день,

30 декабря, он сам с иронией опровергает эту новость по радио.

Приближается знаменитый железный монстр: эмиссары предупредили Че, что он направляется к Санта-Кларе. Наступил момент реализовать план, задуманный против него. Определено место, где рельсы должны быть подняты, барбудос используют для этого бульдозеры. Че расскажет:

«В этот день, 30 декабря, мы перерезали коммуникацию между центром Санта-Клары и бронепоездом. Видя себя окруженными на холмах Капиро, его пассажиры попытаются проскочить по рельсам. И со своим тяжелым грузом они попадут на разрушенную часть рельсов, что заставит сойти с них локомотив и несколько вагонов. Началась борьба, одна из самых яростных, в которой наши люди нападали на поезд с бутылками зажигательной смеси. Поезд, основательно защищенный, но предназначенный для борьбы на дистанции и против практически безоружного врага, наподобие колонизаторов с индейцами на североамериканском Западе. Окруженный людьми, подходящими совсем близко, чтобы бросить в него бутылки с зажигательной смесью, поезд превратился, благодаря бронированным пластинам, в печь для солдат. Скоро содержимое всех двадцати двух вагонов сдалось со своими пушками, противотанковыми автоматами и сказочным количеством боеприпасов в соотношении с тем, чем располагали мы».

Чисмосас, кубинское название зажигательной смеси, взяли верх над железным монстром, и с полным основанием.

Все это время в парке дель Кармен «отделение самоубийц» занимается провинциальной полицейской комендатурой, настоящим бункером. Бой чрезвычайной жестокости. В то время как другие барбудос продвигаются перебежками, согнувшись вдвое, чтобы как можно меньше подставляться под пули врага, Вакерито бросается вперед во весь свой прекрасный рост. Его сосед по атаке Тамайо кричит:

— Вакерито, ложись, тебя прострелят!

Не слыша больше выстрелов со стороны, куда тот исчез, Тамайо ползет к нему и находит его плавающим в луже крови, с расколотым черепом. Через несколько минут Че отдает честь капитану Роберто Родригесу Фернандесу, прозванному Вакерито, как самому отважному из своих людей:

— Нужно было бы сто человек, чтобы справиться с ним…

Люди из «отделения самоубийц» уходят на штурм со слезами, но и с удвоенной решимостью. Когда немного позднее один из них подходит к Че, чтобы подсказать ему, как освободиться от лейтенанта, которого только что взяли в плен, тот отвечает:

— Ты полагаешь, что мы похожи на них?

31 декабря в своей оливково-зеленой форме, грязной, порванной, со спутанной бородой и всклокоченными волосами, с рукой на перевязи, Эрнесто — доведенный до изнеможения солдат, но все еще на ногах, поддерживаемый своей страстью. Он командует, действует, поднимает дух одних, срывает свою необузданную горячность на других, он кажется неутомимым.

В этот последний день года — его, тридцатилетнего, приглашают вести переговоры с Рохасом, полковником провинциальной полиции. Две стороны не достигают соглашения, полковник возвращается в свое убежище, но, не видя проявления его частями энтузиазма вновь вступить в бой, он выбирает благоразумное решение: сдаться. Итак, бесконечная вереница более четырехсот человек в касках покидает место, бросает оружие перед менее чем ста тридцатью революционерами, в число которых попадают политические заключенные, освобожденные Асеведо.

Самолеты продолжают разрушать все в городе, пока пулеметы не заставляют их замолчать. В то же время, несмотря на существующую опасность, весь город ликует на улицах. Грандиозный фейерверк освещает ночь

31 декабря, переход из года надежды, каким был 1958 год, в год взятия власти, каким станет 1959 год.

1 января еще стреляют с десятого этажа Гранд-Отеля и

особенно вокруг казармы Леонсио Видаль, самой большой крепости центра страны, которая укрывает по меньшей мере тринадцать сотен солдат. Че делегирует капитанов Нуньеса Хименеса и Родригеса де ла Вега требовать сдачи гарнизона… Установлен радиоконтакт с Гаваной. Сбежавший на самолете в Сан-Доминго Батиста переложил ответственность на полковника Кантилло. Последний отвечает, что он не может согласиться с таким ультиматумом и «со своей стороны он осуществлял командование армией, следуя букве инструкций лидера Фиделя Кастро». Тотчас же извещенный Фидель разражается смехом; Кантилло присоединился сам, хотя от него ничего не требовали.

После того как исчезли последние островки сопротивления в городе, Че спешит в казарму и обрисовывает ситуацию в резких выражениях команданте Эрнандесу:

— Команданте, нет времени на разглагольствования. Или вы сдаетесь, или мы открываем огонь по всему, что движется. О перемирии вопрос не стоит, город уже в наших руках.

Он смотрит на часы и уточняет:

— В 12 часов 30 минут я бросаю на штурм все силы, которые сконцентрированы тут. Мы возьмем казарму и заплатим цену, необходимую для этого, но вы будете ответственны перед историей за пролитую кровь. Вы не можете знать, что есть опасность военной интервенции Соединенных Штатов на Кубу. Если это так, то преступление будет еще большим, так как вы будете обвинены в союзе с иностранным правительством. В этом случае у вас не останется никакого иного выхода, как только покончить с собой.

Команданте Эрнандес разворачивается и уходит обсудить положение со своими подчиненными. В полдень из казармы появились первые солдаты, освобождаются от оружия. Последний пункт сопротивления здания удержится до следующего дня, затем будет покончено со сражением в Санта-Кларе.

Для Революции год начинается прекрасно. Че читает стихи Гутиэреса:

«Не поют гимна победе в пасмурный день сражения».

Не сражаются ради удовольствия, не празднуют вокруг савана для жертв. Че, даже если он герилью превратил в искусство, воспринимает сражение только как вынужденное отступление, чтобы освободить угнетенного.

На улице он пожимает нескончаемое число рук в толпе, переполненной энтузиазмом. Действие не остается незамеченным Камило, который только что прибыл из Ягуахая, где вел сражение за Север.

— Я знаю, что сделаю после нашей победы, — хохочет он.

— Что?

— Я посажу тебя в клетку и провезу через всю страну, заставляя людей платить за право войти и посмотреть на тебя. Это сразу сделает меня богатым!

В грузовике, «джипе», автобусе, верхом на лошади, муле, пешком — Революция приближается к Гаване. Путь свободен сквозь толпу народа, который начинает постигать значение слова «свобода». Пока Че проводит второй день года в Санта-Кларе, создавая основы новой административной организации для всей провинции, он приказывает Камило продвинуться на Матансар и столицу. Последний проникает туда уже 2 января 1959 года в четыре часа пополудни. Сначала он занимается Колумбией — ансамбль казарм на западе города, насчитывающий около десяти тысяч солдат и укрывающий штаб армии генерала Табернилла. Перед пятьюстами человек плюс милицией и народом, который использует общую забастовку в пользу освободителей, чтобы прийти на помощь фиделистам, части деморализованы, к тому же Табернилла сбежал. Таким образом Камило овладевает Колумбией без единого выстрела. То же самое и с казармой в Манагуа, расположенной в дюжине километров на восток от города, две тысячи солдат которой сдаются в мгновение. Затем на рассвете 3-го наступает очередь Сан-Антонио де Лос Банос, штаб-квартиры воздушных сил, спустить флаг и сдаться с двумя тысячами человек.

— Когда армия увидела, что народ с нами, она поняла, что партия проиграна. Это нам позволило захватить их позиции без боя, — объясняет Бениньо.

По прибытии в Гавану с наступлением ночи 3-го Че обнимает Камило. Они победили. Единственные батистовцы, которые продолжают сражаться, — «тигры» полковника Масферрера, соединение, известное своей свирепостью, которые мучили и убивали. Их узнают по белым рубашкам. Делая засады, как фронтиреры, они провоцируют потери в отряде Движения 26 июля, но это не мешает пасть президентскому дворцу.

Несколькими часами позднее Че получает ключи от Кабаньи без единого выстрела. Хотя более тысячи солдат укрыты за вековыми стенами огромной крепости, где они могли бы выдержать осаду без конца. Другая тысяча была уже демобилизована.

Двадцать пять месяцев спустя после самоубийственной высадки с *Гранмы* весь остров Куба представляет собой фантастический уличный карнавал, начавшийся раньше времени, 2-го января.

Что касается Че, то он открывает Гавану, столицу, о которой

он столько слышал со времени своего обучения на революционера в Гватемале.

ЧАСТЬ V
ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Глава XXII
ГАВАНА

В двухстах километрах от Флориды, Гавана насчитывала в 1959 году один миллион жителей (сегодня почти вдвое больше, на одиннадцать миллионов кубинцев на всем острове). По плотности населения она представляла пятую часть страны.

После нападения на Дворец студентов Эчеваррии тут свирепствовали сильные репрессии, вызывая страх и доносы. Множились аресты без мотива и обыски; полиция Батисты мстила барбудос, уничтожая членов их семей.

Североамериканские туристы продолжали приезжать и играть в казино, присутствовать на пышных просмотрах Тропиканы, Капри или отеля Насиональ, где выступали Жозефина Беккер и Морис Шевалье. Песо в это время был наравне с долларом, при высадке не было необходимости обменивать. (Что облегчило побег многим богатым кубинцам, которых можно было увидеть уплывающими на своих яхтах в первые дни 1959 года.)

Казино принадлежали одному из руководителей мафии, Мейеру Лански, который делил добычу с Батистой. «Мерседес» был модным публичным домом на берегу моря, тогда как менее богатые посещали дома на улице Собак. Туристы не отказывали себе в роме, стоившем полтора доллара. В табачных киосках, в кофейнях — везде играли в болиту, национальную лотерею, победители которой имели право увидеть свое фото в одной из газет.

Галопировала безработица. Жилищный кризис был таким, что каждый оставался в семье, женившиеся дети жили у своих родителей. В то же время Гавана продолжает предлагать свои

обычные спектакли, блестящие и пестрые, с кофейнями на каждом углу, передвижными тележками, предлагающими яйца на блюде, жареные мини-бифштексы, хот-доги, или национальное блюдо — этих маленьких устриц, которых достают со дна стакана. На экранах с триумфом шел фильм Луи Малля «Любовники», в то время как любители литературы посещали Флоридиту, модный ресторан возле центрального парка. Здесь пили дайкири (белый ром с колотым льдом) в надежде встретить Хемингуэя. По улицам медленно проезжали огромные и сверкающие «шевроле», те же самые, которые еще ездят в девяностые годы. Самый шикарный отель Сарагосана соперничал по наплыву с Парижем, в то время как старый собор Бодегуитадель Медио привлекал интеллигентов авангарда.

С духами Гуэрлон и модельером Бессоном французская утонченность пропитывала прекрасное общество. У мужчин была в моде гуаберу, льняная рубашка с большими карманами, которую носили слегка накрахмаленной. Ча-ча-ча и мамбо увеселяли жизнь столицы; было хорошим тоном присутствовать на бегах лошадей и борзых, прежде чем отправиться в Хаи-Алаи, чтобы рукоплескать футболисту Пистону, и закончить около рулетки в казино.

Это было вчера…

В начале этого января 1959 года утонченные развлечения уступили место грандиозному народному веселью, которое прокатывается по острову как бесконечная дрожь. Повсюду уличные оркестры. Пьют, поют, любят: демографический рост следующего года подтвердит, насколько эти ночи были тропическими… Но дети, родившиеся от Революции, будут расти в достоинстве, будут есть, сколько захотят, и будут знать, что требует гигиена. До появления Восточного блока — но это уже другая история.

Че пожелал бы в эти мгновения снова стать Эрнесто Гевара, хотя бы для того, чтобы заключить в объятия Алейду. Но ему совершенно не оставляют времени. Окруженный своими барбудос, он летит из дома в дом, из одного посольства в другое, с пожатием рук и объятиями. Молодая француженка, дочь генерала Беше, присутствовавшая на одном вечере с фотографом Кордой и его женой Норной, замирает от волнения, когда Че дарит ей пулю из своего патронташа, которая и сегодня стоит у нее на столике у изголовья.

— Он был таким красивым, — вспоминает она. — Когда я его увидела, мое сердце забилось так сильно, что я больше не слышала музыки…

8 января, наподобие римлян, кубинский народ воздает

должное своему Цезарю — Фиделю Кастро, о котором злые языки говорят, что он выбрал себе военное имя Алехандро, как Александр Великий, чтобы быть сильнее, чем Батиста, который считал себя Наполеоном.

9-го новый Совет Министров объявляет Че кубинским гражданином. Он готов принять официальные обязанности, чтобы помочь стране, которая только что освободилась от ига тирании. В первое время он ставит перед собой задачу борьбы с вандализмом и наведения порядка. Он знает, что Соединенные Штаты не мешают деятельности правительства: сейчас кастровская Революция воспринимается Вашингтоном благосклонно, падение Батисты приветствуется с некоторой теплотой. Милтон Эйзенхауэр, брат президента, подталкивает к «принятию протокольно холодного отношения к латиноамериканским диктаторам» — фраза, напечатанная в *Ла Расон* по информации *Юнайтед Пресс.* Он намекает на Стресснера в Парагвае, на Самосу — в Сан-Доминго, где скрылся Батиста. Но у Америки есть дела поважнее: она еще в шоке от запуска «Лунника-1», который становится темой международной хроники.

Первые дни после победы Че занимается Революцией в бесконечных поездках между крепостью Кабанья и казармой Колумбия. Каждый день он там видит людей Батисты, задержанных и отданных под революционный трибунал. Он их зовет Лос Чиватос (доносчики). Спрошенный внезапно о его политических чаяниях, он отвечает:

«Это не верно, что у меня есть политические видения. Я придерживаюсь порядков временного правительства до момента, когда доктор Уррутия будет прочно восстановлен в своей должности».

В Кабанье, где ему предоставлены апартаменты полковника Батисты, он заметил чиновника с живым умом и правым направлением мыслей, который кажется ему достойным стать его секретарем, а на самом деле его доверенным лицом. Таким образом Манреса начинает жить в тени Че.

Эрнесто ходит по улицам и встречается с населением. Однажды подросток в оливково-зеленой одежде, с автоматом и нарукавной повязкой Движения 26 июля спрашивает его:

— Это правда, что ты возглавишь экспедицию, чтобы освободить Сан-Доминго и покончить с Трухильо?

Смеясь, он отвечает:

— Комарадо! Откуда ты это взял?

Зеленый герильеро не теряется:

— Все так говорят. Но, может быть, ты не освободитель?

— Я не освободитель. Освободителей не существует. Эти

люди сами себя освобождают.

В это время в Буэнос-Айресе семья Гевара готова соединиться со своим сыном, которого не видела шесть лет. Они простились с путешественником, а встретят героя. Эрнесто и Селия берут с собой двоих из четырех детей, Селию и Хуана Мартина. Из аэропорта Эсейса, где они в 1952 года встречали Эрнесто, они улетают в Гавану.

В аэропорту Ранчо Бойерос (ставшего Хосе Марти) Эрнесто-отец с трепетом целует землю. Че ждет свою семью в отеле Ильтон — теперь Гавана Либре — в военной форме, окруженный солдатами. Селия, матушка, исчезает в его объятиях. Гевара удивлены, видя повстанческих солдат так плохо одетыми, некоторые в совершенных лохмотьях. Крестьяне сами еще не совсем опомнились: их, которые никогда не выезжали со своих земель, приглашают везде, перед ними заискивают, им аплодируют.

Родители находят Эрнесто изменившимся. Безбородый раньше, молодой человек гордится своей бородой, огрубляющей его лицо. Он похудел, загорелое лицо придает ему хулиганистый вид и производит впечатление на его мать. Если родители Че никогда и не вступали в партию, им чужды, хотя об этом еще не говорили, левые взгляды, и они гордятся своим сыном революционером и также переживают за его будущее. Когда отец спрашивает сына, будет ли он снова заниматься медициной, Че застывает на мгновение, затем улыбается и отвечает:

— Медицина? Ну, старик, тебя зовут так же, как и меня, Эрнесто Гевара, в своем конструкторском бюро ты вешаешь вывеску с твоим именем, на которой пишешь: «доктор», и можешь убивать людей без какого-либо риска…

Затем становится серьезным:

— Медицина… я давно уже ее оставил. Теперь я боец, который занимается созданием правительства. Кем я стану? По правде говоря, я не знаю, где сложу кости.

Фраза, которая вызывает у отца глубокое смятение. Ну почему же этот сын такой непредсказуемый, такой сложный? Никогда Эрнесто Гевара-отец не забудет этих слов. Он напишет:

«В их содержании была загадка, которую столько людей будут хотеть разгадать, когда он исчезнет с Кубы и объявится борцом в далеких землях».

В другой раз, возвращаясь к профессии, отец спрашивает:

— Ты отправился по дорогам мира, ты шагал по ним шесть лет. Почему ты не возвращаешься в Аргентину?

Старик уже понимает, что его сын занят. Он признается своей жене:

— На его лице как будто написана чрезвычайная ответственность.

Старый Эрнесто понял Эрнесто молодого и написал: «Он сознавал свою непохожесть и превратился в человека, вера которого в победу своих идей сродни мистицизму».

Жена и дочь также прибывают в Гавану. Хотя его супружеские отношения с Ильдой закончились, Че регулярно видит маленькую Ильдиту. Ей три года, и у нее черные глаза, любопытные ко всему, что блестит.

В это время сдержанная Алейда отвечает журналисту из *Богемиа,* спрашивающего, не была ли она секретарем Че.

— Не могу отрицать, что я его секретарь, но я прежде всего боец. С ним я принимала участие в кампании Лас-Виллас и участвовала во всех сражениях, которые были. В этом случае я адъютант.

По мнению Че, структуры нового режима устанавливаются слишком медленно. Его не устраивает идея электорального календарного плана выдвижения доктора Уррутии на президентство. Из-за него возврат к старому в политике. Он беспокоит Кастро, напоминает Раулю, что при 35 % детей школьного возраста только 2,5 % из них учатся в начальной школе. Прекрасная жизнь не наступит сама по себе. Нужно спешить, чтобы не стало поздно и изменить экономические структуры.

Как будто чтобы подтвердить его довод, быстро организовавшиеся армейские банды, используя окружающую неясность, пытаются проявить силу. Среди революционеров, объединившихся, чтобы освободиться от Батисты, не все левые, некоторые откровенно правые. После водворения Уррутии, которое явно организовано, Фидель сам заметит, что это не тот человек. Уррутия защищает интересы латифундистов и крупного капитала, тогда как Кастро нужен кто-нибудь, кто думает как левые, который бы имел силу и престиж: он подумает об Освальдо Дортикосе Торадо, социалисте прочной окраски, выходце из портового города Сиенфуэгос. Он соберет руководителей правительства, а также своих близких — Рауля, Че, Камило, Альмейду, Рамиро… чтобы устранить уклониста. 17 июля утром он уйдет с поста премьер-министра, утверждая, что вновь встанет во главе повстанческой армии. Уррутия будет смещен и найдет пристанище в посольстве Мексики. В тот же день, 17 июля, Освальдо Дортикос заступит на президентство. Хосе Миро Кардон будет выдвинут на пост премьер-министра, но откажется. Забастовка в поддержку Фиделя будет организована организацией рабочих (на самом деле инспирирована

руководителями барбудос): 22 июля с десяти до одиннадцати часов Куба застынет, машины будут остановлены на улицах. Так народ подтвердит доверие Фиделю и попросит его вернуться: нужно, чтобы он вновь стал премьер-министром. Что и произойдет 26 июля — памятная дата шестой годовщины Монкады — во время его речи-реки, произнесенной на площади Революции перед огромной толпой, состоящей из крестьян в широкополых соломенных шляпах. С этого времени тандем Дортикос — Кастро сможет начать действовать и будет продолжать до 3 декабря 1976 года, когда Фидель станет Председателем Государственного Совета.

А пока он доверяет пост президента национального банка Фелипе Пасосу, а пламенному Режино Боти — министерство экономики. Но Че не верит в программу будущего правительства, которую находит слишком долгой.

— С этой программой, которая запланирована на два года, дети Сьерры успеют умереть от истощения. Напоминаю тебе, что я врач, и знаю, о чем говорю. У меня впечатление, что эти люди слишком долго ждут.

14 февраля семья Гевара возвращается в Буэнос-Айрес на борту корабля *Рейна дель Мар*. Через несколько дней Че вновь пригвожден к постели приступом астмы, он устал.

— Он не спит и читает, вместо того чтобы отдыхать, — сообщает Алейда врачам.

Так как отдых настоятельно необходим, он соглашается поправить здоровье на берегу моря в доме, выходящем на пляж, в Тарара, который ему предоставила Селия Санчес. Здесь 11 марта 1959 года он получает письмо от Альберто Гранадо из Венесуэлы. Альберто отпраздновал триумф барбудос в Буэнос-Айресе у Гевара, с Селией и друзьями, среди которых аргентинский журналист Рикардо Массетти, сделавший репортаж о Фиделе в Сьерре и вступивший в Аргентине в партизаны, чтобы защищать здесь идеи Че.

«Миаль, я не пригласил тебя с женой на мою новую родину, потому что думал отправиться с Фиделем в Венесуэлу. Мне не позволили дальнейшие дела. Я думал отправиться позднее, но болезнь заставляет меня лежать. Надеюсь выехать через месяц или около того. Я все время думаю о вас и рассчитываю, что вы мне посвятите десяток дней, чтобы мы могли разделить мате, несколько пирожков и тень дерева. Получи мое самое сильное объятие, какое позволит тебе твое здоровье знахаря, от такого же Че!»

У него не будет времени реализовать свой план: как только здоровье восстановится, Фидель доверит ему должность, которая

его полностью поглотит. Что же касается Фиделя, то он в апреле отправится в Соединенные Штаты. Без энтузиазма. «Страшная проблема нашей эпохи, — напишет он, — состоит в том, что мир должен выбирать между капитализмом, который морит голодом народ, и коммунизмом, который решает экономические проблемы, но уничтожает свободы. Капитализм жертвует человеком, коммунистическое государство, из-за тоталитарной концепции свободы, жертвует правами человека. Вот почему мы не согласны ни с тем, ни с другим. Наша революция — это самостоятельная кубинская Революция».

2 июня у Алейды и Че свадьба в узком кругу. Камило Сиенфуэгос и Эфихенио Амейхейрос, также с *Гранмы,* первыми расписываются в книге записей свидетелей. Так как зарплата у Че сто двадцать пять песо, то есть сто двадцать пять долларов, скажем, немного, организована складчина, чтобы помочь ему оплатить маленький праздник, который он дает по этому случаю. По окончании обеда Че увозит счастливую супругу в белом платье с вырезом и короткими рукавами, извлекшую свое колье из белого жемчуга, в короткий медовый месяц, который они проведут в Тарара. Туда их увозит черный «студебеккер», в котором их сопровождают Харри Виллегас и лейтенант Эрнандо Лопес, он тоже, как и дом, предоставлен Селией.

Даже если бы Эрнесто и не думал жениться на молодой женщине, он должен был это сделать, так как во время Революции сделал ее беременной. В подобных случаях Революция и новый закон обязывают пары жениться. Рауля Кастро и Вильму Эспин это тоже коснется, и они поженятся до появления дочки Деборы. Что касается Эрнесто и Алейды, то у них будет маленькая Алейдита, которую они будут называть Алиуча.

Но благодаря Революции у Че появляется жена раньше, чем у других. 12-го числа этого же месяца 1959 года, назначенный послом, он покидает Кубу. Его миссия: установить экономические отношения со многими странами планеты. Из каждой из них он будет отправлять почтовую карточку маленькой Ильдите.

Фидель требовал, чтобы кубинские представители за границей носили европейский костюм, но Че улетает в оливково-зеленой форме.

Че в его долгой межконтинентальной прогулке сопровождал Омар Фернандес, которому было тогда двадцать восемь лет и кого сейчас мы находим в Гаване, с лукавой улыбкой, прямым взглядом и все еще темной головой.

— Чаще всего он представлялся как кубинский вице-президент, чтобы придать больше веса своему визиту, — уточняет тот.

«В это путешествие он не взял с собой жену, так как она заняла бы место герильеро. В Каире, куда мы прибыли 16 июня, были убеждены, что она его сопровождает. Через иллюминаторы мы увидели много девушек с охапками цветов. Когда мы спускались, они подошли и, после того как нас приветствовал глава кабинета Насера, преподнесли свои букеты двум герильеро Эрмесу и Аргудину, думая, что один из них жена Че! Можно было ошибиться, глядя на этих ребят с длинными волосами и симпатичными физиономиями.»

История позабавила Че, как и Насера, который объясняет смущенным кубинцам, что в Египте мужчины носят короткие волосы.

— Руководитель государства был откровенно приветлив. Казалось, что у него нет секретов от нас. Великий мавр разрешил нам посетить советские подводные лодки, показал «миги», которые только что купил у Москвы. Он сделал так, чтобы ничего не пропустить. Мы занимали во дворце бывшего короля Фаруха две комнаты, огромные, роскошные, каких я никогда не видел. Настоящий дворец тысячи и одной ночи. С охранниками перед нашими дверями, завтраками, такими обильными, что это было настоящими пиршествами.

По вечерам Омар с молодыми людьми уходит, но Че не хочет ничего слышать и остается в своих апартаментах с книгой в руке или беседуя с кубинским математиком и экономистом Сальвадором Виласекой, посланным с миссией разведки. Однажды Че решает украдкой уйти от своих покровителей, чтобы увидеть египетский народ в бедных кварталах Каира. Хитрецы уходят по-английскя н смешиваются с кишащей толпой деловых арабов и женщин под вуалями. Че пробует завязать разговор на своем приблизительном английском, когда охрана Дворца прерывает его, удовлетворенная, что нашла наконец людей в зеленом. С помощью палки очистив место, — что шокирует Че, — ищейки Насера возвращают беглецов. Так как Че захвачен с ягненком в руках, в последующем кубинцы будут приговорены есть ягненка на каждом обеде…

18 июня Че объявлен в Газа «как великий освободитель угнетенных». Насер спрашивает у него, каково его видение революционного процесса в мире, дарит ему ручной пулемет, последний крик военной моды, в качестве прощального подарка, демонстрации искреннего чувства.

В Судане Че встречается с чиновником посольства Соединенных Штатов, который его спрашивает, не для продажи ли сахара он тут.

— Задайте вопрос вашим соотечественникам из ЦРУ, они так

хорошо информированы, что лучше меня скажут, что мы здесь делаем, — отвечает он.

Затем кубинцы улетают в Индию. 1 июля герильеро в берете со звездой принимает Джавахарлал Неру в белой пилотке.

— Неру не выносил кондиционированного воздуха, — вспоминает Омар. — Так мы увидели индийцев, которые создавали ветер при помощи пальмовых веток. Маленькая игра, она, правда, не нравилась Че, который интересовался особенно железными дорогами и созданной системой ирригации в стране. Очень внимательный, пока команданте говорил о борьбе за освобождение народов, Неру сделал скучное лицо, когда в конце обеда его спросили, не согласится ли он продать Кубе оружие. Че повторил свою фразу, убедившись, что его собеседник засыпает, и понял, что настаивать бесполезно.

Мы посетили Тадж-Махал и услышали прекрасную историю любви, имевшую там место, прежде чем отправиться в Калькутту, где ужасная нищета. Че удивлен фактом, что я более часа провел в банке: около окошка стояла корова, и поскольку она не уходила сама, все было блокировано!

Омар вспоминает комментарии Че об Индии:

Повсюду прогресс. Я его увидел в только что отрытых колодцах с зацементированными краями «для коллективного пользования». И еще другие новшества: техники аграрной реформы убеждают крестьянина заменить его обычное топливо, коровий навоз, на электричество. Маленькое изменение с большим эффектом, которое позволяет освободить большое количество экскрементов, чтобы сделать из него удобрение. С большим усердием женщины и дети собирают испражнения животных и складывают в пирамиды в несколько метров высотой.

Благодаря усилиям их правительства, крестьяне впредь смогут выращивать многое на своих полях. Понятно, что корова — святое животное; она работает в поле, дает молоко, ее навоз служит натуральным топливом, не существующим здесь в другом виде, а сегодня служит питанием земли, которая сама служит для питания людей. Понимаю религиозные принципы, запрещающие убивать такое животное, ведь единственный способ сохранить их жизнь — считать их святыми. Поголовье составляет сто восемьдесят миллионов голов, в два раза больше, чем в Соединенных Штатах.

И индийские правители оказались в безвыходном положении ужасного выбора, заставить религиозный и покорный своим заветам народ прекратить почитать святое животное».

После короткой остановки в Бирме 15 июля кубинская делегация принята в Японии, таком же острове, как и Куба. Че

зачарован умением его обитателей перерабатывать сырье из других стран. Почему бы не сделать и на Кубе так же?

— Че, — вспоминает Омар, — был под впечатлением от выработки стали, которая снабжает тяжелую промышленность. Мечтал внедрить это умение на Кубе. Он говорил: «Как и у них, у нас нет, так сказать, ничего — ни нефти, ни стали, ни угля. Они имеют рис, мы — сахарный тростник. Они берут от риса больше, чем мы от нашего сахарного тростника. Нужно будет применить наш мозг, чтобы идти вперед. Как сумели это сделать японцы, получив на свою голову бомбу в Хиросиме».

Назначенный министром торговли, он представлен президентам самых крупных фирм «Тойота» и «Сони». Когда он выражает желание сделать фото — он никогда не расстается со своим фотоаппаратом, — чемпионы фотографии почтительно это ему запрещают. Так же как ему запрещают исполнить самое для него дорогое желание — посетить Хиросиму. Ему предлагают гейшу, он отказывается. Упорствует. В конечном итоге обходится без разрешения. Ночной спальный поезд везет его с Омаром на берег Тихого океана в город, который потерял во время взрыва семьдесят пять тысяч жителей. Он посещает госпитали, близко интересуется кожными повреждениями раненых. Все же он преодолеет свое сомнение в момент отъезда: «Япония могла бы предоставить всю гамму своего промышленного богатства, так нам необходимого в эти моменты развития…»

Индонезия для него откровение. Сходство исторических и социальных траекторий архипелага и Кубы на самом деле удивительно. Здесь группа бородатых молодых людей в форме оливково-зеленого цвета получила независимость. Президент — доктор Сукарно, которому только сорок лет. Основная продукция Индонезии: сахарный тростник, чай, кофе, пальмовое масло, какао, каучук, олово. Что заставляет Сукарно сказать:

— Я не знаю, можно ли будет установить коммерческий обмен между нами ввиду того, что две страны производят одно и то же — сахар, кофе или табак.

И Че принимается мечтать:

— Скоро два наших народа подадут друг другу руки, так как мы победим наши проблемы внутреннего равновесия каждый со своей стороны планеты.

Из Индонезии кубинцы отправляются в Югославию, приземлившись 12 августа в Белграде. «Возможно, самая интересная из всех посещенных стран по развитию своей промышленности, исходя из плохих условий, по передовым позициям ее техники и по ее комплексным и интересным социальным отношениям», — определяет Че, который дает

Югославии следующее определение: «Нечто, окруженное семью странами с шестью республиками, пятью национальностями, четырьмя языками, тремя религиями, двумя типами письменности и представляющими одну нацию».

И далее: «Легко понять, что имеешь дело прежде всего с семью пограничными нациями. Федеративная Республика Югославия состоит из шести объединенных республик с единым центральным правительством, руководимым маршалом Тито. Эти шесть республик принадлежат пяти различным национальностям. Хотя различные исторические изменения создали эти национальности, они не точно соответствуют существующим сегодня геополитическим границам, и, естественно, большая задача по национальной унификации уменьшила антагонизм и выделила сходство. На территории используются четыре славянских языка, которые похожи, но не идентичны. Сосуществуют католическая, православная и мусульманская религии. Пишут на латинском алфавите, а также на кириллице, похожей на русский. Весь этот сложный механизм собирается в правительстве, о котором я уже говорил».

Анализ Че дает понять, как это, увы, подтвердится, что эта головоломка, какой является Югославия, держится только на личности одного человека, Иосифа Броз Тито. Маршал поражает Че. Прежде всего пройденным путем, который будоражит воображение духовного сына Боливера. Родившийся хорватом, он организовал борьбу против немецкой оккупации, в 1945 году стал руководителем правительства, порвал со Сталиным в 1948 году, выдвинувшись как лидер неприсоединившихся стран. Че не скрывал от своих компаньонов, что он спешит встретиться с этим человеком, который пытается построить самоуправляемый социализм. Омар вспоминает о встрече:

— Выше Че, ниже Фиделя, роста Насера, маршал принял нас очень запросто на острове Бриони на Адриатике. Рай для мужчин. Руководители партии имели здесь в своем распоряжении женщин — одна краше другой, всех типов и оттенков. Во время обеда, который был дан в честь нашей делегации, Че поспешил затеять разговор: «Мы, кубинцы, одни. Американцы организуют контрреволюции. Чтобы противостоять, мы нуждаемся в оружии». Призыв, который вызывает уклончивый ответ маршала: «Я не могу вам помочь. У меня только-только, чтобы позаботиться о своих собственных нуждах. Это, к несчастью, невозможно. Поверьте, я очень сожалею».

В самолете после их отбытия из Югославии Че узнает из английской газеты, что Тито только что продал оружие одной арабской стране! «Он побоялся предоставить его нам. Вот такой

нейтралитет», — замечает он своему министру транспорта.

Тем не менее югославский опыт был полезен. Добровольный труд, которым горожане оказывают помощь крестьянам, социалистическое распределение прибыли в лоне предпринимательского капитализма: столько уроков, которые Че считает благотворными. Кроме того, в его глазах югославы — единственные коммунисты, пользующиеся настоящей свободой суждений. Правда, ему не нравятся абстрактные картины на стенах музеев, которые он посетил. Хотя он предпочитает воздерживаться высказывать свое мнение о современной живописи, по той простой причине, что совсем ее не понимает.

В своих записных книжках Че сделает вывод о Тито: «Он произвел на нас впечатление по многим причинам. Во-первых, его огромная популярность. Во-вторых, простота человека из народа и дух братства. В-третьих, знание кубинского положения и опасностей, которые подстерегают нашу Революцию. Мы считаем, что должны широко развернуть нашу торговлю с молодой Федеративной Республикой Югославией».

Прежде чем прибыть в Пакистан, кубинцы едут на Цейлон. «Остров, который меньше Кубы по площади, но почти с девятью миллионами жителей. Тут царит сердечность, и премьер-министр Бандаранаике, стройный и нервный человек, одет по-индусски в длинное полотнище из белой ткани. Мы добились покупки тысячи тонн нашего сахара и договорились установить между нашими странами регулярные отношения».

20 августа последняя остановка в Карачи, где послов ждет генерал Айюб Хан, который, кажется, источает любовь к молодым революционерам. Че интересуется морским терминалом, могущим принимать до трех сотен рыболовецких судов, которые снабжают столицу. Торговые отношения между двумя странами будут основаны на продаже сахара кубинцами и на продаже шерсти, кожи и джута пакистанцами.

В Гавану он возвращается 8 сентября после трех месяцев путешествия, которое помогло ему убедиться, что в дипломатии слова и действия не всегда согласуются… Получить оружие, открыть рынки для своей страны — трудная задача. Он уже намечает отправиться к двум гигантам коммунистической системы — Советскому Союзу и Китаю.

Из этого путешествия он навсегда сохранит в памяти посещение Сикстинской капеллы во время остановки в Риме, между Югославией и Цейлоном. Он долго оставался неподвижным, лежа на скамейке, глядя зачарованно на потолок, разрисованный Микеланджело.

Глава XXIII
«ЕСТЬ ЛИ КОММУНИСТ В ЗАЛЕ?»

Че возвращается с массой новых знаний, чтобы применить их на службу Революции. Путешествие по третьему миру позволило ему понять, что социализм может принимать различные формы, и каждая страна приспосабливает его, следуя своим собственным нуждам. Этот идеологический урок он закрепляет с Кастро по возвращении. Разве не Тито каждый год урывает экономическую помощь Соединенных Штатов, а некоммунист Насер финансирует Ассуанскую плотину с помощью советских денег.

Зато по отношению к североамериканцам Эрнесто ужесточил свою позицию. Он пишет в своих мемуарах:

«Они нигде в Латинской Америке не позволяют существование социальной революции, которая бы развивалась на деле, а не на словах. Потому что революция угрожает финансовым интересам североамериканцев. Не только в стране, о которой идет речь — и в этом суть проблемы, — во всей Латинской Америке. Сегодня Соединенные Штаты обязывают Кубу во внешней политике уважать то, что принято называть «континентальной солидарностью». Переступить этот принцип соответствовало бы объявить войну. Принимается, когда афроазиатские страны называют себя «нейтральными», потому что предпочтительнее видеть их «в центре», чем определенно в оппозиционном лагере».

Политические схемы, которые наиболее удовлетворяют его и которые он считает самыми близкими кубинскому эксперименту, это Египет и Индонезия.

7 октября Кастро доверяет ему управление Национальным институтом аграрной реформы. В тот же вечер в Кабанье Че собирает членов своей администрации с целью наметить главные линии своего плана. Но наталкивается на стену: президент Национального банка Фелипе Пасос, медлительность которого его раздражает, приобрел привычку думать и действовать быстро; он рассчитывает сделать из своего нового инструмента, по собственному его выражению, «танк, рушащий барьеры латифундизма и феодальности». Пасос лавирует. Через несколько недель Эрнесто признается Фиделю:

— Я не могу работать с ним.

— Хорошо, мы предоставим ему отдых.

— И кем ты его заменишь?

— Тобой.

Другая версия этого молниеносного назначения будет циркулировать на острове позднее и станет знаменитой. Во время одного собрания со своими доверенными людьми 26 ноября Фидель спросил:

— Есть экономист в зале?

Поднялась одна рука Эрнесто.

— Хорошо, ты будешь президентом Национального банка.

Изумление Че — ему послышалось: есть ли коммунисты в зале?

Врач, военачальник, посол, аграрный реформатор, президент Национального банка — он делал все. И возвращаясь к своей долгой карьере, в речи, произнесенной перед сотрудниками своего департамента, он объясняет:

«Я хотел преуспевать, как все хотят преуспевать, я мечтал быть знаменитым исследователем, мечтал неустанно работать над тем, что могло бы в итоге послужить человечеству, но что представляло бы в то же время и для меня личную победу. Я был как все мы — продукт своего окружения.

Сдав экзамены, по причине личных обстоятельств, а возможно также моего характера, я начал путешествовать по Америке и узнал ее полностью. За исключением Гаити и Сан-Доминго. Тем или иным образом я посетил все американские страны. Благодаря условиям, в которых я путешествовал, сначала как студент, затем как врач, я близко столкнулся с нищетой, голодом, болезнями, невозможностью вылечить ребенка из-за отсутствия средств, с забитостью, к которой приводят голод и продолжительные наказания, до такой степени, что факт потери сына лишь незначительный эпизод для человека, как это часто случается среди обездоленных классов нашей американской родины. Я начал постигать, что существует что-то, возможно, даже более важное, чем стать известным исследователем или внести важный вклад в медицинскую науку, — это помогать людям.

Вы все встречали детей, посмотрев на которых, думаешь, что им восемь или девять лет, тогда как на самом деле им тринадцать или четырнадцать. Это настоящие дети Сьерра-Маэстры, дети нищеты и голода, дети недоедания. На маленькой Кубе с ее четырьмя или пятью телеканалами, с сотнями радиостанций, со всеми достижениями современной науки, когда эти дети в первый раз приходят из ночи в нашу школу и когда видят электрический свет, они говорят, что сегодня звезды низкие. Теперь в настоящих государственных школах они учат не только буквы алфавита, но обучаются профессии — а также трудной науке быть революционером».

Так как борьба не закончилась, и Революция насчитывает еще много врагов, так же как многие события кряду происходят с ней. Прежде всего в октябре 1959 года маленький самолет обстрелял жителей Гаваны, затем бомбардировка острова флотилией из Флориды, как и вторжение пиратского самолета. И наконец, в последние дни месяца, несчастный случай, сколь трагический, столь и загадочный — исчезновение Камило Сиенфуэгоса.

26 октября главнокомандующий со своей длинной бородой, в большой шляпе и несоизмеримым революционным рвением арестует Уберта Матоса, командующего провинцией Камагуэй. Последний обвинен в заговоре против левой ориентации, которую выбирает Революция[24]. На следующий день Пипер, который должен доставить Камило в Гавану, преследуется «касой», маленьким военным самолетом, который вылетел из аэропорта Игнасио Аграмонте. Час спустя «каса» приземляется на ту же посадочную полосу, чтобы заправиться. Капитан Варела, лейтенант Камило, почувствовав сильный запах пороха, устанавливают, что горят пулеметы, и хотят остановить пилота, но последний дает полный газ и улетает к американским берегам.

Три дня и три ночи Кастро и Гевара перетряхивают небо и землю. Фидель Кастро доходит до того, что просит помощи у Соединенных Штатов, над чем насмехается американская пресса. Следов Камило не найдут никогда. Более чем вероятно, что «каса» расстрелял его самолет и скрылся в бухте Глория на севере провинции Камагуэй. На побережье крестьяне Пунта Брава утверждали, что видели два самолета и слышали шум стрельбы.

1 ноября Фидель объявляет по радио об «окончательном исчезновении нашего великого команданте Ками-ло Сиенфуэгоса». С тех пор 28 октября кубинцы бросают цветы в море и во все водные потоки, чтобы почтить его память. Че будет долго оплакивать того, кто был ему братом.

«Камило был товарищем в ста сражениях. Он лицо кубинского народа. Я слышу, как он изголяется над врагом во время переправы Алегриа-дель-Пио. Он был повелителем нашего авангарда. Боролся с опасностью как с быком на корриде. Однажды он убил солдата вражеского авангарда и на лету подхватил его ружье, прежде чем то коснулось земли. Честность для него была как религия».

Сегодня Камило дважды является частью семьи Гевара: Алейда назвала своего сына Камило, так же как Ильдита дала имя друга отца своему второму ребенку.

26 ноября Совет Министров официально назначает Че президентом Национального банка. Один из самых волнующих моментов его жизни. Чтобы помочь ему выполнить миссию, он

призывает к себе того, кто был его спутником в его поездке в качестве посла, Сальвадора Виласека и предлагает ему пост администратора. Виласека вспоминает об этом:

— Вы шутите, команданте, — ответил ему я. — Как я могу быть администратором, я не знаю, так сказать, ничего о деятельности банка!

— Ну и что? Я тоже!

Так, с 12 июля 1960 года по февраль 1961 года Виласека помогает Эрнесто в Национальном банке.

В Гаване, в кабинете, где он заканчивает книгу в сорок четыре пункта размышлений о Че, сеньор администратор рассказывает:

«Во время путешествия по миру, в котором я его сопровождал, Че попросил меня дать ему уроки высшей математики. Я ответил ему: «Ясно, что дам, но прежде всего в каком состоянии ваша начальная математика?» По его недовольной гримасе я понял, нужно начинать с самого начала. Затем я забыл, убежденный, что он слишком занят. Однажды в сентябре 1959 года он попросил меня установить в его кабинете черную доску с мелом и тряпкой».

До июня 1964 года по два часа в день, в четверг и субботу, Че будет брать уроки математики.

— Он начал с изучения исчисления бесконечно малых величин, интегральных уравнений, а затем дифференциальные уравнения. Обучение было второй его натурой, как религиозное действо. Занятия заканчивались, из преподавателя я превращался в ученика, я слушал, как он философствует о проблемах страны. До того момента в начале 1964 года, когда я признался, что передал ему все свои знания, он попросил: «Перейдем к линейному программированию». Экономисту, которым он стал, это необходимо, чтобы идти дальше. Я прочитал кое-что по этому вопросу, но им не владел. Тогда Че предложил: «Хорошо, будем изучать вместе». Это мы и сделали. Во время октябрьского кризиса я продолжал давать ему уроки, всегда два раза в неделю, в Пинар дель Рио, где он располагался.

Уроки, которые Виласека дает Че, не единственные; верный своей педагогической страсти, Эрнесто тоже в свою очередь дает их. Каждый день с пятнадцати до восемнадцати часов четверо молодых барбудос, Арри Виллегас Тамайо, Дариэль Аларкон Рамирес, Карлос Куэло и Аргудин приходят продолжать начатое в Маэстре обучение чтению, письму, математике, истории, географии… Они по очереди читают ему газеты, таким образом проверяя свои способности, охраняют Че во время всех его передвижений по острову или за границей.

— Не забудьте ваши ручки и тетради, — повторяет он им

каждый раз. — Они так же важны, как пистолет.

Дариэль Аларкон сегодня вспоминает, с каким упорством он образовывал их:

— В понедельник он просил у нас ключ от машины и хранил его до субботы, дня экзамена. Так он был уверен, что мы не проведем время, бездельничая и флиртуя. «Для этого есть воскресенье», — повторял он. В то время у нас был Кристел Империал 1959 года, из последних импортных на острове, подарок Фиделя и Камило. Он стоил восемнадцать тысяч долларов. И нам нравилось кататься на нем.

Однажды он услышал наш разговор об Арри Виллегасе, по прозвищу Помбо. Более развитый, чем мы, он ходил в колледж и таким образом имел шанс прогуливать свои занятия, а не быть вынужденным приходить, как мы, в кабинет Че. Через минуту он спешит в колледж, чтобы у директора убедиться, что Помбо вовсе не усидчив. Он привел его к себе, на Пятидесятую авеню и Тридцать седьмую улицу в Мирамар, закрыл его в своем гараже, где приказал ему раздеться, так в кальсонах бедный Помбо провел неделю наказания, имея только право выйти, чтобы поработать в саду, занять свои руки, если учеба его не интересует.

Между уроками, которые он дает, и теми, которые получает, Эрнесто особенно привязан к своей работе экономиста. Отношения с миром международных финансов для него новый опыт.

— Я вспоминаю некоего Марча, — рассказывает Виласека. — Он был вице-президентом Американского банка и очень стремился встретиться с Че, президентом Национального банка. Эрнесто принял его в час ночи.

Можно представить себе лица ученых банкиров лондонского Сити, имеющих дипломы Гарварда, или Яле, на бирже Нью-Йорка, или крекинге японского финансового мира в Токио, когда они узнают о назначении герильеро на пост президента Национального банка. Однако на этот раз Че больше не на посту, «созданном для него, чтобы не быть забытым», как об этом говорили за кулисами. Фидель искал банкира-революционера. Филипе Пасос был уважаем в среде международных финансов, но у него не было ничего от убежденного левого.

Эрнесто будет подписывать «свои» билеты — «Че», достоинством в двадцать песо с изображением Камило Сиенфуэгоса, экземпляры первой серии которых продаются сегодня в Гаване по цене золота.

10 декабря для Че день ликования. Прежде чем передать крестьянам первые акты собственности, он объявляет:

— Сегодня я подписываю акт о кончине латифун-дизма. Никогда я не думал, что смогу с такой гордостью и удовлетворением поставить свою подпись под заключением о смерти пациента, которого я помогал лечить.

Че унаследовал заботу о кубинских деньгах в момент, когда усиливается давление Соединенных Штатов. Посол в Гаване Филипп В. Бунсал предупредил нового президента Освальдо Дортикоса и государственного министра Рауля Роа, что на Кубе существуют «решительные и согласованные усилия, направленные на уничтожение традиций дружбы между кубинским и североамериканским народами». Обвинения посла не прямо направлены на двух наиболее близких соратников Фиделя, его брата Рауля и Че, которые тем не менее не меняют свою линию поведения. Принимая во внимание коммерческий баланс за десять последних лет, Куба экспортировала на 133 миллиона долларов в социалистические страны и импортировала из них на 14 миллионов долларов, то есть благоприятное сальдо в 119 миллионов. В конце первого года Революции одна фраза возвращается как лейтмотив: «Сахар оплатит наши новые заводы». В этих условиях незачем обращать внимание на большие глаза дядюшки Сэма. Напротив, Че объявляет:

— Существование врага стимулирует революционную эйфорию, создает необходимые условия для реализации радикальных изменений.

Сардоническая ухмылка финансистов:

— Как можно доверить финансы страны врачу-герильеро?

Че отвечает им словами Генри Кабо Лоджа, который стал сенатором от республиканской партии: «За редким исключением деловые люди хуже других, когда они хотят заниматься вопросами политики».

Продолжая работу, Че наталкивается на результаты североамериканских инвестиций за последние пятнадцать лет. Из 700 миллионов долларов 550 вернулись в Соединенные Штаты, и только 150 реинвестированы на Кубе. Не нужно быть гением экономики, чтобы понять, в какую сторону склоняется баланс.

Не изменивший ничего в своем внешнем виде — оливково-зеленая форма герильеро и берет со звездой, — Че все больше диссонирует с фетровым миром международных отношений. Ему доставляет большое удовольствие осмеивать протокол. Когда он станет министром, одному журналисту, сказавшему об «удовлетворении, которое он должен испытывать, получая неисчислимые знаки восхищения», он ответит:

— Почести мне осточертели! — прямым текстом.

Поселившись с Алейдой в совсем простом доме, который он

делит с Патохо, Че пересаживается в «форд фалькон», машину, сильно отличающуюся от олдсмобилей других руководителей Революции. В свое бюро он прибывает в полдень и никогда не выходит оттуда раньше трех часов утра.

Если кубинцы самые гостеприимные на земле, у них есть один существенный недостаток — они безалаберны. Че, который столкнулся с этим в Сьерре и во время продвижения, выглядит образцом безмернбй пунктуальности. Он из Аргентины, самой европейской из всех латиноамериканских стран, отсюда у него это чувство точности.

Журналисты международной прессы толпятся у его двери, все очень заинтригованы авантюристами с *Гранмы.* Одному из них, говорящему о повышении цен в преддверии праздников Нового года, на которое жалуются в Гаване, он возражает:

— Это богатые жалуются, потому что они выбирают дорогие вещи, которые и на самом деле были обложены налогом. Бедные так не думают. Видите маленькие деревца в хижинах для новогодней ночи, на них фрукты, пироги, рубашки, даже молоко и хлеб. Все то, что эти люди не могли достать раньше для новогоднего праздника.

В начале 1960 года Че заканчивает труд «О войне герильи», объемистый и плотный, который посвящает Камило Сиенфуэгосу. В нем он излагает свои мысли о стратегии, тактике, выборе мест, о бое на вражеской территории. Так же как и о герилье — социальном реформаторе. Настоящий учебник восстания, который будет применен другими повстанцами: венесуэльскими, затем в 1963 году — в британской колонии Занзибар.

4 февраля в аэропорту Ранчо Бойерос он встречает вице-президента Советского Союза Анастаса Микояна.

5-го он вместе с ним будет председательствовать на открытии советской выставки науки, техники и культуры во Дворце. Во время обеда, данного в честь своего гостя, Че представляет своих соратников:

— Министр департамента сахара Орландо Боррего, вице-министр Энрике Олтуски, так-то, так-то… и, наконец, Тнрсо Саенс, представитель национальной буржуазии!

Саенс краснеет и не произносит ни слова.

— Я был один в костюме с галстуком, и, конечно, Че не прозевал, — рассказывает сегодня ученый в очках.

Он не хранит обиды на Эрнесто. Наоборот, не иссякают рассказы о нем:

— Мечтатель, который будущее делал настоящим. У него были свои планы о нефти, ядерной энергии, энергиях будущего. Че был сверхвосприимчивым. Он читал, чтобы узнать об

автоматизации и ядерной физике. Это был некто с плохими легкими, но необыкновенным вдохновением. Магнит: он притягивал, потому что был очень обаятельным.

Орландо Боррего, влившийся в Восьмую в конце наступления, который был одним из наиболее искренних и близких друзей Че, говорит:

— У него были сомнения в бойцовских качествах студентов. Он больше доверял крестьянам. В своей умственной деятельности он сохранил привычки герильи, он работал, особенно по ночам. Научный подход, теоретическая мысль и реалистическая форма: никакого вкуса к сенсации. Аккумулированную с детства огромную культуру он отдал на службу всем. Кем бы он ни был: герильеро, послом, шахматистом или министром экономики, он наделен большим стоицизмом и должен был контролировать себя, чтобы не впасть в донкихотство. Он обладает силой революционера, которая позволяет ему адаптировать свои идеи к нуждам момента. Но слишком его хвалить, открыть самое сокровенное — было бы против его скромности…

— И все же, — вновь говорит Боррего, — в этой экстраординарной личности, каких больше не может быть, скрывался простой человек, как мы все. Который забавлялся с детьми, обожал шутки, насмешки и не был сам на это жаден. Удивительный насмешник. Для него социализм был чрезвычайно серьезной авантюрой для развития сознания.

Энрике Олтуски сегодня настоящий экзегет произведений Че, был в то время очень активным революционером. Однажды, когда он жалуется, что нет фондов, чтобы купить оружие, Эрнесто ему отвечает:

— Итак, тебе остается только ограбить банк!

Ответ, который подаст идею бандитам Америки нападать на банки в масках, превратно полагая, что следуют советам Че.

Тот же Олтуски встречается однажды в лифте Министерства с Эрнесто и говорит ему о проблемах своего домашнего хозяйства, где не хватает некоторых продуктов питания. Он удостаивается такого ответа:

— Я не знаю, как ты их достаешь. У меня все хорошо.

Олтуски не складывает оружия:

— Конечно, если есть две книжки с талонами, это упрощает жизнь…

Че сносит это, не говоря ни слова. Через несколько дней оба революционера встречаются в том же самом лифте:

— Ты был прав, было две книжки, — бросает Че, выделяя «было», так как он попросил Алейду одну отдать.

Визит Микояна позволяет наметить главные линии торгового

обмена между Кубой и СССР на пять лет. Москвич обещает Че, что тот получит официальное приглашение посетить его страну.

4 марта 1960 года Че приезжает на причал и обнаруживает страшный ущерб, нанесенный саботажем, жертвой которого стал французский корабль *Кубр,* перевозивший бельгийское оружие: ручные пулеметы, предназначенные для армии, и пистолеты — для полиции.

«Удар ЦРУ», — считает Альберто Корда, который фотографировал для газеты *Революсьон.* Через два дня, 6-го, он поднимается по улице 23, около кладбища, где похоронены сто жертв взрыва, и увековечивает руководителей, сидящих на деревянной сцене, воздвигнутой для этого случая, — знаменитое фото Че в берете, которое обойдет весь свет.

— Там были братья Кастро, президент Освальдо Дортикос, единственный в гражданском, министры, затем дыра — и внезапно пустота заполняется лицом Че, горящий взгляд которого меня поверг в шок. Я нажал реф-лективно.

Привлеченные чистотой Кубинской революции, Симона де Бовуар и Жан-Поль Сартр прибывают в Гавану в неспокойном марте этого года с таким доверительным вопросом к Че в разгар беседы:

— В Париже я опрашивал многих кубинцев, не понимая, почему они отказывались мне сказать, реально или нет построить социализм на Кубе. Теперь я понимаю, почему они не могли мне ответить. Потому что оригинальность этой революции состоит именно в том, чтобы прийти на помощь к тем, кто лишен чего-то, не стремясь это определить с помощью подходящей идеологии.

Оставив писателя, творчество которого он знает, открывать остров с Симоной де Бовуар, чьи имя и личность приводят в восторг, Че раздумывает о наиболее эффективном способе поддержки экономики страны в случае, если отношения с великим соседом полностью прервутся. Зная, что квота импорта сахара, эталонное значение для кубинцев, может быть понижена с Завтрашнего дня, или даже ликвидирована, первое решение — о будущем экономическом союзе. Отсюда интерес к соглашению, подписанному с СССР. В мыслях Че уже выбрал свой лагерь давно: он на востоке. Надеясь, что русские будут способны купить то же количество сахара и за ту же цену… Это вопрос, который он себе задает. В любом случае Фидель, повторявший, что Кубинская революция была «как пальмы, оливково-зеленая, не коммунистическая и не капиталистическая», знает, что нельзя будет дольше использовать этот язык, так как тучи сгущаются над Флоридским проливом.

25 мая 1960 года Че отказывается поехать в Буэ-нос-Айрес,

чтобы присутствовать на праздновании 150-летней годовщины Революции 1810 года. Зато впервые группа барбудос шествует по Авениде дель Ли-бертадор с отрядами, направленными из других стран. Для аргентинской молодежи это почти как если бы Че был тут собственной персоной. Радостный взгляд Алексея Косыгина, руководителя советской делегации, стоящего рядом с аргентинским президентом Артуро Фрондиси. Че не поехал в Буэнос-Айрес, но Селия Гевара сама приехала в Гавану. Эрнесто повез ее на турнир рыбаков Эрнеста Хемингуэя, в котором принимал участие 16 мая.

В начале следующего месяца он занимается встречей новой советской делегации, которая приехала продолжить предыдущий визит. Затем 7-го он принимает министра внешней торговли Чехословакии, 8-го присутствует с Фиделем на спектакле, данном Комитетом китайско-кубинской дружбы. 12-го призывает рабочих увеличить производство вискозы, заявляя им, что сегодня больше, чем когда-либо, нуждаются в их усилии, чтобы их промышленность оставалась прибыльной на благо Родины.

24 июля, когда он был на своем уроке математики, его секретарь Манреса открывает дверь человеку маленького роста, который настаивает, чтобы его приняли. Манреса отвечает ему, что только президент Дортикос и Фидель могут прийти к Че без предварительной договоренности.

— Скажите ему просто, пришел Малыш.

В следующую минуту Фусер и Миаль бросаются в объятия друг к другу. После восьми лет разлуки Миаль, который станет исследователем в национальном центре кубинской агрономии, оставил студента медицины Эрнесто Гевару, а нашел президента Национального банка Кубы. Его сопровождает жена Делия, обаятельная венесуэлка. Во время встречи она роняет серьгу, которую Че поднимает, надевает и говорит, смеясь: «У тебя хороший вкус, Малыш».

В момент расставания — не на долгое время, так как семья Гранадо поселилась в Гаване, где они живут и сегодня, — Миаль задает вопрос, который у него на языке:

— С твоим шефом не произойдет того, что с Перо-ном, Бетанкуром, Фигуересом или Арбенсом, которые продались американцам и были низложены в критический момент?

Эрнесто берет Малыша за плечо и отвечает твердым голосом:

— С этим человеком стоит рискнуть.

Как и предвидели, правительство Эйзенхауэра понижает квоту импорта сахара, но не катастрофически, как боялись кубинцы. От этого остров не живет меньше в страхе вторжения, как минимум экономической блокады, и Рауль Кастро теперь с

визитом в Москве, с заданием получить от русских согласие на покупку сахара.

Че использует седьмую годовщину атаки Монкады, чтобы зажечь революционную веру в Сантьяго де Куба:

— Те, кто 26 июля пойдут в горы Маэстры, смогут увидеть там две вещи, совершенно неведомые до сих пор: армия работает с мотыгой и лопатой, в то время как ее друзья из милиции дефилируют с ружьями.

6 августа 1960 года Фидель Кастро национализирует североамериканские нефтяные компании: Москва обязалась на минимальную квоту сахарных закупок при непременном условии, что их собственная нефть будет перерабатываться на Кубе. Что равносильно занести дамоклов меч над головой «зеленого Каймана».

8 августа Че закрывает первый конгресс латиноамериканской молодежи в театре Бланкита де ла Гавана, заявляя:

— Если вы меня спрашиваете, является ли наша Революция коммунистической, то я ее определяю как марксистскую, наша Революция своими собственными методами открыла тропы, которые наметил Маркс. Со всей твердостью я говорю здесь теперь, что СССР, Китай, социалистические страны, все колониальные и полуколониальные народы, добившиеся свободы, наши друзья. Хотя есть в Латинской Америке правительства, советующие нам лизать руку, ударившую нас. Мы не можем объединиться в континентальном союзе с нашим великим рабовладельцем.

Отсюда вышел лозунг, который обойдет все университеты Латинской Америки: «Куба — да, янки — нет!». Что стоило Че оказаться с ярлыком «кубинского марксистского идеолога», приклеенного к нему международной прессой. Заголовки газет Севера пестрят: «Че — царь кубинской экономики». *Тайм* присуждает ему свою первую премию, его видят в черном берете со звездой под заголовком «Мозг Кастро». А в репортаже следующий анализ: «В то время как Ф-47 с североамериканскими пилотами на борту летали над Гватемалой, Гевара беспорядочно носился по городу, стремясь организовать сопротивление. Когда Арбенс, не сопротивляясь, сдался, оскорбленный идеализм Гевары и его страстное стремление к сражению, смешанное с ненавистью к Соединенным Штатам, трансформировались в смертельную ненависть…»

Когда Че взял на себя заботу о банке, он обнаружил, что золотой и долларовый запас страны перемещен в Соединенные Штаты, и он их перевел в Швейцарию. С того момента, как Кастро дал ему власть, Че принял три кардинальных решения: он порвал

все экономические связи с Западом и связал их с коммунистическим миром; он начал готовиться к войне, которую ждет со стороны Соединенных Штатов; он также дерзко начал распространять свое влияние на Латинскую Америку. При посредстве переговоров через «железный занавес» Че удалось заручиться обещанием более чем на сто миллионов долларов помощи, в основном в виде заводов, позволяющих производить то, что до сих пор импортировалось из Северной Америки (радио, фотоаппараты, кабель, электромоторы, электрооборудование). Он также организовал обмен: сахар, самый основной экспорт острова, на нефть, его самый основной импорт. Чтобы перерабатывать русскую сырую нефть, Че экспроприировал ведущие фабрики, принадлежавшие иностранным компаниям: Шель, Эссо и Тексако без возмещения убытков». Когда Соединенные Штаты резко отреагировали, прекратив импорт сахара, Че получил русский дивиденд: угрозу Хрущева послать ракеты на Соединенные Штаты, если они предпримут интервенцию на Кубу. Что позволяет Геваре называть Кубу: «Гордый остров посреди Карибского моря, защищенный ракетами самой крупной в истории военной державы. Где загорающие туристы и североамериканские деловые люди пьют дайкири у бассейнов и в отелях, в которых отдыхают крупные русские техники и невозмутимые красные китайцы».

Национализация нефтяных компаний, так же, как и принадлежащих Соединенным Штатам ценностей на острове, знаменует начало эскалации. Че подводит черту:

— Шестьдесят лет колонизации янки Кубы будет им стоить нескольких сот миллионов долларов. Это ровно столько, сколько они предложили испанцам в 1848 году, чтобы нас купить. С учетом курса инфляции им не на что жаловаться…

Сам *Тайм* заключает: «Фидель — сердце, душа, голос и бородатое лицо сегодняшней Кубы. Рауль Кастро — кулак, который держит кинжал Революции. Гевара — мозг. Он наиболее обаятельный и наиболее опасный член триумвирата. Зажигая улыбку, полную меланхолической нежности, которая вызывает замешательство женщин, Че ведет Кубу хладнокровно и расчетливо, с чрезвычайной компетенцией и чувством тонкого юмора».

Позиция кубинских руководителей полностью меняет отношение Вашингтона ко всем странам Латинской Америки. Эйзенхауэр отправляет в Буэнос-Айрес посла, облеченного властью оказывать экономическую помощь Аргентине, чтобы та не пошла по стопам Кубы. Эта программа помощи противниками Эйзенхауэра квалифицируется как «План Кастро», которые

выступают против него. Вплоть до президента Бразилии Хоселино Кубичека, который берет ручку, чтобы написать ему: «Ваше превосходительство, Вы очень хорошо знаете, что слова не значат ничего для народов дремлющих регионов, где жизнь — это серия жертвоприношений, спокойствия и смирения».

В Гаване Че встретился с Паулем Сьюци и Лео Губерманом, издателями североамериканского марксистского журнала *Монтли Ревю,* который опубликовал материал французского философа и экономиста Шарля Беттелайма, и он написал последнему, чтобы пригласить его приехать на Кубу. Директор высшей школы социальных наук с 1948 по 1983 год, Шарль Беттелайм выпустил книгу о советском планировании после своего визита в СССР в 1936 году. Книга уже тогда настаивала на отсутствии демократии в системе, которую он находит непроницаемой. Во время войны его брошюра «Немецкая экономика в период нацизма» продавалась из-под полы. С 1945 по 1951 год он руководил международным журналом, который служил трибуной марксистам всех стран. С 1953 по 1956 год он, по просьбе Неру, принимал участие в экономических разработках индийского правительства, и в 1962 году он опубликует «Независимую Индию». По совету Неру, Насер использует его знания с 1955 года. Затем Шарль Беттелайм отправляется в Мали, Гвинею, с 1958 по 1975 год — президент общества франко-китайской дружбы и будет работать с Чжоу Энлаем.

Когда Беттелайм прибывает на Кубу 2 сентября 1960 года, он обнаруживает, что деревянный язык, который в ходу в столицах Восточной Европы, не является таковым на Карибском острове. Интеллигент с искривленной стопой и живым взглядом наслаждается воздухом свободы, которым дышат на Кубе. Сначала он встречается с Режино Боти, премьер-министром финансов Революции, профессором экономики на факультете в Ориенте.

— Он ошибался, опираясь на чешских и русских экономистов. Я знаю слабость планирования в этих странах, — утверждает он сегодня.

Боти хотел, чтобы дальше прогрессировал размер повышения кубинской экономики. Однако последний уже достиг 6 % в год в 1959 и 1960 годах благодаря ударной политике, которая мобилизовала уже изношенные производительные силы и практически израсходовала возможности нового повышения.

— Кубинское правительство того времени не желало порывать с Соединенными Штатами, оно просто хотело отношений, базирующихся на обоюдном уважении. В 1960 году один факт все же меня шокировал: отсутствие какой-либо

народной организации, позволяющей демократическое выражение нужд населения.

Через несколько дней среди ночи за директором высшей школы приезжает машина, чтобы отвезти в бюро Че к министру экономики.

— Он принял меня в большой, хорошо освещенной комнате. Его лицо было одновременно улыбающимся и серьезным. Мы говорили по-французски. Он развивал тему прогрессивной радикализации Революции, исходящей из тесных отношений повстанческой армии с крестьянами, рабочими, а также из конфликта, противопоставляющего кубинский народ североамериканскому империализму. Оригинальность кубинского пути была таковой, что не существовало ничего подобного в произведениях Маркса в обозначении «законов», по которым кубинская революция смогла бы спонтанно образовываться. Че говорил о «народном» характере власти, о слабости Революции: отсутствие организации, то, что герильеро должны были освободиться от привычек, полученных в бою, нехватка технической информации. Над всем этим главенствовала огромная уверенность в будущем, уверенность, что слабости будут преодолены благодаря воле всех и народному единению вокруг Фиделя.

Ранним утром парижский интеллигент покидает аргентинца несколько озадаченный:

— У меня были сомнения по поводу пути, который брала Кубинская революция. Я не верю в марксистские законы, которые могли бы вести руководителей страны без того, чтобы они знали их с самого начала.

12 октября Беттелайм получает письмо от Че, предупреждающее, что как только последний будет проезжать через Париж, он не преминет дать ему знать и что он надеется, что гаванская беседа будет иметь продолжение. Продолжая экзаменовать экономику Индии, Беттелайм в 1960 и 1961 годах занимается кубинской экономикой. Он утверждает, что партия в свою очередь понемногу входит в русло деревянного языка и систематического создания ячеек.

— Если в период своего первого визита на Восток Че не стеснялся сравнивать себя с Алисой в Стране Чудес, он изменится… Он удовлетворен, и это понятно: советские люди обеспечивали рынок сбыта экспорту кубинского сахара и обещали кредиты, чтобы начать промышленное строительство.

Итак, Че пишет: «Подписанные контракты позволяют построить между 1961 и 1965 годами более ста заводов (текстильных, бумажных, консервных банок…). За пять лет

удвоится производство электроэнергии. Также будет возведен крупный металлургический комплекс, так же как заводы машиностроения…»

— У меня было впечатление, что он больше питался иллюзиями по поводу объема и качества помощи СССР и советских стран, — утверждает философ. — На деле строительство заводов будет идти намного медленнее, чем предполагается; например, потребуется более десяти лет, чтобы производство электроэнергии удвоилось. То, что я сказал Че, не погасило его энтузиазма. Несколько лет спустя он узнает, что СССР требовал оплачивать свои поставки по высокой цене, и то, что он поставлял, далеко не соответствовало его обещаниям.

Привлеченный развитием Кубинской революции, Беттелайм вернется в Гавану. Заранее он исследует проблему ее экономики и сообщит о своих выводах Че:

— Я выступаю за принцип самостоятельности и финансовой ответственности предприятий. Так избегают некоторых финансовых трудностей, которые подтачивают кубинскую монету. Я также выступаю за введение в действие системы заработной платы, которая стимулирует интерес рабочих к повышению производительности и улучшению качества…

Фразы, которые заставляют Че подскочить. Он не принимает, что в «социализированной» экономике прибыли, которые переходят от одного предприятия к другому, рассматриваются как товар, что они имеют цену и что эта цена может устанавливаться (или быть установленной) в условиях, позволяющих исчислять рентабельность. В его глазах согласиться с такой практикой равносильно было бы возврату к капитализму. Также, если он и допускает, что существуют различия в заработной плате в зависимости от квалификации, он против использования этих зарплат как средства, стимулирующего повышение производительности труда и качества продукции: «Это капиталистические стимулы, эти стимулы нужно заменить моральными стимулами, которые заставят родиться новому человеку».

— Мой опыт подтверждает, что расчет в первую очередь на моральные стимулы не дает для производительности значимого эффекта.

Начиная с 1963 года эти диалектические дуэли становятся публичными.

— Был год, когда Че признает, что его любование СССР ослабело. Его потрясает то, что страны Востока не выполнили должным образом свои обязательства. Так же он был потрясен формой управления советских предприятий. Она не соответствует

его идеалу, так как не является достаточно централизованной… Он остается глух к критике, которая поднимается в СССР, в Польше, Венгрии и Чехословакии, ирреализма централизаторских планов. Он отказывается признать, что централизация планов заканчивается созданием того, что поляк Бьенковский называет «экономикой луны». Для меня 1963 год отмечен началом настоящих разочарований, касающихся пути, по которому пошла Кубинская революция. Но я все же хотел в это верить, несмотря на увеличивающиеся трудности, вызванные политикой руководителей. Я формулировал контрпредложения и наталкивался на централизаторские убеждения Че.

В этом же самом, 1963, году Шарль Беттелайм ратует за финансовую самостоятельность предприятий, гибкость управления, позитивную роль «материальных стимулов», необходимое восстановление рентабельности производственных единиц. Что касается Че, то он твердо против материальных стимулов.

— У него не было догматического отношения, — все же говорит Беттелайм, — он всегда внимательно слушал предложения, даже если не был с ними согласен. Напротив, он был за борьбу против бюрократии, оставаясь приверженцем сильно централизованного планирования.

В № 32 журнала *Куба социалиста* в апреле 1964 года Беттелайм в статье «Формы и методы социалистического планирования и уровень развития производительных сил» подчеркивает, что полностью централизованное планирование — на которое Че хотел ориентировать Кубу — было невозможно, по причине недостаточности уровня развития производительных сил.

— В моих глазах уровень развития Кубы требовал, чтобы различные производственные единства официально пользовались бы достаточно большой самостоятельностью и ответственностью. Чтобы было признано, что они включаются в рыночные отношения и могут продавать и покупать свою продукцию по ценам, отражающим издержки производства. Так же я считал, что низкий уровень производительных сил предписывает использование принципа: каждому по его усилию. Больше работаю, больше оплачивают. Глубина расхождений в основном касалась этого пункта: соглашаясь с различиями, проистекающими от квалификации, но не от производительности. Чего я никогда не понимал.

28 сентября 1960 года Че присутствует на заявлении, сделанном премьер-министром Фиделем Кастро в президентском Дворце, о создании Комитетов защиты Революции. Они и сегодня

существуют и продолжают все запирать в стране.

Адепт-энтузиаст добровольного труда, Че делает из него квазисвятой акт Революции. Он служит примером, принимая участие в сборе сахарного тростника вместе Алейдой, Альбертом Гранадо или со своими сотрудниками банка — некоторые из них потихоньку бурчат о необходимости вставать на рассвете в воскресенье и резать сахарный тростник.

— Вы знаете, что представляет сахар для Кубы, шерсть — для Мексики, олово — для Боливии или медь — для Чили, а также кофе — для Бразилии. Все мы имеем одну общую деноминацию, мы — страны монопродукции, а также вторую общую деноминацию — страны монорынка. Как должны мы взяться за это, чтобы сделать разнообразными нашу внешнюю торговлю и наше внутреннее производство? Парламентским путем? Голосом оружия? Я не знаю, могу ли я точно ответить на эти вопросы. Что я могу вам сказать, так это то, что в кубинском положении под империалистическим давлением, а также под давлением марионеток, действовавших изнутри, мы не увидели другого выхода для народа, как голос оружия.

У кого спросить, постоянно говоря о технических соображениях, какой капитал необходим, чтобы начать аграрную реформу, мы сказали, никакой. Что единственным капиталом был вооруженный народ, уверенный в своих правах. С этим единственным капиталом на Кубе мы смогли реализовать нашу аграрную реформу. Расширить ее, пойти с ней вперед и выйти на путь индустриализации.

«Если братья дерутся между собой, — говорил Мартин Фьерро, — это значит, что другие их съедят. Империалист знает, что нужно разделять, чтобы властвовать. Не так ли он и нас разделил на страны-производители кофе, меди, нефти, олова, сахара, не так ли он нас разделил на страны, которые соперничают, чтобы отобрать рынки сбыта одни у других, постоянно понижая цены, и все это для того, чтобы иметь возможность как можно легче уничтожить нас по одному. Мы должны объединиться, все люди земли должны объединиться, чтобы добиться самого святого блага, свободы, экономического благосостояния, чувства отсутствия перед собой какой-либо неразрешимой проблемы и сознания, что, работая все дни с энтузиазмом и сознательно, мы достигнем нашей цели, и никто не свернет нас с пути.

Я горячо приветствую все делегации братских стран и особенно некоторые из них: делегации народов Соединенных Штатов, которые не надо смешивать с правительством США, делегацию народа, который не знает расовой ненависти, не

делает различия между людьми по цвету кожи, религии или экономическому положению. И я приветствую также горячо его противоположный полюс, которым является делегация Народной Республики Китая. А еще делегацию Алжира, который вписывает сейчас прекрасную страницу в Историю. Не забываю делегацию народа Франции, которая тоже не представляет свое правительство».

Глава XXIV
БУДДА ЗА ЗАНАВЕСОМ

2 октября Че отправляется вместе с братьями Кастро на прием в посольство Китая. Это период, когда он одновременно принимает министра экономики Объединенной Арабской Республики, подписывает соглашение между Кубой и Болгарией, встречается с президентом Гвинеи Секу Туре, прежде чем 22-го взлететь в новом окружении сопровождающих, среди которых капитан и отличный стрелок Даниэль Аларкон Рамирес — по прозвищу Бениньо, его военное имя в Боливии, — большой, коренастый, с острым взглядом. В дальнейшем он будет заботиться об Эрнесто, и, кроме прочего, он — один из учеников в его ежедневных уроках «наверстывания».

24-го в Праге Че отвечает на приветственную речь президента Антонина Новотны пламенной фразой:

— Успех Кубы послужит открытием для других народов, которые мощно войдут туда, чтобы осуществить путь, подобный нашему.

После участия в телепередаче 27-го, 31-го он начинает дискуссию с ведущими чиновниками, прибывшими в чешскую столицу встретиться с ним, о советской экономике и торговле. В интервью, данном корреспонденту *Дейли Уокер*, он утверждает, что военная база Гуантанамо[25] представляет опасность для Кубы. Затем отъезд в Москву, где 7 ноября он встречен овациями на Красной площади во время празднования 43-й годовщины Октябрьской революции. Затем все время в оливково-зеленой форме он присутствует на приеме в Кремле и обменивается простыми и откровенными словами с Никитой Хрущевым о необходимости помощи Кубе как экономической, так и военной. 11-го он будет беседовать с Анастасом Микояном во время обеда у своего посла, который является никем другим, как Шомоном.

17-го он покидает Москву, направляясь в Пекин. Кубинская пресса не колеблясь сообщает, что миллионы людей ждут его там, несмотря на табу, которое окружает Китай на Кубе в то время из-за напряженности между ним и СССР. Кастровская Гавана слишком связана с Москвой, чтобы на глазах у нее позволить себе галантные экивоки, как бы восхваляя то, что затрагивает его соседа, хотя бы тоже красного.

Однажды утром в час завтрака за команданте приходит машина. Он едет один. Дирекция запретного города — в частном крыле дворца Сонг Нан Хай, где у Мао апартаменты, в части,

называемой библиотекой. Эрнесто приглашают подождать в огромном салоне. 10 часов, когда большой красный занавес открывается, и пораженный Че видит с другой стороны стеклянной двери Мао, пьющего чай. Он приветствует Че медленным кивком головы, на который приглашенный отвечает таким же образом, затем занавес закрывается, как в театре. Че в свою очередь пьет чай с генералом, прежде чем вернуться к своим, кому он рассказывает о своем приключении.

Вечером после ужина он возвращается в запретный город. На этот раз он принят самим Мао, окруженным членами своего правительства, для беседы, которая длится более трех часов. Эти часы останутся среди самых сильных и самых знаменательных в его жизни. Престиж китайского лидера был всегда велик в его глазах: в Буэнос-Айресе, когда он писал в Такле, он делал «китайской» свою подпись, переделывая маленького поросенка Чанчо в Чанг-Чо. Он называл Ильдиту «моя маленькая Мао», и во время вторжения его отряд прозвали «Лос Мао-Мао», что не было для него неприятным.

Имеет место вторая встреча с Мао, Чжоу Эньаем, Лин Бяо, на которой с кубинской стороны присутствуют кроме Че Эктор Родригес, теперешний президент Национального банка, и команданте Эдди Суньоль. На ней говорят об оружии, о политических связях с СССР, о позиции Китая в Африке. Мао подтверждает, что он готов помочь борьбе Патриса Лумумбы в Конго, отправив ему оружие, и Эрнесто уйдет убежденный, что марксизм-ленинизм более правильно понимают в Китае, чем в СССР.

На обеде, который Мао дает для Че, третий и последний раз, когда он встречается с ним, Че испытывает сильное удивление. Появляется огромная личность, с куском ткани на торсе вместо одежды, держа на поводке маленькую обезьянку, прыгающую в разные стороны. Вдруг резким движением колосс хватает животное и мечом раскраивает ему голову, чтобы подать мозг почетному гостю. Традиция обязывает. Че выполняет все молча, но по возвращении в отель он скажет своим людям, с каким удовольствием он посчитался бы с Великим Китайцем. Зато ни слова о гастрономическом качестве местного деликатеса.

После поездки в глубь страны и визита в Шанхай, но из-за нехватки времени Че не посещает Великую стену, о чем он очень сожалеет, — 1 декабря он подписывает экономический договор. Затем отправляется в Пхеньян, где встречается с Ким Ир Сеном, Первым корейцем, и подписывает два договора, торговый и научный.

9-го он возвращается в Москву, чтобы вести экономические

переговоры в СССР, основное блюдо этого путешествия. 13-го он едет в Берлин, до того, как там была воздвигнута стена, и принят там министром внешней торговли. Возвращается в Москву, чтобы парафировать 20-го договор, по которому СССР купит 2 миллиона 700 тыс. тонн сахара в случае, если Соединенные Штаты осуществят свою угрозу не импортировать свою обычную квоту. 19-го — последняя встреча с Никитой Хрущевым и 23-го возвращение на Кубу, чтобы объявить, что Германия вложит десять миллионов долларов в нефтяные изыскания и остров продает сахар Корее и Вьетнаму.

Его экономические обязанности не могут заставить замолчать в нем теоретика. В это время он высказывает свои идеи о Кубинской революции:

«Говоря конкретно об этой Революции, мы должны подчеркнуть, что ее основные действующие лица не были теоретиками, но что они все же не игнорировали великие социальные феномены и содержание законов, которые ими управляют (…).

Когда нас спрашивают, марксисты мы или нет, наша позиция такая, какой она была бы у физика, если бы у него спросили, ньютоновец ли он, или у биолога — не пастеровец ли он. Есть истины, которые так прочны в сознании народов, что об этом нет необходимости спорить. Нужно быть марксистом с такой же естественностью, как ньютоновцем в физике или пастеровцем в биологии, полагая, что если новые факты определят новые концепции, тем не менее никогда не оставят в стороне прошлое. Таков, например, случай с эйнштейновской теорией относительности или даже с квантовой теорией Планка по отношению к открытиям Ньютона. Они не отнимают ничего у величия английского ученого. Благодаря Ньютону физика смогла развиться до достижения новых концепций пространства. Английский ученый был необходимым звеном.

Маркса-мыслителя, аналитика социальных доктрин и капиталистической системы, в которой он жил, можно обвинить в некоторых неточностях. Мы, латиноамериканцы, можем, например, быть не согласны с его интерпретацией Боливара или с анализом мексиканцев, который он дает с Энгельсом, основываясь на некоторых теориях о расе н национальности, сегодня неприемлемых. Но великие люди, которые открывают светлые истины, случается, тоже делают ошибки, которые только подтверждают, что ничто человеческое им не чуждо…

Заслуга Маркса в том, что он в истории социальной мысли быстро произвел качественное изменение. Он интерпретирует историю, понимая ее динамику, предвидя будущее, но в

добавление к предвидению там, где его научный долг должен был бы его остановить, он использует революционную концепцию: «Не нужно только объяснять природу, необходимо ее переделывать». Человек должен прекратить быть рабом или инструментом своей среды обитания, он должен превратиться в созидателя своей собственной судьбы. В этот момент Маркс начинает попадать в такое положение, когда он портит настроение всем тем, у кого есть собственный интерес удержать на месте прошлое. Как это произошло с Демосфеном, труды которого были сожжены самим Платоном и его учениками, идеологами афинской рабовладельческой аристократии.

Начиная с революционера Маркса, формируется политическое движение с конкретными идеями, которое опирается на гигантов, Маркса и Энгельса, и развивается последовательными этапами такими личностями, как Ленин, Мао Цзэдун, новые советские руководители, создавшие основу доктрин и пример для подражания. Кубинская революция взяла Маркса того периода, когда он оставляет науку, чтобы взяться за революционное оружие (…).

Мы, практики революции, просто следуя законам, предвиденным Марксом, и его путем сопротивления, начали бороться против старой структуры власти. Опираясь на народ, чтобы разрушить эту структуру, беря, как основу нашей борьбы, счастье народа, мы просто сообразовываемся с предвидением Маркса-ученого. Сказать это, значит еще раз подчеркнуть, что законы марксизма представлены в событиях кубинской Революции — вне зависимости от того, исповедуют или нет, знают или нет хорошо, с теоретической точки зрения, эти законы ее лидеры (…).

Люди, которые прибыли в Гавану после жаркой борьбы в Сьерре и на равнинах Ориенте, на равнинах Камагуэй и горах Эскамбрей, на равнинах и в горах Лас-Виллас, идеологически не те самые, которые высадились на пляжах Лас-Колорадас, кто вступил в действие с первых часов борьбы. Презрение к крестьянам превращается в любовь и уважение за их добродетель, полное незнание жизни в полях превратилось в полное знание нужд наших гуахиро. Заигрывание со статистикой и теорией уступило место решительному вступлению в практику».

24 февраля 1961 года в добавление к другим функциям Че получает портфель министра промышленности. В это время он поселяется с Алейдой в 772-м доме по Сорок седьмой авеню в Нуове-Ведадо, раньше буржуазном квартале, и сюда же он распоряжается перевезти библиотеку. Две тысячи книг, расставленных на пяти стеллажах, которые простираются по всей

длине стены. И, венчая ансамбль, — бюст Симона Боливара. Вверху находятся книги по марксистской философии, Ленин, Сталин, произведения по истории кубинской нации. Затем, ниже, Троцкий, Гароди («Свобода»), Мао и Китай, Кубинская революция прошлого века. Еще ниже политические персоналии и литература о Латинской Америке. Внизу книги по физике и математике соседствуют с Роменом Ролланом и французской поэзией Макса Поль-Фуше, биографией Магеллана, Эраума, Фуше, Людовика XIV и Боливара. Другие произведения сбоку от его стола около кресла из белой кожи: «Плохая участь Черной Африки» Рене Дюмона, «Сражение при Дьен Вьен Фа» Жюля Роя, «Советская номенклатура» Герберта Маркузе. Прямо на столе около бомбильи для мате объемистая книга поэзии Неруды с автографом соседствует с дорогим ему «Мартином Феро» Хосе Эрнандеса. Тут все разнообразие, все многочисленные грани Че.

В соседнем доме, который стоит на углу улиц Ко-нилл и Тулиран, и сегодня живет человек с птичьим профилем, Рафаэль Эрнандо, «Фело». Он входил в военный пост, установленный тут между 1961 и 1965 годами, чтобы обеспечивать ведение хозяйства Че, ему приходилось даже гулять с детьми.

«Я каждый месяц, — вспоминает он, — приходил в Министерство Армий за его зарплатой в четыреста сорок песо[26], которые отдавал Алейде. Будучи министром, он мог получать больше, но он отказался. После платы за квартиру сто песо, шестидесяти — за голубую импалу, которую он купил в кредит, за телефон — он часто звонил далеко, за свет, электричество, оставалось не так уж много Алейде для похода на базар. Че совсем не хотел под предлогом того, что он был распорядителем денег страны, иметь их больше, чем другие. Его гардероб был почти бедным, только несколько военных форм. Чтобы освободиться от подавленного состояния, он шел пострелять в тир и, возвращаясь, играл с детьми, прежде чем выйти со своими собаками Мураллой, огромным черным псом, помесью с немецкой овчаркой, и Сокорро, с которыми он иногда делил свой обед…»

В это время Вашингтон готовит нападение на маленького строптивого соседа, который действует ему на нервы. 15 апреля два бомбардировщика B-26 нападают на аэродромы Суидад Либертад и Сантьяго, чтобы совершить диверсию. 16-го Эрнесто обращается с речью к милиции провинций Пинар дель Рио и психологически готовит их к сражению.

На следующий день, 17-го, попытка высадки происходит не в Сантьяго на востоке, не в Пинар дель Рио на северо-западе, а прямо под брюхом Зеленого Каймана, не так далеко от его

головы, Гаваны. В Плая Ларга и в Плая Хирон в бухте Кошон высаживается отряд в полторы тысячи нападающих кубинской национальности, проамериканцев, решивших отобрать остров у Фиделя Кастро. Они прибывают с Майами, с островов Вик около Пуэрто-Рико, Пуэрто-Кабесас Никарагуа, есть также воздушно-десантные отряды, тоже из Пуэрто-Кабесас. Попытка, заранее подготовленная Эйзенхауэром и выполняемая новым президентом Джоном Кеннеди, проваливается. Они вязнут в топях морских берегов, и большая часть людей захвачена в плен.

Фидель предлагает хитрый торг: он вернет пленных, если американцы направят ему пятьсот больших гусеничных тракторов, чтобы выкорчевать кубинские джунгли. Американцы должны возместить убытки стране, на которую напали. Антикастровцы Флориды активизируются для создания Комитета тракторов для свободы, но Белый дом остается нем. Проходят месяцы, но не видно никакого решения. Комитет тракторов распущен, а пленные переведены в Кастильо дель Принсипе, крепость рядом с Гаваной.

Начнется процесс над 1190 продажными предателями своей Родины. Вердикт: все виновны и приговорены к тридцати годам тюрьмы. Или выкуп: в общей сложности 62 миллиона долларов, сумма такая весомая, что она подавляет пленных. При посредничестве Берты Барет-то адвокат Джеймс Б. Донаван — известный по участию в Нюрнбергском процессе — входит в контакт с Фиделем Кастро. Он заставляет его согласиться с идеей, что компенсация могла бы быть урегулирована в форме поставок продуктов питания и фармацевтической продукции, даже в долларах. В это вмешивается Роберт Кеннеди и в течение декабря над эгидой Красного Креста начинаются первые поставки фармацевтической продукции. 23 декабря 1961 года заключенные покидают свои застенки и отплывают маленькими группами в Соединенные Штаты. Под давлением Донавана Фидель разрешил выехать с Кубы семьям освободившихся пленных.

Во время нападения Че был в Пинар дель Рио, там, где произрастает в сером гумусе самый утонченный в мире табак. Он жил как пещерный человек, готовый отразить штурм, если он произойдет здесь, в пещере этих любопытных фаллических гор, рвущихся на штурм неба, около народного лагеря Лос Порталес в муниципалитете Ла-Пальма. Распространился слух, что он покончил с собой, выстрелив в голову.

Нет дыма без огня: споткнувшись в гроте, он оступился, пистолет упал и произошел выстрел. Пуля оцарапала ему щеку, задела ухо, оставив шрам.

Дело бухты Кошон урегулировано, Че оставляет свой

ненужный сторожевой пост, берет Миаля, проезжая через Гавану, и направляется в место, где находятся заключенные в более или менее импровизированных лагерях.

— Узнав его, — вспоминает Альберто, — один из руководителей гузано[27] обмочился от страха. Он считал его мертвым, и это он, который чуть не остался здесь в результате сердечного приступа. Был также кюре, спустившийся с неба вместе с парашютистами, который хотел понравиться иностранным журналистам, в частности, красивой француженке. Обращаясь к Че, он посчитал удобным сказать: «Если это надо, я могу резать тростник как доброволец». Че посмотрел на него холодным взглядом и сказал: «Нет! Здесь режут тростник друзья Революции, а не ее враги».

Повестка дня Че остается очень плотной. 8 мая 1961 года он помогает разгрузить сырье, прибывшее на судне. 9-го он произносит речь на проводах делегации Демократической Республики Вьетнам, и он обсуждает с советскими официальными лицами добычу никеля на Кубе. 12-го председательствует на обеде, данном югославской миссии, затем встреча делегации дружбы Китайской республики. 29-го вместе с Раулем Кастро отправляется в бухту Моа около Сантьяго, где добывают никель, и используют это, чтобы посетить Университет Ориенте. В июле он открывает электростанцию, построенную французскими инженерами на советские деньги.

При каждом удобном случае, когда он может, Че сам берется за дело, помогает рабочим носить мешки, с цементом или кофе, толкать вагонетки в шахтах. Он не довольствуется опробованием новых машин, он участвует в их создании, иногда даже в их изобретении. Пример — «его» машина резки сахарного тростника для повышения производительности. Он доходит до опробования сигар самых знаменитых фабрик, проверяя их тонкость с наслаждением, без притворства.

Его пристрастие к сигарам вызывает к жизни типичный для него анекдот: Антонио Нуньес Хименес, географ, который открыл боковую тропу, чтобы проникнуть в Санта-Клару, стал его сотрудником в министерстве промышленности. Однажды со своими коллегами он решил взять быка за рога. Че слишком много курит, подрывает свое здоровье, а оно так необходимо всем. Он начинает осаду:

— Че, ты не можешь продолжать так курить. Это опасно для твоей жизни.

Прижатый к стенке Эрнесто в конце концов признает:

— Согласен. Но, по крайней мере, позволь мне одну в день. Табак богов!

На следующий день он прибывает в министерство с сигарой в метр длиной…

24 июля он встречает Юрия Гагарина, первого человека, который три месяца назад совершил космический полет и теперь проездом на Кубе. Эрнесто задает ему массу вопросов и признается, что он мечтал бы тоже прогуляться среди звезд.

3 августа он отправляется в Уругвай председательствовать в кубинской делегации на конференции Латиноамериканского экономического совета. В Асотеа на гасиенде около Монтевидео, где он пьет мате дружбы с уругвайским президентом Эдуардом Виктором Аэдо, он готовит свои реплики. Полные сарказма по отношению к «северному» агрессору, а также ударные и принимающие образную форму, которая производит впечатление на другие делегации, включая североамериканскую. Сначала он опирается на Хосе Марти: «Народ, который покупает, просит народ, который продает, служить. Нужно создать равновесие в торговле, чтобы обеспечить свободу».

Организована встреча с послом Соединенных Штатов Ричардом Гудвином. Она происходит в резиденции посла Бразилии по экономическим вопросам в Монтевидео. Гудвин предваряет предложение: его страна могла бы дать Аргентине или Бразилии деньги, необходимые, чтобы заменить помощь, даваемую Кубе СССР, — что позволило бы сохранить остров в западном лагере. Предложение, сделанное сквозь зубы, не заставляет Че нахмуриться. Он довольствуется тем, что отмечает это.

16 августа 1961 года, в день, когда возводится Берлинская стена, в холодное послеобеденное время в Монтевидео Че наносит удар правдой без прикрас.

При курсе увеличения в 2,5 % на жителя понадобилось бы примерно сто лет, чтобы достичь социального уровня Соединенных Штатов. И посчитав, что процессы развития индустриальных стран в так называемых развивающихся будут сохраняться в том же соотношении, развивающиеся страны должны будут ждать пятьсот лет, чтобы достичь для повышения на душу населения в развитых странах.

После возобновления старых распрей между Комио-сией по экономике ООН и Международным валютным фондом, Че приглашен приехать в Буэнос-Айрес. На этот раз без Буэна-Виктория, как кубинцы называют Гудвина. Президент Аргентины Фрондиси, который не придерживается того, чтобы его народ знал о приезде Че, поставил три условия: прежде всего чтобы встреча была организована дипломатическим путем, затем, чтобы он формально испросил визу и чтобы этот вояж держался в

секрете. Все будет сделано так, что благодаря смене курса в последний час Че избежит авиакатастрофы, которая уничтожила бы кубинскую делегацию во время возвращения.

Всегда в оливково-зеленом, Че соглашается влезть в шкуру настоящего политика. Он пересекает пригороды города, который сделал его врачом, находя здесь картины прошлого. В резиденции Оливос аргентинский президент и Че за каждым словом называют друг друга «доктор». Фрондиси считает, совсем как его сосед и бразильский психолог Ханио Квадрос, что его страна имеет определенный интерес служить посредником между Соединенными Штатами и Кубой, как организовано Гудвином, просто потому, что крохи, которые останутся на полях сделок, могут быть многочисленны. Че не сможет больше обращаться к Фрондиси, которого он рассматривает как марионетку, так же как и Ханио Квад-роса. У обоих есть четкие резоны желать удержать Кубу в лагере Соединенных Штатов.

Че не повезет с президентами самых крупных стран Южной Америки: они станут жертвами военных путчей и будут замещены через неделю после встречи с ним!

Как только Эрнесто ступает на землю Гаваны, он узнает о снижении производства сахара, что приводит его в плохое расположение духа и заставляет бросить клич крестьянам, чтобы они срезали весь сахарный тростник, какой могут, вне зависимости от зрелости и роста. Чтобы в год, когда Куба меняет партнера, урожай был как нельзя более обильный. Это позволит достичь самой высокой цифры производства сахарного тростника на острове: 6 миллионов 800 тысяч тонн.

Изменение партнера утверждается: 2 декабря 1961 года, через пять лет после высадки с *Гранмы,* Фидель Кастро официально определяет Кубинскую революцию как марксистско-ленинскую. Со своей стороны Советский Союз начал подтверждать свой внутренний поворот, отказавшись от сталинской политики, чтобы переориентироваться на XX съезде. Более того, Хрущев впервые только что открыто накинулся на Мао.

Во всяком случае ответ президентам Аргентины и Бразилии, а следовательно, и Белому дому, дан — Куба решительно рвет связи континентального единства. Теперь она напрямую связана с Москвой по телефону. Исключение Кубы из Организации Американских Государств является первой сенсацией 1962 года. Габриэль Робин из французского Института международных отношений вспоминает:

«В январе 1962 года Организация Американских Государств собралась в Пунта дель Эсте (Уругвай) — недовольная исключением Кубы из своих рангов, она осудила «вмешательство

советско-китайского блока в Западное полушарие» и потребовала от государств-членов все предпринять, чтобы нейтрализовать очаг заражения. Разумеется, намеренное умолчание Мексики и Бразилии помешали немедленной выработке коллективных санкций.

С начала февраля правительство Соединенных Штатов объявляет эмбарго на все товары с Кубы, и через полтора месяца оно распространяет его на все кубинские товары, поступающие через третьи страны; одновременно оно все более настойчиво побуждает своих европейских и латиноамериканских союзников присоединиться к этому полублоку. Параллельно рвут свои отношения с Кубой Аргентина, затем Уругвай».

2 марта холодная война между Соединенными Штатами и островом начинается становиться горячей. Кеннеди объявляет о своем намерении запретить весь импорт с Кубы, и 11-го блокирует продажи сельскохозяйственной продукции своему дерзкому соседу. Введенный в заблуждение своим Конгрессом, молодой президент чувствует себя обязанным показать, что у него крепкая хватка и что он не даст унизиться Соединенным Штатам.

Механизация выращивания сахарного тростника становится важнейшей для Че. Решено создать машины по модели Континуа, которая была снята во Флориде в 1959 году. Это не малая работа. Разобрав на части старый «Горнтон», который не действовал более десятка лет, удается собрать два орудия, которые в апреле 1962 года установлены на тракторы и позволили резчикам тростника войти в новую эру.

Че использует это, чтобы подтвердить рабочим:

— На нашем маленьком острове, в тот самый момент, когда перед нами стоит гигантская задача бороться против империализма, когда мы должны быть примером для всей Америки и вести борьбу на смерть, в которой мы не можем опускать руки, мы должны идти вперед и в технологической области.

Альфредо Менендес, директор Общества по улучшению производства сахарного тростника, занимавшийся по поручению Че механизацией выращивания сахарного тростника, рассказывает:

— Че очень хотел войти в рабочую команду этого огромного сахарного комплекса. Он добился положительных результатов в управлении первой машины, признал свои ошибки и занялся их исправлением. Он приложил усилия пробудить интерес у наших политических руководителей, администраторов, профсоюзов и рабочих к механизации. Очень важно иметь тысячу резальных машин, настаивал он. Это значит, что тысяча человек подумают и

поищут решения. Благодаря своим усилиям они также поймут срочную необходимость механизации резки и сборки сахарного тростника.

В июне 1962 года, используя посещение рудников Моа, Че проезжает до Сантьяго, где Миаль открыл школу общей медицины. Эрнесто без большого энтузиазма воспринял проект своего друга, когда тот ввел его в курс дела:

— Ты не в Гаване, не так ли!

Но Альберто умел задеть его за живое, напоминая о том полезном, что почерпнули дети Маэстры из той медицинской школы. И теперь, когда он видит, что сотворил Миаль, он в восхищении снимает перед ним… берет.

В июле антикастровцы, спасшиеся в Майами, оказывают давление на американское правительство: правда ли, как говорят, что советские устанавливают ракетную базу на Кубе? В конце августа Че отправляется в Москву, где проходят переговоры об экономических обменах. 31-го он приезжает в Ялту, на Черном море, ест икру и встречается с Хрущевым. 3 сентября коммюнике сообщает содержание договора, подписанного двумя персонами: он затрагивает технические, сельскохозяйственные, гидроэлектротехнические, металлургические, а также военные вопросы.

На Кубу Че возвращается 7 сентября, где занимается бесконечными переездами между своим министерским кабинетом и военной базой Пинар дель Рио. 8 октября на сессии Организации Объединенных Наций кубинский президент Дортикос бросает:

— Мы хотим предостеречь от какой бы то ни было ошибки: агрессия против Кубы могла бы, к нашему великому сожалению и против нашего желания, дать сигнал к новой мировой войне.

Президент молодой Алжирской республики Ахмед Бен Белла, который скоро приедет в Гавану, чтобы встретиться с кубинскими руководителями, и который станет личным другом Че, имеет встречу с Кеннеди. На прямой вопрос, который он ему ставит: «Пойдете вы на конфронтацию с Кубой?». Американский президент отвечает: «Нет, если не будет советских ракет, в противном случае — да».

В начале октября Че произносит в Гаване речь перед организацией молодежи: «Долг каждого молодого коммуниста быть главным образом гуманным, до такой степени гуманным, чтобы приблизиться к лучшему в человеке; очищать лучшее в человеке работой, учебой, упражнениями в постоянной солидарности с народом и со всеми народами мира; развивать чувство, чтобы ощутить тревогу, когда где-нибудь в мире убивают

человека, и быть взволнованным, когда где-либо поднимается новое знамя свободы».

16 октября американский сверхзвуковой самолет У-2 обнаруживает ракетные батареи на западной оконечности Кубы и делает фотосъемку. Проанализировав их, Пентагон заключает, что ракеты способны достичь севера Соединенных Штатов.

Глава XXV
МЕЖДУ ДВУХ БЛОКОВ

Железная рука вклинилась между Кеннеди и Хрущевым. Это можно было бы изложить в одной фразе, которую на Востоке очень боятся произнести: «Ты убираешь свои ракеты из Турции, а я свои с Кубы».

Кеннеди пытается больше узнать о своем визави. Опростоволосились в бухте Кошон, оставили перья на вершине Вьенн, не хватало только, чтобы Орел янки снова опустил голову. Антиамериканский сдвиг, при котором присутствуют, раздражает Вашингтон, но больше всего в мире ощетинивает Белый дом и еще больше Пентагон, конечно, Куба, этот комар в девяносто раз меньше своего северного соседа и все же готовый его уколоть.

22 октября перед американскими телекамерами Кеннеди объявляет о кризисе. Мир с удивлением обнаруживает экстремальность ситуации, самое худшее, что испытали с конца второй мировой войны. Развязывается страшная обманная партия в покер. Кеннеди склоняется к тому, что его противник блефует, стремится просто обозначить начало в холодной войне. На что решиться? Блокада или бомбардировка? В контрпартии ослабить базу в Гуантанамо, убрать «юпитеры», нацеленные на Москву из Турции, так же как те, что размещены в Италии?

Кеннеди отклоняет решение «бомбардировки», которое восстановило бы весь мир против него. К тому же можно заменить словом «карантин» слово «блокада». С понедельника 22-го до ночи 28-го партия возобновляется с удачными ходами для обоих лагерей, шесть дней, в течение которых мир затаил дыхание. Русский лагерь подчеркивает, что его противник глумится над суверенитетом Кубы, создавая блокаду, которую скрывают под другим названием. «И если завтра, в открытом море, советские корабли откажутся быть осмотренными?» — со страхом спрашивает Американец. 24-го в 10 часов 30 минут судна с красными флагами останавливаются. Кеннеди победил? Нет еще. Хрущев выступает против вывода ракет с кубинской территории, пока не будет сделано то же с «юпитерами» в Турции. И в первую очередь, «бойкот» должен быть снят с обещанием не нападать на Кубу. Потребуется пять месяцев, чтобы этот торг, прошедший между двумя «К», был бы реально применен на территории.

С отступлением, кажется, что Куба спасена Берлином. В тот же момент протягивается еще одна железная рука. Хрущев

поместил ракеты со своей стороны стены, а также обнаружил, что Соединенные Штаты вышли вперед в гонке по ядерному оружию и что все более явственной становится перспектива дотирования бундесвера. Взвесил ли он все, прежде чем прийти к глобальному решению, но с этого момента ситуация могла бы быть оценена таким образом: «Не будет ядерного оружия с другой стороны, это поможет, и мы уберем ракеты с Кубы». В противоположность, без берлинской угрозы Кеннеди, возможно, покарал бы своего строптивого соседа. Так, Куба стала детонатором и ставкой в большой игре, которая могла бы привести к планетарной катастрофе — и никто не спросил мнения у основного заинтересованного. Кастро мог только проявлять нетерпение в течение недели, когда глаза всего мира были прикованы к его острову.

Че тоже из-за всего этого спрашивал себя, каковы же эти русские как союзники. Ему не могло быть по вкусу положение бессильного и молчаливого заложника, — всегда хозяину своих действий. Разумеется, он ые меняет мнения в отношении Соединенных Штатов, но начинает думать, что новый партнер, выбранный Кубой, может стать тоже властным в своем роде.

На острове строят противоатомные убежища в предвидении вторжения, которое руководители считают возможным. В ожидании экономическая жизнь не теряет своих прав. Поворот, предпринятый Кубой, заставляет Че искать новые формулы, чтобы стимулировать сахарное производство. Он закрывает в театре Чапли (сегодня театр Карла Маркса) Конгресс рабочих сахарного производства словами, в которых сквозила тревога:

— Урожай 1963 года будет трудным из-за нехватки рук на тростниковых полях.

В прошлом марте он неявно признал, что был неправ, слишком делая ставку на быструю индустриализацию в ущерб сельскому хозяйству. Он признается французскому журналисту Жану Даниэлю:

— В основном, наши трудности — последствия наших ошибок. И они многочисленны. Ошибка, которая нанесла нам наибольший ущерб, была недопроизводство сахарного тростника.

В конце января 1963 года он вызывает панику, объявляя о своем приезде на поля Централи Сиро Редондо в Мороне. Волнение на пределе, когда, сопровождаемый фотографом Кордой, он карабкается по рядам сахарного тростника с толпой ребятишек по пятам и, как обычно, проверяет, все ли получают одинаковый паек.

4 февраля, первый день труда, он ведет первые режущие тростник машины, полностью кубинские. Он появился утром в

поле так рано, что нужно было ждать пока солнце не поднимется, чтобы приняться за работу.

— Никто не мог его остановить, — вспоминает Хуан Хименес, один из «дровосеков», как Эрнесто называл резчиков тонких стеблей. — Я вспоминаю, как однажды подожгли поля сахарного тростника, и тотчас команданте решил идти срезать горящий тростник, чтобы проверить работу машин на месте. Мы, кто работал рядом с ним, попробовали его отговорить, так как в этот день он уже очень устал и пыль горящего тростника могла вызвать у него новые приступы астмы. Ничего не поделаешь, пришлось следовать за ним, он изнурял нас работой. У этого человека была не пара рук, а четыре. Много раз с другими группами он работал до рассвета.

Херонимо Альварес Батиста, один из руководителей резчиков, рассказывает:

— Когда однажды Че спросили, какова была производительность его машины в течение прошедших двенадцати часов, он ответил: «Сто пятнадцать тонн и одна нога». Газета *Революсьон* воспроизвела информацию такой, какой она была, не давая разъяснений. Когда Че увидел номер, он разразился смехом: упомянутая нога была шуткой, речь шла о ноге руководителя его бригады, который был легко ранен лезвием…

Че, который так любит чистый воздух полей, увлечен бюрократией, являясь одним из ее служителей в качестве министра. Позднее он напишет, возвращаясь к этому периоду:

«Начало нашего революционного государства, так же как все первые этапы нашего правительственного правления, оставались сильно пропитаны тактикой, вышедшей из герильи (…).

Административные герильи пронизывали весь сложный аппарат общества, постоянно сталкивались, приказы и контрприказы следовали один за другим, с различным толкованием законов, которые в некоторых случаях входили в противоречие с предписываемым в лоне организмов, в пренебрежении к центральному управленческому аппарату (…).

Как противоядие мы начали организовывать сильные бюрократические аппараты, которые характеризуют первый созидательный период нашего социалистического государства, но расхождение было слишком большим, и любая категория организмов, среди которых и министерство промышленности, начинала политику централизации действий, чрезвычайно сдерживая инициативу администраторов».

С начала июня 1963 года Че начинает летать. Сначала в Чехословакию, где принят премьер-министром Вильямом

Широки. 3-го он в Алжире, где его ждет Бен Белла на празднествах, отмечающих первую годовщину независимости. Он посещает Кабили, Оран, Константин, Бескра, Сиди-Бель-Аббес… 24-го он возвращается в. Гавану. 1 августа важная китайская делегация, прибывшая на празднование 10-й годовщины Монкады, смешивается с шестьюдесятью североамериканскими студентами с визитом на Кубе, и которые не перестают задавать вопросы. Че получает истинное удовольствие, принимая участие в разговорах людей, приехавших с разных концов света. Прекрасный случай, чтобы не воспользоваться им для своего революционного рефрена:

«Освободительные войны представляют собой катализатор коллективного сознания. В каждой слаборазвитой стране есть класс более неимущих, чем другие. И это не класс промышленных рабочих, а сельских рабочих, крестьян, тех, кто обрабатывает землю. Он лучший революционный фермент».

Одним воскресным утром, как правило, в день добровольного труда, когда Альберто Гранадо, находящийся в Гаване на конференции по биохимии, в шесть часов утра предстает перед министерством промышленности, Че и Алейда ждут около грузовика. Эрнесто в нетерпении глядит на часы. Наконец появляются три огромные машины, полные сотрудников министерства. Альберто с шуткой вспоминает сцену:

— Он им сказал: «Итак, господа, прибывают вицеминистры, лучшие из народа со своими шоферами! Ступайте в грузовик!…» И вот весь этот маленький мир высоких чиновников, не слишком радостный, шоферы, более забавляющиеся, и мы трое, Эрнесто, Алейда и я — радостные, на дороге Матансас, чтобы резать тростник на Централи Толедо. Мы смеемся, стоя перед объективом у тростника, который был намного выше нас, особенно меня.

В сентябре Че — которого отец научил играть в шахматы в одиннадцать лет — принимает участие в сеансе одновременной игры, который происходит на его собственной территории внутри министерства промышленности и который ведет чемпион СССР Виктор Корчной. Эрнесто — страстный шахматист: у него библиотека из пятисот книг на эту тему, и в Аргентине он общался с великим Михаэлем Найдорфом. В 1962 году он организовал на Кубе международный турнир в память Касабланки, заметив по этому случаю:

— Если шахматы представляют развлечение, их также нужно рассматривать как стимул к развитию мысли, и страны, которые имеют большие команды шахматистов, так же в первом ряду и в других более важных сферах.

В 1963 году он играет в шахматы по телефону с американским гением Бобби Фишером.

22 ноября 1963 года, в день убийства Кеннеди, Че приступает к электрификации всего острова. И чтобы ток проходил еще лучше между его братьями-людьми, он бросает формулу: «Человек-волк — нет, новый человек — да!». Он придает большое значение своему новому человеку: это задача Революции такой, какой он ее видит. После руководства программой индустриализации, управления экономикой, создания министерства промышленности, механизации сельского хозяйства, Че все больше приходит к мысли о человеке. На машинах, которые его продвинут вперед. Он пишет кубинскому интеллектуалу Хосе Медеро Местре: «После разрыва с прошлым обществом мы хотели создать новое общество с существом-гибридом; человек-волк из общества волков заменяется другим видом, у которого нет этого опустошительного пристрастия к пожиранию себе подобных… Беда в том, что интерес имеет слишком большую тенденцию быть рычагом благополучия».

В марте 1964 года он — голос Кубы на первой Международной женевской конференции по торговле и развитию. Он начинает с перечисления одного за другим экономических агрессий империализма против Кубы: отказ перерабатывать русскую нефть, уменьшение, а затем отмена сахарной квоты, полное торговое эмбарго с Соединенными Штатами, экономическая блокада в союзе с другими странами, на которые они надавили; запрет на поступление доллара на Кубу; временное прекращение североамериканской помощи Великобритании, Франции и Югославии «за торговые отношения с Кубой». Если в Уругвае его харизма произвела впечатление, то в Женеве его речь принимается менее хорошо. Он заключает, требуя, чтобы было регламентировано использование излишков, «чтобы защитить цены на продукцию, которую экспортируют слаборазвитые страны». Что, по-видимому, было целью его интервенции в страну банкиров.

Он использует эту поездку, чтобы в Париже встретиться с человеком, который ему противоречит, Шарлем Беттелаймом. Последний рассказывает:

— Мы обедали на вершине бульвара Сен Мишель у Карл и. Узнав Че, хозяин, итальянец, сказал ему, что его отец был антифашистом, и он счастлив принимать его! Он разместил нас на втором этаже в спокойном зале. Тут Че попросил меня определить свое место, уточнить, как я себе представляю проблемы, эволюцию кубинской экономики. Я поделился с ним моим пессимизмом. По своему обыкновению, он слушал с

большим вниманием, ничему не возражая.

Я знавал Насера, Неру, Чжоу Энлая, Фиделя; ни один не произвел на меня такого сильного впечатления, как Че. Хотя Чжоу Энлай был тоже обаятелен. Но Че — он другой: от его простоты исходила такая харизма, что его можно было только любить. Конечно, он заблуждался, желая идти слишком быстро. Его новый человек не мог появиться уже завтра. Че хотел заставить людей быть такими, как он этого желал. Каким он был сам, уверенный, что это для их блага. Это невозможно, нужно оставить людям выбор и время. Прежде нужно говорить с ними. Из диалога рождается изменение. Его новый человек походил бы на робота, слишком прекрасного, но утопического.

Шарль Беттелайм получил от Че послание, датируемое 24 октября 1964 года:

«Уважаемый друг!

Я получил Ваше письмо и отдельно отправил журналы, которые Вы у меня спрашивали. Я предпочел бы подискутировать еще раз о наших разногласиях. Немногим ранее, чем хаос, возможно, в первый или второй день создания, у меня море идей, которые сталкиваются, иногда упорядочиваются, я хотел бы добавить их к нашему обычному полемическому материалу. С надеждой на ваш приезд я революционно покидаю Вас. Родина или смерть, товарищ!

Куба — это испанский постоялый двор идей. Они иногда сталкиваются и от этого трудно сориентироваться. Идеи Че, наиболее четкие, потому что более революционные, потрясают старых бородачей, другие, менее убеленные сединой, стараются подчеркнуть свое отличие от молодого барбудос, который хочет всегда все изменить. Эрнесто приберегает для них скрытую уловку:

«Наверно, хороший реформист улучшил бы уровень жизни кубинского народа, но это не была бы Революция. Революция — это жертва, борьба, вера в будущее. Революция должна обогнать глупую реформистскую программу. Для этого необходимо пожертвовать респектабельностью, личной выгодой, чтобы получить нового человека».

В Гаване под сурдинку рассказывают анекдот: «Разговаривают двое рабочих. Один говорит другому:

— Революция — это хорошо. Ты прекращаешь пить ром, не куришь, работаешь по четырнадцать часов в сутки, не прикасаешься к жене, потому что у тебя нет больше сил… Скажи, нет ли у тебя способа вернуться к старому?»

Кубинские газеты, комментируя, перепечатывают *Нувель Обсерватор,* в котором представлены шаржи на руководителей

острова. Президент Дортикос там представлен как легкий, Фидель как среднетяжелый, а Че как тяжелый, китаефил, потому что он опирается на некоторые тезисы Пекина. Отсюда напрашивается, а не заблуждаются ли русские, давя на своего маленького союзника и запрещая ему любые контакты с китайцами? Он хотел бы в этом убедиться и планирует новую поездку за «железный занавес».

Однажды в июле он летит в Сантьяго на своем министерском самолете, пилотируемом Элисео де ла Кампа, называемом Эль Гордо, с охранником Чино, и сразу же направляется к Альберто.

— Малыш, освободи завтрашний день. Ты увидишь.

Трое гаванцев проводят ночь в большом доме Гранадо, и с наступлением пяти часов утра «джип» везет их в Байамо, затем в Буэйсито в Сьерра-Маэстре, где их ждут мулы. Начинается девятичасовой марафон, который изнуряет Гранадо.

«Я был мертвый от усталости, — вспоминает он. — Мы вскарабкались до Мар-Верде, где был убит Сиро Редондо. Здесь Эрнесто сделал несколько снимков кургана, воздвигнутого в память о его соратнике, затем мы продолжили наш путь, Че впереди, Чино на второй позиции, я — на третьей и Гордо замыкал движение. С двумя банками сардин на обед, которые мы разделили, запив водой из родника. Позднее, возвращаясь мысленно к этому дню, я понял, что на самом деле Эрнесто готовился отправиться где-то разжечь революцию или предложить свое ружье на службу другой, которая уже идет. Он стремился использовать этот выход, чтобы вновь поставить себя в условия герильи — скорее в физические условия, так как морально он всегда был готов. Но он хотел знать, как будет реагировать его тело, не слишком ли оно заржавело. Да, он тренировался, а тогда я его проклинал за то, что он заставил меня принять участие в этом сеансе… Хотя, если бы это повторилось, я отправился бы сразу, даже сегодня!..»

В течение лета Че пишет статью о «новой» промышленности, которая появится в *Ревиста Экономика*: «Сегодня добровольный труд должен стать массовым явлением; это потребует также важного продвижения в организации, чтобы те, кто работает добровольно, не чувствовали бы себя обделенными. В последнее воскресенье я участвовал добровольно в резке сахарного тростника — и чего со мной никогда не случалось, — я был удивлен, что смотрю на часы почти каждые четверть часа, торопясь уйти. Потому что у меня было впечатление, что мой труд не имеет смысла, — это заставляет сказать, что труд надо еще организовать для тех, кто принимает в нем участие. (…)

Наибольшую опасность в наших глазах представляет

антагонизм, в который впадают государственная администрация и производственный организм. Советский экономист Либерман проанализировал этот антагонизм и пришел к выводу, что нужно изменить методы коллективного стимулирования, отбросив старую форму премий, перейдя к более передовым формам. Одно должно быть ясно: мы не отрицаем объективной необходимости материального стимула, но что касается его использования как основного рычага, то мы не уверены. Мы считаем, что в экономическом отношении этот вид рычага быстро приобретает значение модели, приводит к навязыванию своей собственной динамики в отношениях между людьми. Не нужно забывать, что он происходит из капитализма и приговорен умереть в рамках социализма. Как? Понемногу. Послужив нам, благодаря прогрессивному увеличению товаров народного потребления, которое делает этот стимул ненужным. Мы находим в этих концепциях слишком негибкий механизм мысли. Товары народного потребления — это жизненное правило, и в конечном счете, основной элемент сознания для защитников другой системы. По нашему мнению, материальный стимул и сознание являются антонимами».

28 октября, пятая годовщина со дня исчезновения Камило Сиенфуэгоса, Че считает себя виновным: «Для меня Камило не умер, и влияние его действия, то есть революционной деятельности, служит и будет служить для исправления наших слабостей, революционных ошибок, которые мы совершаем». 4 ноября он отправляется в третью и последнюю поездку в Москву, приглашенный на празднование сорок седьмой годовщины Октябрьской революции. Он улетает с мыслью, что скоро он должен будет вернуться к своей настоящей миссии, партизанской войне, к герилье. На месте он проверяет, насколько были обоснованными его опасения по отношению советских людей, и он размышляет по возвращении:

— Нельзя доверять этим людям, так как они заставляют нас отойти на второй план. Вот почему мне кажется предпочтительным держаться на дистанции, как с автобусами с пневматическими тормозами. Если следовать за ними слишком близко, при малейшем торможении, которое они произведут, — удар.

Чтобы не оставаться во власти русских и не имея возможности приблизиться к Соединенным Штатам, Че начинает склоняться к нейтральному блоку с социалистическими странами, существующими независимо от Москвы, могущему подойти Кубе. Он понимает, что Фидель мог бы посчитать в данный момент приоритетными и жизненно необходимыми

отношения с Кремлем и что в общем и целом «не так плохо быть под большой покровительственной лапой медведя СССР»[28]; но сам он, который никогда не юлил, который не умеет говорить на так называемом политическом языке, отказывается от какой-либо формы компромисса. Для него марксизм — это чистота, прозрачная чистота и честная прозрачность. Слишком много, на его вкус, туманного в отношениях с Большим братом Востока, чтобы можно было ему полностью довериться.

9 декабря Эрнесто снова садится в самолет. Направление — Нью-Йорк, где он будет защищать интересы Кубы в ООН, не забывая переделать мир на свой лад. Он сходит в городе небоскребов в своем звездном берете, кожаном пальто и закрывается в номере отеля, чтобы прочитать прессу и подготовить свое выступление 11-го.

В этот день, голосом, напоминающим своими эпическими интонациями голос Андре Мальро, он обрушивается на своих хозяев, детей дядюшки Сэма:

— … Я вынужден заметить, что информация, относящаяся к тренировкам наемников в различных пунктах Карибского моря и участию, которое в них принимает североамериканское правительство, распространяется в газетах. Однако нам не известен ни один латиноамериканский голос, который бы официально протестовал против этого факта. Это нам раскрывает цинизм, с которым Соединенные Штаты обращаются со своими пеонами. Хитрые канцелярии ОАГ[29], которые хорошо умели видеть защитные щиты, установленные на Кубе, и потребовать неопровержимых доказательств в отношении оружия янки, выставленного в Венесуэле, не замечают приготовлений к агрессии, разворачивающихся открыто в Соединенных Штатах. Более того, они не услышали голоса президента Кеннеди, когда он проявил себя явно как агрессор на Кубе в Плайя Хирон. В отношении некоторых из них речь может идти только о слепоте, порожденной ненавистью к нашей Революции.

И используя это, всаживает бандерилью в хребет русского медведя:

— Мы хотим построить социализм, мы провозгласили себя входящими в группу неприсоединившихся стран. Потому что, кроме того, что мы являемся марксистами, неприсоединившиеся страны, как и мы, борются против империализма. Мы хотим мира, мы хотим построить лучшую жизнь для наших народов и для этого мы забываем, сколько провокаций могут сделать янки. Но мы знаем направление мыслей их правителей: они хотят, чтобы мы дорого заплатили за этот мир. Мы отвечаем, что его цена не может превысить границ разумного (…)

В своем гигантском неподражаемом ехидстве он не упускает возможности бросить камень в Южную Африку:

— На виду у всех наций мира осуществляется жестокая политика апартеида. Народы Африки не хотят терпеть, чтобы на их континенте продолжали признавать превосходство одной расы над другой и убивать во имя этого превосходства. Неужели Объединенные Нации не сделают ничего, чтобы этому помешать? (…)

Грубо оборвав резкую реакцию делегата Соединенных Штатов Адлаи Стевенсона, Че нацеливается в будущее, полностью самовыражаясь в этих словах:

— Я кубинец, и я также аргентинец, и если не обидятся сиятельные сеньоры Латинской Америки, я чувствую себя также патриотом любой страны Латинской Америки, и, когда понадобится, готов отдать свою жизнь за ее освобождение, никого ни о чем не прося, не злоупотребляя ничьим доверием и ничего не требуя взамен. (…)

Че один. Фидель не разделяет его недоверия по отношению к русскому брату. Теперь он знает, что судьба зовет его в другое место, в другую страну дорогую его сердцу Латинскую Америку. Некоторым близким он признается, что особенно его привлекает Бразилия. В эту минуту он ходит пешком мимо небоскребов, думая, что каждый из этих небоскребов дает приют количеству людей, равному маленькому кубинскому городу, на волне долларов, которые не перестают течь от одного к другому.

На телевидении в рамках передачи «Лицо нации» его интервьюируют Тэд Челк из *Нью-Йорк Таймс* и звезды-журналисты Си-би-эс Поль Нивен и Ричард С. Оттелет. Они забрасывают его вопросами о китайско-советской полемике, о непонимании, существующем между дореволюционными коммунистами и большинством руководителей Движения 26 июля. Он избегает распространяться о несогласиях с Москвой, чтобы еще больше не усложнять жизнь Кастро. Он заключает свою речь весьма задиристо:

— Мирный переход к социализму в Америке практически невозможен. Вот почему мы, кубинцы, говорим, что в Америке путь освобождения народов станет путем социализма и почти во всех странах пройдет через выстрелы, и я могу прогнозировать, что вы будете этому свидетелями.

При выходе со студии он отвечает на вопросы антикастровских кубинцев, пришедших освистать его, как боксера, только что проигравшего матч. На следующее утро одна из его аргентинских подруг из Кордовы Магда Мойана приходит к

нему в отель. Она пришла пригласить его к Рокфеллерам — что с таким же успехом можно сказать для него — в логово сатаны.

— К Бобо, — настаивает она, — одной из Рокфеллеров, она не хочет иметь ничего общего с другими членами семьи. Она либералка, ты увидишь, левая…

Лаура Бергкист, журналистка из *Лук,* знавшая Че благодаря интервью, которое она взяла у него несколько лет назад в Гаване, присутствует на этом вечере. Она рассказывает:

— Когда он прибыл с опозданием, в своей безукоризненно отглаженной военной форме, все гости застыли как кули с солью.

Разговор с трудом возобновляется, затем один молодой человек, Билл Стрикленд, лидер движения студентов Севера, осмеливается:

— Вы думаете, это было бы возможно здесь, в Соединенных Штатах попробовать акцию герильи, подобную той, что вы совершили с господином Фиделем Кастро?

Эрнесто улыбается:

— Здесь ситуация другая. Нет, я не думаю, что ваша страна сможет когда-нибудь стать для герильеро землей обетованной.

Очевидно, Че использовал свой визит на территорию ООН для упрочения связей с африканцами и приготовления поездки, которая последует. Но он не покидает Нью-Йорка, не поговорив также с Андреем Громыко, министром иностранных дел Советского Союза, и было бы удивительно, если бы он не рассказал ему о своих планах перенести герилью в другие районы мира.

17 декабря Эрнесто покидает Соединенные Штаты и направляется в Алжир, с остановкой в Люблине, где, без сомнения, у него появились мысли о его предках Линчах. Проведя три дня в Алжире, он добирается до Мали, где его ждет Модиба Кейта. Он узнает, что африканцы называют его «Мао Латинской Америки», что не является для него неприятным. 2 января 1965 года он отправляется в бывший французский Конго, где в Браззавиле встречается с лидерами Паскалем Лиссу-бой и Альфонсе Массемба-Дебатом. 8-го он пересекает Гвинейский залив, чтобы попасть в Конакри, где его принимает президент Секу Туре, прокитайский марксист. Оба договариваются потребовать от СССР оказать экономическую помощь процессу деколонизации и афроазиатскому единению. Затем Че достигает Ганы: в Аккре, на Золотом берегу он беседует с президентом Кваме Крума и использует это, чтобы раздуть жар революции:

— Африка, Латинская Америка и Азия должны будут объединиться с социалистическими странами, чтобы бороться

против империализма.

22-го он прибывает в Порто-Ново в Дагомее, откуда посылает открытку Ильдите. На ней черный ребенок в одежде племени, с припиской: «Возможно, это твой собрат. Посмотри внимательно, узнаешь? Я в Дагомее: поищи, где это, на географической карте».

25-го он добирается до своей алжирской базы через Аккру, где для газеты *Алжир-Суар* дает интервью о поездке по континенту: «Африка была больна, сегодня она выздоравливает и лечится. Ее недугом был неоколониализм, и риск рецидива проистекает от колониалистов». С 8 по 10 февраля он останавливается в Париже, городе, который его приводит в восторг, из-за Революции 1789 года, которая занимала важное место в утверждении его системы мысли. Он прогуливается по набережным среди букинистов, угощается сэндвичем в бистро, посещает Лувр, чтобы увидеть Джоконду. Затем поездка возобновляется: Дар-Эс-Салаам в Танзании, где он встречается с президентом Джулиусом Ниерере, Каир, где Насер находит в его манере выражаться что-то от самоубийцы, возвращение в Алжир.

24 февраля по случаю второго афроазиатского семинара его атаки на Москву делаются более вирулентными:

«… Советские люди торгуются своей поддержкой народных революций в пользу эгоистической внешней политики, далекой от великих интернациональных задач рабочего класса (…). Не может существовать социализм, если в сознании не произойдет изменение, которое вызовет новое братское отношение к человечеству».

Затем он бросает пылкую тираду о значении выражения «взаимная выгода», которое выводит его из себя:

— Но как можно говорить о взаимной выгоде, когда по ценам мирового рынка продают сырье, добытое потом и безграничными страданиями бедных стран, и когда покупают по ценам мирового рынка машины, сделанные огромными современными автоматическими заводами? Если между различными группами наций устанавливается такой тип отношений, из этого нужно заключить, что в определенном смысле социалистические страны являются соучастниками империалистической эксплуатации.

Не удивительно, что такие встречи будут восприняты как камуфляж и телефонный звонок в Гавану не замедлит последовать…

Че готовил свою речь с Беном Беллой, который тоже плохо принимает отношения, которые советские люди имеют со странами, называемыми братскими. Бен Белла напишет в своей речи, прочитанной 9 октября 1987 года его женой Зохрой в Афинах по случаю двадцатой годовщины со дня смерти Че:

«Между Кубой и Алжиром установился некоммерческого характера обмен, проводимый под знаком дара и солидарности и который по воле обстоятельств, а также противоречий, был оригинальным элементом наших отношений с Кубинской Революцией. (…) Этот новый тип обмена, который попирал все меркантильные концепции коммерческих отношений, потому что наши министры торговли никогда в это не вмешивались, — также практиковался с другими странами, такими как Египет Насера, Мали Модибо Кейта, Гвинея Секу Туре, Танзания Ниерере, Конго Массемба-Дебат или Гана Нкрума. Мы давали, но мы также много получали, и мы никогда не знали, сколько. Эта система обмена очень нравилась Че, так как она основывалась на честной дружбе; это соответствовало его темпераменту. (…) Че полагал, что слабое звено империализма находилось на нашем континенте и что сюда он должен теперь приложить свои силы».

Отчаянное стремление Эрнесто вести мир к свободе толкает его в сферу утопии. По его мнению, «чтобы дать возможность афроазиатским народам войти в социализм, необходимо, чтобы цены на их сырье были фиксированными. Прежде чем защищать их от алчной организации мирового рынка. Задача состоит в том, чтобы зафиксировать цены, которые позволят развитие, а для этого нужно будет изменить порядок международных отношений. Внешняя торговля не будет больше устанавливать политику цен, а наоборот, будет подчинена братской политике между народами».

2 марта Че возвращается в Каир, «чтобы последний раз встретиться с Насером, прежде чем 5-го улететь в Пекин. Его сопровождают капитаны Османи Сиенфуэ-гос и Эмилио Арагоне, несгибаемый политик, второй секретарь, после Фиделя, Центрального Комитета Единой партии социалистической кубинской революции. В течение недели, которую он проводит в Китае, — кроме осуществления одной своей самой давней мечты, посетить Великую стену — Эрнесто принят президентом Республики Лиу Шаочи, а также будущим президентом Ден Сяопином и Генеральным секретарем партии Мао, остающимся китайцем номер один как председатель партии. Каждый вечер Чжоу Энлай появляется в отеле, где живут кубинцы, и осведомляется о желаниях Че. Он хотел бы, говорит он, у него спросить, не хочет ли он увидеть кого-нибудь в отдельности — подразумевается Мао — и Эрнесто отвечает, что нет. Кажется странным, что у него не было желания вновь увидеть человека, которым он так восхищался, хотя бы поговорить с ним о Революции и о своем желании зажечь новый Вьетнам. В этом же 1965 году с Мао встретился Мальро. Возможно, Че уже знал из

разговоров с самыми высокими руководителями страны, что китайцы не помогут ему революционизировать всю землю полностью. Народ Китая представляет собой свой собственный мир для себя, его руководители не ощущают себя причастными напрямую к тому, что происходит на остальной планете. Кроме того, с культурной революцией, которую Мао теперь готовит, ему есть чем заниматься. Эрнесто покидает Азию, не увидев его. Он знает, что его речь в Алжире должна была заставить отреагировать Москву и что Фидель в Гаване, без сомнения, вынужден злиться. Следовательно, вовсе не обязательно вызывать огонь, встречаясь с Мао, который не испытывает чувства святости по отношению к Кремлю.

15 марта его самолет приземляется в аэропорту Ранчо Буйэрос, где его ждут Алейда и Ильдита, которой только что исполнилось девять лет. Однако сейчас не время для проявления чувств. Президент Дортикос тоже в аэропорту, так же как и Фидель Кастро, и при виде их лиц настроение не лучшее. Че должен дать им объяснения: отбыв в Нью-Йорк в начале декабря, он возвращается после трех месяцев поездок, по ходу произнеся слишком знаменитую речь в Алжире, которая еще аукается в кулуарах Кремля.

Почти на два дня и две ночи Эрнесто и Фидель закрываются, чтобы поговорить напрямик, без обиняков. Тон между ними уже не тот, что был десять лет назад, когда они встретились в первый раз у Марии Антонии в Мехико. В то же время рвение не умерло, так же как и дружба, по крайней мере это видно со стороны Че, слово «Революция» сохраняет то же значение для обоих. В противовес тому, что можно подумать, что готовится развод по-кубински. Оба видят Революцию на континентальном уровне, намечают ее великие черты для всей Южной Америки. Но Че не может и не хочет оставаться на Кубе. Он не может, так как отягощает Фиделя своим весом, который теперь раздражает Москву, великого союзника. Он не хочет, так как это предусмотрено в нравственном договоре, заключенном между двумя руководителями Революции, что Эрнесто вновь отправится в дорогу, чтобы сражаться под другим небом.

Фидель понимает, что у его друга новое геополитическое видение слаборазвитых стран и он склоняется к концепции третьего мира. Что касается Че, то он не прощает русским того, что они убрали ракеты, которые охраняли Кубу, даже не предупредив Кастро; это исходная точка для всего. Как нет для него вопроса, чтобы нанести вред Фиделю, он исчезнет в водовороте, растворится в природе. Его пребывание в Черной

Африке позволило ему подготовить акцию в Конго, где определенным образом он заставит забыть о нем. Всех, в основном латиноамериканские правительства, союзников Вашингтона, для которых он — враг номер один, а также Москву, которая начинает находить неудобным этого прекрасного краснобая. Тем более, что он все еще занимает ключевой пост министра промышленности.

Че возвращает свою кубинскую национальность в руки Фиделя, что предохранит последнего от советского сарказма по поводу «кубинца, который видит только глазами Мао». Он прощается со своими коллегами из министерства весьма неформально:

— Что больше всего привлекает внимание, когда посещаешь Черную Африку, так это экстраординарная родственность, существующая с Кубой, которая сегодня насчитывает 30 % черной крови. Я смог убедиться, что культура и образ жизни кубинцев пришли из прошлых черных культур. Мы знаем знаменитого художника Вильфредо Лама, мы живет с ним бок о бок в Гаване, так вот, там он представлен везде, в гравюрных студиях, на картинах африканских художников. Он вдохновился негритянским искусством до такой степени, что сам стал частью его. Известно, что кубинская музыка пришла из Африки, я смог удостовериться на примере кубинских оркестров, африканцы любят ритмы, идущие с Кубы…

Из Африки Че привез записи, предназначенные быть распространенными в Латинской Америке, своего рода кредо: «Процесс двойной: с одной стороны, общество, которое функционирует со своим воспитанием, прямым или непрямым, с другой, — индивид, который подчиняется процессу, сознавая свое самоопределение. Новое общество должно вступить в соревнование с обществом прошлого…

Чтобы создать нового человека, человека третьего тысячелетия, партия должна будет выступить в качестве организации авангарда. Для этого ей надо быть примером, состоящей из добротных кадров.

Позвольте мне вам сказать с риском показаться смешным, что настоящий революционер ведом великим чувством любви. Невозможно представить подобного революционера, лишенного этого качества. Возможно, это одна из великих проблем политических руководителей. Нужно присоединить к пылкому сознанию холодный ум и принять мучительные решения, чтобы ни один мускул не дрогнул. Наши революционеры авангарда должны идеализировать эту любовь к народу…

Всегда будем обладать большой дозой сострадания, чувства

справедливости и правды, чтобы не впасть в холодную схоластику, в экстремистские догмы о единении масс. Каждый день нужно бороться за то, чтобы эта любовь к живущему человечеству превращалась в конкретные действия, в акты, которые имели бы значение примера. Революция — идеологический мотор партии Революции, питается непрерывным образом, который не имеет другого конца, кроме смерти, пока его конструкция не достигнет масштаба всего мира…

Важно подтвердить, что без ясного сознания прав и обязанностей народа на этом новом этапе нельзя ни реально войти, ни реально работать в социалистическом обществе, таком, о каком мы сами мечтаем, в абсолютно демократическом обществе по определению, потому что оно опирается на нужды, надежды народа и то, что народ должен принимать важное участие во всех решениях».

В этот период, предшествующий великому отъезду, Че множит речи, при посредстве которых он оставляет свой след. Так, после утверждения, что «красота не поссорилась с Революцией», он анализирует место искусства в обществе:

«В странах, которые прошли такой эволюцией, претендовали бороться с этими тенденциями (свободу выражения) крайним догматизмом. Общая культура становится почти табу, и объявляют пределом культурного идеала формально точное воспроизведение природы, которое, в свою очередь, трансформируется в механическое воспроизведение социальной реальности, почти без конфликтов и противоречий, которое стремится создать. Социализм молод, и у него свои заблуждения.

Так стремятся к упрощению, приведению к уровню того, что все понимают, к тому, что понимают чиновники. Парализуют артистический самостоятельный поиск, и проблема общей культуры сокращается до признания социалистического настоящего и мертвого прошлого (следовательно, безвредного). Так родился советский реализм на основе искусства прошлого века.

Но реалистическое искусство XIX века тоже классовое искусство, возможно, более капиталистическое, чем декадентское искусство XX века, в котором выражен страх душевнобольного человека. В области культуры капитализм все отдал, и от него остался только зловонный труп, который обнаруживается в искусстве через современное упадничество. Но зачем искать в неподвижных формах социалистического реализма единственный подходящий рецепт?»

20 апреля 1965 года в конце дня, проведенного на резке тростника, Фидель отвечает журналистам, которые стремятся

узнать, где находится команданте Че Гевара:

— Единственное, что я могу вам сказать по этому поводу, это то, что он всегда будет там, где наиболее необходим для Революции, и что наши личные отношения прекрасные. Я считаю его поездку по Африке очень полезной. Он также побывал в Китае с одной из наших делегаций. Он многогранен. Чрезвычайно острого ума. Один из наиболее совершенных руководителей, какие могут быть.

Это уже похоже на то, что знаменитый «многогранный» готовится сменить горизонты.

Кубинец улицы и полей ищет Че. Он не знает, что у команданте свидание со своей судьбой далеко от острова. Что он уже не той национальности…

По его поводу ходят самые различные и самые сумасшедшие слухи, особенно в Латинской Америке: Че убит в Сан-Доминго, он гниет в тюрьме, поспорив с Фиделем Кастро; он в доме для умалишенных в Мексике, в Куэрнаваке; его видели во Вьетнаме, в Перу или в Аргентине, где готовит герилью в своей собственной стране. По мнению лондонской *Ивнинг Пост,* он находится в Китае, а североамериканский *Ньюс Рик* утверждает, что ему заплатили русские, чтобы больше не говорить о нем. Южноамериканские правительства трясутся, у некоторых из них чемоданы уже наготове на случай, если приблизится страшилище. «Но что делает ЦРУ, которое позволяет безнаказано свирепствовать этой личности?» — спрашивают все более открыто во многих посольствах.

Страшные вопросы для матери Че. Она уже не живет в Буэнос-Айресе. Больше, чем рак, ее разъедает страх, что сын на этот раз в самом деле исчез и произошло самое худшее. Последнее письмо ее старшенького надорвало ей сердце. Слишком благоразумные слова, чтобы не скрывать что-то другое. Он утверждает, что ушел в поля сахарного тростника, чтобы поразмыслить, прежде чем отправиться с Гранадо на пять лет «поднять одно предприятие».

И она раздумывает. Слово «предприятие» ее пугает, для нее оно синоним герильи, вооруженной революции. Цифра пять напоминает ей о семи жизнях кошки, о которой он намекнул после Алегриа-дель-Пио. Пять, которые ему остаются, — если еще остаются, — не готов ли он сжечь их одним махом, чтобы дать возможность другим, обездоленным, освободиться? Она больше ничего не знает. Она хочет поговорить с ним по телефону. Но попадает на Алейду, которая успокаивает ее, как может, не давая никакой желаемой информации. Селия чувствует, что дни ее сочтены, она хочет увидеть сына около себя, прежде чем умереть.

Разыскивает фотографии своих внуков, перечитывает надпись, которая фигурирует сзади одной из них: «Это Эрнесто, последний. С ним заканчивается воспроизводство». И снова ее пронизывает дрожь.

Ничто не мешает Селии предаваться мрачным мыслям. Она представляет своего сына падающим под пулями в Сан-Доминго. Она пишет ему письмо, которое он никогда не получит, так как предполагаемый посыльный не отправится на Кубу и оно останется в руках Рикардо Рохо, всегда близкого к их семье. Там можно прочитать: «…Я верю, что если ты делаешь то, о чем говорил, ты не будешь хорошим слугой мирового социализма. Если по каким-либо причинам для тебя закрыты дороги на Кубу, в Алжире есть господин Бен Белла, который будет благодарен тебе, если ты организуешь ему экономику, если ты поможешь ему это сделать, или еще господин Нкрума в Гане, который тоже был бы готов использовать твои услуги… Я была в восторге от семейных фотографий, они все восхитительны, даже если ни одна из твоих дочек не напоминает мне твое лицо или твое выражение…»

Селия Гевара де ла Серна умрет 19 мая 1965 года в возрасте пятидесяти семи лет. Спустя некоторое время после того, как была заключена в тюрьму за то, что является матерью Че. Эрнесто узнает о ее уходе позднее, в джунглях.

Сначала он успокаивает свою совесть. Он пишет родным, детям, Альберто, постоянному другу, и, конечно, Фиделю. Не Алейде, наперснице, которая уже знает все о его намерениях. Он пишет письма, для которых Фидель будет хранителем и который передаст их по назначению в желаемое время — на самом деле следующей осенью.

Родителям:

«Дорогие старики!

Вновь чувствую я своими пятками ребра Росинанта, снова пускаюсь в дорогу со своим щитом.

Десять лет тому назад я написал вам первое прощальное письмо. Помню, я жаловался, что не стал ни добрым солдатом, ни хорошим врачом, последнее меня больше не интересует, а как солдат я не столь уж и плох.

Ничего, по сути, не переменилось, разве что я стал немного умнее, мой марксизм пророс и очистился. Я верую в вооруженную борьбу как единственный выход для народов, борющихся за освобождение, и в своих воззрениях я последователен до конца. Многие назовут меня авантюристом, да я и есть авантюрист, но только из тех, кто сам рискует своей шкурой, чтобы доказать свою правоту.

Может быть, я пытаюсь доказать ее в последний раз. Я не ищу

конца, но он логически возможен. Если это так, то я в последний раз обнимаю вас.

Я очень вас любил, только не умел выразить свою нежность. Я суров в своих поступках и думаю, вы не всегда меня понимали. Да, понять меня было нелегко, поверьте мне хоть сегодня.

Теперь воля, которую я в себе так любовно отшлифовал, будет передвигать мои слабые ноги и усталые легкие. Я заставлю их работать.

Вспоминайте иногда скромного кондотьера XX века. Поцелуйте Селию, Роберто, Хуана Мартина, Пототина, Беатрис, всех. Крепко обнимаю вас, ваш блудный и неисправимый сын.

Эрнесто».

Фиделю — письмо, которое последний огласит 3 октября 1965 года, в день, когда будет учрежден Центральный комитет партии:

«Фидель!

В этот момент я вспоминаю о многом, о том, как я познакомился с тобой в доме Марии Антонии, как ты мне предложил поехать с тобой, о всей напряженности подготовки. Однажды нас спросили, кому нужно сообщить в случае смерти, и нас поразила действительно реальная возможность такого исхода. Потом мы узнали, что это на самом деле так, что в революции (если она настоящая революция) или побеждают, или погибают. Многие пали на пути к победе.

Сегодня все это имеет менее драматическую окраску, потому что мы более зрелые, но все повторяется. Я чувствую, что выполнил часть долга, который связывал меня с кубинской Революцией на ее территории, и прощаюсь с тобой, с товарищами, с твоим народом, который уже стал моим.

Я официально отказываюсь от своих обязанностей в руководстве Партии, от своего поста министра, от звания команданте, от моего кубинского гражданства. Официально меня ничто больше не связывает с Кубой, кроме лишь связей другого рода, которые не могут быть уничтожены как официальные бумаги.

Подводя итог своей жизни, я считаю, что работал достаточно честно и преданно, чтобы укрепить победу Революции. Моя единственная серьезная ошибка заключается в том, что я не верил в тебя больше с самых первых дней в Сьерра-Маэстре, что я недостаточно быстро оценил твои качества вождя и революционера.

Я прожил замечательные дни, и рядом с тобой я ощущал гордость от того, что принадлежал к нашему народу в самые

яркие и трудные дни карибского кризиса. Редко государственный деятель смог заблистать так ярко, как в эти дни, и я горжусь также тем, что последовал за тобой без колебаний, что мыслил так же, как ты, так же видел и так же оценивал опасности и великие принципы.

Моя скромная помощь требуется в других странах мира. Я могу сделать то, в чем тебе отказано, оттого, что ты несешь ответственность, будучи во главе Кубы, и пришел час нам расстаться.

Знай, что я делаю это со смешанной радостью и горем: я оставляю здесь самые чистые мои надежды созидателя и самых дорогих среди тех, которых я любил… и я оставляю народ, который принял меня как сына, это будет составлять часть моей души. На новые поля сражений я унесу веру, которую ты в меня вдохнул, революционный дух моего народа, чувство, что я выполняю самый священный свой долг: бороться против империализма везде, где он существует. Это укрепляет мою решимость и сторицей излечивает всякую боль.

Я повторяю, что снимаю с Кубы всякую ответственность, за исключением ответственности, связанной с ее примером, и если последний час застанет меня под другим небом, моя последняя мысль будет об этом народе, и в особенности о тебе; я признателен тебе за твои уроки и твой пример, и я постараюсь остаться верным им до конца, я всегда отождествлял себя с внешней политикой нашей Революции и продолжаю это делать; и повсюду, где я буду находиться, я буду чувствовать в себе ответственность быть кубинским революционером; и буду действовать как таковой; и я не оставляю своим детям и своей жене никакого имущества и не сожалею об этом: я рад, что это так; и я ничего не прошу для них, потому что Государство даст им достаточно, чтобы жить и получить образование.

Мне много есть что сказать тебе и нашему народу, но я чувствую, что слова не нужны, они не могут выразить то, что я хотел бы, и не стоит зря переводить бумагу.

Да здравствует победа! Родина или смерть!

Обнимаю тебя со всем революционным пылом.

Че»

Детям:

«Дорогие Ильдита, Алейдита, Селия и Эрнесто!

Если когда-нибудь вы прочтете это письмо, значит меня не будет среди вас.

Вы мало что вспомните обо мне, а малыши не вспомнят ничего.

Ваш отец был человеком, который действовал согласно своим взглядам и, несомненно, был верен своим убеждениям.

Растите хорошими революционерами.

Учитесь много, чтобы овладеть техникой, которая позволяет овладевать природой. Помните, что самое главное — это Революция, и что каждый из нас, взятый в отдельности, ничего не значит.

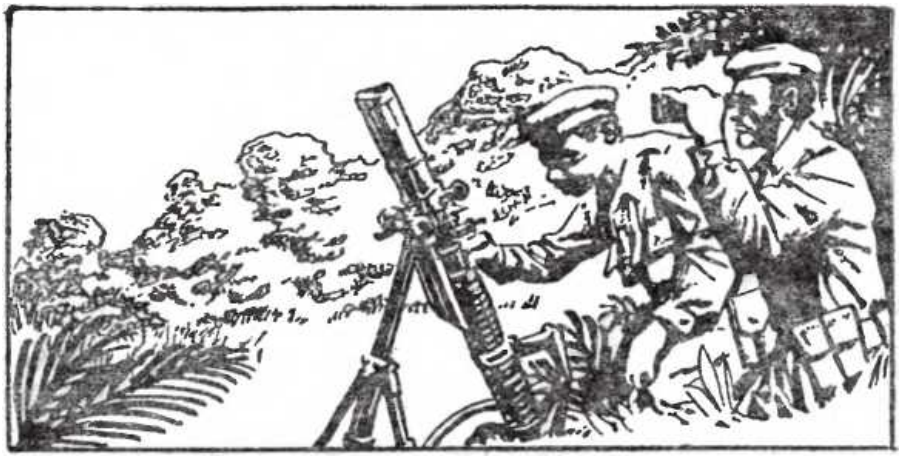
Особенно будьте способны самым глубоким образом почувствовать любую несправедливость, совершаемую где бы то ни было в мире. Это самое прекрасное качество революционера.

До свидания, детки, надеюсь вас еще увидеть. Крепко целую.

Папа»

ЧАСТЬ VI
ВЬЕТНАМ В КОНГО

Глава XXVI
ТАТУ МУГАНДА



В согласии с Фиделем, который щадит советские интересы, Че выбрал Бельгийское Конго покойного Лумумбы[30], чтобы попробовать разжечь Вьетнам в Африке. Те, кто задают себе вопрос о причине этого предназначения, находят часть ответа в речи, которую он обрушил на ООН в Нью-Йорке.

— Я хотел бы специально сослаться на печальный случай с Конго, единственный в истории современного мира, который показывает, как могут с абсолютной безнаказанностью, с самым неслыханным цинизмом злоупотребить правом народов. Прямыми мотивами всего этого являются огромные богатства, которыми располагает Конго и которые империалистические нации хотят удержать под контролем.

И он обрисовал политическую ситуацию:

— Как можно забыть способ, которым была предана надежда, которую заронил в ООН Патрис Лумумба? Как можете вы забыть маневры, предпринятые для оккупации этой страны войсками ООН, — что не помешает врагам великого патриота безнаказанно свирепствовать? Как можете вы забыть, господа делегаты, кто пренебрег авторитетом ООН в Конго, и не из-за патриотических причин, а в силу борьбы между империалистами, Моис Чомбе, начавший при бельгийской поддержке отделение Катанги? И как расценить, как объяснить, что в результате всех этих действий ООН, Чомбе, изгнанный из Катанги, возвратился хозяином в Конго? Кто сможет отрицать грустную роль, которую империалисты заставили играть ООН?

И провел щеткой по шерсти русского медведя, чтобы

заблестела:

— Вот почему правительство Кубы поддерживает четкое отношение Советского Союза в его отказе платить за преступление.

На самом деле устранение Патриса Лумумбы, руководителя третьего мира, уважаемого молодой Кубинской революцией, более всего мотивировало африканский ангажемент Че, когда лумумбист Гастон Сумиалот прибыл искать поддержку в Гавану для своего восстания против трио у власти в Киншасе Моиса Чомбе, Жозефа Касавубу и Жозефа Мобуту. Это позволит кубинцам во второй раз войти в Африку после помощи, оказанной ими молодой Алжирской республике в ее пограничном конфликте с Марокко.

Приготовление Че к отъезду в Конго — Киншаса — где умение говорить по-французски ему будет необходимо, — происходит при поддержке секретных служб Фиделя. Ею руководит румын Мануэль Пинейро, Барба-Роха, «Красная Борода», который в 1955 году женился на Лорме Бурдсаль, хореографе современного балета, с которой он познакомился в Нью-Йорке и которая обосновалась в Гаване, где и сейчас дает уроки танца. Благодаря ему Че больше узнает о баталии, которую ведут левый Пьер Мулеле и проколонизатор Моис Чомбе. С перспективой даже встречи с президентом французского Конго Масемба-Дебатом, предполагая предложить ему услуги.

С января 1965 года на Кубе в Канделариа в казарме Пинар дель Рио собраны солдаты, примерно сто пятьдесят, которые имеют одну общую черту — все чернокожие, что их забавляет и даже интригует. Они черные до такой степени, что когда однажды они собирались сесть в машины, маленькая девочка дергает за руку свою мать:

— Посмотри, мама, автобусы негров!

Журналист Хесус Баррето комментирует:

— Люди, которые, не колеблясь, отправляются пролить свою кровь за святое дело интернационализма. Один только темный цвет кожи мог уже служить указателем их направления.

Командующему Виктору Дреке, тоже черному, в начале февраля доверена подготовка контингента в горах Пинар дель Рио. Однажды в конце марта его приглашают прийти в один дом в Гаване, где его ждет капитан Хосе Мария Мартинес Тамайо (который станет Артуро в Боливии). После чего им представлено фото того, кто будет настоящим шефом экспедиции. Оба военных перебирают снимки, спрашивая себя, кем же может быть этот белый, такой элегантный, человек. На следующее утро в комнату входит человек с фотографии, тщательно выбритый, в светлом

костюме, медлительный и курящий трубку.

— Он остановился передо мной, — вспоминает Виктор Дреке, — и пожал мне руку, затем он то же сделал и с Тамайо. Как только мы услышали этот неподражаемый голос, мы тотчас же узнали Че, наше удивление было огромным. Так мы поняли, что нашей задачей будет его защита.

На этой же неделе нам было сказано, что Фидель встретился с ним в резиденции в пригороде Гаваны. Именно здесь Че передавал послания и здесь они расстались.

До их отъезда 31 марта 1965 года в направлении, остававшемся неизвестным, Кастро приветствует герильеро и говорит им:

— Вами будет командовать солдат, лучший, чем я…

Многие думают о Камило Сиенфуэгосе, в смерть которого кубинский народ не верил.

Сто тридцать шесть человек, сто тридцать один черный и пять белых, среди которых Оскар Фернандес Мель, Тамайо, Эмилио Арагонес, политрук экспедиции, обязанный нести пустое слово марксизма, не забыт и Че, делятся на маленькие группы, чтобы добраться до Бельгийского Конго различными воздушными путями, чаще всего выдавая себя за состав оркестра. С его повадками делового человека Че нет необходимости в этой уловке.

Нескончаемый путь через Москву, Каир и Дар-Эс-Салам. Наконец добрались до места. Другие, среди которых группа Бениньо, делают остановку в Париже. В Дар-Эс-Саламе все спят в отдельных домах, прежде чем пересечь страну в грузовике, чтобы через три дня прибыть в Кигому, вдоль берега озера Танганьика, с танзанийской стороны. Здесь они надевают военное обмундирование и обнаруживают своего настоящего командира. В черной шляпе, бежевом костюме, с короткими волосами, чисто выбритый незнакомец приближается к группе с Дреке и Тамайо и спрашивает одного, затем другого, и так у десятка солдат, каким было их военное имя во время Кубинской революции. Закончив, представляется сам:

— Здесь меня зовут Тату, что на языке суахили означает «три», но на Кубе меня зовут Че…

Удивление и радость людей, которые сами затрудняются узнать его, выбритого и без оливково-зеленой формы. Дреке откликается на имя Мойа, «один» на языке банту, а Тамайо — на «Мбили» — «два». Че довольствуется номером «три», чтобы не привлекать внимания.

Из Кигома ночью путешественники отправятся на маленьком суденышке с мотором, который будет мурчать более шести часов

под африканскими звездами, следуя зигзагом, чтобы избежать патрулей бельгийских наемников, и причалит в Конго-Кишаса (теперь Заир) в один из первых майских рассветов. Для Че конголезцы приготовили хижину из самана на берегу реки Кимамба у подножья прибрежной горы-скалы, которая возвышается над озером. Бывшему скалолазу мексиканских вулканов не трудно достичь вершин на каких-то двенадцати сотнях метров, чтобы соорудить свою собственную. Что же касается базового лагеря, то он размещен на высоте шестисот метров над уровнем моря, на горе, возвышающейся над джунглями, настоящей неприступной крепости. 22 мая Османи Сиенфуэгос предстает с семнадцатью из тридцати четырех человек, прибывших в Кигома. Что касается четвертой и последней группы из тридцати девяти человек, трое из которых врачи, она будет зарегистрирована 24 июня перед атакой Форт Бендера, что составит полную численность кубинцев в четыреста десять человек.

Но герилья должна постоянно находиться в движении, чтобы избежать преследования сил Чомбе. Кубинцы открывают джунгли: мало больших хищников, разве что змеи, некоторые из них ядовитые — новое для них, потому что на Кубе их нет. Иногда стада слонов, пользу которых Че быстро понимает; это самые эффективные прокладыватели дороги в джунглях; и затем обезьяны, бесчисленные, которые иногда позволяют людям выжить, когда не хватает стеблей маниоки… Необходимо соблюдать предосторожность, в частности, не курить в хижинах, называемых «кумбас». Один повстанец однажды совершает ошибку, пламя разрушает саманное жилище и в одно мгновение превращает в пепел большое количество важных документов, письменных и фотографических. Более того, инцидент привлекает к месту врага и вызывает у Че страшный гнев.

Повстанческая территория простирается от У вира, маленького городка, расположенного на северном склоне озера, до Калима, на западе цепи Киву. Население большей частью неграмотное, живет племенами, каждое из которых имеет свои обычаи и свои верования под руководством вождя и колдуна. 1965 год служит в основном формированию действенных герильеро, задача номер один присутствия кубинцев на африканском континенте. Таким образом будет подготовлено более двух тысяч конголезцев.

Че остается верным своим принципам: первое — обучение, второе — практика. Он обучает местных жителей поведению в бою, созданию засад, отступлению. Он дает им воспользоваться тем, что он познал в Сьерра-Маэстре. Он даже восстанавливает

свои хорошие привычки, давая уроки революционной теории. У него есть преподаватель суахили, подросток пятнадцати лет, Фредди Уланга, который станет нейрохирургом в Гаване. Эрнесто замечает живость ума Фредди и предлагает ему торг:

— Ты обучаешь меня твоему языку, а я тебя обучу своему, испанскому.

Основа разговора — французский.

— С этого момента я не знал, кто был Че, — рассказывает Фредди. — Он предложил мне разделить с ним хижину. Спал он на земле, на листьях. По утрам он вставал с солнцем и пил чай без сахара. Он мне говорил: «Ты куда? Идем на пляж». И мы спускались по дороге до берега. Это был его способ физической тренировки. Он старался всегда быть в форме. Так как он лечил больных, его прозвали Тату Муганда, «тот, кто успокаивает боль» на суахили.

С Альберто Гранадо и его соседом гаванцем Инти Передо, сыном бывшего герильеро с тем же именем[31], мы едем в Санта-Клару, город Че. Туда, где хранят его легенду, к подножью огромного бронзового памятника — Он стоит, рука на перевязи, с ружьем в руке и лицом, освещенным загадочной улыбкой. В столице Лас-Виллас много герильеро, которые сражались в Конго. Трое из них, собранные «соединением Че», ждут нас. Полковник Мартин Чивас, называемый Чирино, и два лейтенанта Мануэль Медина и Луис Монтеахудо Альгера, который ругается по-французски, языке, элементы которого он узнал от Че в Конго. Мы спешим открыть бутылку рома, которую мы принести, универсальный сезам на Кубе.

— Че учит нас говорить быстро, выделяя главное. Заклятый враг безделья, он обучал нас французскому, чтобы облегчить нам жизнь там, — рассказывает полковник. — Он требовал от нас сделать усилие, чтобы сойтись с африканцами, которых мы обучали. Настаивая на том, что мы разных культур, и, будучи у них, мы должны сделать шаг, чтобы лучше понять их обычаи. Он стремился объединить нас как можно теснее, чтобы африканцы нас уважали, почитали, чтобы как можно быстрее они обучались, слушая нас.

Вначале было не просто нам привыкнуть к их кухне. Потом все привыкли, и они тоже, так как мы готовили еду на кубинский манер. С обычной для Че одержимостью к разделению. Остаток молока не делился на двоих или троих и шел в кофейник, чтобы все воспользовались им. С ним было именно так!

И вывод о «своем» Че:

— Первый в жертве, последний в барыше.

Глоток рома в память о Че, и Медина рассказывает в свою

очередь:

— Я помню 25 марта 1965 года, мне исполнилось двадцать пять лет, когда я должен был ощутить себя готовым уйти. Я предупредил свою жену, что я скоро уеду на неопределенное время…

Че говорил мало. Он вел дневник. Однажды, когда мы уже обучили много африканцев, он принял решение атаковать казарму в поселке с названием Катанга. Он предполагал взорвать железнодорожный мост, который был перекинут через реку Кимби, а также напасть на гидроэлектростанцию. Мобуту держал поселок, и мы столкнулись с сильным противником.

— Это в Форт Бендера происходил бой, — объясняет полковник. — Именно там, где «Глаз рыси» — он по-называет на Луиса, — сыграл свою роль. Че разработал тактику: левый фланг должен был быть доверен Исраэлю Рейес Салесу, — который позволит продырявить себе шкуру в Боливии.

Выбрана дата, 30 июня, потому что это был день национального праздника. Че следил за столкновением с высоты холма в бинокль. Рядом с ним посыльный, готовый ринуться в случае необходимости. Атака была назначена на пять часов утра, когда винные пары праздника усыпляют солдат. Бой длился два дня и две ночи. Мы, и правда, имели дело с сильным противником. На один выстрел с нашей стороны раздавалось сто с их. Они убили четверых наших. «Глаз рыси» начал стрельбу…

В этом бою 30 июня 1965 года на рассвете Альберто Бениньо чуть не оставил свою кожу. Укрепленный поселок Форт Бендера, расположенный на дороге, соединяющей Альбервиль с Лулимба, защищает электростанцию, построенную на реке Кимби. «Он укреплен двумя траншеями, которые до атаки были обследованы только очень поверхностно, с взлетной полосой для маленьких самолетов, и где мог разместиться батальон из пятисот-семисот человек», — утверждает Че.

План таков. Маленькая группа под командованием Ширине атакует «повозку», часть, которая питает турбину гидроэлектростанции. Другая группа, руководимая лейтенантом Азима[32], атакует укрепленные позиции ближе к горе. По центру лейтенант Азима будет иметь задачу взять аэропорт и продвинуться до соединения с Ази. И лейтенант Мафи[33] с задачей перерезать дорогу из Лулимбы. Наиболее сильная позиция будет создана на подступах к Альбервилю лейтенантом Инне Пичарсо, снабженным 75-миллиметровой пушкой и другим тяжелым оружием. Командный пункт будет расположен на другом берегу Кимби, на ближних подступах к горе, где будут находиться Моха[34] и Мунданди (руандийский командующий).

Этот план содержит множество серьезных недостатков. Инне должен выдвинуться до незнакомой зоны, и засада, приготовленная на дороге из Альбервиля, будет проведена вслепую. Охраняемый горным массивом, который его окружает, форт служит центром тренировки бельгийских, ирландских и французских наемников. «Большой, очень сильный», — вспоминает Бенинью, который имеет от Че задание спуститься на дно цирка, где находится поселок Фронт Форс, чтобы перекрыть местность с Инне и Ансурине[35].

После того как герильеро укрепились на вершинах, трое кубинцев распределяются по краям дороги. Двое слева: Инне и Ансурине, и Бенинью справа. Пулемет с форта сразу убивает двух спутников Бенинью, который бросается в траву и, прижимаясь, ползет.

— Затем дело осложняется. Мы попробовали штурмом взять Фронт Форс, но шесть сотен африканцев бросили нас. И мы остались, так сказать, сами с собой, двести человек. Не может быть никакого сомнения, что с этими африканцами нам удалось бы взять Фронт Форс, — вспоминает Бенинью, сегодня полковник кубинской армии в отставке.

— Язык руандцев отличается от суахили, мы прибегали к довольно сложному средству выражения. Мы писали наши слова на суахили и параллельно старались написать их эквиваленты на другом языке, — следуя приказу Че, который состоял в том, чтобы не вмешиваться в ссоры, регулярно разгоравшиеся между двумя сообществами… Так, в момент боя плохо натренированные, не умеющие пользоваться ружьем, неудачливые конголезские или руандийские герильеро с пальцем на гашетке постоянно выпускали до тридцати выстрелов в один пуск. Они насчитали много потерь и дали тягу, оставляя на поле оружие, боеприпасы, раненых и убитых, — рассказывает в свою очередь Азима.

А Бенинью заключает:

— Из атакующих герильеро были вынуждены стать обороняющимися, и биться, отступая, создавая засады, которые в большинстве случаев удаются. Но главное не удалось, так же как привлечь внимание всего мира.

В это время руководители восстания Сумалиот, Ка-либа и Массемба рассказывают в Европе, в частности в Париже, что их отряды захватили Форт Бендера и взяли более тысячи единиц оружия, в том числе пушки, убив более четырехсот врагов. В то время как не было и тридцати жертв и, по-видимому, никакого захвата оружия. Но этот блеф обманывает кубинских руководителей, когда они получают сообщения информационных агентств, повторяющих это. И Османи Сиенфуэгос, который

служит связным между Фиделем и Че, до прибытия в Конго Хусто Румбо, техника, обязанного улучшить радиосвязь с Гаваной, очень неприятно удивлен во время своего последующего вояжа, узнав правду.

По телефону из Буэнос-Айреса Че сообщили, что его мать тяжело больна. Османи мог привести более точные сведения, которые он получил от Алейды. Через месяц у него появилось подтверждение новости, в которой он сомневался, через кубинского доктора Рафаэля Серкера Пеласио, Куми, который передал ему журнал *Богемия*, где объявляли о смерти Селии Гевара. Че сидит в гамаке Куми, читает, стискивая зубы. Он выпивает чай без сахара, говорит о своей юности, съедает немного пищи и вновь идет путем герильи.

В свои десять лет 15 февраля 1966 года Ильдита получает письмо от своего отца-призрака, отправленное из Браззавиля:

«Я пишу тебе сегодня, но эти слова дойдут до тебя значительно позже. Прежде всего я хочу, чтобы ты знала, что я не забываю о тебе и желаю тебе хорошо встретить свой день рождения. Ты почти женщина, и теперь я не могу тебе писать как маленькому ребенку, рассказывая глупости и всякие враки. Ты должна знать, что я далеко и что еще долго я буду отдален от тебя, делая все, что в моих силах, для борьбы против наших врагов. Даже если моя роль здесь не очень важная, она нужна, и я думаю, что ты сможешь всегда гордиться своим отцом, как я горжусь тобой.

Помни, что перед нами долгие годы борьбы. Когда ты станешь взрослой, тебе придется тоже принять в ней участие. А пока готовься быть революционером. Что в твоем возрасте означает, что надо много учиться. Как можно больше и быть готовой поддержать справедливое дело. Я не был таким в твои годы, это была эпоха, когда общество было другим, где человек был врагом человека. Тебе выпало счастье жить в другое время и ты должна быть достойна его.

Не забывай пройти по дому и проверить, хорошо ли ведут себя другие дети, и помогай им хорошо учиться. Обними маму и прими мой большущий и крепчайший поцелуй на все время, что мы не увидимся.

Твой папа»

Харри Виллегас, Помбо, один из троих выживших в Боливии кубинцев, теперь полковник, признается Бертрану Розенталю:

— Мы оставались десять или одиннадцать месяцев на востоке страны. Если наше отделение никогда не превышало двухсот пятидесяти, трехсот человек, с нами были пятьсот-шестьсот руандийцев и много тысяч конголезцев. Кроме того, наш тыл, так

же как и снабжение, были обеспечены.

Правда, не хватало настоящего лидера после исчезновения с фронта Сумиалот, но мы одержали много побед, посылая на задания только минимум: четырех или пятерых, не более.

По решению, принятому Организацией Африканского Единства, мы вынуждены были уйти. Танзанийцы начали принимать меры, например, конфисковывать у нас снаряжение… Кубинское правительство долго обсуждало с танзанийской стороной и другими окружающими странами, которые нам позволяли более или менее пересекать их границы. Вопрос был решен подписанием документа, который требовал закончить наше сотрудничество.

Пребывание Че в Африке длится до марта 1966 года и заканчивается внезапно из-за отсутствия революционного единства. Еще наблюдается борьба между преемниками Лумумбы и старыми приспешниками Чомбе, которая, кажется, склоняется в пользу последних. Тех, кто в свою пользу «успокоил» большую часть страны…

Фронт освобождения Конго, убедившись, что репрессии Чомбе ужесточились с того момента, как стало известно о присутствии кубинцев, решил, что они должны вернуться в Карибское море. Разочарованный относительным поражением их акции, Че последним покидает будущий Заир, не зная, что он зажег — как и хотел — спичку, которая подожжет революционный огонь в Анголе и особенно в Мозамбике.

В августе 1965 года он переправляется на другой берег озера Танганьика в Танзанию, где доверяет письмо Винни Мандела, чтобы она его передала своему мужу Нельсону в тюрьму. Эрнесто покорен четырехчасовой обвинительной речью Манделы, Ролилалы («виновник волнений» на языке ксоса), произнесенной в 1963 году против апартеида, перед тем как его приговорили к пожизненному тюремному заключению (выйдет через двадцать лет, в 1990 году). Че использовал свое пребывание в Танзании, чтобы встретиться с будущим президентом Анголы Агостиньо Нетто, и его соратниками в то время (затем они поменяют сторону) Ольденом Роберто и Савимби, которые готовили революционное движение. Секретные собрания происходили в поселке в джунглях около Бурунди.

Ахмед Бен Белла напишет по поводу акции Че в Африке:

«Когда он отправился в Конго-Браззавиль, — что он делал много раз, — он отказался от специального самолета, который я хотел ему предоставить. Я его видел при каждом его возвращении из Черной Африки, и мы проводили долгие часы, обсуждая, обмениваясь идеями. И каждый раз он возвращался

взволнованный сказочным культурным богатством континента, но мало удовлетворенный отношениями с марксистскими партиями стран, которые он посетил, концепциями, которые его злили. Опыт при Кабинда, соединенный с тем, который он получит затем в районе бывшего Станлейвилле, его очень разочаровал. В конце он мог отдать себе отчет о существовании определенных трудностей, о которых я ему говорил во время наших встреч, уметь действовать акцией, пришедшей извне, в данной революционной реальности.

Параллельно с Че мы провели другую акцию для спасения вооруженной революции на западе Заира. При согласии Ниерере, Насера, Модибо Кейта, Н'крума Кениатта и Секу Туре. Алжир внес свой вклад, переправляя оружие через Египет посредством настоящего воздушного моста, в то время как Уганда и Мали обязаны были поставлять военные кадры. По моей инициативе мы собрались в Каире и выработали этот план спасения и начали его выполнять, когда к нам обратилось руководство вооруженной борьбы с отчаянным призывом. К несчастью, несмотря на все усилия, наша акция свершилась слишком поздно.

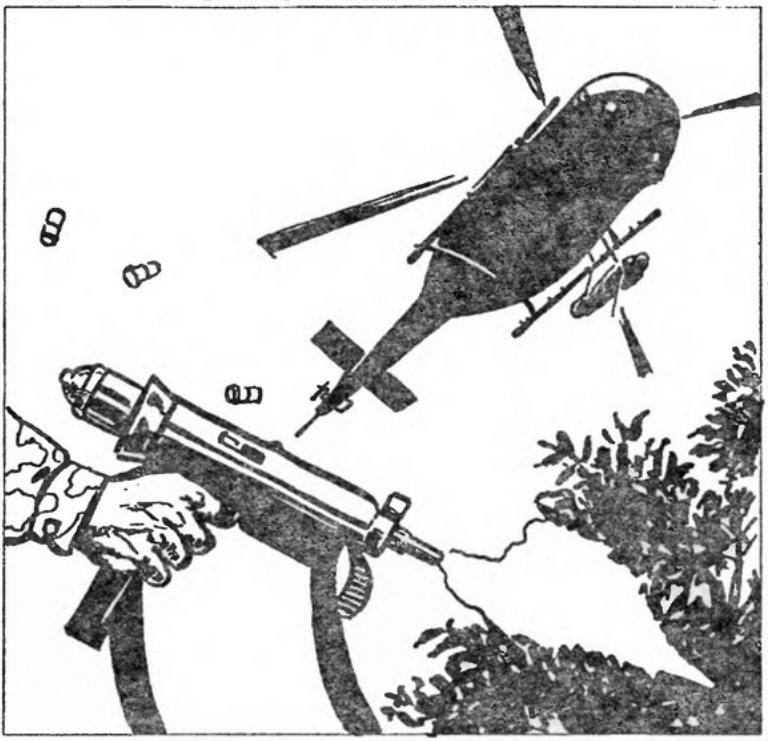
Однажды Че мне говорит: люди, тренирующиеся на вилле Суники (в верховьях Алжира), взяты на границе между той и той страной — я уже не помню названий стран, — боюсь, что они заговорят под пытками. Он очень волновался и боялся, чтобы секрет места, где готовятся военные акции, не был раскрыт и чтобы наши враги не обнаружили истинную природу импортно-экспортных обществ, которые мы разместили в Южной Америке, чтобы помочь вооруженным революциям, и реальная активность которых, видимо, не имела ничего общего с предполагаемым социальным основанием.

Когда Че уехал из Алжира, произошел военный государственный переворот 19 июня 1965 года[36], о котором он меня предостерегал».

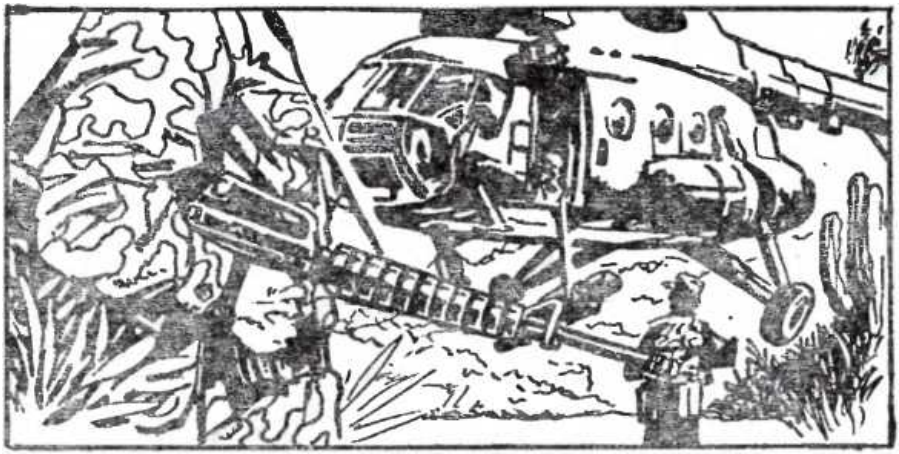
Из Швейцарии, где проживает Бен Белла, нас убеждают:

— Че придал некую величину Революции. Более сильное и свежее дыхание… Было что-то еще в нем. Предельная простота. Он высвечивал в человеке своим сознанием и верой замечательное. Это наиболее совершенное человеческое существо, к которому я приблизился. Все долгое время, проведенное мною в тюрьме (пятнадцать лет), мне давало надежду, и когда в жизни становилось холодно… маленькая фотография Че, вырезанная мною из газеты, на которой он мертвый, голый, худой, изрешеченный пулями, а лицо — освещенное внутренним светом.

ЧАСТЬ VII
БОЛИВИЙСКАЯ МЫШЕЛОВКА



Глава XXVII
ЧЕ ИСЧЕЗ



Где Че? В августе 1966 года его присутствие отмечается в Барибас, бразильском поселке на границе с Парагваем. Рассказывают, что он носит строгую одежду доминиканского монаха и его зовут братом Хуаном де лос Сантос. Он объявляется случайно как Тироне Повер в «Зорро», фильме, который привлекает толпы в кинотеатры Южной Америки. Затем его обнаруживают в Кордове, в фешенебельном отеле. Это уже персонаж из легенды. В действительности прямо из Конго он вернулся в Гавану и готовит новую экспедицию.

Идея распространения Революции преследует его. Его поездки в качестве министра кубинского правительства, контакты за 1раницей дали ему обширное видение политики. Пока он был в Конго, в Гаване состоялась Первая конференция солидарности народов Азии, Африки и Америки, трех континентов, которая собрала четыреста делегатов и тридцать обозревателей. Он не смог там присутствовать, но мысленно он принял в ней участие и написал в журнал *Ла Триконтиненталь*:

«Об Африке. Она предоставляет для неоколониального вторжения почти девственную землю. Здесь произошли изменения, которые обязали определенным образом неоколониальные правительства порвать со своими старыми абсолютными прерогативами. Но когда процессы без перерыва следуют один за другим, колониализм без насилия замещается неоколониализмом с тем же результатом в отношении экономического господства. Соединенные Штаты, у которых не было колоний в этой части мира, теперь активизируются, чтобы

проникнуть в бывшие места охоты их союзников. Можно быть уверенным, что Африка на долгое время представляет собой резерв для стратегических планов североамериканского империализма».

По Азии. «Континент с различными характеристиками. Освободительные войны против серии колониальных владельцев имели результатом установление правительств более или менее прогрессивных, которые позднейшая эволюция поставила в некоторых случаях в условия углубления основных целей национального освобождения, в других — возврата на проимпериалисгические позиции. С точки зрения экономики, Соединенным Штатам в Азии было мало что терять и много приобрести. Изменения им благоприятствуют. Но над всем этим существуют на Индокитайском полуострове специфические политические условия, которые придают признаки особой значимости в Азии и играют большую роль в глобальной военной стратегии североамериканского империализма».

По Америкам. «Они представляют собой симбиоз, более или менее гомогенный, и почти на всей их территории североамериканские монополистические капиталы имеют абсолютную гегемонию. Призрачные правительства или, в лучшем случае, слабые и трусливые, не могут воспротивиться приказам патрона-янки. Североамериканцы достигли чуть ли не самой высокой степени своего политического и экономического господства; малейшее изменение ситуации может выразиться только в регрессии их господства. Под лозунгом «Мы не разрешим другую Кубу» скрывается возможность агрессии без риска, как проведенная против Сан-Доминго или раньше Панамская бойня, и открытое предупреждение, что войска янки готовы вторгнуться в любой пункт Америки, каким бы он ни был, где установленный порядок был бы уничтожен, что затрагивало бы их интересы».

Зажечь два, три, множество «Вьетнамов», чтобы вынудить североамериканцев рассредоточить свои силы и таким образом ослабиться, таков лозунг Че. Он утверждает также: «Без ненависти народ не может победить мощного врага». Итак, Латинская Америка ему кажется созревшей для пожара. Колумбия и Венесуэла уже борются; в других странах есть организация, готовая действовать. С людьми, такими как Карло Роберто Бустос в Аргентине[37], Карло Маригуэла в Бразилии, Лобатон и Хуан Пабло Чанг в Перу. В Парагвае в подполье готовятся Тупамарос, тогда как в Чили Сальвадор Альенде, в то время президент сената, обеспечит для борьбы тыл, то, чего ему будет катастрофически не хватать в других странах в отношении

медикаментов и особенно продовольствия.

Итак, уже более трехсот революционеров готовятся в Боливии, Аргентине, Бразилии и Перу. Из них шестьдесят боливийцев на Кубе, так как выбор Че — и Фидель полностью вовлечен в план — упал на Боливию, Почему на нее? В основном по географическим причинам. Она расположена в центре Латинской Америки, между грядой Анд и Амазонией, там где сердце. Окруженная лишь Перу, Бразилией, Аргентиной, Парагваем и Чили. Со своими 1 098 500 км² она насчитывает менее пяти миллионов жителей, из которых три четверти сосредоточены на одной десятой части страны, это оставляет место для подпольной борьбы, чтобы внедриться, открыть первую «свободную территорию», которая сыграет ту же роль, что и Сьерра-Маэстра для Кубинской революции. Как базу для герильи выбирают подходящую в этом смысле реку Ньянкауасу, затерянную в предгорье, в, так сказать, необитаемом районе, где промышляют отдельные охотники — и где единственный крестьянин Арганарас окажется купленным врагом.

Снова начинать, с надеждой найти такие же условия, какие обеспечили успех в первый раз. Но Че появится в Боливии, не будучи уверенным в поддержке коммунистической партии, и особенно крестьян, что было решающим для конкистадора с *Гранмы.*

— Звезда Че начала тускнеть после речи перед ООН в Нью-Йорке, — признает Альберто и добавляет: — Я любил того Че, который шел к этой речи. Но Че, который вышел после, был уже другой.

Итак, Эрнесто в Гаване. Это не было первым его намерением. Так как Фидель уже прочитал его письмо из экспедиции, он собирался сразу из Танзании направиться в Боливию. По причинам обеспечения тыла, а также потому, что Кастро настаивал на новой встрече, он вернулся на Кубу. Абсолютно инкогнито: он хочет навестить Арагона, слегшего от болезни, которой он заразился в Африке, но Фидель не советует ввиду количества посетителей, которые спешат в дом к его другу, и сам передает последнему послание Че с пожеланием скорейшего его выздоровления.

Алейдита, дочь Эрнесто и Алейды, вспоминает об одной таинственной встрече, которая у нее произошла в этот период. В 1987 году по случаю двадцатой годовщины со дня смерти Че она рассказала эту историю итальянской газете *Иль Тиррено*:

— Самая старшая из четырех детей в доме[38], я была второй мамой для моих двух братьев, особенно для Эрнестито, который только что родился, и для моей маленькой сестрички. Наша мать

нам всегда говорила: «Папа хотел, чтобы вы сделали то, чтобы вы были такими… Не делайте этого, папа не одобрил бы». Ее заслуга в том, что она научила нас уважать его, как мы это делаем.

Пришел день, когда она нас всех четверых привела в дом, где находился он. Там нас поставили перед человеком, странным, лысым, в очках. Он сказал, что он испанец, зовут Рамон, и утверждал, что очень дружен с нашим папой. Когда я его увидела, я ему сказала: «Чико, но ты не похож на испанца, ты скорее аргентинец». Все были поражены моим умозаключением: «Итак, если эта малышка догадалась, то маскировка ни к чему!»

Мой отец сохранил спокойствие и спросил: «Почему аргентинец?» Я ответила: «Так мне кажется». Это успокоило всех. После чего он нас всех пригласил пройти в столовую. Мой отец всегда садился в конце стола. И около года, пока мы его не видели, я взяла за обыкновение занимать это место. Когда испанец сел там, я поспешила ему сказать, что это место моего папы, и что когда его нет, оно мое. И незнакомец возразил: «Но это место амфитриона!» Он вынужден был объяснить мне смысл слова «амфитрион», прежде чем я села рядом с ним. Позднее моя мама мне рассказала, как он был горд, что его дочь в пять лет отреагировала таким образом.

Он пил чистое красное вино. Обычно мой отец смешивал вино с минеральной водой, и я тоже так делала. Я ему сказала: «Как это случилось, что ты, такой хороший друг папы, не знаешь, как он пьет вино? Я покажу тебе». И я смешала вино с водой, что еще больше его обрадовало.

После обеда я начала бегать с моими братьями и сестрой и ударилась о столик из розового мрамора. Моя мать, расстроенная историей с аргентинцем, заплакала. Отец взял меня на колени, обнял, прежде чем пойти на кухню за салфеткой и кусочками льда, чтобы пристроить их на мою шишку. Я почувствовала что-то особенно во внимании, которое он мне оказывал.

Немного позднее он предложил нам карамель, по коробке каждой дочери и одну двум мальчикам, и мы ушли, поблагодарив этого господина испанца, такого доброго.

Когда мой отец умер, моя мать показала нам фото, на котором был только Рамон, испанец, которого я помнила хорошо, хотя и видела только один вечер. Я вспомнила его, берущего руку матери, с которой он только что говорил голова к голове, спросила: «Мама, что ты делаешь с этим мужчиной, который не мой отец?» Она мне ответила: «Это твой отец…».

С июля по сентябрь 1966 года Че готовится на Кубе, снова в провинции Пинар дель Рио с людьми из своего отряда. Пятеро уже были с ним в Конго: Харри Виллегас[39], Хосе Мария

Тамай[40], Карлос Куэлло[41], Исраэль Рейес Сайес[42], и хирург Октавио дел ла Консепсьон[43], ветеран Сьерра-Маэстры. Говорили, что одновременно с ними готовились шестьдесят боливийских герильеро. Первая идея Фиделя и Че состояла в том, чтобы подготовить всех учеников революционеров на красном острове. Но стоимость перемещения сделала операцию невозможной, так как не могло быть и речи для вовлеченных добровольцев из разных стран прямо прибыть на Кубу, нужно было оплатить авиабилеты на Москву через Париж или Рим, прежде чем попасть в Гавану. Это смогли сделать для шестидесяти человек, тех, кто вновь рядом с Че на Кубе, где и останется большая часть из них. Меньшая часть вернется в Боливию, и только некоторые из них доберутся до рядов герильи, среди которых студенты-медики Марио Гутиерес Ардайа (Хулио), Эрнесто Малмуро Уртадо (Эрнесто) и Антонио Хименес Тордио (Педро), которого назовут Пан Дивино (святой хлеб) за его красоту.

На самом деле боливийское движение идет издалека: в мае 1963 года, когда авангард колонны перанских герильеро, выходцев из Боливии, понес большие потери в Пуэрто Мальдонадо, остатки колонны скрывались в Ла Пасе в течение двух лет. В июле 1963 года первая поездка в Боливию кубинского капитана Хосе Мария Тамайо с колумбийским паспортом. С сентября 1963 года по февраль 1964 года существует партизанская народная армия под командованием Массетти, соотечественника Че, по прозвищу Сегундо (секунда).

В марте 1964 года Че принимает в министерстве промышленности исключительную личность, Тамару Бендер Бункер, она же Лаура Гуттеерес Бауер, знаменитая Таня, дочь советской гражданки и немца, эмигрировавших в Аргентину, затем вернувшихся в ГДР. Эрнесто ее уже знает, она была его гидом в Москве. В 1962 году она поселилась на Кубе и была одной из первых женщин, вступивших в члены кубинской коммунистической партии. Во время их встречи в 1964 году Че доверил задание высокой и красивой Тане: проникнуть в высшее боливийское общество, как можно ближе к президенту Барриентесу. Она преуспела в этом так хорошо, что последний влюбился в нее до такой степени, что хотел сделать ее своей любовницей. Но она кончит тем, что будет разоблачена, ее прошлое и ее роль станут известны, и не останется ничего другого, как уйти в подполье, прежде чем встать в ряды герильи, как только она организуется.

В 1966 году события определяются. В марте Тамайо[44] вновь попадает в Боливию. В июле к нему присоединяются Помбо и

Тума, обязанные подготовить место. В сентябре капитан Альберто Фернандес Сонтес де Ока[45] в свою очередь прибывает с инструкциями Че, относящимися к выбору оперативных зон и политических контактов, завязываемых на месте. Два человека на месте будут играть главную роль. Марио Монхе, коренастый, с обветренной кожей, генеральный секретарь Боливийской коммунистической партии, должен координировать операции и определить роль каждого. Что касается Моиса Гевара — тезка Че — маленького человека с круглой головой, маоиста, который был исключен из партии в 1964 году тем же Монхе, он в подполье собирает группу вооруженных борцов. Наконец, еще одно важное лицо драмы, которая завязывается, француз Режи Дебрэй, журналист, писатель, профессор философии, тот, кого будут называть «Дантон в герилье», имеет поручение от Фиделя одновременно и по подготовке на месте, и по объединению поддержки в остальном мире.

В октябре 1966 года Коко Передо, Тума и Рикардо снимают скромную ферму в Ньянкауасу, деревушке департамента Санта-Крус, в маленьком ущелье, окруженном вершинами, покрытыми обильной растительностью. Здесь должна закрепиться база герильи и школа по обучению новобранцев разных национальностей, по предположениям около двухсот пятидесяти человек, шестьдесят из которых — боливийцы, больше аргентинцев, перуанцев и бразильцев. Подготовка освободительного отряда должна начаться 15 ноября и закончиться 20 декабря, то есть за тридцать пять дней нужно сделать из них опытных бойцов.

Теперь все готово для приезда Че. Бывший агент ЦРУ Филип Агее, который сменил ориентацию, став про-Че, вспоминает в своем вступлении к книге «ЦРУ против Че», что управление знало, как после его экспедиции в Конго-Киншасу он был госпитализирован в СССР в результате того, что он принял просроченное лекарство от астмы. Агее был обязан весной 1966 года организовать новую систему контроля паспортов в Монтевидео со списком имен и фотографий нежелательных лиц.

«Зная о кубинских операциях, мне необходимо было принять специальные меры контроля путешественников, чтобы предотвратить всякую попытку со стороны Че проникнуть в район. Конечно, никто не думал, что он будет путешествовать с бородой, но не было найдено ни одного фото, где он без бороды. Тогда был приглашен художник, который сделал его портрет, разосланный на все пограничные посты Латинской Америки. В аэропорту Монтевидео я раздал копии всем полицейским и людям из эмиграционной службы».

Че выезжает из Гаваны в Париж, через Москву и Прагу, затем добирается до Сан-Пауло в Бразилии. При посадке в Орли он берет трубку, подносит ко рту, и прежде чем вернуть ее обратно, слышит цену «двадцать два доллара». Его жест вызывает реакцию у продавщицы; чтобы избежать инцидента, Пачо сам покупает трубку за сто десять франков и подает ее Эрнесто. Что заставит последнего позднее сказать:

— Я курю, потому что большой хитрец посчитал достойным дорого заплатить за нее.

3 ноября он появляется в аэропорту Ла Паса. Из Мадрида и Сан-Пауло. Он носит имя Адольфо Мена и имеет уругвайский паспорт № 130748. Интеллигент, лысый, в темных очках, темном костюме, галстуке, у него документы с заданием, исходящим от Организации американских государств, подтверждающим, что он осуществляет изучение экономических и социальных отношений в Боливии.

5 ноября 1966 года в шесть часов тридцать минут утра он покидает Ла Пас в «джипе» с Альберто Фернандесом де Ока и Карлосом Куэлло[46], чтобы добраться до Ньянкауасу. Через несколько часов из города выезжает второй «джип» с Помбо, Тамайо и Хорхе Васкес Вианьей[47]. 6-го утром они продвигаются по лощинам Кочабамбы, затем пересекают Сиберию, название сюрреалистического влажного леса, необитаемого, всегда покрытого облаками, который ведет в пустынный район, поросший кактусами. На выходе из этой пустыни на куске доски написано имя, дорогое сердцу кубинцев: Гавана, простая деревушка, затем переправа широкой, глубокой, иногда с водоворотами Рио Гранде.

На дороге из Санта-Крус мелькают названия Кома-рапа, Матераль, Самаипата, затем Камири, нефтяная столица страны. Переправившись через реку Секо, доступную в это время года, и пройдя Ипати, оба «джипа» проезжают последний поселок Лагуниллас, прежде чем достичь конечного пункта Ньянкауасу — «Голова реки» на кечуа. Там они располагаются в бараке, подготовленном Рикардо и названном Ла Каламина из-за цинковой крыши, которой он покрыт. Старое раздвоенное дерево и печка около двери.

Глава XXVIII
БОЛИВИЙСКИЙ ДНЕВНИК

7 ноября 1966 года Че начинает рассказ о своей новой одиссее в красного цвета записной книжке немецкого производства. На этикетке, приклеенной на задней стороне обложки, можно прочитать: Карл Клиппель — Кайзер Штрассе, 75, Франкфурт. Ниже мы даем краткий обзор этого дневника, переведенного на французский Франсом Бинаром и Франчитой Гонсалес Баттле и опубликованного в июле 1968 года Франсуа Масперо (переиздана издательством Декуверт в сентябре 1995 года).

(…) Недалеко от фермы мы остановили машины и сюда прибыли на одной, чтобы не вызывать подозрений у соседа-крестьянина, который поговаривает о том, что мы наладили здесь производство кокаина. Смешно, неутомимый Тумаини считается химиком в нашей шайке… Биготес дал понять, что готов сотрудничать с нами, что бы ни предприняла партия, но, кажется, он остается верным Монхе, которого он уважает и, возможно, даже любит. По его словам, Родольфо придерживается примерно той же позиции, а также Коко, но нужно постараться, чтобы партия включилась в нашу борьбу (…)

8-е.

День мы провели в джунглях, менее чем в ста метрах от дома, рядом с источником. (…) До сих пор мы встречаем различного рода насекомых: ягуаса, жежен, маригуи, кузин и тик (…)

9-е.

(…) С Тумаини мы разведали течение реки Ньянка-уасу (…) Она стиснута берегами, и, кажется, район ма-лопосещаем. Дисциплина на высоте и будет долго такой оставаться. (…) Я вытащил шесть впившихся в меня насекомых (…)

12-е.

(…) Выбранная зона (для лагеря располагается…) на небольшой возвышенности и рядом с расщелиной, в которой можно сделать погреба для хранения продуктов и других вещей (…)

14-е.

Неделя в лагере. У Пачунго грустный и непривычный вид, но нужно, чтобы он взял себя в руки. Сегодня мы начали рыть пещеру, чтобы хранить в ней все, что может быть компрометирующим (…)

16-е.

Туннель закончен и замаскирован (…) План туннеля под номером 1 находится в документе 1 (…)

17-е.

Нет новостей из Ла-Паса. Москиты начали раздражать раны. (…)

20-е.

В полдень прибыли Маркос и Роландо. Теперь нас шестеро (…) С ними прибыл Родольфо. Он произвел на меня хорошее впечатление. Кажется, более чем Бигото, он готов порвать со всем. Папи, в нарушение полученных им инструкций, сообщил ему о моем присутствии, а также и Коко. Кажется, это из-за ревности, связанной с престижем. (…) Родольфо вернулся на рассвете.

23-е.

Открыли наблюдательный пункт, который возвышается над фермой (…)

Анализ месяца.

Все довольно хорошо прошло; мое прибытие — без происшествий; так же было и с половиной людей, которые здесь, хотя и опоздали. Основные соратники Рикардо выбирают маки, несмотря ни на что. Дела представляются хорошими в этом изолированном районе, где все указывает на то, что мы сможем оставаться столько времени, сколько сочтем необходимым. Наши планы: дождаться прибытия остальных по крайней мере до двадцати и приступить к действиям. Нужно посмотреть, какова будет реакция Монхе и как поведут себя люди (Моиса) Гевары.

6 декабря.

(…) Инти и Урбано отправились попробовать поохотиться на дичь, так как становится мало продовольствия (…)

12-е.

Я поговорил со всей группой, давая нм урок настоящей герильи. Я настаивал на единоначалии и дисциплине (…) Сделал назначения: Хоаким — второй военный руководитель, Роландо и Инти — комиссары, Алехандро — руководитель операций, Помбо — интендант, Инти — финансы, Ньято — снабжение и вооружение (…)

17-е.

Моро и Инти удалось убить только дикую утку. Мы, Тума, Роландо и я, занимаемся рытьем второй пещеры (…)

18-е.

Разведали холм, чтобы там установить рацию.

20-е.

(…) Получили телеграмму из Манилы (Куба), ука зывающую, что Монхе прибывает через Юг.

26-е.

(…) Убили двух змей, а вчера еще одну (…)

30-е.

(…) Печь не смогли закончить, глина еще мягкая.

31-е.

В 7 часов 30 минут пришел врач и сказал, что появился Монхе. Я пошел туда с Инти, Тумой, Урбано и Артуро. Встреча была сердечной, но натянутой, в воздухе висел вопрос: «Что ты хочешь?» (Проблемы, возникающие с Монхе, могут быть сведены к следующему):

1. Он откажется от руководства партией и добьется от нее по меньшей мере нейтралитета, и некоторые члены выйдут из ее рядов, чтобы присоединиться к борьбе.

2. Военно-политическое руководство борьбой будет принадлежать ему, пока революция будет разворачиваться в боливийских условиях.

3. Он должен установить отношения с другими южноамериканскими партиями, стараясь убедить их стать на позиции поддержки освободительных движений.

Я ответил ему, что первый пункт зависел от него как секретаря партии, хотя я и считаю его позицию ошибочной. Она колеблющаяся, вся из компромиссов и старается оправдать для истории роль тех, кого надо заклеймить за предательскую позицию. Время покажет, что я прав.

По третьему пункту я не был против, чтобы он постарался сделать это, но все было обречено на неудачу. (…)

Что касается второго пункта, то я не мог никоим образом согласиться с ним. Военным руководителем буду я и не потерплю никакой двусмысленности (…)

1 января 1967 года.

Утром, не вступая со мной в спор, Монхе дал мне знать, что уходит и объявит о своем выходе из руководства партии 8/1. По его мнению, миссия закончилась. Ушел он с таким видом, будто идет на эшафот. У меня ощущение, что, узнав от Коко о моей решимости не уступать в стратегических вопросах, он воспользовался этим для ускорения разрыва, так как его доводы несостоятельны. После обеда я собрал всех и объяснил поведение Монхе (…) Я дал уточнение по поводу поездки Тани в Аргентину, чтобы встретиться с Маурисио[48] и Хосами[49] и пригласить их сюда. (…)

(8 и 10 января Пленум Центрального комитета КПБ, собравшийся в Ла-Пасе, ратифицирует позиции, принятые Монхе. Это означает, что Че оказывается без тыловой поддержки коммунистов.)

11-е.

Алехандро и Помбо возвращаются из пещеры и докладывают мне, что контакты рации окислились. Если добавить к этому, что две рации были разбиты, можно составить довольно печальную картину о способностях Артуро.

Мы начинаем изучать кечуа под руководством Антисета и Педро. День «боро»[50]: извлекли из-под кожи у Маркоса, Карлоса, Помбо, Антонио и Хоакина массу личинок.

12-е.

Отправили «гондолу»[51] за остатками (…) Провели небольшие учения по лазанию. (…)

19-е.

(…) Пришел врач и объявил, что полиция нагрянула в другой лагерь (…) в поисках фабрики кокаина (…)

20-е.

Проверил позиции и продиктовал приказы для реализации плана обороны, который я разъяснил вчера вечером. Он основан на спешной обороне зоны, прилегающей к реке, от которой напрямую зависит тот, кто с несколькими людьми авангарда контратакует параллельные реке дороги и выходы в тыл (…)

22-е.

(…) Пишу Фиделю, документ № 3, чтобы объяснить ему ситуацию и испытать почтовый ящик (…)

25-е.

(…) Получили послание от Манило, информирующее нас, что он все получил (…)

26-е.

(Прибыл Моис Гевара с Лойолой Гусман, казначеем сети.) Я поставил перед Геварой свои условия: роспуск группы, отмена званий для всех, отказ от какой-либо политической организации, запрет на полемику по поводу международных или национальных проблем. Он согласился со всем с большой простотой, и после холодного начала наши отношения с боливийцами сделались сердечными. Лойола произвела на меня очень хорошее впечатление. Она очень молодая и нежная, но в ней чувствуется твердая решимость (…)

31-е.

Последний день в лагере. «Гондола» очистила старый лагерь, и часовые ушли (…) Оружие будет спрятано в горах, обернутое в брезент. Резерв денег должен постоянно оставаться в лагере, у кого-нибудь при себе (…).

Анализ месяца.

Как я это и ожидал, отношение Монхе было уклончивым вначале и предательским потом. (…)

Собственно, теперь начинается этап герильи (…) Из всего предусмотренного наиболее медленно идет присоединение боливийских бойцов.

(В момент, когда «собственно начинается герилья», по выражению Че, его основная опора в Боливии Монхе и Моис Гевара уже совершили ошибки, по причинам и основаниям очень различным.)

Когда Че прибыл в Ньянкауасу 7 ноября, Монхе не пришел на встречу. Он прибыл много позже, 31 декабря, задержанный и отпущенный Хосе Мария Мартинесом, и с этого времени идет от увертки к предательству, по словам самого Эрнесто. Он должен был привезти ключ, позволяющий использовать передатчик, чтобы обеспечить связь с Кубой, но у него его нет, когда он прибывает на базу. Он уверяет Че, что передаст его позже, — ключ не появится никогда. Итак, Че слышит Фиделя, но не может ни ответить, ни задать свои вопросы.

Так как Монхе не появился на ноябрьской встрече, другие руководители, у которых нет никаких сведений, едут на Кубу и спрашивают у Фиделя, что они должны делать. У него нет ответа. Он предлагает им направиться прямо на место, и таким образом Сиро Бустос и Хуан Пабло Чанг отправятся в Боливию, сопровождаемые Режис Дебрэем. Но большая часть предусмотренного сначала контингента исчезла по дороге из-за всяких колебаний и неизвестности.

Позднее Че узнает, что в ноябре Монхе был в Болгарии. На самом деле вполне возможно, что он проехал до Москвы получить инструкции от русских властей, его миссия в Софии не могла затянуться на сорок дней. В любом случае, если судить по его отношению, желание советских людей кажется ясным: не нужно трогать Латинскую Америку, в соответствии с договорами, заключенными с США после событий с ракетами. Москва не хочет пожара, о котором мечтает Че, и манипулирует Монхе, чтобы он помог провалиться боливийской экспедиции. Вояж Монхе на Кубу весной 1966 года тоже под вопросом, и по этому поводу ничего нельзя узнать точно.

Случай с Моисом Геварой другой. Он всегда проповедовал вооруженную борьбу, откуда и его исключение из боливийской партии и прозвище, данное его группе, «Пекинцы», или «Маоисты». Он честно оказывает Че помощь, вербуя на месте будущих герильеро. Но по причинам, независимым от его желания, оказывается не безупречным с союзником.

Начиная с 1964 года, он находит рекрутов в профсоюзе шахтеров. Скоро его независимая организация состоит из

двадцати человек, и могла быть оперативной в первые месяцы 1966 года. Но с 15 января вся страна полностью во власти ритуального карнавала, во время которого вино течет рекой, и Моису не удается удержать своих людей, рассеянных в горах, пьяных, в масках, что еще больше усложняет дело! Он отправляется на их поиски на нефтяные поля Сикре, на цинковые рудники и даже на золотые рудники, действующие еще в Оруро. Ищет дальше, на Западе, на плоскогорье около Чили. Время не ждет, но он не хочет сражаться рядом с Че только с семью, которых он смог найти из двадцати завербованных и подготовленных им. Итак, за неимением лучшего он находит шахтеров без подготовки, которые соглашаются следовать за ним, ничего не зная о вооруженной борьбе. Всего шестеро, один из которых Пастор Баррера Кинтана, Даниэль, бывший полицейский, бесстыдно выгнанный из администрации, который сыграет плохую роль в экспедиции.

Двигаясь по ночам, чтобы не быть обнаруженными, ведомые Лойолой Гусман, казначеем для герильи Коммунистической молодежи, студенткой, Моис Гевара и его маленькая группа прибывает в Ньянкауасу 26 января 1967 года. Таким образом в наличии имеется на начало действий: Моис Гевара, Вилли, Рауль, Вальтер, Паблито, Эйсебио, Виктор и Пепе, семеро, которых он завербовал первоначально; Дарио, Солюстрио, Пако, Чинголо, Орландо и Даниэль, шесть следующих; Че, называемый здесь Рамоном, или Фернандо, окруженный семью боливийцами, подготовленными на Кубе с 1962 года, и пятнадцать других боливийцев: Инти, Коко, Нато, Хулио, Педро (или Пан Дивино), Камба, Леон, Лоро, Серапио, Поло, Анисе-то, Чапако, Бенжамин, Карлос и Эрнесто; Хосе Мария Мартинес Тамайо (Рикардо); боливийка Лойола Гусман, три перуанца: Хуан Пабло Чанг Наварро (Чино), Лусио Эдильберто Гальван (Эйстакио) и Реституто Хосе Кабрера Флорес (Негро), врач; два аргентинца, Сиро Роберто Бустос (Пелао) и Лаура Гуттеерес Бауэр (Таня); француз Режи Жюль Дебрэй (Дантон).

Это будет группа из пятидесяти трех революционеров, многие из которых не являются ни подготовленными, ни верными, вместо двухсот пятидесяти человек, полностью подготовленных, стреляющих на лету, предполагавшихся к 20 декабря.

1 февраля отмечает отъезд большей части герильи из двадцати семи человек, пятнадцати кубинцев и двенадцати боливийцев, для разведывания северной местности в направлении Рио Гранде. Предположительно на две недели. Марш растянется на шесть. Руководство Коммунистической молодежи исключает тех, кто выбрал остаться с движением

герильеро.

Че начинает превращать ненадежный лагерь в настоящий маленький укрепленный лагерь, почти комфортабельный. Что определит роль, которую он ему отводит: одновременно лагерь военной подготовки, центр связи, склад продовольствия и боеприпасов и школа кадров с учебным залом на открытом воздухе, где каждый день с шестнадцати до восемнадцати часов преподают Че и наиболее грамотные боливийские товарищи, а также Рубио, капитан Хесус Суарес Гайоль[52], Алехандро[53] и несколько других герильеро, которые давали уроки грамматики, политической экономии и боливийской истории. По вечерам, как факультатив, Че добавлял еще уроки французского. И боливийцы — уроки кечуа, которые Че посещал неукоснительно.

Построены оборонительные укрепления, нависающие над рекой Ньянкауасу. Затем печь для хлеба и полевой телефон, предназначенный соединять авангард с наблюдательными постами. Герильеро оборудовали и замаскировали окружающие гроты. И прекрасное подтверждение оптимизма: они дошли до выращивания сада и огорода!.. Че предполагал даже установить, как он думал об этом на Месе в Сьерра-Маэстре, маленькую электростанцию на соседнем потоке. И, конечно, он не забыл про библиотечный уголок.

14 февраля.

(…) Расшифровано пространное послание из Гаваны, главной новостью которого является сообщение о разговоре с Колле[54]. Он заявил, что его не поставили в известность о континентальных масштабах задачи, что в таком случае он готов сотрудничать на условиях, которые он хочет обсудить со мной (…) Нам также сообщили, что француз (Режи Дебрэй), путешествующий со своим паспортом, прибывает 23-го в Ла-Пас.

15-е.

День рождения Ильдиты (11 лет).

День спокойного движения. (…)

16-е.

Дадим взаймы крестьянину 1000 песо, чтобы он мог купить и откармливать свиней: у него капиталистические устремления.

22-е.

(…) (высота): 1 180. Мы около истоков потока, который впадает в Масикури, но к югу.

23-е.

Черный день для меня. Стискиваю зубы, так как чувствую себя очень усталым. (…) В полдень, под солнцем, которое, казалось, расплавляло камни, мы тронулись в путь (…) Решили спускаться по проторенному месту, хотя и очень крутому, чтобы

достичь ручья, который ведет к Рио Гранде и оттуда на Роситу (…)

24-е.

День рождение Эрнестино (…)

25-е.

Черный день (…) Меня позвал Пачо и сказал мне, что у него произошла ссора с Маркусом, который нехорошим тоном отдал ему распоряжения, пригрозив мачете, и ударил по лицу (…)

26-е.

(При переправе через Рио Гранде Бенжамин, который не умел плавать, утонул.) Это был слабый и совсем неловкий парень, но с большой волей к победе (…) Теперь мы получили крещение смертью на берегу Рио Гранде бессмысленной.

Итоги месяца:

(…) Француз должен уже быть в Ла-Пасе, и со дня на день в лагере. (…) Марш прошел вполне прилично, но омрачен инцидентом, стоившим жизни Бенжамину. Люди еще слабы, и не все боливийцы выдержат. Последние голодные дни показали ослабление энтузиазма, более заметное из-за разделения (…)

1 марта.

(…) Мне сообщили, что Поло съел банку сгущенки и Эйсебио — банку сгущенки и банку сардин. В виде наказания они не будут есть эти продукты, когда те будут в меню. Плохой знак.

4-е.

(…) Охотники убили двух маленьких обезьянок, попугая и голубя, мы их съели (…) Моральный дух низок, и физическое состояние ухудшается со дня на день; у меня начинаются отеки на ногах.

16-е.

Решили съесть лошадь (…)

17-е.

(…) Плот (…) поплыл по Ньянкауасу, пока не попал в водоворот (…) В итоге потеря нескольких рюкзаков, почти всех патронов, шести ружей и одного человека (…)

19-е.

(…) Над районом летал маленький самолет, и это не предвещает ничего хорошего. На базе теперь находятся Француз, Чино, его товарищи, Пеладо, Таня и (Моис) Гевара, с первой частью своей группы (…)

21-е.

День провел в спорах с Чино, уточняя некоторые детали с Французом, Пеладо и Таней. Он прибыл с намерением остаться у нас, но я попросил его, чтобы он вернулся и организовал помощь во Франции, а по дороге заехал на Кубу, что вполне совпадает с

его планами, так как он хочет жениться и иметь ребенка от своей супруги. Я должен написать письма Сартру и Б. Расселу, чтобы они организовали всемирную кампанию помощи освободительному движению Боливии (…)

23-е.

(…) День боевых действий (…) Прибыл Коко, сообщил, что армейский взвод попал в засаду. На данный момент результат: три 60-миллиметровых миномета, шесть маузеров, три «узи», один 30-миллиметровый пулемет, две рации, ботинки и т. д., семь человек убиты, четырнадцать взяты в плен целыми и невредимыми и четверо ранены, но нам не удалось взять продовольствие (…)

25-е.

(…) В 18 часов 30 минут в присутствии почти всего состава я сделал анализ нашего похода. Рассказал об ошибках Маркоса, снял его с должности и назначил на место командира авангарда Мигеля. (…) Сделал Французу пространный устный отчет о положении. В ходе собрания назвали нашу группу Национально-освободительной армией Боливии. (…)

26-е.

(…) С наблюдательного пункта Арганарас видели тридцать-сорок солдат и приземлившийся вертолет.

27-е.

Сегодня новость взорвала и полностью заполнила эфир и спровоцировала многочисленные коммюнике и даже пресс-конференцию Барриентоса (президент) (…) Ясно, что дезертиры и пленный заговорили, не ясно только окончательно, что они сказали в точности и как они это сказали. Судя по всему, Таня раскрыта, потерянны два года хорошей и кропотливой работы. Отъезд наших гостей будет теперь затруднителен. У меня впечатление, что это совсем не понравилось Дантону (Режи Дебрэй), когда я ему об этом сказал. Поживем — увидим. Составили коммюнике № 1, который постараемся передать журналистам Камири.

28-е.

Эфир продолжает быть перенасыщен сообщениями о герильях. Мы окружены двумя тысячами человек на участке в сто двадцать километров, и окружение сжимается, дополняемое бомбардировками с напалмом. Мы потеряли от девяти до пятнадцати человек. (…) Француз с чрезмерной настойчивостью высказался, насколько он был бы полезен вне отряда.

29-е.

(…) Гаванское радио сделало сообщение и объявило, что правительство поддержит акцию в Венесуэле[55]. (…) Как только

пещера будет готова, можно будет переселиться из лагеря, который становится неудобным и уже известным (…)

Итоги месяца:

(…) Этап консолидации и очищения для герильи, пополнение за счет прибывших с Кубы элементов, которые выглядят неплохо, и за счет людей Гевары, которые обнаруживают общий низкий уровень (…) Этап начала борьбы, характеризующийся точно нанесенным нами ударом, вызвавшим сенсацию, но сопровождавшийся и до и после грубыми ошибками (отставка Маркоса, действие Браулио); этап начала контрнаступления противника, которое до сих пор характеризуется:

а) тенденцией установления контрольных пунктов, которые нас изолируют;

б) шумихой на национальном и интернациональном уровнях;

в) полной неэффективностью до сих пор мобилизации крестьян (…) их отправили воевать. Они согласны с тем, что им говорят, и настоятельно просят нас, чтобы мы расстреляли майора Плата, который ведет себя с ними как деспот».

24-го в гараже Камири солдаты находят «джип» Тани и в комнате отеля записи речи Фиделя, а также две кассеты кубинской музыки. Это служит вещественными доказательствами против нее. Проведя в центральный лагерь Бустоса и Дебрэя, она думала быстро вернуться в Ла-Пас, где ее ждали новые поручения.

Атмосфера разрядки, даже беззаботности, которая царила в лагере в отсутствие Че в феврале и марте, заставила охладить бдительность. Циркулировали документы, газеты и фотографии.

Как утверждает Режи Дебрэй: «Позднейшая локализация лагеря и военная мобилизация в конце марта не заставили Че изменяться. Если у команданте Гевары не было концепции хода войны, непонятно было, почему он так сильно обвинял Маркоса и Антонио, вернувшись, в решении, которое они приняли в связи с военным наступлением уйти из центрального лагеря. Ни почему он отдал срочный контрприказ снова его занять и защищать во что бы то ни стало. Из-за принципа, чтобы победить деморализацию и придать порыв герилье?»

Непонятно было и то, почему после захвата лагеря армией, которая использовала в качестве проводников дезертиров, Че продолжит ходить вокруг по окрестностям и даже вернется почти сразу после ухода врага.

Как бы то ни было, внезапное нападение армии, несомненно, перевернуло этот вид тренировки и подготовки в театр действий. Тыловая база вдруг оказалась превращенной в некое подобие передовой линии герильи. Этот переход произошел по

инициативе армии и без ведома руководства герильи, удивленной новостью после возвращения разведки.

Как только началась атака, Че не делает ничего, чтобы прервать контакт, даже наоборот, но он поставлен, не желая этого, в позицию обороны.

Длительная голодовка, которую представляла тяжелая разведывательная операция, физически и морально истощила многих лучших бойцов, почти вывела из строя именно в момент, когда надо было начинать сражаться. Командиры, такие как Хоаким и Алехандро, прибыли в лагерь очень исхудавшими, с отечными конечностями из-за голода, не могли надеть сапоги, а пальцы рук были такими распухшими, что едва могли нажать указательным пальцем на гашетку ружья. Но особенно задержка разведки на несколько недель помешала Че самому находиться на месте в момент, когда должно было произойти решающее.

Никто не знал достаточно района, куда он углубился, чтобы одному отправиться на встречу, не потерявшись, и нужно было ждать прибытия Роландо, исключительной личности, чтобы установить связь.

Че сразу понял, что его авангард сделал ошибку, подгоняемый страшным голодом, войдя вооруженными в дом одного служащего «Ясименто Петролеро». Но он не мог, естественно, догадаться, что служащий Эпифанио Варгас был агент IV дивизиона Камири, информатор и проводник.

Никто не сомневался, что городская сеть была уже под контролем американского посольства и ЦРУ.

Вместо того чтобы найти начало войны «преждевременным» и «достойным сожаления», Че, наоборот, бросается в нее с поспешной агрессивностью, которой следуют все.

«Когда после обеда 23 марта Коко Передо на последнем дыхании спешно прибыл в лагерь объявить, что военная колонна только что попала в засаду, которая была организована на Ньянкауасу. Че, лежавший в своем гамаке и читавший книгу, выпустил книгу, подскочил на ноги и испустил радостный и боевой крик. Затем торжественно зажег одну из сигар, которые он берег в глубине своего рюкзака для торжественных случаев».

1 апреля.

(…) Зарезали вторую лошадь, чтобы оставить чарки[56] для шестерых, которые остаются. (…)

2-е.

(…) Мы решили отправляться не сегодня, а завтра в 3 часа утра (…)

3-е.

(…) Когда мы проходили мимо места, где нами была

устроена засада, от семи трупов остались лишь скелеты, очищенные стервятниками с полной тщательностью (…) Говорил с Дантоном и Карлосом[57], предложив им три выхода: остаться с нами, уйти на свой страх и риск или взять через Гуттеерес и оттуда выбраться каким-нибудь способом. Они выбрали третье (…)

6-е.

Очень напряженный день. В 4 часа утра мы переправились через Ньянкауасу (…) В 8 часов Роландо сообщил, что с десяток солдат появилось в ущелье, которое мы только что покинули. Мы медленно пошли дальше, и в 11 часов находились вне опасности (…)

10-е.

(…) Скоро поступили первые новости, и неприятные: Рубио[58] — Хесус Суарес Гайоль смертельно ранен. (…)

11-е.

(…) Общее число потерь (для противника): десять убитых, в том числе два лейтенанта, тридцать пленных, среди которых один майор и несколько унтер-офицеров, остальные солдаты (…) Есть рейнджеры, парашютисты и местные солдаты, почти дети (…) Один чилийский журналист сделал подробное описание нашего лагеря и нашел мое фото без бороды и с трубкой (…)

12-е.

(…) Начал проводить уроки по книге Дебрэя[59] (…)

13-е.

(…) Землянки не обнаружены, ничего не тронуто, скамейки, кухни, печь, запасы зерна (…) Североамериканцы объявляют, что отправка военных советников в Боливию связана со старой программой и не имеет ничего общего с герильей. Возможно, что мы присутствуем при первом эпизоде образования нового Вьетнама.

15-е.

Написали записку Фиделю (№ 4), сообщая ему о последних событиях. Ее шифруют, и она будет написана симпатическими чернилами.

17-е.

(…) Узнали, что один из сыновей крестьянина пропал и, возможно, ушел, чтобы настучать, но решили все равно наконец дать возможность уйти Французу и Карлосу. (…)

19-е.

(…) В 13 часов часовые привели подарок, достойный греков: английского журналиста по имени Рот, который прибыл по нашим следам, сопровождаемый детьми из Лагунильяса (…) В паспорте была зачеркнута профессия «студент» и заменена на

«журналист» (на самом же деле, по его словам, он фотограф) (…) Из объяснений, данных детьми, которые служили проводниками журналисту, узнали, что о нашем прибытии стало известно в тот же вечер в Лагунильяс. (…) Мы нажали на сына Родоса, который признался, что его брат и один пеон Видеса ходили в Лагунильяс, чтобы получить награду от 500 до 1000 долларов (…) Француз предложил потребовать от англичанина в качестве доказательства его добрых намерений, чтобы он помог им выбраться. Карлос, скрепя сердце, согласился, а я умыл руки. (…) В 4 часа (…) Карлос решил остаться, и Француз последовал его примеру, но на этот раз неохотно.

20-е.

(…) К 13 часам прибыл грузовик под белым флагом, в котором приехали помощник префекта, врач и священник Муйупампы, последний — немец (…) Инти предложил им мир для Муйупампы, а они нам приносят до 18 часов 30 минут товары на основании списка. (…) Они принесли (…) сообщение, что трое партизан схвачены в Муйупампе и двое подозреваются, что у них поддельные документы. Плохая перспектива для Карлоса; с Дантоном должно все обойтись. (…)

21-е.

(…) Сообщение о смерти трех наемников объявлено по радио: француз, англичанин, аргентинец. (…)

25-е.

Черный день. В 10 часов примерно с наблюдательного пункта вернулся Помбо и сообщил, что тридцать солдат приближаются к домику (…) Мы решили устроить импровизированную засаду на дороге, ведущей к нашему лагерю: впопыхах выбрали крутую тропинку с видимостью в 50 м (…). Вскоре появился авангард противника, который, к нашему великому удивлению, состоял из трех немецких овчарок и проводника. (…) Началась непрерывная стрельба с фланга армии (Роландо, или Сан-Луис, идеолог группы, раздроблено бедро, повреждена артерия, умер от потери крови). Мы потеряли лучшего бойца герильи и одного из ее столпов, моего товарища еще с тех пор, когда он, почти ребенок, был посыльным 4-й колонны до наступления и до этой новой революционной авантюры, о его смерти можно лишь сказать: твое маленькое тело храброго капитана во всем величии обретет металлическую форму (…), по расчетам Бениньо, мы почти прибыли в Ньянкауасу. Теперь у нас два естественных выхода блокированы, и нам придется уходить через горы. (…)

26-е.

(…) Мы решили продолжать двигаться по тропе, открытой Коко, и попробовать найти другую, которая приведет к Илькири.

У нас есть амулет, Лоло — олененок. Посмотрим, выживет ли он.

27-е.

(…) Сильный холод по ночам (…) Подтверждается, что Дантон находится в заключении, недалеко от Камири; наверняка другие тоже живы и вместе с ним.

Высота 950 м.

29-е. (…) Мы находимся в каньоне без расщелин. Коко полагает, что видел поперечный каньон, который он не обследовал. Завтра мы это сделаем всем отрядом. (…)

30-е.

(…) Лоло умер, жертва взрывного темперамента Урбано, который выстрелил ему в голову. (…) Журнал *Сиемпре* опубликовал интервью Бурриентоса, который, кроме прочего, признал, что есть военные советники-янки и что герилья родилась в результате социальных условий в Боливии.

Итоги месяца:

Дела идут почти нормально, хотя нам пришлось оплакать две тяжелые утраты: Рубио и Роландо. (…) Кроме того, тотальная изоляция; болезни подорвали здоровье некоторых товарищей, и вынуждены разделить наши силы (…), крестьянская база все еще не развивается, хотя нам удалось достичь нейтралитета у большого числа, посредством организованного террора. Поддержка придет потом (…) Дантон и Карлос стали жертвой своей спешки, своего почти безнадежного желания уйти и моего недостаточного сопротивления. Таким образом прерывается связь с Кубой (Дантон) и мы потеряли разработанную схему действий в Аргентине (Карлос) (…)

[4-е.

Центральный лагерь был занят армией, приведенной двумя дезертирами. С обнаружением маленького дорожного дневника Браулио (лейтенант Исраэль Рейес), который был плохо спрятан. Факт, который заставил Че изменить свой псевдоним с Рамона на Фернандо.

18-е.

В сопровождении проводника, данного армией, агент ЦРУ Жорж Эндрю Рот направляется в Лагунильяс, имея в своей записной книжке вопросник, позволяющий удостовериться, правда ли, что Че ведет герилью под именем Рамона, а также присутствие Дебрэя и Тани. Со специальным заданием: нанести химическое вещество на одежду и вещмешки герильеро, чтобы полицейские собаки смогли к ним приблизиться. Это объясняет появление немецких овчарок 25-го.

20-е.

Арест в поселке Муйупампа Режи Дебрэя (Дантон) и Сиро

Роберто Бустоса (Пелао) " сопровождении английского журналиста Рота. План армии состоял в том, чтобы заставить исчезнуть двух первых; возможно, и третьего. Убийство Дебрэя и Бустоса, которое оставалось в тайне, стало невозможным из-за публикации фотографий, задержанных в газете *Презенсия.*

23-е.

Майор Ральф Шелтон, называемый Папи Шелтон, с техникой, использованной во Вьетнаме, начинает инструктировать «зеленые береты» на территории сахарного завода Эсперанса около Санта-Крус.

24-е.

Эксперты США Теодор Кирш и Жозеф Келлер в сопровождении агента ЦРУ Эдуардо Гонсалеса участвуют в допросе Дебрэя и Бустоса. Конечно, в присутствии французского наци Клауса Барбье, бывшего шефа гестапо Лиона, а также советника президента Барриентоса. Он избегает показываться Режи Дебрэю, который мог бы его узнать.

В конце месяца заключенным показан огромный альбом фотографий с требованием указать тех, кто может быть из герильи.

Раскрыв преступления и поведение администрации в концентрационных лагерях, боливийский журналист Хуан Хосе Каприлес обнаруживает, что два лейтенанта, убитые 10-го в Ирипите, Луис Сааведра Арамбель и Хорхе Айала Чалес, были отправлены на передовую за то, что открыто критиковали репрессивный климат в армии. Репортаж, где Каприлес утверждает, что Че в герилье, и публикует настоящий гимн в честь героического герильеро. Его газета сразу же закрывается, а он должен покинуть страну, чтобы спасти себе жизнь.

В этом же апреле история, которая могла бы изменить положение вещей. Бениньо рассказывает: «Мы чуть было не сместили президента Барриентоса, этого сумасшедшего с недоносками! Это было 10 апреля. Он был с патрулем, который нас искал. И за малым мы могли его схватить. Мы знали, что он хотел наши головы выставить перед дверью президентского дворца в Ла-Пасе. Зато он уверен, что, если попадет в наши руки, Че не убьет его. К несчастью, этого не случилось»].

1 мая.

Мы празднуем эту дату, прокладывая проход, но двигаясь очень медленно; мы еще не достигли линии водораздела (…) Ньято убил из рогатки птицу; вступаем в царство птиц.

5-е.

(…) Мы думаем направиться в Урс[60], где должно остаться что-нибудь из еды на два дня, а оттуда в старый лагерь (…)

Объявили, что Дебрэя будет судить военный трибунал в Камири как предполагаемого руководителя и организатора герильи. Завтра приезжает его мать, вокруг этого дела немало шума (…)

8-е.

(…) Лоредо (младший лейтенант армии) открыл огонь и был сражен одновременно с двумя рекрутами. Уже наступила ночь и наши продвинулись; они захватили шесть солдат (…)

9-е.

Встали в 4 часа (я не спал) и отпустили солдат, предварительно опросив (…)

12-е.

Приготовили поросенка с рисом и внутренним жиром с тыквенным гарниром (…)

13-е.

День последствия пира, отходящих газов, рвоты и поноса; настоящий органный концерт. Остаемся абсолютно неподвижными, пытаясь усвоить поросенка (…)

18-е.

(…) Произвел первое удаление зуба в этой герилье, искупительная жертва Камба. (…)

20-е.

(…) Барриентос отказался признать Дебрэя как журналиста и объявил, что потребует от Конгресса восстановить смертную казнь. Почти все журналисты и все иностранцы спрашивали его о Дебрэе; он защищался с помощью невообразимо слабых аргументов (…)

24-е.

(…) По радио объявили, что будет отклонено требование.

30-е.

(…) «Джип» зачихал из-за отсутствия воды (…), мы все туда написали, и с фляжкой воды смогли преодолеть последний этап (…)

Итоги месяца:

(…)

1) Отсутствие контактов с Манилой, Ла-Пасом и Хоакином, количество людей в нашей группе уменьшилось до двадцати пяти человек.

2) Полное отсутствие притока крестьян, хотя они понемногу перестают нас бояться и мы вызываем у них восхищение. Это длительный процесс, который требует терпения.

3) Через Колье партия предлагает свою помощь и, кажется, без условий.

4) Шумиха вокруг «Дела Дебрэя» придала герилье больше значения, чем десять удачных боев.

5) Понемногу герилья приобретает моральный дух и уверенность, если правильно использовать это, гарантирует успех.

6) Армия все еще не организована, и ее действия заметно не улучшаются.

Новость месяца: пленение и бегство Лоро (…)

(1-е. День парада в Качамбе и появления в газете *Пренса либре* коммюнике Национально-освободительной армии Боливии. С откликами международных агентств и радио, которое слушают угнетенные шахтеры.

7-е.

Арестован герильеро Хорхе Васкес Виана, Лоро, попадает в ловушку ЦРУ. Эдуардо Гонсалес, используя свой кубинский акцент, выдает себя за эмиссара Фиделя: «Я из Гаваны, чтобы получить сведения о Че, так как у нас их нет». И он подтверждает присутствие команданте Гевара в герилье. После чего молодой повстанец убит.

Десять солдат, схваченных 10-го, наследующий день отпущены на свободу. В Ла-Пас Барриенто декретировал арест основных руководителей оппозиции, Федерации профсоюзов шахтеров Боливии, а также партии с Марио Монхе и Хорхе Колле во главе.

Месяц террора в зоне Месикури, где многих крестьян истязали по подозрению в соучастии с герильей. Боливийский журналист Хорхе Росса рассказывает, что на дороге Санта-Крус — Кочабамба он насчитал восемнадцать военных заслонов, отмечая, что был задержан французский этнолог, когда он спокойно плыл по реке Ма-море, потому что ему пришла идея носить бороду.

В мае боевой состав 4-го и 8-го дивизионов превышает 4 800 человек для борьбы с герильей, не насчитывающей даже пятидесяти).

3 июня.

(…) У меня не хватило смелости стрелять (в двух солдат, которые ехали на грузовике), и мои мозги не сработали задержать их (…)

8-е.

(…) Я вынужден был сделать еще одно предупреждение Урбано из-за его дерзостей (…) Передают сообщения об осадном положении и угрозе выступления шахтеров, но все быстро проходит.

13-е.

(…) Интересно политическое волнение страны, баснословное количество пактов и контрпактов, которые витают в воздухе. Редко можно увидеть так ясно роль катализатора, которую может

играть герилья.

14-е.

Вот и исполнилось мне тридцать девять лет и неумолимо я приближаюсь к возрасту, который заставляет меня подумать о моем будущем как герильеро: в данный момент я «целое».

Высота 840 м.

18-е.

(…) Нужно сильно понравиться жителям, чтобы можно было поговорить с ними, они как зверьки (…)

21-е.

(…) День многочисленных удалений зубов, во время которых я сделал знаменитым мое имя — Фернандо Сакамуэлас (…)

23-е.

(…)

Высота 1 050 м.

Начинает серьезно угрожать астма, очень маленький запас лекарства.

24-е.

Высота 1 200 м.

(…) Радио передает сообщения о борьбе на рудниках. Астма усиливается.

25-е.

(…) Астма продолжает усиливаться и теперь мешает спать.

Высота 780 м.

26-е.

Черный день для меня (…), мы оказались свидетелями странного спектакля: в полной тишине под солнцем лежали на песке четыре солдатских трупа. Мы дождались ночи (чтобы взять их оружие). Почти сразу же услышали выстрелы с двух сторон (…) ранение (…) Тумы, разорвало ему печень и вызвало кишечную перфорацию, он умер во время операции. С ним я потерял неразлучного товарища всех последних лет, испытанной верности, у меня ощущение, что я потерял сына.

29-е.

(…) Критиковал отсутствие самодисциплины, медленность движения, и пообещал дать им несколько дополнительных понятий, чтобы (избежать бесполезных смертей…).

30-е.

(…) В политическом плане наиболее важна декларация Овандо (командующий армий Овандо Кандия), объявившего, что я здесь. Кроме того, он сказал, что армия имела дело с превосходно подготовленными герильеро и она насчитывает даже в ее рядах вьетконговских командиров, которые побивали лучшие полки североамериканской армии. Он основывается на

заявлениях Режи Дебрэя, который, кажется, сказал больше, чем это было нужно. Хотя мы не можем знать точно, что это такое и при каких обстоятельствах он сказал то, что как будто он сказал (…) Они настаивают, что я подстрекатель восстания в рудниках, скоординированных с действиями на Ньянкауасу. Дела организуются хорошо. Теперь можно прекратить быть Фернандо Сакамуэласом (…)

Итоги месяца:

Наиболее важные особенности месяца следующие:

1) Все еще полное отсутствие контактов, в результа-

те чего нас осталось теперь только двадцать четыре, причем Помбо ранен и наша подвижность ограничена.

2) Отсутствие присоединения к нам крестьян продолжается и ощущается. Это порочный круг: чтобы набрать новых людей, нам нужно постоянно действовать в более населенном районе, а для этого нужно больше людей.

3) Легенда о герилье принимает баснословные размеры; мы стали непобедимыми сверхлюдьми.

4) Отсутствие контактов распространяется на партию, хотя мы сделали попытку через Паулино, которая может дать результат.

5) Дебрэй продолжает занимать центральное место в информациях, но теперь уже в связи со мной, и я фигурирую как руководитель этого движения. Посмотрим, будет ли нам на пользу или нет такая постановка вопроса правительством.

6) Моральный дух герильи на высоте, и растет решимость бороться. Все кубинцы подают пример в бою, и только два или три боливийца слабы.

7) Армия, с военной точки зрения, действует малоэффективно, но она ведет работу среди крестьян, которую мы не можем недооценивать, так как при помощи страха или лжи относительно нас она вербует среди местных жителей доносчиков.

8) Кровавая расправа на рудниках дает точное представление ситуации для нас. (…)

[6-е. Ассамблея шахтеров Уануни демонстрирует свою солидарность с герильей.

15-е. Рабочие профсоюзы объявляют себя в состоянии готовности.

19-е. Че действует как дантист в поселке Мороко, где три шпиона под видом разъездных торговцев схвачены, затем отпущены. Молодая крестьянка, отправленная курьером в Качабамбу для возобновления контактов с городской сетью,

схвачена армией.

23-е. Шахтеры и студенты подписывают новый пакт защиты. Шахтерские кварталы объявлены рабочими «свободной территорией».

24-е. Убийство Сен-Жана. Армейские силы занимают основные оловянные рудники около Оруро. Пастор Грегорио Ириарте пишет в своей книге: «Уже три месяца страна скована герильей в Ньянкауасу. Шахтеры обсуждают присутствие Че Гевары в Боливии. Известно, что некоторые из них отправились на юго-восток страны с целью увеличения рядов герильеро… Впервые по случаю ассамблеи в Катави шахтеры предложили помочь герилье экономически. Этот язык, кажется, потряс даже основы правительства и армии. С этого времени высшая власть начинает планировать карательный налет на рудники».

Таким образом, к концу ночи Святого Жана, с 23-го на 24-е, прибывшие поездом солдаты открывают огонь по забастовщикам и убивают 26 человек, по большей части шахтеров, но также женщин и детей. Около двухсот шахтеров будут затем отправлены в лагеря.

26-е, появление трех шпионов, пропущенных около Пирай, стоит герилье потери Тума в засаде при Рио Секо. Месяц, когда командование почти все изменило в направлении 4-го дивизиона с целью ужесточить борьбу, с усилением людьми на тысячу двести солдат, плюс шестьсот пятьдесят натренированных североамериканцами рейнджеров.

В течение этого времени на Кубе продолжается заразительная кампания, утверждающая исчезновение Че. Поддержана президентом Барриентосом].

3 июля.

(…) Я сделал несколько снимков, что доставило мне большое удовольствие: посмотрим, как их обработать, увеличить и переслать — три проблемы (…) Моя астма продолжает войну со мной.

8-е.

(…) Сделал себе несколько уколов, чтобы иметь возможность продолжать, и наконец использовал раствор адреналина 1/900 для глазных капель. Если Паулино не выполнил свою задачу, мы вынуждены будем вернуться к Ньянкауасу за медикаментами против моей астмы (…)

9-е

(…) Радио сообщило о соглашении по четырнадцати пунктам между шахтерами Катави и Сигло XX и Ко-миболь; это полное поражение для рабочих.

10-е.

(…) Заявления Дебрэя и Пелао не хороши; в особенности то, что они признали континентальную цель герильи, чего им не нужно было делать.

14-е.

(…) Выходят из Фронта Революции и крестьяне угрожают Барриентосу союзом с Фалангой. Правительство быстро распадается. Жаль, что в этот момент у нас нет еще ста человек.

15-е.

(…) Мы убили корову мэра и приготовили роскошный обед. Астма немного отпустила. Барриентос объявил об операции «Синтия», чтобы ликвидировать нас за несколько часов.

19-е.

(…) Силес Салинас (бывший президент) угрожает оппозиции, говоря, что наш приход к власти будет стоить головы всем, и он выступает за национальное единство, объявляя страну на пороге войны. С одной стороны, у него умоляющий вид, с другой, — демагог; возможно, он готовится к замене.

24-е.

(…) Пытаемся расшифровать длинное послание из Манилы. Рауль (…) опроверг комментарии чехов на статью о вьетнамцах. Друзья зовут меня новым Бакуниным и выражают неудовольствие от пролитой крови и от той, которая прольется в случае, когда будут три или четыре Вьетнама.

26-е.

(…) Вечером немного рассказал о значении 26 июля; восстание против олигархии и революционных догм. Фидель упомянул о Боливии (…)

27-е.

(…) Восемь молодых солдат направились к засаде, четверо упали сразу, трое чуть позже, — точно убиты трое, четвертый, возможно (…) Астма меня очень мучает, и успокоительные средства кончаются.

Высота 800 м.

30-е.

Астма изрядно меня придавила, и я провел бессонную ночь (…)

Из кухни услышал диалог: «Эй, кто идет?» — «Отделение «Тринидад». И сразу же очередь. Потребовалось много времени, чтобы нагрузить лошадей, и Негро потерялся с топором и мортирой, взятыми у врага (…)

Поторопил людей и пошел с Помбо, снова под огнем, к устью реки, где заканчивается дорога и можно организовать сопротивление. Отправил Мигеля с Коко и Хулио вперед, а сам

припустил лошадей (…)

Рауль убит пулей в рот (…) У Пачо поверхностная рана, которая захватывает бедро и яичко, а Рикардо очень тяжело ранен, и мы потеряли все, что оставалось от плазмы в мешке Вилли. В 22 часа умер Рикардо, его похоронили около реки, в укромном месте, чтобы солдаты не нашли.

31-е.

(…) Вечером я объяснял ошибки операции: 1) плохо расположен лагерь; 2) плохо использовано время, что позволило другим стрелять в нас; 3) крайняя доверчивость, позволившая ранить Рикардо, и затем Рауля, когда он пошел к нему на помощь; 4) нехватка решительности, чтобы спасти все.

Потеряли одиннадцать рюкзаков с медикаментами, бинокль и некоторые выдающие нас предметы — магнитофон, на котором записано послание из Манилы, книгу Дебрэя с моими пометками и книгу Троцкого, не говоря уже о политической важности этих находок для правительства (…) Нас двадцать два, двое из которых ранены, Пачо и Помбо, и я с сильной астмой.

Итоги месяца:

Наиболее важные особенности таковы:

1) Продолжающееся полное отсутствие контактов.

2) Крестьяне по-прежнему не вступают в отряд, хотя имеются некоторые ободряющие признаки: наши старые знакомые из крестьян принимали нас хорошо.

3) Легенда о герилье распространяется по континенту (…)

6) Армия продолжает ошибаться, но некоторые ее подразделения стали более боевыми.

7) В правительстве углубляется политический кризис, но Соединенные Штаты предоставляют ему небольшие кредиты, которые являются большой помощью для Боливии, и это позволяет умерить недовольство (…)

[4-е.

Разглашена информация, что поезд из двадцати восьми вагонов, груженных оружием, спрятанным под мешками с мукой, следует из Тукуман, в Аргентине. Поезд, охраняемый армией, проходит до границы в Ла Киака. Новость вызывает цепную реакцию. Чилийское правительство требует объяснений от правительств Аргентины и Боливии. Президент Парагвая Альфред Стресснер уверяет, что готов, в случае необходимости, отправить солдат на выручку. Все это показывает, как герилья сеет панику и страх. Проявляется отсутствие веса правительства Барриентоса.

6-е.

Со взятием Самаипаты, столицы провинции Флорида в ста двадцати километрах от Ла-Паса, герилья наносит тяжелый удар по врагу. Самаипата на самом деле расположена на основной дороге страны, которая соединяет с Кочабамбой, Оруро, Сукре и Ла-Пасой. Место для перезаправки автомобилей. Возможный трамплин для герильи.

10-е.

Режи Дебрэй ответит на предположения, которые похожи на обвинения. «Если бы мы были в одной тюрьме с Бустосом (Пелао), мы бы не были в одной камере. Я даже ничего не знаю о его деятельности. Просто он для меня был, как половая тряпка, лжец, которому удалось заставить Че поверить, что он всегда был верен, с того момента как встретился с ним, много лет тому назад. Он провел армию до лагеря и показал ей гроты, нашел фотографии, на одной из которых была Таня. Я узнал об этом от Рубена Санчеса, офицера, который перешел в герилью и раньше спас мне жизнь. Присутствуя на допросах, он имел возможность знать, что говорил Бустос. Талантливый портретист, он нарисовал лица основных членов герильи».

Две политические партии выходят из реакционной к правительству коалиции, армейские силы напрямую берут контроль над правительством.

20-е.

Два очень молодых рекрута герильи, Эйсебио и Чин-голо, воспользовались боем около Тикуча в зоне Ньянкауасу, чтобы дезертировать.

24-е.

Еще раз Че обнаруживает, что он не попался на удочку, и доказывает это со своим обычным юмором, намекая на «друзей» из Москвы (…)]

1 августа.

(…) Выкопали траншею для засады. (…)

Высота 650 м.

3-е.

(…) Продвигаемся очень медленно. Никаких новостей. Пачо выздоравливает, я же, наоборот, плох (…), попробовал внутривенный укол новокаина, без результата.

8-е.

Мы прошагали почти час, что для меня составило два, так как моя кобыла устала. В какой-то момент я ударил ее ножом в горло и серьезно ранил (…) Пачо восстанавливается, но я не человек, и история с маленькой кобылой подтверждает, что в определенные моменты я теряю над собой контроль (…) Настал момент, когда нужно принять решение. Такая борьба позволяет нам стать

Революционерами, наивысшим эшелоном человеческого существа, но он также позволяет нам стать людьми. Те, кто не чувствует себя способным достичь какой-либо из этих стадий, должны сказать об этом и покинуть борьбу. Все кубинцы и некоторые боливийцы заявили, что они будут продолжать до конца (…)

10-е.

Антонио и Чапако отправились назад поохотиться и принесли лань и дикого павлина. (…)

12-е.

(…) Барриентос объявил о закате герильерос и вновь начал бросать угрозы об интервенции Кубы. (…)

14-е.

(…) Слушая сообщения, мы узнали о захвате пещер (…) Захвачены документы и разные фотографии. Это самый тяжелый удар, который был нам нанесен: кто-то должен за это ответить. Кто? Загадка.

15-е.

(…) Радио Санта-Крус объявило, между прочим, что армия захватила двух из группы Муйупампа. Теперь нет сомнений, что речь идет о группе Хоакина, и его теперь должны очень преследовать, а двое схваченных заговорили (…)

16-е.

(…) Мул сбросил меня прямо на землю, на бревно (…)

17-е.

(…) Радио объявило, что оно представит документы и подтверждения о четырех гротах Ньянкауасу. Указание на захват грота обезьян. (…)

18-е.

Инти сказал мне, что Камба хочет уйти, физические условия, в которых он находится, не позволяют ему продолжать. Кроме того, он не видит дальнейших перспектив борьбы. Естественно, это типичный случай малодушия, это было бы честно — отпустить его, но в данный момент он знает нашу будущую дорогу, которая должна привести нас к Хоакину, и он не может уйти (…)

19-е.

(…) Артуро (…) убил тапира, что создало напряжение в лагере, так как он сделал семь выстрелов. (…)

Похоже, что белая лошадь имеет шанс спасти свою шкуру (…)

23-е.

(…) Утомительный день, так как нужно было пройти по очень трудному склону скалы. Белая лошадь отказалась двигаться дальше, и мы ее оставили, увязнувшую в грязи, без возможности

выбраться оттуда (…) Объявили, что суд над Дебрэем отложен до сентября.

Высота 580 м.

24-е.

(…) С наступлением ночи вернулись мачетерос с пойманными животными, кондором и тухлой дикой кошкой. Все было проглочено вместе с остатками тапира, есть еще фасоль и то, что можно будет поймать.

Камба приближается к пределу морального упадка, он дрожит, как только слышит о солдатах (…)

26-е.

Все повернулось плохо: приблизилось семь человек, но они разделены, пятеро внизу реки, двое собрались ее пересечь. Антонио, ответственный за засаду, рано выстрелил и промахнулся, это позволило солдатам быстро спрятаться (…)

27-е.

День провели в безуспешных поисках выхода, и его еще не видно. Мы около Рио Гранде и прошли уже Юмон, нет новых патрулей. (…) счастливое событие: прибыли Бениньо, Ньято и Хулио. (…)

30-е.

Ситуация начинает становиться устрашающей, мачетерос потеряли сознание. Мигель и Дарио выпили свою мочу, и Чино сделал то же самое, плачевный результат, понос, спазмы. Урбано и Хулио спустились в каньон и нашли воду (…)

Высота 1 200 м.

Итоги месяца:

(Без всякого сомнения — все плохо…) Потеря тайников с документами и медикаментами, которые там находились, тяжелый удар, особенно в психологическом плане. Потеря двух человек в конце месяца и последовавший за этим трудный переход с едой из конины деморализовали людей и встал вопрос об уходе Кам-бы (…) Отсутствие контактов с внешним миром и Хоакином, и то, что заговорили те, кого схватили, несколько деморализовало отряд. Моя болезнь посеяла у некоторых сомнения (…) Наиболее важные характеристики:

1) Мы по-прежнему лишены каких-либо контактов и не имеем надежды установить их в ближайшее будущее.

2) Мы по-прежнему не добились присоединения к нам крестьян. Это логично, принимая во внимание то, что в последнее время у нас с ними было мало встреч.

3) Моральный дух бойцов понижается, но надеюсь, временно.

4) Армия не действует более эффективно и напористо.

[4-е.

Два дезертира, Эйсебио и Чинчоло, задержаны армией, ведут солдат к «стратегическим тайникам», как их называет Режи Дебрэй, рассредоточенных около центрального лагеря. Обнаружение документации, которая там спрятана, позволяет властям раскрыть городскую сеть — арест Лойолы Гусман, — создать «процесс Камири» и дойти до блокирования.

Месяц прошел в фильтровании журналистов и официальных лиц, приехавших на процесс Дебрэя и Бустоса. Когда 8 августа знаменитый итальянский издатель появляется в Ла-Пасе, он оказывается под контролем секретных служб. Позднее он опубликует дневник Че в Боливии и умрет таинственным образом 15 марта 1972 года около Милана. Из солидарности к Дебрэю прибывает французский издатель Франсуа Масперо в сопровождении адвоката Жоржа Пине, бельгийца Роже Лальмана, представляющего Лигу прав человека, и Жака Винерона с научного факультета Парижского университета. Масперо подвергся четырехчасовому допросу и был обвинен в заговоре против Боливии.

Месяц, когда начинает действовать новый дипломатический атташе посольства СССР, литовец по происхождению, ставший агентом ЦРУ, который с 1965 до начала 1967 года был ответственным за информацию в Сайгоне для *Голоса Америки.* Он помогает ЦРУ проникнуть в основные средства массовой информации страны и дезинформировать о действиях герильеро.

26 августа прибытие в Ла-Пас генерала Жоржа Пор-теро, главнокомандующего американских баз, расположенных на юге США, с пунктом в Панаме. Его сопровождают два других генерала и много полковников. Цель миссии — оценить герилью и военную ситуацию в стране.

31-е.

Засада в Вадо дель Йесо. Тыл Хоакина, прибывший на берег Рио Гранде, проводит крестьянин Онорато Рохас до брода, где его ждет, прячась на берегу, пехотная рота. Семь герильеро уничтожены, когда они переправлялись через реку: кубинцы Хоакин (команданте Вило Акунья Нуньес), Алехандро (команданте Густаво Мачин Ольд де Лече), Браулио (лейтенант Исраэль Рейес Сайас), Таня (Тамара Бункер) и боливийцы: Моис Гевара, Вальтер Арансибия и Поло, Апполинар Акино. Эль Негро, Реституто Хосе Кабрера Флорес, перуанский врач, и боливиец Фредди Маймура схвачены и расстреляны. Оставшийся в живых боливиец Пако Хосе Кастило Чавес посажен в тюрьму. Че получает информацию по радио и отказывается от поисков арьергарда. Онорато Рохас, предатель, будет расстрелян 14 июля

1969 года].

2 сентября.

Рано утром мы отправились к фермам, оставив Коко, Пабло и Бениньо в засаде в доме под руководством Мигеля (…) В 13 часов 30 минут услышали выстрелы и узнали, что приблизились крестьянин с солдатом и лошадью. Стоявший с Помбо и Ейстакио на посту Чино испустил крик: «Солдат», и зарядил ружье, солдат выстрелил в него и убежал. Помбо выстрелил и убил лошадь. Я притворился разозленным. И на самом деле верх неспособности. (…) Пастухи рассказали, что жена Онорато жалуется на солдат, так как солдаты избили мужа и съели все, что у них было. Когда пастухи проходили, восемь дней назад, Онорато был в Валле Гранде, где лечил рану от укуса тигра (…)

Радио передало грязное сообщение об уничтожении группы из десяти человек под командованием кубинца Хоакина в зоне Камири: но это передавал *Голос Америки,* а местные станции об этом не говорили.

3-е.

(…) Наши убили солдата, у которого была собака. Солдаты среагировали и окружили их, но они проскочили (…) Над зоной летал самолет и выпустил несколько снарядов примерно на Ньянкауасу (…)

4-е.

(…) По радио передали сведения об Эль Негро, перуанском враче, убитом в Пальмарито и перевезенном в Камири; Эль Пелао участвовал в его опознании. На этот раз речь идет о реальной смерти: другие могут быть ложными или выдаваться за таковые. (…)

5-е.

(…) В доме владельца Морона были солдаты, которые чуть не обнаружили группы благодаря своим собакам. Кажется, они передвигаются по ночам (…) Расшифровали полное послание, в котором говорится, что ОЛАС имела успех, но боливийская делегация была дерьмовой.

Они потребовали, чтобы человек Колле прибыл для обсуждения. Был обыскан дом Лосано, последний прячется. Думают, что можно будет поменять Дебрэя. Это все: видно, что они не получили нашего последнего послания.

6-е. Бениньо.

День рождения Бениньо выдался многообещающим. На рассвете мы приготовили из муки, что было возможно, и выпили немного мате с сахаром. Затем Мигель во главе группы из восьми человек отправился в засаду, а Леон принес маленького бычка (через десять часов), услышали выстрел, затем короткую очередь

и выстрел с нашей стороны. Пока мы занимали позицию, вернулся Урбано. Он встретил патруль с собаками.

7-е.

(…) Радио Ла Крус дель Сур объявляет об обнаружении трупа Тани-партизанки на берегу Рио Гранде. Показания не оставляют правдивого впечатления, как в случае с Эль Негро; труп был переправлен в Санта-Крус, как говорит эта станция, и только она одна, а не предгорий.

8-е.

Радио сообщило, что Барриентос присутствовал на погребении останков герильеры Тани, которую похоронили «по-христиански», а затем он поехал в Пуэрто Майрисио в дом Онорато; он сделал предложение обманутым боливийцам, которые не получили обещанной зарплаты, чтобы они с руками на голове пришли на военные посты, что против них не будут предприняты меры (…)

Будапештская газета критикуют «Че», патетическую личность, и как кажется, безответственную, и приветствует позицию чилийской партии, которая принимает практическое участие в действии. Как бы я хотел прийти к власти, чтобы разоблачить подлецов и лакеев всех мастей и набить им морду за их свинство.

11-е.

(…) Утром радио сообщило, что Барриентос подтвердил, что я давно мертв, все это было для пропаганды и в этот вечер он предложил 50 ООО долларов (4 200 фунтов) за сведения, которые помогли бы захватить меня мертвого или живого (…)

12-е.

(…) День начался с трагикомического эпизода: ровно в 6 часов, время подъема, приходит Эйстадио предупредить, что по ручью подходят люди; призыв к оружию, и все готовы (…) В конце концов это оказалось лишь галлюцинацией из-за психического состояния отряда (…)

Кажется, предложение Барриентоса спровоцировало некоторую сенсацию: во всяком случае, один благонамеренный журналист находит, что 4 200 фунтов мало за опасность, которую я представляю. Радио Гаваны сообщило, что ОЛАГ получила послание поддержки от ЭЛН — загадка телепатии!

13-е.

(…) Единственная новость, как разорвавшаяся бомба, это то, что отцу Дебрэя швырнули все подготовленные для защиты документы, конфискованные у сына, под предлогом, что они могут превратиться в политическую брошюру.

15-е.

(…) Радио сообщило о тюремном заключении Лойо-лы, это,

должно быть, из-за фотографий. Бычок, который у нас оставался, умер, естественно, от руки палача.

Высота 780 м.

16-е.

День прошел за строительством плота и переправы реки (…)

22-е.

(…) Вечером Инти (в Альто Секо) провел собрание в классной комнате (1 и 2 классов), на котором он объяснил группе из пятнадцати крестьян, удивленных и молчаливых, цели нашей революции. Только один учитель спросил, сражаемся ли мы в поселках. Это помесь хитрого образованного ума крестьянина с наивностью ребенка. Он задал массу вопросов о социализме. Подросток предложил себя в качестве проводника и предупредил нас об учителе, которого считает лисой.

25-е.

Спозаранку мы прибыли в Пухио, но там были люди, которые видели нас накануне; говоря по-другому, о нас объявило «радио бемба» (…) Мэр Игера по соседству, и я дал приказ задержать его.

Высота 1 000 м.

Инти и я поговорили с Камба и договорились, что он сопровождает нас, пока не увидим Ла Игера, местечко, расположенное около Пукара, и там он попробует отправиться на Санта-Крус.

26-е.

Бегство. На рассвете мы прибыли в Пикачо, где все были на празднике. Это самый высокий пункт, которого мы достигли: 2 280 м. Крестьяне нас очень хорошо приняли, и мы продолжали без опасений, хотя Овандо сообщил о моем захвате с минуты на минуту. По прибытии в Ла Игеру все изменилось: мужчины исчезли, осталось несколько женщин. Коко пошел в дом телеграфиста, где был телефон, и принес депешу от 22-го, где супрефект Валле Гранде информирует мэра, что он узнал о присутствии герильеро в зоне и что любая новость должна передаваться в Валле Гранде, где он оплатит издержки. Мужчина сбежал, но жена подтвердила, что сегодня никто не звонил, так как в соседнем поселке Хагуэй праздник (…)

Когда я направился к вершине холма, в 13 часов 30 минут примерно, выстрелы по всей горе оповестили меня, что наши попали в засаду. Я организовал оборону в маленьком поселке, чтобы подождать спасшихся, и отметил для выхода дорогу, которая ведет к Рио Гранде. Через некоторое время прибыл раненый Бениньо, затем Антисето и Паблито с ногой в плохом состоянии. Мигель, Коко и Хулио были убиты, и Камба исчез, оставив свой рюкзак. Арьергард отправился быстро по дороге, а я

следовал за ним с двумя мулами. Те, кто был сзади, задержались из-за выстрелов, и Инти потерял контакт.

Подождав его полчаса в маленькой засаде и подвергнувшись еще атаке с горы, мы решили оставить его. Он нас догнал немного позднее. Именно в этот момент мы заметили, что исчез Леон, и Инти сказал нам, что он видел его рюкзак на тропинке, по которой он мог уйти.

Мы увидели человека, который быстро шел в каньоне, и решили, что это он. Чтобы постараться запутать следы, мы отпустили мулов ко дну каньона, а сами продолжили идти по узкому проходу. Мы проспали до 12 часов, потому что не могли больше передвигаться.

27-е.

Радио сообщило, что у нас было столкновение с ротой Галиндо, что есть трое убитых, которых отправили в Валле Гранде на идентификацию. Похоже, они не взяли ни Каюбу, ни Леона (…) Самая тяжелая утрата — Коко, а Мигель и Хулио были превосходными бойцами (…)

28-е.

Страшный день, в отдельные моменты мы думали, что это последний. (…) В 10 часов перед нами прошли сорок шесть солдат с рюкзаками за спиной, и прошла вечность, пока они удалились. В 12 часов появилась другая группа, на этот раз семьдесят семь человек, в довершение ко всему раздался выстрел, и солдаты заняли позицию; офицер отдал приказ любым способом спускаться в овраг, который, кажется, был нашим. Но в конце концов они переговорили по рации и у них был удовлетворенный вид; они отказались спускаться. (…)

30-е.

Днем Радио *Бальмаседа* Чили сообщило, что от официальных сил армии известно, что Че Гевара загнан в безлюдный каньон. (…)

Итоги месяца:

Это должен был быть месяц восстановления, и он был почти таким, но все провалила засада, где погибли Мигель, Коко и Хулио. И мы оказались затем в опасном положения, потеряв еще и Леона; исчезновение Камбы — чистая польза (…)

Кроме того, кажется есть много вариантов сообщений об убитых из другой группы, которую нужно считать ликвидированной. Еще кажется возможным передвижение маленькой группы, которая избегает встреч с солдатами, так как сообщение об одновременной смерти семерых может быть ложной или по меньшей мере преувеличено.

Самая важная задача — спастись и найти более

благоприятные зоны; затем связь, хотя в Ла-Пасе разрушена вся сеть, чем нас очень жестоко потрясли. Моральное состояние оставшихся в отряде поддерживается в довольно приличной форме, у меня только есть сомнения в отношении Вилли, который может сбежать один, воспользовавшись какой-нибудь заварушкой, если я не поговорю с ним.

[Свидетельство Бениньо: «Из двадцати двух, которые остались, двадцать один решил остаться с Че до конца, один Камбо выбрал другую форму борьбы. Он последовал со своим ружьем отдельно. Мы двадцать остались солидарны с Че. Без медикаментов, без еды, с четырьмя или пятью ранеными и пятью больными. Камба был членом Боливийской коммунистической партии. Он участвовал в борьбе за освобождение. Его обвинили в том, что он правый, так как он политически предал. Правые же относили его к левым, утверждая, что он трусливый. Он жил ужасной жизнью. Уехал в Швецию скрыть свои мучения. Я хотел бы сказать тем, кто поставил под сомнение надежность Режи Дебрэя, что он был наш, замечательный человек. Я испытываю самое большое уважение к этому господину. Он был нужен революции, я благодарю его за то, что он с нами рисковал за нее жизнью».)

18-е, газета *Эль Диарио* утверждает, что вице-президент Республики Луис Адольфо Силес Салинас и североамериканские инструкторы закрыли курсы подготовки полка «Рейнджер», выдав всем дипломы. И в заключение торжественный марш шестисот сорока выпускников в формах и зеленых беретах.

22-е.

Первый политический митинг герильи в поселке Аль-то Сесе, где говорил не только Инти, но и Че. После чего мэр доносит о герилье в соседний гарнизон Валле Гранде.

26-е.

В добавление к Коко Передо убиты: брат Инти, основной ответственный за подпольные приготовления с начала 1966 года, кубинец Мигель, капитан Мануэль Эрнандес и Хулио, Марио Гуттиэрес Лрдайа, преподаватель боливийского университета. Остается девятнадцать человек, один из которых, Бениньо, ранен, и один серьезно болен, кубинский врач Моро (Октавио де ла Консепсьон и Ла Пердраха).

28-е.

Солдаты хватают двух дезертиров, Камбу (Орландо Хименес) и Леона (Антонио Родригес Флорес), о котором Фидель намекает в своей речи о славе Че, добавив, что он должен был дать желаемую противником информацию].

3 октября.

(…) Высота 1 360 м.

Услышали интервью Дебрэя, очень смело, по отношению к студенту-провокатору.

4-е.

(…) В 18 часов покинули ущелье и продвигались по козьей тропе до 19 часов 30 минут, когда уже ничего не видно, и здесь оставались до 3 часов утра.

Радио передает сообщение о перемещении вперед позиции штаба 4-го дивизиона от Лагиниласа к Падила, чтобы лучше наблюдать за зоной Серрано, где предположительно могут спрятаться герильеро, и объявляет, если меня возьмут силы 4-го дивизиона, то будут судить в Камири, если же 8-й дивизион, то судить будут в Санта-Крус.

Высота 1 650 м.

6-е.

(…) Чилийское радио ссылается на сообщение, что уже тысяча восемьсот человек в районе идут по нашему следу.

Высота 1 750 м.

7-е.

Прошло одиннадцать месяцев, как мы начали герилью. Они прошли без осложнений, буколически, до 12 часов 30 минут, когда пришла в каньон старушка пасти коз, туда, где располагались мы, и мы вынуждены были задержать ее. Старушка не дала нам никаких достоверных сведений о солдатах. Она только сказала, что не знает и давно здесь не проходила. Дала сведения о дорогах. По ее словам, кажется, мы находимся почти в одном лье от Игерас, в одном лье от Хагуей и примерно в двух лье от Пукара. В 17 часов 30 минут Инти, Анисето и Паблито были у старушки, у которой дочь карлица и страдает базедовой болезнью. Дали им пятьдесят песо, попросив их не говорить ни слова, но без большой надежды, что они его сдержат. При слабом свете луны мы пошли, марш был очень трудным, и мы оставили много следов в каньоне (…) В 2 часа мы остановились отдохнуть, так как не имело смысла двигаться дальше. Эль Чино становится настоящим бременем, когда надо идти ночью.

Армия дала странную информацию по поводу присутствия двухсот пятидесяти человек в Серрано для предотвращения прохода окруженных герильеро в количестве тридцати семи человек, и знающих где мы прячемся, между Асеро и Оро. Информация похожа на провокацию.

Высота 2 000 м.

Глава XXIX
ЧЕЛОВЕК ИЗ МЕЧТЫ

(Антуан Блондин)

Дневник Че, который он писал иногда на деревьях, часто на ходу, всегда лаконичный, точный, не без присущего ему юмора, обрывается 7 октября 1967 года, начавшись 7 ноября предыдущего года, рассказав седьмую жизнь кошки.

Наихудшее произошло в марте и связано с дезертирством Даниэля[61], который увел с собой Орландо[62]. В Камири Даниэль рассказал армии все, что он знал. А знал он много с поры появления кубинцев, и даже точное расположение подземных складов и гротов, подготовленных около центрального лагеря, фатальный удар, нанесенный Че и его людям.

В этот же день 7 октября в *Нью Йорк Таймс* появляется статья с заголовком «Последнее сопротивление Че Гевары». Она дает описание декорации действия:

«Камири, Боливия. Даже для человека, который столько путешествовал, сколько Эрнесто Гевара, этот пустынный тупик, где Анды суживаются в направлении бассейна Амазонки, представляет собой место, по-настоящему удаленное от всего. Весь день солнце висит над пыльной дорогой, нагревая землю и кустарник. В тишине кусают многочисленные насекомые, огромные мухи, комары и пауки. (…) Пыль и укусы насекомых превращают человеческое существо в жалкое зрелище. (…) Переплетающаяся растительность, сухая и покрытая колючками, делает передвижение практически невозможным, если только это не козьи тропы и русла ручьев, которые тщательно охраняются».

«В соответствии с военными рапортами кубинский команданте и шестнадцать товарищей из герильи окружены в долине армейскими силами уже две недели. Боливийские военные утверждают, что команданте Гевара не выйдет оттуда живым.

По многим аспектам положение команданте Гевары, взятого в его интернациональном марше, может служить метафорой вооруженной революции во всем полушарии…»

Инти Передо, который выживет в событиях боливийского красного октября, напишет о себе в своей книге:

«Утром 8-го октября было холодно. Те, у кого были куртки, надели их. Наше продвижение медленно, так как Чино было плохо ночью, а также потому, что состояние здоровья Моро ухудшилось. Мы решились на передышку с двух до четырех утра,

прежде чем двинуться вновь».

Когда герильеро останавливаются, чтобы попить из ручья, их обнаруживает молодой крестьянин, который поливал свой квадрат земли и является сыном мэра Ла Игера. Он спешит в поселок предупредить командира поста лейтенанта Карлоса Переса Паньосо. Тотчас по рации командиры армии, расположенной в окрестностях, направляют две роты рейнджеров, насчитывающие по сто сорок пять солдат каждая, и отделение из тридцати семи солдат, то есть триста двадцать семь спусковых крючков в общем, окруженные североамериканскими советниками. Другие роты, базирующиеся в окрестностях, тоже получают приказ направиться к лощине Чуро — выходит к реке Гранде, — где колонна Че будет окружена.

«В 5 часов 30 минут, — пишет Инти Передо, — мы достигли места, где сходятся два склона оврага. Восход солнца позволяет нам тщательно осмотреть местность. Мы искали гребень, по которому могли бы пройти до реки Сан Лоренсо. Меры предосторожности были усилены, потому что ущелье и вершины, которые его окружают, были безлесы, покрыты только низким кустарником и поэтому невозможно в них раствориться.

Че проанализировал ситуацию следующим образом: что нам остается? Мы не можем повернуть назад, дорога, которой мы прошли, очень открыта и сделает нас легкой добычей для солдат. Так же, как мы не можем идти вперед, это привело бы нас прямо к вражеским позициям. Он принимает единственно возможное решение: спрятаться в маленьком боковой каньоне и поискать места, где занять позиции. Было едва 8 часов 30 минут. Все семнадцать, мы распределились в центре и по сторонам каньона. Овраг Чуро был длиной семь километров, шириной максимум шестьдесят сантиметров. Он суживался, оставляя только проход для маленького ручья, который бежал по нему».

Че делает новый быстрый анализ: «Если нас атакуют между двумя часами утра и часом дня, мы будем в очень невыгодном положении, и наши шансы минимальны, так как мы не сможем долго сопротивляться. Если они атакуют между семью часами утра и тремя дня, мы сможем нейтрализовать их. И если бой произойдет после пятнадцати часов, и в наших интересах как можно позднее, наши шансы будут лучшими, так как ночь наступит быстро, а известно, что она естественный союзник герильеро».

Как тактик, который знает в герилье все, Че предусматривает, где перегруппироваться в случае рассредоточения: на маленькой естественной платформе, именно там, где они встретили старую крестьянку. Оборона организуется с помощью Артуро, Пачо,

Вилли и Антонио в точке 1, в низине. Точка 2, выше по течению, будет занята Бениньо, Инти и Дарио на высоте, и Че, Ньято, Анисето, Паблито, Чино, Моро, Эйстакио и Чапако в расщелине шестью метрами ниже. Помбо и Урбано будут стоять выше. В общем семнадцать человек с инструкциями: «Если армия попробует проникнуть по оврагу, отходить на левый фланг. Если атака произойдет на правый фланг, вернуться по дороге, по которой мы пришли, и также по ней, если атака будет с вершин. Верная позиция с левой стороны будет служить возможным пунктом перегруппировки».

«Около одиннадцати часов утра, — продолжает Передо, — я заменил Бениньо, но он не спустился, он остался лежать, потому что рана в плечо кровоточила и доставляла ему мучения. Затем втроем мы заняли позицию Бениньо, которому помогли выбраться, Дарио и я. В 11 часов 30 минут Че направил Ньято и Анисето заменить Помбо и Урбано. Чтобы добраться до этой позиции, нужно было пересечь пространство, подвластное врагу. Анисето был первым, пытавшимся пройти, но он был задет пулей. Бой начался.

Бениньо, Дарио и я заметили, что армия владеет частью ущелья, перекрывая нам проход, и из-за этого наши позиции отрезаны одна от другой».

Сопротивление герильеро останавливает продвижение армии. Но возможности уйти в середине дня от тысяч солдат, сконцентрированных в районе, десять тысяч, по мнению Бениньо, практически не существует, по крутым склонам, которые заканчиваются зоной без растительности, где люди будут служить мишенями, как в стрельбе по голубям. Капитан Гарри Прадо, командир роты B, прибывший на место, докладывает в штаб в Валле Гранде, что бой начался и ему срочно нужен вертолет, а также самолеты и подкрепление людьми. Военные самолеты направлены, снабженные напалмовыми бомбами, но они не будут использованы из-за очень большой близости солдат с повстанцами.

Точность рассказа, которой я следую, требует в добавление свидетельствам выживших дать скрупулезное расследование, проведенное кубинской разведкой, которая будет гнаться за информацией, как только новое правительство будет у власти в Ла-Пасе в 1969 году и даст им право на расследование. Они встретятся с солдатами, причастными к захвату и убийству Че, и они вытянут из них свидетельства, которые перейдут в распоряжение к журналистам различных южноамериканских стран помимо Кубы.

Когда Эрнесто понимает, что армия владеет положением, он

решает пробиваться назад. Он решает разделить свою группу таким образом, чтобы позволить больным и раненым идти свободно, тогда как здоровые постараются задержать солдат. «Он хотел спасти больных, которыми были Моро, Эйстакио и Чапако, — пишет Инти, — их помощник Пабилито, который мог бы сражаться. Таким образом, Че оставался с Чино[63], Вилли[64], Антонио[65], Артуро[66] и Пачо[67]». На самом ли деле он надеялся, что сможет затем преодолеть линию вражеского огня.

Больным Моро[68], Эйстакио[69], Чапако[70] и Пабилито[71], который их сопровождает, удастся выскочить из мышеловки, которая закроется для Че и его спутников. Они будут схвачены 12 октября у слияния рек Рио Гранде и Муске и расстреляны все четверо. Группе, состоящей из боливийцев Инти[72], Дарио[73], Ньято[74] и кубинцев Помбо[75], Бениньо[76] и Урбано[77], тоже удастся прорвать окружение. Преследуемые боливийской армией они все же смогут перейти Анды и проникнуть на чилийскую территорию, где президент Сальвадор Альенде примет их и лично сопроводит на Таити. Отсюда посол Кубы во Франции Баудилио Кастелльянос привезет их в Гавану через Париж и Прагу. Они окажутся единственными спасшимися[78] из боливийской экспедиции[79].

В то время как Че, в свою очередь, хочет выскочить из западни со своими пятью соратниками, которые ему остаются, армия перекрывает все выходы. Все еще надеясь проделать проход, Эрнесто начинает движение, поддерживая Эль Чино, который оглох, да еще и видит плохо, и толстые стекла не помогают, и ноги которого сломаны во время допроса в Лиме. Не имея возможности идти нормально, он опирается на Че, чтобы медленно добраться до предполагаемого сборного пункта, расположенного более чем в километре. Прежде чем прибыть на маленькую платформу, Чино спотыкается, теряет очки и становится на четвереньки, чтобы их найти. Че пытается помочь ему. Они на линии прицела пулеметов под командованием сержанта Беркардино Уанка; солдаты открывают огонь, и Че ранен в правую икру, он дает отпор, но его карабин М-1 выведен из строя пулей, которая его пробила. Тогда Эрнесто хватает свой револьвер и видит, что в нем больше нет патронов, ему остается только кинжал Золингена. Все же обоим удается достичь платформу.

Теперь срочным является остановить кровотечение из икры. Он садится около ручья с сернистой непитьевой водой, достает платок, скручивает его, чтобы сделать жгут, который накладывает выше раны. Шум детонации и гранат мешает ему услышать приближение врага, так как он сконцентрирован на том, что

делает.

Их трое, окруженные солдатами, которые патрулируют так близко, что могут видеть тени, отбрасываемые сверху вниз. Одна тень качается, колченогая, опирается на другую, которая помогает себе ружьем взбираться. Картина смутная. Команданте Че Гевара приближается, но солдаты еще не знают, что это он. Тот, кто «человек человеку волк», хватает его за горло. Героический герильеро, такой дорогой для кубинцев, самый опасный революционер планеты, оказывается во власти врага.

Разглядев два силуэта, солдат Бальбоа бросается на поиски сержанта Уанка, которому остается только вернуться и забрать Че и Чино, совершенно беспомощных. Это происходит около местечка под названием Ла Уэрта де Агиляр в момент, когда день клонится к закату, немного выше Вилли, прятавшийся за скалу, тоже схвачен.

В то время как его люди держат под прицелом двух повстанцев, Уанк предпочитает доложить об этом капитану Прадо, который приказывает ему привести трех герильеро к нему, туда, где он находится, на двести метров ниже. Прадо тотчас уведомляет Валле Гранде о захвате Че в ложбине Чуро.

Время: 15 часов 30 минут.

«Провал Рамона подтверждается. Жду указаний. Он ранен».

В 16 часов 30 минут спешно направлен вертолет на поиск Че, который рассматривается как главная добыча. Он летит в зону боя. Но он не может сесть, потому что герильеро, которым удалось выскочить, стреляют по нему. Пилот вынужден вернуться в Валле Гранде, по дороге подбирая раненых солдат.

В 17 часов в Ла-Пас отправлено двусмысленное послание: «Провал Рамона подтверждается. Будем знать о его состоянии через десять минут».

Че видит солдат, несущих трупы Антонио и Артуро, которые были убиты при столкновении, а Пачо серьезно ранен. Он просит, чтобы ему позволили оказать помощь своему товарищу, но в этом ему отказано, и Пачо скоро умрет.

В 17 часов 30 минут, в то время как наступает ночь — слишком поздно для герильеро, — колонна покидает зону действий и спускается до поселка Ла Игера на расстоянии восьми километров. У Че, Чино и Вилли связаны руки, и спуск мучителен, Вилли более здоров, чем его два товарища, он им помогает, как может, и солдаты поддерживают их в самых трудных местах. Сзади солдаты несут мертвых. При приближении к Ла Игера мрачный кортеж видит приближающегося к нему Мигеля Айароа, командира батальона рейнджеров, и Андреаса Селича, командира полка Валле Гранде, которые прибыли на

вертолете. Их сопровождают Анибал Киро-га, мэр поселка, — это его сын указал армии на присутствие повстанцев, — а также крестьяне с мулами, чтобы погрузить тела.

Около 19 часов 30 минут колонна входит в Ла Иге-ру, где мерцают слабые огни керосиновых ламп. Молчаливо из ночи возникают жители посмотреть, как проходит то, что осталось от герильеро, со смесью уважения и страха. Военные сопровождают Че до маленькой, глинобитной, начальной школы и приказывают ему сесть в одном из классов, куда они также кладут трупы Артуро, Анисето, Пачо и Антонио. Вилли пролез в другой класс, с другой стороны деревянной перегородки, и Чино — в третий. В этой скромной деревенской школе проведет свою последнюю ночь Эрнесто, тот, кто стольких крестьян научил грамоте.

Около двадцати одного часа после ужина офицеры приходят попробовать вытянуть из Че сведения, которые позволили бы схватить герильеро, которые еще в бегах. Они наталкиваются на стену. Андрес Селич[80] приближается, оскорбляет Че, требует, чтобы тот говорил, хватает его за бороду так резко, что вырывает клок. Вместо ответа он получает по морде от Эрнесто тыльной стороной связанных рук. Тогда руки Че связывают за спиной.

Затем трое военных возвращаются в дом телеграфиста, где происходит раздел трофеев, среди которых: четверо часов «Ролекс», кинжал Че, немецкий пистолет 45-го калибра, а также деньги, американские доллары и боливийские песо. Селич берет сумку Че, содержащую фотографии, и маленькую книжку, куда он переписал многие поэмы чилийца Пабло Неруды и кубинца Николаса Гилльена, а также штабные карты района, помеченные и актуализированные Че. Мелочь оставлена солдатам. Пока они ее не разделили, Нинфа, жена телеграфиста, перехватывает несколько вещей, которые она спрячет как реликвии, особенно кубок и нож Че.

Немногим позднее 23 часов из Валле Гранде приходит послание:

«Сохраняйте Фернандо живым до моего прибытия завтра утром в первом часу на вертолете. Полковник Сентено Анайа».

К полночи команданте Мигель Айароа делает обход, он слышит шум из места, где пьют военные и мэр Анибал Кирога, приблизившись, он понимает, что они готовятся прикончить Че. Младшие офицеры Бернардино Уанка и Марио Теран, которых он оскорблял некоторое время тому назад, особенно возбуждены. Чтобы выполнить распоряжение, заключающееся в том, чтобы сохранить Че живым, Айароа и Гари Прадо выбирают среди молодых младших офицеров достаточно здравых и уважающих дисциплину молодых людей, чтобы охранять Че, сменяя друг

друга. Марио Уэрта Лоренсетти[81] в их числе. Он до такой степени зачарован героическим герильеро, что у него было впечатление, как он об этом позднее расскажет, будто загипнотизирован им.

Че говорит ему о нищете, в которой живет боливийский народ, об уважении, с которым относились к пленным во время герильи.

— Его страдания усиливались, и он что-то прошептал. Я приблизил ухо к его губам и услышал: «Мне очень плохо. Прошу тебя сделать кое-что для меня». Я не знал, что, и он подсказал: «Сюда, в грудь, пожалуйста».

Не имея возможности удовлетворить просьбу Че, молодой боливиец приносит одеяло и дает ему сигарету.

На рассвете 9-го помощница школьной учительницы Хулия Кортес входит в школу. Она хочет поближе рассмотреть «дьявола во плоти», так характеризуют Че офицеры. Она слушает, как он говорит голосом, тихим, усталым, о важности задачи, о том, что происходит в этой маленькой школе событие, которое позднее будет принадлежать истории Латинской Америки.

— Это был неподкупный человек, с прекрасным душевным благородством, — повторит она много раз подряд.

В 6 часов 30 минут ее просят уйти, так как только что приземлился вертолет, который привез полковника Хоакина Сентено Анайа[82] и кубинца из ЦРУ Феликса Рамоса[83]. Сентено перебрасывается с Че несколькими незначительными словами, затем у него резкий спор с Рамосом. После чего кубинец «с другого берега» устанавливает фотоаппарат на стол в классе, чтобы сфотографировать записную книжку, содержащую дневник Че.

В этот момент генерал Барриентос получает из Вашингтона телефонный вызов от своего министра иностранных дел доктора Вальтера Гевара Авсе, который принимает участие в конференции ОАГ.

— Наиболее важным мне кажется — сохранить Че жизнь. В этом отношении нужно не совершить никакой ошибки, потому что в противном случае мы произведем плохое впечатление в мире. Было бы предпочтительней, если бы вы продержали его в Ла-Пасе какое-то время в качестве пленника. Знаете, людям свойственно исчезать, когда они в тюрьме. Время идет, и все забывается.

Но послание, которое принимает во внимание боливийский президент, передал североамериканский посол Дуглас Эндерсон накануне вечером, около 23 часов. Эндерсон предупредил президента Линдона В. Джонсона о присутствии

«коммунистических герильеро» в боливийских лесах, и сегодня Вашингтон считает необходимым уничтожить Че. Аргументы следующие: в объединенной борьбе против коммунизма и международной подрывной деятельности важно выставить напоказ перед глазами всего мира портрет Че, изуродованного и убитого в бою. Нельзя оставлять в живых такого опасного заключенного. Если его держать в тюрьме, группы «фанатиков или экстремистов» попробуют его освободить. По его поводу будет процесс, появится международное мнение, и боливийское правительство не сможет больше удерживать положение в стране. Посол напоминает о процессе Режи Дебрэя в Камири, его пагубные последствия для общих интересов США и Боливии. Он говорит грубые слова в адрес генерала де Голля, который выступил в защиту Дебрэя, и он вставляет, что избежали бы многих сложностей, если бы молодой француз был уничтожен в момент ареста. Он еще раз подтверждает, что интересы обеих стран будут серьезно задеты, если Че останется в живых. Наоборот, его смерть будет означать ужасный удар для кубинской революции, и особенно для Фиделя Кастро.

Покончить с Че для США очень старое желание, которое восходит к провалу в бухте Кошон. Со времени этой неудавшейся попытки ЦРУ постоянно утверждает, что дни кубинской революции сочтены, и ЦРУ разработало план под названием «Куба», включающий, среди прочего, уничтожение Фиделя, Рауля и Че. С января 1962 года Жорж Банди, советник канцелярии по национальной безопасности, Алексис Джонсон по Госдепартаменту, Росвелл Кильпатрик по Пентагону, Джон Макконе по ЦРУ и Лиман Лемнитцер по Генштабу собрались в кабинете госсекретаря, чтобы узнать — проект «Куба» рассматривается как приоритетный. Решение уничтожить Че принято уже давно.

Барриентос спешит собрать штаб с генералом Альфредо Овандо Кандия, командующим армейскими силами, чтобы ему предоставить право уничтожить Че. Затем он отправляет шифрованный приказ об уничтожении в Валле Гранде, город, в который спешит полететь Овандо с несколькими военачальниками.

К 10 часам в Ла Игера прибывает приказ покончить с Че. Марио Уэрта Лоренсетти вмешивается, когда агент ЦРУ набрасывается на Че, чтобы попытаться получить от него сведения. К 11 часам Сентено по возвращении на место предупрежден о приказе уничтожения. В то время как молодая школьная учительница Элиди Идальго приносит суп Че, Сентено предлагает Феликсу Рамосу урегулировать дело самому, если он

этого желает. Наконец решено, с согласия Селича и Айароа, найти среди трех младших офицеров того, кто вызовется быть добровольцем выполнить работу, и выбирают Марио Терана, у которого в это время день рождения. Он начинает с того, что помогает Че подняться со школьной скамьи, на которой тот спокойно ждал. Но страх охватывает Терана, он не способен сделать ни одного движения. Че подбадривает его покончить с этим:

— Стреляй, не бойся! Стреляй!

Солдат трясется. Он расскажет:

— Его глаза сверкали. Он гипнотизировал меня. Он казался мне высоким, огромным…

Его заставили выпить, но этого оказалось недостаточно. Палец отказывался опуститься на спусковой крючок. В этот момент слышится первый выстрел в соседнем классе, затем второй — в другом классе. Че понимает, что покончено с Вилли и Чино.

В 13 часов 10 минут боливийские офицеры и агент ЦРУ правдами и неправдами заставляют Терана выполнить свою работу, которую он заканчивает, подчинившись. Он стреляет из своего бельгийского «узи», закрыв глаза, плохо прицелившись, Че все еще живой. Пуля в сердце приканчивает его, выстрел из милости, который никто из присутствующих не возьмет на себя. И который секретная кубинская служба отнесет на счет Феликса Рамоса. Марио Теран в апреле 1968 года выбросится из окна четвертого этажа здания, где он жил.

Нинфа Артега помогает священнику Рохе Шиллеру завернуть умершего в одеяло и закрыть ему глаза — карие глаза, ставшие вдруг голубыми, как будто он покидал осень своей жизни, чтобы войти в небесную вечность. Священник произносит надгробную молитву, прежде чем смыть пятна крови и собрать гильзы роковых пуль. Затем тело на носилках несут к вертолету боливийских вооруженных сил, где его прикрепляют к полозу приземления. Таким образом он взлетает в 16 часов по направлению к Валле Гранде, до которого добирается через полчаса.

Фургон-шевроле, окруженный при отправлении настоящей толпой, которая была предупреждена по радио, едет до госпиталя Сеньор Мальта, где тело помещено в прачечную, которая послужит моргом. Тело Че эскортируется Эдуарде Гонсалесом[84], другим агентом ЦРУ, который заменил Феликса Рамоса; врачи, как и журналисты, спрашивают себя, кто этот человек сорока лет в военной форме, который, кажется, руководит операциями вместо высоких чинов боливийской армии.

Английский журналист Ричард Готт, корреспондент *Гардин*, пишет:

«Тело, одетое в оливково-зеленое, с курткой с блестящими застежками, было телом Че, которого я встречал на Кубе в 1963 году. Возможно, он был единственным лицом, попытавшимся руководить радикальными силами всего мира в кампании против США. Теперь он мертв, но трудно представить, что его идеи смогут умереть вместе с ним».

Тело героического герильеро вымыто медсестрами Сусанной Осинага и Грасиелой Родригес, прежде чем врачи Хосе Мартинес Оссо и Моисе Абраам Баптиста не выдадут свидетельства о смерти. По требованию военных час смерти там не значится. Людей в белом заставляют сделать аутопсию и ввести формалин в тело, чтобы дождаться прибытия аргентинских экспертов, полиции. Дезертир Антонио Домингес Флорос, Леон, приглашен идентифицировать трупы других герильеро.

В то время как «победители» отмечают событие в отеле Санта-Тересита в Валле Гранде, священник Рохе Шиллер служит мессу за упокой души Че в маленькой переполненной церквушке в Ла Игера. Верующие благоговейно поднимают свечки за упокой души умершего, и в ночи боливийского стрекота служитель церкви бросает страшные слова проклятия:

— Это преступление никогда не будет прощено. Виновные будут наказаны.

На следующий день 10 октября, первый день после убийства Че Гевары, его тело выставлено в импровизированном морге, чтобы население могло удостовериться, что он на самом деле покинул этот мир. Выстраивается длинная процессия боливийцев, маленьких андинцев, сдерживающих свои рыдания. Сестра Мария Миньос говорит в книге «ЦРУ против Че»[85]: «Царила тишина. Не было произнесено ни одного слова. Он смотрел на нас, он казался живым». На манер Маленького принца Экзюпери: «Я вроде бы умру, но это как будто». Как будто, чтобы вернуть его к жизни, глаза, так странно ставшие голубыми, оставались приоткрытыми.

В конце утра дана пресс-конференция полковником Хоакином Сентено Анайа и шефом боливийсиих секретных служб Арнальдо Сауседо Парада, которые преследовали Че и его людей с апреля 1967 года. Он демонстрирует его дневник, как неопровержимое свидетельство подрывной деятельности, которую тот вел. Так как со своей стороны генерал Овандо Кандия излагает события на свой манер, то журналисты обнаруживают противоречия в двух рассказах, особенно о моменте смерти Че — армия стремится заставить поверить, что он умер от ран. Так предположение, что он был убит, начинается появляться в умах.

Рапорт о вскрытии

Возраст: 40 лет, приблизительно.

Раса: белая.

Рост: 1,73 м, приблизительно.

Волосы: шатен, стриженый, усы и борода сбриты, ресницы густые.

Нос: прямой.

Губы: тонкие, рот приоткрыт, со следами никотина, отсутствует премолярный левый зуб.

Глаза: серо-голубые.

Конституция: нормальная.

Конечности: ноги и руки хорошо сохранившиеся, со шрамом, который покрывает почти всю верхнюю часть левой руки.

Со следующими повреждениями:

1. Пулевая рана в области левой ключицы, с выходом в лопаточной области с той же стороны.

2. Пулевая рана в области правой ключицы с переломом последней, без выхода.

3. Пулевая рана в правой реберной области, без выхода.

4. Две пулевые раны в левой боковой реберной области с выходом в спинной области.

5. Пулевая рана в правой мышечной области между 9 и 10 ребрами с выходом в боковой области с той же стороны.

6. Пулевая рана в третьей части левой ноги.

7. Пулевая рана в третьей части левой икры.

8. Пулевая рана в третьей внутренней части правого предплечья с переломом локтевой кости.

Смерть наступила в результате нанесения ран в грудную клетку, и из-за кровотечения, вызванного ими.

Приложение:

Комиссия специалистов, откомандированных аргентинским правительством по просьбе боливийского правительства, чтобы произвести идентификацию останков Эрнесто Гевара де ла Серны, подтверждает, что это он.

Похоронный момент позволяет 15 аргентинским полицейским удостовериться, что отпечатки пальцев, которыми они располагают, — в его карте идентификации № 3 534 272, — идентичны отпечаткам руки, хранящейся в сосуде с формалином. То же с почерком, почерк дневника схож с тем, который фигурирует в документах, привезенных соотечественниками Эрнесто. Приказ, вначале отданный Овандо и который исходил от министра внутренних дел Антонио Аргиедас Мендьета, состоял в том, чтобы отрезать голову и руки Че. Вопреки мнению части своих коллег, Сентено Анайа решил не производить

обезглавливания. Что касается Аргиедас — странная личность, — то он все же отрежет руки и будет скрывать некоторое время муляж, сделанный из них, затем привезет их на Кубу, где они и будут храниться.

В ночь с 10 на 11 октября искалеченный труп отвезен на «джипе» в казарму полка «Пандо» в Валле Гранде.

— Потом тело было сожжено, — убеждает нас капитан Гари Прадо Сальмон из Санта-Крус, в Боливии, который затем был произведен в звание генерала, был послом в Лондоне до мая 1994 года. — Брошенный на преследование оставшихся герильеро, я не мог сам присутствовать на кремации, но офицер, который был обязан выполнить приказ, убедил меня, что она состоялась. Это было в первые часы 11 октября в укромном месте города.

Тела других герильеро погребены в общей могиле на краю летного поля. Когда жители Валле Гранде узнали об этом, они вообразили себе, что Че лежит тоже там, и были предприняты поиски, чтобы найти его тело. Местный аэродром скоро становится местом паломничества для поклонников Эрнесто.

И они были близки к правде, предполагая его присутствие там…

Останки Че, может быть, тоже были преданы земле в каких-то восьмидесяти метрах от его товарищей, в начале взлетной полосы, с кладбищенской стороны, где был сток нечистот с фильтром и контрольной трубкой. Бульдозер, направленный выполнить похоронную работу — вырыть общую могилу, — сдвигает плиту стока нечистот вместе с водопроводом. При этом присутствуют и принимают участие три индейских пеона и военный священник, который следил за действием. Возможно, труп Че в нейлоновом мешке положен в приемник под стоком нечистот, который в ночь был закрыт плитой и травой, чтобы не осталось никаких следов.

Три индейца исчезнут в водовороте жизни, а священник объявится в следующем году в Уругвае. Только в 1980 году он вернется в Боливию — нельзя найти более религиозную страну, где не шутят с тем, что связано со смертью. Истерзанный угрызениями совести, он решает не довольствоваться только тем, что Бог всему свидетель, в конце концов, в 1992 году, он открывается кубинским контрразведчикам. Защитный нейлоновый мешок будет вынут из своего укрытия и отправлен в Гавану.

Чтобы история сохранила абсолютную тайну, потребовалось призвать не судебно-медицинского эксперта и не специалиста, а врача общей практики — доверенного человека, но который, так сказать, никогда этим не занимался. Он не в состоянии признать

останки Че, и констатирует лишь, что речь идет о теле без рук. Так, не прибегая к антропометрической комиссии, исчезает нейлоновый мешок с его содержимым. Так как подтверждение о том, что это Че, так и не получено, Фиделя Кастро не потревожат, не из-за чего беспокоиться…

Невероятная история, возможно, небылица, но мы ее рассматриваем как вполне вероятную.

Будет выдвинута еще другая гипотеза: тело было сброшено с вертолета над зеленой преисподней Амазонии, в окрестностях Пуэрто-Рико, лагеря заключенных, где правительство прячет своих политических заключенных. С другой стороны реки Бени, около Бразилии, там, где лес более непроходим.

Никакой маневр Барриентоса[86] все же не помешает родиться и быстро распространиться мифу о Че. Если 9 октября 1967 года в Ла Игере заканчивается реальная жизнь Че, другая, посмертная, рождается здесь, и она еще не кончается.

Легенда идет сначала от боливийских крестьян, которые верят, что жизнь появляется из камней. Сказано, что глубины озера Титикака родили когда-то Виракочу, восьмого инка. Убедившись, что мир был в темноте, он создал луну, солнце, звезды, и так он дал свет Земле. Затем он направился к Куско, «столице» инков, но в восемнадцати лье до нее, в месте, называемом Кача, люди, которые не знали, кем он был, попытались его убить. Виракоча и его воины превратились в камни, ожидая дня, когда возобновят борьбу. Для крестьян Ла Игеры и ее окрестностей Че тоже стал камнем, и он ждет своего часа, чтобы вновь возродиться.

Скоро мир узнает о смерти Че и будет взволнован этим. Роберто Гевара одним из первых прибывает на место в Санта-Крус с журналистами аргентинской телевизионной сети. Его желание состоит в том, чтобы забрать останки своего старшего брата в Буэнос-Айрес. Не имея возможности увидеть тело, которое уже исчезло, он отказывается признавать смерть — тем более, что сначала объявили семье, что он был погребен, прежде чем от этого отказались. Верные своему желанию заставить поверить, что Эрнесто был убит в бою, а не после, военные не прекращают противоречить сами себе в своих последующих заявлениях. В этих условиях почему бы не заставить поверить, что Че еще жив? Много раз в прошлом, начиная с *Гранмы,* одиннадцать лет назад, уже объявляли о его «смерти». Менее чем за неделю до этого радио уже лгало, объявляя, что он пал в засаде.

В большом количестве прибывают со всего мира журналисты, чтобы узнать правду. Это очень сильно не нравится военным, которые проявляют изобретательность, чтобы усложнить им

задачу. Англичанин Ральф Шомон, обвиненный в нарушении общественного порядка, выдворен из Боливии. Француженке Мишель Рей угрожают смертью, и в посольстве Франции раздаются анонимные телефонные звонки, утверждающие, что ей опасно оставаться дольше в стране.

15 октября по *Радио Гаваны* и по телевидению Фидель говорит миру о своей уверенности, что Че мертв. Позднее к нему попадет знаменитый дневник и он увидит в этом определенное подтверждение, что человек, который его носил с собой, был Эрнесто. Это его почерк, но, предположим, почерк можно подделать, это стиль Че, его мысли.

Затем Фидель бросается в панегирик об умершем, распространяемый по радиоволнам:

— Его отличала необыкновенная отвага, абсолютное пренебрежение к опасности, чтобы делать во всех моментах, самых трудных и самых опасных, самое трудное и самое опасное… Он один из наиболее экстраординарных примеров честности, отрешенности, бескорыстия, которые знала история. Жизнь Че имела свойство волновать и вызывать восхищение даже у его заклятых идеологических врагов. Его смерть как вид пробуждения к реальностям этой эпохи.

Сегодня Совет Министров принял следующее постановление:

Принимая во внимание, что героический команданте Эрнесто Гевара нашел смерть, борясь за освобождение народов Америки во главе Освободительной армии Боливии…

Принимая во внимание, что кубинский народ всегда будет помнить экстраординарные услуги, оказанные команданте Эрнесто Геварой, как в нашей освободительной войне, так и в укреплении и развитии нашей Революции…

Принимая во внимание, что его неустанная революционная активность, которая не знала границ, его коммунистическая мысль и его непоколебимая решимость бороться до победы или смерти за национальное и социальное освобождение народов континента и против империализма, представляет собой пример убеждения и революционного героизма, которые будут существовать вечно.

Совет Министров решает:

Первое: чтобы был спущен национальный флаг в течение 30 дней, чтобы в течение 3 дней, начиная с сегодняшней полуночи, были прекращены публичные спектакли.

Второе: чтобы день, когда он героически пал в бою, был объявлен днем национального почтения, и по этому поводу 8 октября было установлено «Днем героического герильеро».

Третье, чтобы были приняты все инициативы, позволяющие

увековечить в памяти будущих поколений его жизнь и его пример.

В то же время Центральный Комитет нашей партии приказывает:

Первое: создать комиссию, состоящую из командантес Хуана Альмейды, Рамиро Вальдеса, Рохелио Асеведо и Альфонсо Сайаса под председательством первого названного, чтобы направлять и руководить всеми мероприятиями, предназначенными увековечить память команданте Эрнесто Гевары.

Второе: призвать народ в среду 8 октября, в 20 часов для торжественного бодрствования на площадь Революции, чтобы отдать почести незабвенному и героическому революционеру, павшему в бою.

Родина или смерть!

Мы победим!»

18-го по телевидению Фидель еще раз совершит свободный экскурс в гевaристскую веру, а затем перейдет к Революции:

«(…) Че был из тех, кто сразу же вызывает любовь у всех, своей простотой, характером, природой, симпатией, личностью, оригинальностью — даже, когда не знают других особенных качеств, которые еще более его характеризуют (…) Его многоохватный ум был способен уверенно справиться с любой задачей во всех областях (…) Че пал, защищая не какие-то чужие интересы, чужие дела, а дело угнетенных этого континента; дело, за которое Че умер, является защитой униженных на этой земле (…) Че стал символом Человека. Он довел до самого высокого выражения революционный стоицизм, самопожертвование, боевой дух, чувство революционного труда. Он довел идеи марксизма-ленинизма до их самого чистого, самого революционного выражения (…) В его сердце и сознании больше не было ни знамен, ни несправедливости, ни шовинизма, ни эгоизма. Он был готов пролить свою благородную кровь за судьбу любого народа непосредственно, не колеблясь (…)»

Бениньо — Дариэль Аларкон Рамирес, юноша семнадцати лет, который впервые увидел барбудос, вышедших январским днем 1957 года на его поместье у Ла-Плата, и с того времени оставался неколебимо рядом с Че в хорошие или плохие моменты, — произносит другое надгробное слово. Своими собственными словами, с меньшим пафосом, чем у Фиделя, более интимными, более суровыми, воскрешая память о борце. Его миссия в Боливии была подготовить пути для различных действующих групп, проход для бразильца, для аргентинцев, к своим странам, куда они должны были проникнуть, после подготовки, начиная с декабря 1966 года, как было

предусмотрено. Он не смог это выполнить. Став вновь крестьянином, он принимает нас в своем доме на окраине Гаваны, в месте, называемом «Сьерра-Маэстра», в котором уже несколько лет живут советские специалисты.

— Десять лет я провел с Че. Он был самым прекрасным зеркалом, в котором можно было бы увидеть себя. Его пример заставляет меня сохранять четкую линию. Он был одарен невероятным хладнокровием. Как и многим другим, мне случалось думать о том, чтобы сохранить свою жизнь в самые напряженные моменты боя, Че — никогда. Он действовал в зависимости от действий других. Он был их щитом, как интеллектуальным, так и физическим.

Я вспоминаю 5 мая 1967 года. В бою Че в трех метрах от меня, я оказываюсь перед тремя солдатами с малым количеством боеприпасов. Я пронзаю ногу первому в восьмидесяти метрах, он вопит: «Моя нога!» Я убиваю второго, лейтенанта, который храбро появился и не оставил мне никаких сомнений, так же я продырявил третьего, очень молодого. Это далось мне с трудом, но было он или я. После чего, подняв глаза, я повернулся. Че спокойно курил трубку: «Я не стал вмешиваться, я знал, что ты их перестреляешь сам…»

Позднее, 25 июля, Че мне прокричал: «Не стреляй! Они не опасны, они нас не увидели!». Много раз он мешал нам открыть огонь, чтобы не убивать бесполезно. Это точно, мы могли бы уничтожить намного больше солдат. На расстоянии трудно сказать, кто убийца, кто повинен. Как черепахи, мы имели наш панцирь, сделанный из нашего рюкзака, нашего пота и нашей грязи. И в наших ороговевших подошвах тысячи колючек и других мерзостей. Че настаивал также, чтобы с пленными обращались с уважением. Жизнь этого человека бесценна. Я вам говорю, что его мысль была в Космосе раньше, чем русские или американцы ступили на Луну.

— Если нужно было сохранить только одно представление о Че, как послание от него? — Бениньо задумывается. — В Боливии во время уроков политики, которые он нам давал в лагере, где утверждал, что все члены герильи были боливийцами, так же как мы были бы перуанцами, если бы мы попробовали освобождать Перу, — он нам говорил о борьбе ирландцев за свое освобождение: «…их борьба такая же, как борьба народов Америки и Вьетнама, она направлена против общего врага — империализма». Он нам объяснял свою идею такими словами: «Человек должен идти с головой, повернутой к солнцу. Чтобы оно обжигало его своим достоинством. Если человек опускает голову, он теряет свое достоинство».

Подталкиваемый своими идеалами, а также своими познаниями, маленький кондотьер, как он сам себя называл, имел ли он шанс преуспеть в своем личном проекте освободить Латинскую Америку от североамериканского ига и сделать из родин-служанок — одну великую Родину? Режи Дебрэй, который после того как был приговорен к тридцати годам тюрьмы, был амнистирован 24 января 1970 года генералом Ж. Ж. Торе-сом, — имеет свое мнение по этому вопросу:

«Чтобы пятьдесят герильеро, изолированных в природе, не потеряв своей глубокой простоты и своей естественной шутливости, могли бы, наметив себе как цель последней войны, окончательное освобождение континента с примерно тремястами миллионами жителей — только те, кто изучил оригинальные исторические парадоксы Латинской Америки, кто помнит, как горстка людей смогла победить Америку, идя за спиной Писсарро и Кортеса, как другая горстка людей смогла освободить ее половину, идя за Боливаром и Сен-Марти-ном, — только эти люди, скажем мы, знают, что довольно неосторожно высмеивать амбиции такого рода.

В 1967 году она могла показаться непомерной и величественной, не существуй еще четкого намеченного плана, не определенной детализированной программы, а также импровизированной мечты, построенной на словах над пустотой. (…)

Таким же образом, когда колонна Фиделя достигла своей максимальной численности, от нее отделилась колонна Рауля, чтобы открыть второй фронт на севере провинции Ориенте, затем отделилась колонна Альмейды в предместьях Сантьяго, затем в августе 1958 колонны Че и Камило около Лас-Виллас. Таким же образом должны были отделиться от колонны Ньянкауасу, когда она достигла бы своей высшей точки, маленькая колонна для второго боливийского фронта у Чапаре, на севере Кочабамбы, затем другая, чтобы открыть третий фронт у Альто Бени, на север от Ла-Пас. Обе уже имели своих ответственных, вырисовывавшихся в лоне герильи. Ансамбль этих трех образовавшихся фронтов представил бы центральный боливийский очаг, во вторую очередь вышли бы различные колонны к соседним странам, одна — в направлении Перу, имея, как центральное ядро, перуанских товарищей, уже имеющихся в колонне, соединилась бы с базой герильи, внедренной в департаменте Айакучо, на юго-западе Перу. В направлении Аргентины передвигалась бы другая латиноамериканская колонна, состоящая в большинстве из аргентинцев, более важная, без сомнения, чем предыдущая, и во главе которой, по всей

видимости, пришлось бы встать Че в нужное время. Так не будем забывать: вместе с Кубой Аргентина была для Че любимой родиной, постоянной мечтой его жизни, и, возможно, тайной целью всех его демаршей, маршей и контрмаршей.

У Че не было цели непременного взятия власти, а предварительное создание народной власти материализовалось его способом действия, мобильная самостоятельная военная сила (…)

Че постоянно рвал с путчистскими привычками и естественным влечением к современному популизму, доминирующему в Боливии и других местах. Это было необходимо для обновления отношений с фундаментальным учением Маркса, по которому «пролетарская революция не может просто положить руку на государственную машину, полностью готовую», но должна разбить военную и бюрократическую машину буржуазного государства и установить диктатуру пролетариата»[87].

Режи Дебрэй, Дантон боливийской герильи, лучше, чем кто-либо, знал, что территория не была благоприятной для наступления вооруженной революции. Потому что крестьяне уже получили право на аграрную реформу[88] и они совершенно не были заинтересованы в борьбе. А также потому, что условия выживания в боливийских джунглях более невыносимы, нежели в кубинских горах. Все это, прибавленное к политике страуса, практикуемой боливийской коммунистической партией, помешало Че превратить Кордильеры Анд в Сьерра-Маэстру, как он этого желал.

— Фидель хотел, чтобы Че позднее отправился в Боливию, — говорит еще Дебрэй. — Чтобы лучше подготовить площадку. Я спрашиваю себя, не отправился ли Че туда, чтобы покончить с этим? Не было ли провала в его подсознании? Со вторичным желанием убить себя. Во всяком случае, в его демарше было что-то от фатализма. Он мог бы опереться на профсоюз шахтеров, который был сильным. Но нет! Че не придает большого значения тактическим и локальным вопросам.

Нужно понять, что для боливийских крестьян Че и его кубинцы были иностранцами. На самом деле, я полагаю, что случай сыграл очень большую роль. Если он имел несчастье быть раненым 8 октября, и, очевидно, он мог бы без этого ранения выбраться, я говорю себе, что это удивительно, как он смог продержаться так долго, и, что меня больше всего поразило, с бездеятельностью Ла-Паса. Конечно, КП умирала, но все же существовала диссидентствующая сеть…

До каких пор мог бы пойти проект Фиделя, командующего в

Гаване, и Че, с ружьем в руке на местности? Пустимся в утопию. В случае удачи Че не обратил бы никакого внимания на власть, Фидель бы стал императором Латинской Америки. Но Че беспокоил слишком сильно как правых, так и левых. Он был взят в тиски между двумя великанами. ЦРУ и КГБ занялись, по разным причинам, охотой на одну и ту же дичь. ЦРУ открыто, с боливийскими рейнджерами, которых оно подготовило, и в тени КГБ, преграждая доступ воздуха, чтобы он задохнулся.

Однако дело Эрнесто не останавливается вместе с ним. Исходящие из многих частей головоломки, представляющей Латинскую Америку, 60 боливийцев, 6 чилийцев, 4 аргентинца, 2 перуанца, 2 бразильца, последователи Че, входят в июле 1970 года в ELN, чтобы начать герилью с заявлениями, достойными мысли их учителя:

— То, что происходит сегодня, только бледный отблеск того, что произойдет в будущем. Это заставляет нас сменить учебу на действие, книгу на ружье и благополучную жизнь на революционное скитание, в борьбе на смерть против тех, кто поддерживает империалистическую эксплуатацию.

Безупречность Че, его трагическая смерть оставляют широко открытыми двери мечты.

Его шарм, исходящий от фото Корды, пробудил молодежь старой Европы и подтолкнул ее подняться на баррикады мая 68-го. «Под мостовыми пляж, на пляже Че — солнце Революции», — заявлял один лозунг.

Долгое время скрываемый легендой Эрнесто Гевара сегодня возвращается, призванный более или менее сознательно молодежью, которая ищет проводника, звезду.

Натурализовавшийся немец, швед Петер Вайсс считает: «Драма христианства в том, что оно не сделало христианами весь мир, Че гальванизировал молодежь планеты, возможно, потому, что они перестали верить в Христа». Но не будем сравнивать атеиста Эрнесто Гевару и палестинского бородача, даже если название марксистского Христа ему подходит. Или еще — «Дон-Кихот Латинской Америки».

Для Антуана Блондина — «человек из мечты». Когда команданте писал на своем дереве, в боливийском маки, слова, которые пахнут его земным концом, он начинает подниматься над этим. Обретаясь между Пачамамой великих предков и своей звездой, к которой он очень стремится, Че заканчивает свою седьмую жизнь кошки.

Что видит он там, вверху? СССР, который исчезает, коммунизм, который взрывается. Кубу, которая патриотически сопротивляется блокаде дядюшки Сэма, чья злоба стойкая. Его

старый товарищ Фидель Кастро все более несгибаемый, упорствует, желая оставаться последним коммунистом против течения, которое удаляет от острова плотогонов. Его новый человек тоже выходит за рамки, которые он ему очертил, такие жестокие.

Мир, сделанный единственно из маленьких Че Гевара, был бы, конечно, утопией. Это никак не уменьшает его благородства, любви к будущему, каким бы оно ни было.

В противоположность ко всем тем, кто плохо или хорошо удерживает повседневное равновесие, Че этого не делал никогда, потому что никогда не распылялся. В нем нежность и жестокость соединились в благородный монолит.

Дневной пожиратель, ночной возбудитель, астма стала скитающимся дьяволом в его груди, и он превратил ее в стимул делать добро. Этот идеалист, который выбирал других, напоминает паскалевское: «Все во всем». Врач, герильеро, писатель, поэт, командующий, посол, министр, отец семейства (немного), Че представляет собой много от всего, называемого человечностью. Его гуманизм такой же большой, как штанга в регби его отрочества, привел его к борьбе и смерти, чтобы попробовать восстановить равновесие между слишком богатыми и слишком бедными. С одним желанием: «Новое общество, где человек должен быть в центре общественной жизни, а не в подчинении у власти, которая создает законы». И одной уверенностью: «Терроризм — негативная форма, которая никоим образом не дает желаемого результата и может побудить народ действовать против самого революционного движения».

Как ответ Стриндбергу: «Одна правда является дерзкой», — слова, которые прирастают к Че как вторая кожа, три фразы его отца:

— Эрнесто был фанатиком правды. Это был его мираж. Насколько он был хладнокровен в бою, непреклонен во всем, что касалось Революции, настолько же были огромна его нежность и юмор наполнен хорошим настроением.

Че не анархистский бродяга, как иногда говорят, это странник души, который двигал вперед надежду, закованную в сердце, который обращал магнетический свой взгляд на жизнь других с обостренным желанием улучшить ее. Для этого у него хватило смелости выбрать бой. Когда он утверждает: «Любой настоящий человек должен почувствовать на своей щеке удар, который получила другая щека, это называется «разделить». Че разделил все, что прошло сквозь его пальцы, а также страдания других. Он апостол гуманизма, такого, каким нужно понимать его на заре третьего тысячелетия, ставя более чем когда-либо

человека на службу человеку.

«Мечта без звезды — это забытая мечта», — говорит Элюар.

Мечта со звездой — это проснувшаяся мечта, можно бы ответить. Оставим глаза открытыми, Че их никогда не закроет…

История книги

Однажды в Париже зимней ночью, в полнолуние, когда я вышел купить хлеба на улицу Ансьен Комеди, в булочную, которая никогда не закрывается, я позволил себя увлечь «Скитальцу души на другом берегу Миссисипи» — имя, которое дают жителям ночи на бульваре Сен-Жермен, — в его собственную Луизиану на краю Долины Жажды.

Прибыв на угол улицы Каннет и улицы Принцессы, мой домушник, ловкий опустошитель карманов, показывает мне на высеченный на камне одного здания вечный знак, между церквями Сен-Жермен и Сен-Сюлпис, изображение того, кто был назван горячими сторонниками носителя креста «Христос герильеро» — Че Гевара.

Тут отшельник с сильным запахом стал проповедником полутеней. «Он вернется, — объявляет он затем со взглядом, полным счастья. — Даже в самые черные ночи есть всегда там, наверху, звезды, звезда настоящего пастыря, звезда Че».

Я вернулся в свою берлогу, съел хлеб и заснул, чтобы мечтать. И, конечно, Че вернулся…

Несколько лет спустя в Гаване в сентябре 1981-го.

Я оставляю моих собратьев, европейских журналистов, послоняться по Валадеро, его пляжам, проливу Дюпон де Немур, где развлекаются космонавты, пока их спутники загорают под тропическим солнцем. Я предпочитаю остаться с Альберто Кордой. Фотограф вечного снимка Че и первый муж Норни, герильеры, грандиозной личности, которая была моей спутницей на празднике в Париже, когда была манекенщицей у Диора. Корда всегда устраивается, чтобы оставаться сам себе хозяином. Не прочь выпить, как уважающий себя кубинец, он вовлекает меня, любителя выпить, в борьбу с самой страшной жаждой. Этот вид дрейфа служит лучшим рассказчикам. Я слушаю, как он рассказывает о своих терзаниях самоучки, когда был официальным фотографом Фиделя, которого сопровождал везде между 1959 и 1968 годами. И описывает в деталях рыбную ловлю в открытом море, которая соединила на время Фиделя и Че.

Живое взаимопонимание устанавливается между нами, журналистами. По выходе из одной улочки около старого порта в маленьком кафе, где ром пьянит головы моряков, Корда предлагает мне отправиться к Эрнесто Геваре, отцу… Мы едем вдоль Малькон, на берег моря, к кварталу Мирамар, там проживают персоналии Революции и их близкие. Недалеко от места, где в обществе рыбака Грегорио Фуэнтеса Хемингуэй

пережил сцены, из которых он взял материал для своей книги.

Старик, как его нежно называл Эрнесто-младший, Че, сидел на террасе спокойно в кресле-качалке. Мохи-то рома с добавлением газированной воды и листьев мяты, на расстоянии вытянутой руки, которые у него очень выразительные, подвижные.

Обильная речь, колоритный образ, он мне говорил о своем сыне, как будто тот был жив. Или по крайней мере где-то рядом, почти осязаемый. Убеждая меня во время более чем четырехчасового разговора, на самом деле, почти монолога, что другие Че не замедлят появиться в Латинской Америке — подхватить факел Революции.

Желая вновь увидеть романтического и прелестного старика, для документального фильма, снятого в ноябре 1987 года «По следам Че», — случай встретиться с Карлосом Пуэбло — автором незабываемой песни о команданте, — и с комиком Пьером Ришаром, я узнал о его смерти.

Два Эрнесто Гевара встретились в потустороннем мире. Съемки этого фильма для малого экрана позволили мне подружиться с гениальным человеком, Альберто Гранадо, «большим братом». Он, который приобщил к регби слабого и астматичного подростка — Эрнесто, вскоре такого атакующего, что его называют Фусе-ром от «неистового Серны». В возрасте 23 лет он с Альберто предпринимает свое путешествие через всю Южную Америку на старом мотоцикле марки «нортон». И это с ним он лечил «неприкасаемых» лепрозория Сан-Пабло.

Прокат документального фильма также мне позволил встретиться с Ильдой Гевара, старшей дочерью Че, единственным ребенком, который у него был от первой жены. Ильдите, как отцу нравилось называть ее, не просто быть дочерью Че на Кубе. Он повсюду, в домах, на углах улиц, в памяти и на губах для молитв.

Эта книга напоминает спокойную охоту с лассо. И из мозаики, составленной свидетельствами, которые я собирал шаг за шагом, путешествие за путешествием, из уст тех, кто соприкасался с ним, помогали, любили Че. Затем живая материя об этой личности, которая все больше и больше захватывала мою голову и мое сердце, аккумулировалась. Она побудила меня отважиться сделать большой скачок в пустоту, полную жизни, воспроизвести гигантский калейдоскоп, которым был Эрнесто Гевара де ла Серна.

Лассо дружбы, брошенное к этим свидетелям, которые лучше, чем все документы, которыми располагают биографы, могли мне сказать правдиво и точно, кто Эрнесто на самом деле.

Из святого соучастия, из этих встреч вокруг отсутствующего,

которого я взялся воскресить. Голос, влекший на встречу, отвечающую на другой взгляд, вызывающий другую встречу. Этот труд понемногу взял свободный оборот с искренностью, присущей ему. И безусловно, ничего не было бы возможно без активного участия мужчин и женщин, которые уделили мне время и предоставили фрагменты своей памяти.

Без Ильды я бы не узнал Мариано Родригеса, одного из первых кубинцев, поднявших оружие против Батисты. Мариано — автор многих книг о Че. В обществе Ильды он провел нас по Сьерре, по следам самого команданте. По дороге мы познакомились с живой легендой: Поло Торесом, босоногим капитаном, который был одним из проводников Че.

Среди стольких встреч я не могу забыть ни Алейду, вторую жену Че, ни Омара Фернандеса, министра транспорта, который сопровождал его во время его многочисленных поездок, ни Рауля Роа, ныне посла Кубы во Франции, который познакомился с Че в Мексике в 1954 году, ни Веласеку, его преподавателя математики, ни простых гаванцев, крестьян Пинар дель Рио, гуахиро Сьерры, кому обещал вернуться и пройти дорогами Че. Ни Лидию, Венеру Сьерры.

Спасибо еще Шарлю Беттелайму, французскому фи-лософу-экономисту, который открывал страстные споры с Эрнесто, когда последний имел уже портфель директора банка, затем министра промышленности. Спасибо Режи Дебрэю, который был рядом с Че-революционером в боливийских джунглях, интеллигентную честность и обязательность которого Бениньо стремился подчеркнуть для меня. Спасибо Бениньо, меткому стрелку, неутомимому ходоку, последователю Че, со взглядом, который пронзает. Спасибо перуанцу Рикардо Гадеа, двоюродному брату жены Че, который защищает его идеи в Испании. Спасибо первым в их связке, ими были Франсис Эспорса, Денис Лалане и Уна Люткус. Спасибо Жерому Перно, Жоржу Дутхайну и Кристине Дескомбен.

Еще спасибо Даниэль Пампусак, Издателю, которая вела эту книгу с таким упорством, доверием и любовью.

Все высказывания Че взяты из многочисленных текстов, газет, рукописей, оставленных борцом, врачом, который читал в душе другого и который написал в Боливии своей кровью дневник — на самом деле бортовой журнал галеры рабов, которых он попытался спасти на свой манер.

Как и любовь, дружба может иметь детей. Наш ребенок — эта книга, написанная множеством голосов.

Гавана, ноябрь 1987 — Эспелетте, май 1995

Редактор Т. Краснолуцкая Художественное оформление Р. Сурженко Художник С. Царёв Корректоры Я. Передистый, Г. Бибикова

Лицензия ЛР № 065194 от 2 июня 1997 г. Сдано в набор 01.08.97. Подписано в печать 24.08.97. Формат 84x108/32. Бум. офсетная. Гарнитура CG Times. Печать высокая.

Усл. п. л. 25,2. Тираж 7000 экз. Зак. № 238.

Издательство «Феникс»

344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга» 344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57

Живя в реальном мире, стремись к невероятному.
Эрнесто Гевара

Эрнесто Гевара, по прозвищу Че, родился в 1928 году в Аргентине. В 1956 году вместе с Фиделем Кастро и 80 революционерами высадился на Кубе для свержения диктатора Батисты.

Его дух всегда витает в горах Маэстры: врач, коммандante, ученый. «Этот человек от Бога», — говорили крестьяне, приводя к нему больных детей.

Стремление помочь угнетенным привело его к революциям в Конго и Боливии, где и был убит 9 октября 1967 года.

Образ Че всегда привлекал литераторов — Личность, о

которой можно смело сказать: он вошел в Историю всех времен и народов.

Кроме самого автора книги — писателя и репортера газеты «Паризьен», Жана Кормье в ней принимали участие дочь Эрнесто Гевары — Ильдита и его друг детства Альберто Гранадо.

notes

Примечания

1

Тонкая трубка для питья мате. *(Прим. пер.)*

2

Уже в самый разгар войны, исключая время президентства Роберто Ортица, нацисты чувствовали себя в стране достаточно свободно, особенно после военного переворота в 1942 году.

3

Настоящее имя — Чаверо Арамбуру, баск по материнской линии.

4

Из Англии, в 1911 г.

5

Овощное блюдо. *(Прим. пер.)*

6

Название аэропорта в Боготе.

Наша Америка с большой буквы. (Прим. ред.)

8

Вышла из левого некоммунистического движения.

9

Худой, тощий (*исп.*).

10

Карл Маркс.

11

Этот ответ заранее обговорен с Эрнесто.

12

Межамериканская региональная организация трудящихся.

13

Плата означает серебро, названием обязана шахтам, которые находятся выше по течению реки.

14

Движение 26 июля (исп.).

15

Убит в возрасте двадцати двух лет.

16

Мамби — мятежник, выступавший в XIX веке против господства Испании на Кубе, а также индейское название большого моллюска, раковина которого служила рогом, который позволял туземцам сообщаться между собой. Испанцы называли мамбисами кубинских герильеро прошлого века.

Потом Фидель простит им предательство, и они вновь будут приняты в ряды герильи. Но позднее, после победы Революции, Маноло, живущий бандитизмом, убьет команданте Кристино Маранхо. Задержанный и помещенный в Кабанью, он сбежит оттуда, чтобы поддерживать маленькую герилью в Маэстре, в том же самом районе, где он сражался на стороне барбудос, убив среди других доблестного Панчо Тамайо. Маноло и его брат Пупо кончат тем, что будут задержаны крестьянами и затем расстреляны в Сантьяго.

17

Кубинское слово, означает полную обработку, объединяющую переработку тростника и рафинирование сахара.

18

Так на Кубе презрительно называли солдат армии Батисты.

19

По имени матери освободителя Масео.

Так называли мате с того времени, когда американские иезуиты сделали его своим излюбленным напитком.

21

Который станет Мигелем в Боливии.

22

Урбано в Боливии.

23

Который станет историком и коллекционером произведений искусства. Он все еще с бородой, живет сегодня рядом с домом Гранадо в Гаване.

24

Он будет приговорен к 30 годам тюрьмы, из которой бежит, и закончит жизнь в Майами.

25

Основана по соглашению между США и Кубой в 1901 году и должна существовать до конца века.

То есть 440 долларов.

27

Земляной червь. Так называют кубинцы своих соотечественников, которые уехали в США.

28

Французский каламбур: Tours — медведь, URSS — СССР.

29

Организация Американских Государств.

30

Убит 17 января 1961 года в Катанге.

31

Убит 9 сентября 1968 года в Боливии.

32

Исраэль Рейес, который станет Браулио в Боливии.

33

Каталино Олачеа.

34

Дреке.

35

Винахерас.

36

Взятие власти Бумедьеном.

37

Который принял эстафету от Хорке Массетти, исчезнувшего в апреле 1964 года в лесу около границы с Боливией. Говорят, что он умер от голода.

38

Ильдита жила со своей матерью Ильдой Гевара.

39

Помбо.

Рикардо.

41

Тума.

42

Браулио.

43

Моро.

Мбили, или Папи.

45

Пачо, или Пачунго.

Тума, или Тамаини.

Лоро, или Биготес.

48

Сиро Роберто Бустос появится так же, как Эль Пелао и Карлос.

49

Кодовое имя аргентинской группы Массетти.

50

Туземное слово, обозначающее «автобус», — отсюда более широкое «конвой».

51

Команда.

52

Бывший вице-министр индустрии саза, на Кубе.

53

Команданте Густаво Мачин Ольд де Лече, основатель революционного студенческого Директората.

Руководитель Боливийской коммунистической партии.

Группы кубинской герильи с Арнальдо Очоа и Томашевичем.

56

Высушенное на солнце мясо.

57

Прозвище Сиро Роберто Бустоса.

Ветеран Сьерра-Маэстры.

59

Революция в Революции.

60

Лагерь назван так, потому что Режи Дебрэй убил здесь медведя.

61

Пастор Баррера Кинтана.

Висенте Рокабадо Террасас.

63

Хуан Пабло Чанг, перуанский коммунистический руководитель.

Симон Куба Савариа, руководитель профсоюза боливийских шахтеров.

Кубинец, капитан Орландо Ратоха.

Кубинец, лейтенант Рене Мартинес Тамайо.

Кубинец, капитан Альберто Фернандес.

68

Октавио де ла Консепсьон, кубинский военный врач.

69

Лусио Гальван, радиотехник.

Хайме Арана, боливиец, член КП.

71

Франсиско Руансе, боливиец, студент.

Гидо Передо.

73

Давид Адриасоле.

Хосе Луис Мендес Конне.

75

Капитан Харри Виллегас.

Дариэль Аларкон Рамирес.

77

Капитан Леонардо Тамайо.

78

Инти Передо будет казнен боливийской полицией 19 сентября 1968.

Книга Бениньо, рассказывающая об их перипетиях и под названием «Выжившие Че», появится в сентябре 1995 года в издательстве Роше.

80

Умер в результате допроса, после того как он готовил государственный переворот против генерала Мансера, президента Боливии.

81

Он будет убит 9 октября 1970, отказавшись принять участие в покушении на президента Хуана Хосе Торреса, а также как свидетель убийства Че.

Убит 11 мая 1976 года в Париже, где он был послом.

83

Феликс Гонсалес, который живет в Майами, работал в кубинском национальном банке в момент, когда им руководил Че.

Густаво Виллольдо Сампера, кубинского происхождения.

Написана Андисом Купуль и Фруалоной Гонсалес.

Он найдет смерть 27 июля 1969 года в катастрофе вертолета.

87

Отрывок из книги «Герилья Че».

88

В 1952 года благодаря пролетарскому восстанию.